

„ДЕЛО“ ДОКТОРА М.ШТЕРНА

Предна- меренное убийство законом

„Дело“ доктора М.ШТЕРНА
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ

PREMEDITATED MURDER BY LAW

**THE CASE OF DR. MIKHAIL SHTERN
DOCUMENTS AS WITNESSES**

"PANORAMA"

TEL- AVIV, 1976

Предна- меренное убийство законом

**„Дело“ доктора М.ШТЕРНА
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПАНОРАМА"

Тель-Авив, 1976

СОДЕРЖАНИЕ

Односторонний диалог	7
Балаган	23
Глухая стена	397

Редактор Н.Шаонит
Корректор А.Иланит
Технический редактор М.Липшиц
Художник Л.Ларский

В осуждении известного врача Михаила Штерна я вижу пренебрежительное отношение к медицинской профессии, немыслимое, как мне кажется, ни в какой другой стране.

Андрей Сахаров. "О стране и мире", 1975.

В недалеком прошлом Западная Украина была эндемическим очагом зубной болезни. Многие деревни, особенно в горной местности, были почти целиком больны. В городе Черновицы на улице Федьковича находится зубно-эндокринологический диспансер, благодаря работе которого зубная болезнь практически ликвидирована в данном районе.

Наш отец организовал эту клинику. Ирония судьбы: 29 мая 1974 года в нескольких метрах от нее же он был арестован.

Арест и последующее осуждение нашего отца на 8 лет лагерей усиленного режима последовало непосредственно после его отказа запретить наш выезд из Советского Союза. Действие, которое в любом цивилизованном обществе должно было рассматриваться, как элементарная человеческая честность, КГБ классифицировало, как тяжелое преступление. И по мановению "волшебной палочки" в прокуратуре города Винницы (где отец жил последнее время) немедленно появились "добровольные" заявления от граждан, послужившие формальным основанием для судебной расправы.

Судилище началось после шестимесячного пребывания отца в камере строгого режима в полуподвальном помещении Винницкой тюрьмы; после того как 25 следователей допросили более 2000 бывших пациентов отца, отыскав только 40 человек, которые согласились дать ложные показания. Одновременно в ход была запущена вся репрессивная и пропагандистская машина, с целью очернить и оклеветать честное имя человека, честное имя врача.

По городу и далеко за его пределами поползли варварские слухи о враче-отравителе и шпионе, который травил советских детей и даже получал за это деньги из-за границы.

Немыслимо было поверить, что после 30 лет самоотверженной работы на поприще медицины, в результате которой тысячи людей вернулись к нормальной здоровой жизни, власти пойдут на предъявление этих чудовищных средневековых обвинений, напоминающих позорное "дело врачей" 1952 года в Москве.

Но советская провинция живет по своим особым, отличным от Москвы, Ленинграда и других больших городов законам. Во время войны в городе Винница была ставка Гитлера. Временами можно подумать, что и по сей день там ничего не изменилось.

9 сентября 1974 года Мария Соловейчук – жительница села Китайгород Ильенецкого района Винницкой области обратилась в прокуратуру города Винницы с заявлением, в котором она указывала, что заместитель прокурора Ильенецкой прокуратуры требовал от нее и других жителей села дачи ложных показаний, мотивируя это тем, что доктор Штерн – врач-отравитель, и во имя спасения жизни других детей они должны дать показания об уплате ему взятки.

Так абстрактные слухи приобрели реальность. Так рухнули наши иллюзии о возможности законности в этом деле, и мы были вынуждены обратиться к мировой общественности, как единственному средству предотвратить готовящуюся расправу.

Что могли мы противопоставить оскорбительной ругани следователя Кравченко, который продолжал допрашивать отца даже во время горловых кровотечений?

При закрытом доступе в прессу, чем могли мы ответить на незаконный циркуляр министра здравоохранения Украины Братуся, который задолго до суда распространялся по всем медицинским учреждениям Украины и в котором наш отец уже клеймился, как преступник?

Что могли мы противопоставить преступной деятельности судьбы Орловского, который уже после вынесения приговора сфальсифицировал для высшей инстанции протокол судебного заседания, дабы сохранить, развалившуюся целиком в процессе судебного разбирательства сфабрикованную версию обвинения?

Да, обвинение рухнуло. Почти все "свидетели" отказались от "показаний", данных на предварительном "следствии". Несмотря на моральное и физическое давление, отец не признал себя виновным. Адвокат в своей четырехчасовой речи аргументированно показал, что только оправдательный приговор будет соответствовать истине. Да, все это имело место. Все это реально произошло в зале суда. Но не судебные силы действовали в "деле" доктора Штерна, для которого восьмилетний срок лагерей, с учетом его пожилого возраста и тяжелого состояния здоровья, равнозначен просто преднамеренному убийству. Ни судебные силы, ни юридическая логика доказательств, а логика бесчеловечности, варварская попытка заставить человека лгать — вот действительная причина этого позорного процесса, который академик Сахаров назвал "новым делом Дрейфуса".

Мы не политики и не представляем никакое движение в Советском Союзе. Мы всего навсего сыновья, выполняющие свой сыновний долг.

Любая полиция способна за короткий срок сфабриковать такое же дело против каждого из нас. Любой суд в один прекрасный день может подчиниться государственным интересам. Если мы прекратим призывы к совести судей и граждан, если мы забудем напоминать представителям власти, что их всемогущество лежит в пределах человеческой справедливости, если мир останется равнодушен к средневековому преследованию нашего отца, то завтра он сам может стать жертвой подобного варварства и произвола.

И нам еще относительно легко, как сыновьям человека, имя которого широко известно, говорить и обращаться к вам. А сколько еще есть их безымянных, забытых?

Их страдания должны стать нашими, если мы хотим жить, как люди!

Мы глубоко признательны нашим друзьям: д-ру Е.Евельсон, А.Гольдфарбу, В.Лазарису, М.Магеру, А.Полищуку, Р.Шинкару и многим другим, имена которых мы не можем назвать, без чьей помощи было бы невозможным создание этой документальной книги.

Август и Виктор Штерн

ОДНОСТОРОННИЙ ДИАЛОГ

13 мая 1974 г.

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР тов. РУДЕНКО
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР тов. АНДРОПОВУ**

**Копия: НАЧАЛЬНИКУ ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ**

З а я в л е н и е

Я, Штерн Михаил Шаевич, проживающий в г. Виннице, по улице П.Осипенко, 7, кв.9, считаю необходимым сделать следующее заявление:

12 мая 1974 г. все члены моей семьи были одновременно вызваны в официальные органы милиции: Хигер Идис Ароновна — в областной паспортный стол УМВД, Штерн Виктор Михайлович и Штерн Анна Сергеевна с двухлетним сыном — в областную автоинспекцию УВД. Их продержали там с 10 часов утра до 14 часов дня.

По характеру задаваемых вопросов, по отказу сотрудников милиции назвать свою фамилию и звание, по надуманной мотивировке одновременного вызова, по показаниям свидетелей, что в это время в нашей квартире находились неизвестные люди, у нас сложилось мнение, что в наше отсутствие сотрудниками КГБ было совершено незаконное вторжение в нашу квартиру с неизвестными целями.

Я считаю, что данное нарушение неприкосновенности жилища является вопиющим беззаконием и требую провести расследование.

М.Штерн

6 июня 1974 г.

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР РУДЕНКО
ПРОКУРОРУ УССР ГЛУХУ
ПРОКУРОРУ ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ ТАРНАВСКОМУ**

З а я в л е н и е

29 мая 1974 г. был задержан на основании выданной Вами санкции Штерн Михаил Шаевич по подозрению во взяточничестве и мошенничестве. В качестве меры пресечения прокурор следственного отдела прокуратуры Винницкой области т. Кравченко выбрал нахождение под стражей.

Будучи твердо уверенными в невинности нашего отца и мужа, Штерна Михаила Шаевича, врача с более чем 30-летним стажем работы, и принимая во внимание тяжелое состояние его здоровья - очаговый туберкулез легких в форме инфильтрации, тяжелая форма стенокардии, поясничный остеохондроз, дискоз и почечнокаменная болезнь, считаем примененную меру пресечения чрезмерно суровой и могущей привести к его гибели. Просим Вас пересмотреть решение о принятой мере пресечения.

*И. Штерн-Хигер
В. Штерн*

13 июня 1974 г.

**ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА МИНИСТРОВ УССР
тов. КАЛЬЧЕНКО**

З а я в л е н и е

29 мая 1974 г. в г. Черновицы был задержан на основании санкции прокурора Винницкой области т. Тарнавского Штерн Михаил Шаевич по подозрению во взяточничестве и мошенничестве. В качестве меры пресечения прокурором следственного отдела прокуратуры Винницкой области т. Кравченко

выбрано нахождение под стражей. В Виннице распространяются нелепейшие слухи, аналогичные средневековым, о причинах ареста. Вокруг еще недоказанного обвинения создается ядовитая атмосфера против "врача-убийцы в белом халате". Будучи твердо уверенными в невинности нашего мужа и отца, Штерна Михаила Шаевича, врача с более чем 30-летним стажем работы, и принимая во внимание тяжелое состояние его здоровья – очаговый туберкулез легких в форме инфильтрации, тяжелая форма стенокардии, поясничный остеохондроз, дискоз и почечнокаменная болезнь, считаем примененную меру пресечения чрезмерно суровой, способной привести его к гибели.

Просим Вас, исходя из гуманных соображений и с целью создания нормальной атмосферы законности, поддержать нашу просьбу перед прокурором Винницкой области о пересмотре решения о принятой мере пресечения.

*И. Штерн-Хигер
В. Штерн*

28 июня 1974 г.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА УССР
Прокурор Винницкой области
Отдел следственный
№3-2133/74

*Гр-ке Хигер Идис Ароновне,
гр-ну Штерну Виктору Михайловичу
г. Винница, ул.Полины Осипенко, 7, кв. 9*

Ваши жалобы на имя первого заместителя председателя Совета Министров Украинской ССР т. Кальченко Н. Т., прокурора Украинской ССР т. Глуха Ф. К., председателя Винницкого облисполкома т. Кавуна В. М. и четыре жалобы, направленные в прокуратуру области, разрешены прокуратурой области. Сообщаю, что оснований для изменения меры пресечения в отношении Штерна М. Ш. в настоящее время не имеется.

Вопрос о возврате автомобиля "Волга" и другие вопросы, о которых вы упоминаете в своих жалобах, будут разрешены во время расследования дела.

*Прокурор следственного отдела советник юстиции
В. Кравченко*

11 июля 1974 г.

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР тов.РУДЕНКО
ПРОКУРАТУРА УССР. ПРОКУРОРУ тов.ГЛУХУ
ПРОКУРОРУ ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ тов.ТАРНАВСКОМУ**

*от Штерна Виктора Михайловича,
прож. г.Винница, ул.Осипенко, 7, кв.9,
и Штерна Августа Михайловича, прож.
г.Черновицы, ул.Миргородская, 8-а, кв.2*

Ж а л о б а

29 мая 1974 г. с санкции прокурора Винницкой области арестован наш отец Штерн М.Ш. и произведены обыски в наших квартирах с целью отыскания принадлежащих ему записей, ценностей и медикаментов. Ничего, подтверждающего обвинение, не могло и не было обнаружено. Однако по распоряжению прокурора следственного отдела прокуратуры Винницкой области тов.Кравченко были изъяты наши сугубо личные документы и вещи: диплом кандидата наук на имя Штерна А.М., авторские экземпляры научных статей, микрофильмы научных статей, сделанные в официальном порядке, списки печатных работ, личные архивы, нагрудные академзнаки, охотничий билет на имя Штерна В.М., охотничье ружье, зарегистрированное на имя Штерна В.М. и т.д. Поставлена на арестплощадку автомашина, принадлежащая со дня покупки в 1967 г. Штерну В.М. Никаких документов, обосновывающих или хотя бы фиксирующих изъятие, не было выдано. Даже местонахождение ее нам удалось установить лишь только с помощью Управления ГАИ МВД УССР.

28 июня 1974 г. мы получили ответ на наши жалобы в Прокуратуру УССР и прокуратуру Винницкой области за подписью прокурора следственного отдела тов.Кравченко, т.е. лица, на незаконные действия которого мы жаловались, нам сообщили, что вопрос о возврате изъятых документов и вещей будет разрешен во время расследования дела.

Мы считаем, что изъятие наших сугубо личных документов, не имеющих никакого отношения к существу предъявляемого нашему отцу обвинения, и вещей, принадлежность которых документально зафиксирована, является грубейшим нарушением конституционных прав. Исходя из всего изложенного, убедительно просим Вас, товарищ Прокурор Республики, дать указание о немедленном возврате незаконно изъятых документов и вещей.

Обращаясь к Вам, остаемся уверенными в торжестве справедливости, лежащей в основе всякой законности.

В.Штерн

А.Штерн

22июля 1974 г.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Прокурор Винницкой области
Отдел следственный

№ 3-2133/74

г-р. Штерну Виктору Михайловичу,
г-рке Хигер Идис Ароновне
Винница, ул. Полины Осипенко, 7/9

Ваши жалобы, направленные в Центральный комитет компартии Украины, Президиум Верховного Совета Украинской ССР, Генеральному Прокурору Союза ССР, Министру Внутренних Дел Союза ССР и прокурору области рассмотрены прокуратурой области.

Интересующие Вас вопросы возврата изъятых при обыске документов, вещей, а также неосновательного включения в акт описи имущества автомобиля "Волга" будут разрешены по окончании расследования.

Оснований для изменения меры пресечения в отношении Штерна М.Ш. в настоящее время не имеется.

*И.о. прокурора Винницкой области старший
советник юстиции И.Темченко*

23 августа 1974 г.

ПРОКУРОРУ УССР тов.ГЛУХУ

от Штерн-Хигер И.А.

Ж а л о б а

29 мая 1974 года с санкции прокурора Винницкой области тов.Тарнавского был арестован мой муж Штерн Михаил Шаевич, 1918 года рождения, врач, член КПСС с 1944 года. В тот же день был произведен обыск в нашей квартире, а также в квартирах моего сына Штерна А.М. и моей сестры Паукман Х.А. в г.Черновицы. При обысках,ничего подтверждающего обвинение в адрес моего мужа,обнаружено не было. Согласно постановлению, при наложении ареста на имущество Штерна М.Ш. было описано имущество трех семей на сумму три тысячи пятьсот шестьдесят шесть рублей и изъяты ценности на сумму шестьсот рублей.

Во время ареста Штерна М.Ш. была вручена и включена в протокол обыска копия заявления членов нашей семьи на имя Генерального Прокурора СССР т.Руденко и Председателя КГБ при Совете Министров СССР т.Андропова от 13 мая 1974 года. В заявлении содержалась просьба расследовать факт проникновения 12 мая 1974 года неизвестных лиц с неизвестными целями в квартиру, занимаемую моей семьей и семьей моего сына Штерна В.М. Все мы были в это время вызваны под различными формальными предлогами в официальные органы, где нас держали на протяжении четырех часов. Обыск в нашей квартире производился на протяжении трех дней группой сотрудников под руководством прокурора следственного отдела прокуратуры Винницкой области т.Кравченко с рядом грубых нарушений социалистической законности, что нашло отражение в протоколах обыска. В частности, были изъяты без всякого обоснования сугубо личные документы моих сыновей и вещи, принадлежность которых моим сыновьям документально зафиксирована.

Обвинения в адрес моего мужа Штерна М.Ш., врача с более чем тридцатилетним стажем, совершенно беспочвенны. Будучи заведующим консультативной поликлиникой Винницкого областного эндокринологического диспансера, он никак не мог совершать инкриминируемые ему должностные злоупотребления. Характер проведенной операции ареста и обыска, незаконное изъятие документов и вещей, не имеющих никакого отношения к существу предъявляемого обвинения, наложение ареста на имущество совершеннолетних и имеющих свои семьи детей дают мне основание считать, что по местной инициативе ведется травля человека с целью опорочить его честное имя. Причину этого ясно высказал во время обыска в присутствии членов семьи Штерна В.М. и Штерн А.С. и понятых прокурор следственного отдела Винницкой областной прокуратуры т.Кравченко, который сказал, что предъявление обвинения связано с желанием нашей семьи выехать в государство Израиль. Подтверждением этих слов служит тот факт, что по просьбе прокуратуры Винницкой области ОВИРом Черновицкой области задержана выдача выездной визы моему сыну Штерну А.М., уже имеющему на это разрешение.

В качестве меры пресечения прокуратурой Винницкой области выбрано тюремное заключение. Я обращалась к Прокурору Винницкой области с просьбой о пересмотре принятой меры пресечения как ничем не оправданной, чрезмерно суровой и могущей привести человека к гибели, принимая во внимание пожилой возраст и тяжелое состояние здоровья моего мужа. Однако в этой просьбе мне было отказано. Прошло три месяца с момента ареста моего мужа и, как мне сообщили, в настоящее время прокуратура Винницкой области ходатайствует перед Прокуратурой Украинской ССР о продлении срока следствия.

Исходя из всего изложенного, прошу Вас, товарищ Прокурор Украинской ССР, с особым вниманием отнестись к обоснованности ходатайства прокуратуры Винницкой области.

И.Штерн-Хигер

6 сентября 1974 г.

**ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
№ 3/12011-74**

Гр-ке Хигер И.А., г.Винница, ул.Осипенко, 7/9.

На Вашу жалобу сообщаю, что в настоящее время изменить меру пресечения Вашему мужу Штерну М.Ш. не представляется возможным.

*Прокурор следственного управления
старший советник юстиции В.Куракин*

9 сентября 1974 г.

Т е л е г р а м м а

**МОСКВА ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР РУДЕНКО
ЦК КПСС
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

С 29 мая 1974 г. прокуратура Винницкой области ведет следствие по делу мужа, Штерна М.Ш. Работники следственных органов оказывают недопустимое давление, провоцируют свидетелей. Например, заместитель прокурора Ильенецкого района требовал у жительниц села Китайгорода Марии Соловейчук и Елены Тимошенко дачи показаний о взятке и купле медикаментов, мотивируя это необходимостью спасти жизнь детей, преднамеренно отравленных моим мужем. Критическое состояние вынуждает обратиться к Вам. Крайне обеспокоена судьбой семьи. Прошу незамедлительного вмешательства.

Штерн И.

7 октября 1974 г.

**ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
ПРОКУРОР ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ
Отдел следственный
№ 3/2133-74**

*гр.Штерн-Хигер Идис Ароновне
г.Винница, Полины Осипенко, 7, кв.9*

Ваши телеграммы в адрес Президиума Верховного Совета Союза ССР, Генерального Прокурора Союза ССР и Прокуратуры Украинской ССР поручено проверить прокуратуре области.

Факты, изложенные в телеграммах, при проверке не подтвердились. Как установлено, никаких нарушений закона при расследовании дела Вашего мужа не допущено.

*Первый заместитель прокурора Винницкой области.
старший советник юстиции И.Темченко*

22 октября 1974 г.

В ОТДЕЛ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ ЦК КПСС

Ж а л о б а

29 мая 1974 г. с санкции прокурора Винницкой области тов.Тарнавского был арестован мой муж Штерн Михаил Шаевич, 1918 года рождения, еврей, член КПСС с 1944 г., заведующий консультативной поликлиникой Винницкого эндокринологического диспансера. Аресту предшествовал ряд действий административно-следственных органов, санкционированных и направляемых областным комитетом КПУ. После получения нашей семьей вызова от родственников из государства Израиль в сентябре 1973 г. сотрудниками ОБХСС была предпринята тщательная и продолжительная проверка всей трудовой деятельности

моего мужа, в ходе которой не было обнаружено никаких злоупотреблений.

11 ноября 1973 г. наш младший сын Штерн А.М. подал документы в ОВИР Черновицкой области на выезд в Израиль.

12 мая 1974 г. в нашу квартиру проникли неизвестные лица с неизвестными целями. Все члены семьи в это время были вызваны под различными формальными предложениями в официальные органы (ГАИ и паспортный стол) и задерживались там на протяжении четырех часов. Об этом нами было заявлено в жалобе на имя Генерального Прокурора СССР и Председателя КГБ при СМ СССР.

29 мая 1974 г. наш младший сын был вызван в ОВИР Черновицкой области для получения выездной визы. В тот же день был арестован мой муж и был произведен обыск одновременно в трех квартирах - нашей в Виннице, Штерна А.М. и Паукман Х.А. в Черновиках с грубейшим нарушением процессуальных норм советского законодательства:

- статьи 12 УПК РСФСР: сотрудники милиции и прокуратуры Винницы ворвались в квартиру самовольно, без всяких предупреждений и звонков, вскрыли входную дверь и только после настоятельных требований моего сына Штерна предъявили свои удостоверения;

- статьи 135 УПК РСФСР: не ограничиваясь только присутствием, трое понятых принимали активное участие в проведении обыска;

- статьи 171 УПК РСФСР: были изъяты документы и материалы моих сыновей (авторские экземпляры научных статей, диплом кандидата наук, перечень их научных трудов, микрофильмы научных статей, сделанные в официальном порядке, записная книжка Штерна В.М. и др.), не имеющие никакого отношения к делу;

- статьи 169 УПК РСФСР: отбор медикаментов из домашней аптечки и включение их в протокол обыска были произведены в отсутствие кого-либо из членов нашей семьи, на основании чего Штерн В.М. отказался подписать протокол обыска от 30/У-74г.;

- статьи 176 УПК РСФСР: изъятые документы (бланки рецептов и анализов, заключения, справки, записи, микрофильмы научных статей и т. д.) были внесены в протокол обыска без указаний их индивидуальных признаков.

В процессе обыска были также изъяты вещи, являющиеся личной собственностью моего сына Штерна В. М., принадлежность которых удостоверена официальными документами: охотничье ружье (членский билет УДООР РСФСР № 544927), автомашина "Волга-М21", приобретенная на личные сбережения Штерна В. М. в 1967 г. Автомашина была угнана сотрудниками прокуратуры без оформления документов, фиксирующих ее изъятие. Даже местонахождение ее было установлено с помощью Управления ГАИ МВД СССР. В протоколе осмотра и задержания транспорта, выданном ГАИ ГОВД г. Черновиц "в связи с нарушением ПДД", нет ни одной подписи о наложении ареста на имущество.

Согласно постановлению о наложении ареста на имущество Штерна М. Ш. по признакам ст. ст. 173, ч. 2, и 147 ч. 2 УК РСФСР было описано имущество трех семей на сумму 3566 руб. и изъяты ценности на сумму 600 руб., причем опись и изъятие производились без выяснения и фиксации фактической принадлежности вещей владельцам.

В качестве меры пресечения прокуратурой Винницкой области было избрано заключение под стражу. Будучи твердо уверенной в невинности моего мужа и учитывая его пожилой возраст и тяжелое состояние здоровья — очаговый туберкулез легких в форме инфильтрации, язвенная болезнь, тяжелая форма стенокардии, поясничный остеохондроз, дискоз и почечно-каменная болезнь, — я неоднократно обращалась в прокуратуру Винницкой области, Прокуратуру СССР и СССР с просьбой об изменении избранной меры пресечения как ничем не оправданной, чрезмерно суровой и могущей привести его к гибели. В этом мне было отказано. Остались без ответа и мои обращения к председателю Исполкома Винницкого городского Совета и областного Совета депутатов трудящихся, к Председателю Совета Министров СССР, в Верховный Совет СССР, ЦК КПУ и ЦК КПСС о поддержке моей просьбы.

Пристрастный и провокационный характер следственных действий проявился прежде всего в допросах свидетелей. В течение пяти месяцев сотрудники прокуратуры Винницкой области допросили всех больных, зарегистрированных в картотеке Винницкого областного эндокринологического диспансера, хотя бы один раз побывавших на приеме у моего мужа за последние 10 лет (более двух тысяч человек)!

Как стало известно, свидетельницы М. Соловейчук, В. Тимошенко и другие жители села Китайгород, вызванные в прокуратуру Ильенецкого района Винницкой области, в нарушение статьи 179 УПК РСФСР принуждались к даче ложных показаний. Заместитель прокурора Ильенецкого района требовал от них подтверждений следственной версии о виновности моего мужа, мотивируя это "необходимостью спасения жизни детей, преднамеренно отравленных врачом Штерном". Подобные действия являются ярким примером преступного нарушения закона и произвола со стороны местных властей.

Несмотря на обращение свидетельницы Соловейчук в Винницкой областной эндокринологический диспансер, прокуратуру Винницкой области и к членам моей семьи, мое требование зафиксировать ее показания было отклонено начальником следственного отдела Потаповым, а 7.10.74 г. мною было получено письмо из прокуратуры Винницкой области, в котором сообщалось, что "факты, изложенные в телеграммах, при проверке не подтвердились. Как установлено, никаких нарушений закона, при расследовании дела вашего мужа не допущено".

Все мои жалобы и жалобы моих сыновей на неправильное ведение следствия и требования устранения допущенных нарушений пересылались республиканскими и союзными официальными органами в прокуратуру Винницкой области. Более того, в нарушение п. п. 5, 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12. 04. 68 г. мы получили ответные письма за подписью того лица, действия которого нами обжаловались (прокурора следственного отдела прокуратуры Винницкой области В. Кравченко).

18 октября 1974 г. я обратилась в прокуратуру Винницкой области с законным требованием допустить к ознакомлению с делом, после окончания предварительного следствия, выбранного нами с согласия мужа адвоката Московской городской коллегии. Прокурор Винницкой области заявил, что к делу будет допущен только адвокат Винницкой городской коллегии и мотивировал это якобы имеющимся в деле ходатайством моего мужа, показать которое он мне категорически отказался. У меня нет никакой возможности убедиться в достоверности этого заявления ввиду того, что мне отказано в свидании с моим

мужем "по крайней мере до конца судебного разбирательства", а сыновьям — "до вступления приговора в силу".

Все перечисленные правонарушения, абсурдность и искусственность обвинений, предъявленных моему мужу, фальсификация свидетельских показаний и подготовка общественного мнения к расправе над "врачом-убийцей" являются доказательством того, что по местной инициативе ведется планомерная травля моего мужа с целью опорочить его честное имя и создать для нашей семьи невыносимые условия существования.

ОВИР Черновицкой области по незаконной и ничем необоснованной просьбе прокуратуры Винницкой области задержал и отказывает на сегодняшний день выдать визу на выезд нашему сыну Штерну А.М., уже имеющему на это разрешение. Единственное место, где сумел получить работу наш сын Штерн В. М. — физик с высшим образованием, — почтамт, доставщик телеграмм, а его жена Штерн А. С. — химик с высшим образованием — вообще не может получить какую-либо работу.

О причинах преследования нашей семьи были сделаны следующие официальные заявления:

— 29 мая 1974 г. прокурор следственного отдела прокуратуры Винницкой области В. Кравченко во время обыска в присутствии членов семьи Штерна В. М., Штерн А. С. и понятых заявил: "Предъявление обвинения Штерн М. Ш. связано с желанием вашей семьи выехать в государство Израиль".

— 23 августа 1974 г. начальник следственного управления Прокуратуры УССР В. Позняк во время приема Штерна В. М. заявил: "Предъявление обвинения Вашему отцу Штерну М. Ш. связано с желанием вашего брата Штерна А. М. выехать в Израиль, т. к. выезд евреев дискредитирует наше государство".

— 10 октября 1974 г. первый секретарь Старогородского райкома КПУ г. Винницы М. Катержелова на Пленуме Винницкого горкома КПУ заявила в своем выступлении: "В областной эндокринологический диспансер в лице некоторых бывших руководящих работников проник сионизм".

Указанные мною факты совершенно определенно раскрывают истинный смысл этого тенденциозно направляемого и поощряемого Винницким Областным комитетом КПУ, беспрецедентного и совершенно немыслимого в настоящее время преследования моего мужа и всех членов его семьи.

Руководствуясь конституционными правами, предоставленными каждому гражданину, СССР и опасаясь за жизнь моего мужа и судьбу всех членов нашей семьи, обращаюсь к вам с требованием незамедлительного и действенного вмешательства с целью немедленного прекращения преследования моего мужа Штерна Михаила Шаевича, а также выявления и наказания должностных лиц, виновных в указанных правонарушениях.

И.Штерн-Хигер

18 ноября 1974 г.

ПРОКУРАТУРА СССР
Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

№ 3/1311-74

г-р Штерн-Хигер И.А.
Винница, ул. П. Осипенко, д. 7, кв. 9

Сообщаю, что Ваша жалоба, поступившая из аппарата ЦК КПСС, рассмотрена. Содержащиеся в жалобе утверждения о нарушениях процессуальных законов в ходе следствия по делу Штерна М. Ш. и о необоснованном привлечении его к уголовной ответственности при проверке не нашли подтверждения.

Уголовное дело по обвинению Штерна М. Ш. расследованием закончено и направлено для рассмотрения в Винницкий областной суд.

Прокурор следственного управления
старший советник юстиции Деревщиков

3 декабря 1974 г.

Заявление для печати

В украинском городе Винница арестован врач-эндокринолог еврей Михаил Штерн. Его обвиняют во взяточничестве и мошенничестве. Штерну угрожает длительное заключение.

Я утверждаю, что дело Штерна — провокация властей, направленная на возбуждение национальной розни и запугивание евреев, желающих уехать из страны.

Большую тревогу вызывают методы следствия по сегодняшнему делу. Они носят явно предвзятый и провокационный характер. Опрошено более двух тысяч свидетелей, на которых оказывалось сильнейшее давление. Несмотря на это, основная масса свидетелей отказалась клеветать на своего врача.

Я прошу врачей, советских и зарубежных, ознакомиться с обвинениями против их коллеги, которые, по моему мнению, несостоятельны с медицинской, этической и юридической точек зрения.

Я обращаюсь также к членам Конгресса США, взявшим на себя защиту свободы эмиграции из СССР. Преследование д-ра Штерна — прямое нарушение принципов, сформулированных в недавнем соглашении между правительством и Конгрессом США.

Дело Штерна нельзя рассматривать отдельно от других антисемитских акций, таких, как осуждение в той же Виннице еврея Школьника по сфальсифицированному обвинению в шпионаже, осуждение Фельдмана в Киеве, выход в Минске погромной книги Бегуна "Ползучая контрреволюция".

Дело Дрейфуса во Франции, дело Бейлиса в России подняли тысячи людей против преступлений и предрассудков антисемитизма. Выступая сегодня с этим заявлением, я надеюсь, что честные люди во всем мире сделают все возможное для защиты д-ра Штерна и разоблачения современных антисемитских провокаторов.

Андрей Сахаров, академик

11 декабря 1974 г.

Винница, УССР, ул. Коммунистическая, 1, Зал заседаний уголовной коллегии областного суда. Конвой вводит подсудимого Михаила Штерна. Прокурор, защитник и секретарь занимают свои места.

Секретарь. Встать! Суд идет.

Судья и народные заседатели занимают свои места.

Судья. Дело подсудимого М. Штерна рассматривается судебной коллегией по уголовным делам Винницкого областного суда в составе: председателя Орловского В. И., народных заседателей Лахтионова А. И., Подоненко В. П., Шрепило И. (запасной) при секретаре Пучковой В. Н. с участием прокурора Криворучко Г. С. и адвоката Московской городской коллегии адвокатов Аксельбанта Д. М.

Судья. Подсудимый, встаньте. Ваша фамилия, имя, отчество?

Штерн Михаил Шаевич.

Судья. Год рождения?

Штерн. По паспорту — 25 декабря 1918 года, в действительности — немного раньше, 21 сентября 1918 года.

Судья. Национальность?

Штерн. До тех пор, пока на свете будет хотя бы один антисемит, на вопрос о моей национальности...

Судья. Остановитесь, Штерн, остановитесь.

Штерн. ... я буду отвечать: я — еврей.

Судья. Нет, вы можете просто ответить?

Штерн. Это зависит от моих способностей. Я ничего такого не сказал.

Судья. В ваших интересах говорить коротко. Место рождения?

Ш т е р н. Город Жмеринка, Винницкой области.

С у д ь я. Где вы проживаете?

Ш т е р н. Город Винница, улица Осипенко, дом 7, квартира 9.

С у д ь я. Ваше образование?

Ш т е р н. Высшее.

С у д ь я. Что вы окончили?

Ш т е р н. Фрунзенский мединститут, врач-лечебник.

С у д ь я. Специальность?

Ш т е р н. По специальности врач-эндокринолог.

С у д ь я. Семейное положение?

Ш т е р н. Женат.

С у д ь я. Состав семьи?

Ш т е р н. Жена — прекраснейшая из женщин, два сына, в зрелых, невестка, внук...

С у д ь я. Несовершеннолетних детей нет?

Ш т е р н. Нет. И мать 87 лет.

С у д ь я. Она в вашей семье, на вашем иждивении?

Ш т е р н. Думаю, что, прежде всего, на моем, так как я главный, кто оказывает ей материальную помощь.

С у д ь я. Партийность?

Ш т е р н. Член КПСС с 1944 по 1974 г.

С у д ь я. Исключены из членов КПСС в связи с настоящим делом?

Ш т е р н. Меня об этом в известность не ставили.

С у д ь я. Не ставили, но вы знаете, что вас исключили из партии. Ваше отношение к воинской службе?

Ш т е р н. Офицер запаса, капитан медицинской службы.

С у д ь я. Награды правительственные были?

Ш т е р н. Нет.

С у д ь я. Обвинительное заключение получили?

Ш т е р н. Получил.

С у д ь я. Отводы составу суда у вас есть?

Ш т е р н. Отводов у меня нет, хотя позвольте мне выразить свое сомнение в возможности объективного рассмотрения моего дела в Виннице.

С у д ь я. Значит, как вы отвечаете на вопрос суда?

Ш т е р н. Отводов нет.

С у д ь я. Садитесь. Объявляется состав судебно-медицинской комиссии: Ольнев, кандидат медицинских наук, начальник судебно-медицинской службы Винницкой области - председатель,

профессор Кучук, доктор медицинских наук, завкафедрой госпитальной терапии Винницкого мединститута – член комиссии. У прокурора нет вопросов или отводов?

Прокурор. Нет.

Судья. У адвоката есть вопросы?

Адвокат. Да, у меня есть несколько вопросов. Скажите, товарищ Ольнев, вы работаете начальником бюро судебно-медицинской экспертизы?

Ольнев. Да.

Адвокат. Являетесь ли вы специалистом в области эндокринологии?

Ольнев. Я имею представление о любой области медицины.

Адвокат. Эти же вопросы профессору Кучуку.

Кучук. Я возглавляю кафедру госпитальной терапии, на которой читается курс эндокринологии студентам Винницкого мединститута. Поэтому считаю, что как профессор кафедры вполне компетентен в области эндокринологии.

Штерн. Существует ли на кафедре госпитальной терапии самостоятельный профессорский курс эндокринологии и кто его ведет?

Кучук. С 1968 года курс эндокринологии возглавил бывший мой доцент, ныне профессор Зелинский.

Штерн. В каких служебных отношениях находятся эксперт профессор Кучук и профессор Зелинский, бывшие работники одной кафедры? Как известно, профессор Зелинский ныне непосредственный начальник профессора Кучука как проректор Винницкого мединститута.

Судья. Товарищ прокурор, как вы считаете, должен ли профессор Кучук отвечать на этот вопрос?

Прокурор. Для отвода нужны другие мотивы. Может быть, родственного характера, но не служебные отношения. Вопрос, который поставил подсудимый, касается служебных отношений, и поэтому я считаю, что на него можно не отвечать.

Судья. На этот вопрос суд разрешает профессору Кучуку не отвечать. Есть вопросы?

Штерн. Есть у меня отвод.

Судья. Подождите, тут порядок, строгий порядок. Потерпевшие, вы слышали? Вы имеете право заявить отвод и составу суда, и членам экспертной комиссии. Отводы есть? А вопросы к

экспертам есть у потерпевших? Нет. Так. Теперь вы имеете право заявить отвод.

Штерн. Я, конечно, полуневежда в вопросах юриспруденции...

Судья. Нет, не стоит...

Штерн. ...я говорю искренне, без всякого сарказма, но я считаю, что лучше быть полунеждой в юриспруденции, не занимаясь ею, чем полунеждой в медицине, занимаясь ею. Я даю категорический отвод профессору Кучуку по следующим соображениям: первое — профессор Кучук не является специалистом в области эндокринологии. Не всякая ученая степень — степень учености. Второе — профессор Кучук личный друг и подчиненный профессора Зелинского, воинствующего антисемита, который инспирировал настоящий процесс, поэтому я считаю...

Судья. За это мы вас будем прерывать. Конкретно, по каким соображениям вы заявляете отвод?

Штерн. Я лично сталкивался с профессором Кучуком и заявляю, что он относится к тем же идейным и убежденным антисемитам, что и профессор Зелинский. Поэтому я считаю, что он не может быть экспертом в моем деле.

Судья. Товарищ прокурор, ваше мнение?

Прокурор. Заявление Штерна по поводу воинствующего антисемитизма... это выпады оскорбительного характера, поэтому я прошу, товарищи судьи, предупредить подсудимого Штерна, что если он впредь будет себя так вести, то я буду ставить вопрос, чтобы его удалили из зала судебного заседания. Я прошу разъяснить ему по этому поводу закон. Что касается заявленного ходатайства, не нахожу оснований для того, чтобы решить вопрос об отводе, так как мотивы, которые были высказаны подсудимым Штерном, вы сами убедились, клеветнического характера. Эти мотивы не основаны на законе, поэтому, я полагаю, ходатайство не подлежит удовлетворению.

Судья. Прошу адвоката высказаться.

Адвокат. Относительно заявленного ходатайства. Я хочу обратить внимание суда на то, что мне представляется, что наш процесс с самого начала пошел очень нервно. Я хочу, чтобы дело было спокойно рассмотрено судом. Поэтому хотелось бы, чтобы вы делали замечания не только адвокату или Штерну, но и прокурору, если он ставит вопросы не в соответствии с законом. Он ставит вопрос так, что если Штерн какого-то конкрет-

ного человека называет антисемитом, это оскорбляет прокурора и всех присутствующих в зале, между тем Штерн называет антисемитом совершенно конкретное лицо и, вероятно, имеет на это основания. Я думаю, Штерн объяснит, почему он так говорит о профессоре Зелинском. На этом основании ставить вопрос об удалении Штерна из зала и делать ему замечания мне представляется незаконным. Теперь, что касается отвода. Штерн заявляет ходатайство, в котором говорит: он не доверяет профессору Кучуку, который является другом, как он утверждает, и подчиненным его личного врага профессора Зелинского. Кстати, этот мотив предусмотрен 54 статьей УПК Украины, поэтому когда прокурор говорит, что в законе нет такого положения, он грешит по отношению к УПК. Я думаю, если говорить о законе, давайте придерживаться его точно. В законе совершенно четко сказано: если эксперт лично или его родственник заинтересован в результатах или есть другие обстоятельства, вызывающие сомнение в объективности эксперта, эксперт может быть отведен. Такова точка зрения Штерна. Я не знаю об отношениях Штерна с Зелинским и отношениях Штерна с Кучуком, но если Штерн утверждает, что отношения таковы, есть причина верить Штерну и на этом основании я его поддерживаю. Но у меня есть другое основание для отвода профессора Кучука. Я прошу вас открыть том 2, лист дела 33. Там есть постановление следователя Кравченко о назначении по этому делу судебно-медицинской экспертизы. В постановлении сказано: руководствуясь 75 и 196 статьями УПК, следователь постановил назначить по этому делу судебно-медицинскую экспертизу. Производство экспертизы поручить Винницкому областному бюро судебно-медицинской экспертизы. На листе дела 35 в этом же томе есть протокол ознакомления Штерна с постановлением следователя о назначении экспертизы, т.е. следователь выполнил веление закона и ознакомил тогда еще не подсудимого, а обвиняемого Штерна с вынесенным постановлением и разъяснил обвиняемому право отвода в отношении экспертов. Зная, что профессор Кучук не имеет никакого отношения к бюро судебно-медицинской экспертизы, Штерн не заявил отвода экспертам. Кстати, если вы посмотрите уголовно-процессуальный кодекс, найдете специальные пункты о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы. Есть инструкция юридической комиссии при Совете Министров УССР. В этой инструкции говорится: если

поручается экспертиза не какому-либо лицу, а какому-либо учреждению, она должна проводиться только сотрудниками этого учреждения. Если вы посмотрите материалы данного дела, то в дальнейшем вы нигде не найдете постановления следователя о поручении этой экспертизы тов.Кучуку. Таким образом, тов. Кучук процессуально в этой экспертизе не оформлен, и меня удивляет, почему он вообще проводил экспертизу. Кто ему поручил участвовать в этой экспертизе? Документа, поручающего участие в этой экспертизе, в деле нет. Я думаю, что это нарушение закона, допущенное следователем Кравченко, уже само по себе, даже без учета личных отношений между Штерном и Кучуком, дает основание в полный голос заявить о том, что профессор Кучук незаконно подписывал акт судебно-медицинской экспертизы и незаконно участвует сегодня в судебном заседании. На основании вышеизложенного я считаю, что профессор Кучук не может участвовать в судебном заседании и заявляю ему отвод так же, как и Штерн.

П р о к у р о р. Бюро судебно-медицинской экспертизы вправе привлечь для решения поставленного вопроса любого специалиста из любой отрасли, которого найдет нужным. И если бюро так поступило, т.е. тов.Ольнев, я думаю, что здесь никакого нарушения закона нет. А если вы считаете, товарищ адвокат, это нарушением, я думаю, суд вправе (если вы согласитесь, что это действительно нарушение) решить вопрос и назначить в порядке судебного рассмотрения дела любого представителя и поручить любому медицинскому учреждению проведение этой экспертизы. Я считаю, что профессор Кучук должен принимать участие в решении этого вопроса в качестве судебно-медицинского эксперта и полагаю, что суд этот вопрос решит положительно. Суду дано право в судебном заседании назначить эту экспертизу.

С у д ь я. Таким образом, вы категорически возражаете против отвода Кучука.

П р о к у р о р. Да.

С у д ь я (*после перерыва*) Суд удовлетворяет ходатайство об отводе эксперта профессора Кучука.

Судья разъясняет Штерну права подсудимого.

С у д ь я. Какие ходатайства у вас есть?

Ш т е р н. Я прошу пригласить для участия в судебном заседании совершенно беспристрастное лицо, не имеющее никакого отношения к медицинскому институту и профессору Зелинско-

му, человека весьма компетентного в вопросах эндокринологии, работающего в системе железнодорожного обслуживания, кандидата медицинских наук, защитившего кандидатскую диссертацию по эндокринологии, доктора Купермана. Его участие в судебном заседании в порядке общей экспертизы будет вполне достаточно для решения вопроса по моему делу. Я прошу суд разрешить подсудимому использовать его законное право вызывать для своей защиты в противовес свидетелям обвинения свидетелей защиты, которые разделяются на две группы: первую составляют допрошенные на предварительном следствии. Протоколы допроса есть в деле, они дали самые хорошие показания о ~~враче Штерне~~, проработавшем три десятилетия. Эта группа свидетелей сознательно, конечно, не вызвана следователем Кравченко для участия в судебном заседании. Фамилии свидетелей будут представлены моим адвокатом. Вторая группа свидетелей, ~~вызванных~~ лично мною, люди, которых я бескорыстно лечил, спас от верной смерти. Эти свидетели покажут на суде, что еврей Штерн — не мошенник, не взяточник, не вор, а квалифицированный врач, бескорыстно лечивший людей на протяжении 30 лет своей жизни.

У меня есть убедительное ходатайство к суду: судебно-медицинская экспертиза, которая была проведена, подтвердила, что в мои 56 лет время, проведенное в тюрьме в тяжелых условиях, сказалось на моем здоровье. Я прошу суд в порядке исключения, так как нагрузка на меня будет колоссальная, сделать мне снисхождение из чисто гуманных соображений и разрешить моим родным в перерывах судебного заседания передавать мне диетическое питание, соответствующее состоянию моего здоровья.

Судья. Все?

Штерн. Нет. У меня есть убедительная просьба к суду разрешить мне без постоянных обращений к председателю суда контактировать с моим адвокатом, учитывая сложность защиты. В течение шести месяцев я был лишен всякой возможности подготовиться к защите, так как я сидел в камере строгого режима. И последнее: пробным камнем объективности суда при рассмотрении моего дела я буду считать удовлетворение или отказ следующего ходатайства. При расследовании любого уголовного или неуголовного дела очные ставки обвиняемого со свидетелями имеют решающее значение для выяснения истины. Следователь прокурор следственного отдела Винницкой областной

прокуратуры Кравченко В.К., получивший задание превратить любыми средствами врача еврея Штерна во взяточника и мошенника, вел следствие с чудовищной необъективностью и жестокостью. Он намеренно не сделал очных ставок со свидетелями. Я неоднократно в письменном виде требовал очных ставок со всеми без исключения свидетелями. Из 92-х мне дали очные ставки лишь с пятью. Я глубоко убежден, что каждый свидетель обвинения готовился к оговору врача еврея Штерна по рецепту дела врачей 1952 г. Следователь Кравченко широко использовал шантаж и запугивание свидетелей, добиваясь у них угодных ему показаний.

С у д ь я. Вы же грамотный человек. Коротко вы можете сказать? Скажите, что вы хотите? Здесь не собрание — здесь суд. Суд собрался, чтобы объективно разобраться в деле.

Ш т е р н. Я грамотный человек, но мне кажется, я имею право...

С у д ь я. Подсудимый Штерн, вы к суду обращаетесь или к публике?

Ш т е р н. Им говорили, что врач еврей Штерн, с бородкой, арестован, ему платили деньги, чтобы он неправильно лечил советских людей, он...

С у д ь я. Ну какое отношение к делу...

Ш т е р н. ...шпион, хотел ударить в Израиль, если вы подтвердите, что он брал деньги, его отправят на Соловки. Я уверен, что свидетелей запугивали, прибегали к шантажу, и если суд намерен объективно разобраться в моем так называемом уголовном деле, являющемся неприкрытой расправой за желание выехать в государство Израиль в порядке воссоединения семей, что не противоречит советским законам и соответствует принципам и высоким идеалам Декларации прав человека, принятой ООН и подписанной Советским Союзом, он должен предоставить мне в присутствии прокурора и адвоката очную ставку со всеми свидетелями до начала судебного следствия. Если суд не намерен превратиться в трагикомедию предварительного следствия, то он должен удовлетворить мое ходатайство.

С у д ь я. В двух словах, что вы хотите?

Ш т е р н. Я прошу предоставить мне очные ставки со свидетелями обвинения до начала судебного заседания или во всяком случае предупреждать каждого свидетеля, что меня обвиняют не в шпионаже и не в отравительстве и что он имеет право отказы-

ваться на суде от показаний, данных на предварительном следствии.

С у д ь я. Суд будет делать так, как предусмотрено нашим законом. Что касается очных ставок, то здесь не может быть иных, только ставки с согласия человека... Здесь, в присутствии людей, мы будем допрашивать. Каково мнение сторон?

П р о к у р о р. Дело в том, что это ходатайство не подлежит удовлетворению. Но врач, специалист-эндокринолог необходим, чтобы объективно решить поставленный перед судом вопрос. Но кого назначить экспертом? Я полагаю, необходимо это решить в порядке подготовки, в порядке консультации с компетентными органами, и в связи с этим я считаю, что этот вопрос надо решить в рабочем порядке. Что касается свидетелей дополнительных... Мне представляется, что этот вопрос нужно оставить без разрешения на данном этапе. В процессе следствия все будет выясняться при допросе свидетелей, тем более, что некоторая часть допрошенных в процессе предварительного следствия показала в пользу подсудимого Штерна, их показания будут разбираться на данном судебном заседании. Если понадобятся вызовы дополнительных свидетелей, это, я думаю, можно будет решить на судебном заседании.

А д в о к а т. Что касается ходатайства о выполнении экспертизы, то мне представляется странным положение, когда прокурор пытается исправить нарушения закона, допущенные предварительным следствием. Мне представляется, что сам суд заинтересован в удовлетворении этого ходатайства. Почему? У нас сейчас есть только эксперт Ольнев, который, являясь судебным медиком, имеет, как он сам сказал, "представление о любой области медицины". Поэтому мне представляется, что вызов тов.Купермана, который работает в железнодорожной больнице, имеющего ученую степень кандидата медицинских наук, дает нам основание считать, что этот квалифицированный врач-эндокринолог сможет помочь разобраться во всех специальных вопросах эндокринологии. Я считаю, что эксперт эндокринолог просто необходим в данных условиях. Что касается свидетелей... Мне представляется, что этот вопрос нужно решить сейчас. Почему? Потому, что некоторые из них, может быть, находятся сейчас или будут находиться в зале суда, если они не будут знать, что они свидетели. Если этот вопрос будет решаться к концу судебного следствия, то, я думаю, обеспечить к концу

судебного следствия вызов свидетелей будет трудно. Ходатайство Штерна о вызове в качестве эксперта конкретного лица не противоречит закону, и мне представляется, что такой вопрос должен решаться не компетентными органами, а судом, и не в рабочем порядке, а в ходе судебного заседания.

С у д ь я (*после совещания с заседателями*). Итак, судебная коллегия рассмотрела ходатайство Штерна и решила вопрос об экспертизе и о вызове дополнительных свидетелей рассмотреть в ходе судебного заседания. Что касается диетпитания, давайте не заносить его в протокол, я разрешаю передавать вам диетпитание в перерывах. Зачитываю формулу обвинения.

Штерн Михаил Шаевич, рождения 25 декабря 1918 года, уроженец г.Жмеринка Винницкой области, еврей, б/п, образование высшее, женатый, несовершеннолетних детей нет, работал заведующим поликлиникой Винницкого областного эндокринологического диспансера, ранее не судим

о б в и н я е т с я в том, что, работая заведующим поликлиникой Винницкого областного эндокринологического диспансера, систематически, из корыстных побуждений, злоупотреблял своим служебным положением.

С целью получения денег от больных и их родственников создавал затруднительные условия, при которых больные могли бы получить необходимую врачебную помощь в поликлинике, как-то: отказывал по несколько дней в приеме и осмотре больных, отказывал в госпитализации больных, то есть умышленно ставил больных и их родственников в такие условия, при которых они вынуждены были давать взятки.

Так, в сентябре 1971 года, осмотрев больную Гужва М.Ф., несмотря на то, что она находилась в тяжелом состоянии, в связи с послеоперационным гипопаратирезом, потребовал от ее мужа Гужвы С.И. "магарыч", пообещав ее вылечить. И только после того как на второй день получил от него 50 рублей, 24.IX.1971 г. направил больную на стационарное лечение.

Впоследствии неоднократно вымогал у Гужвы С.И. деньги под разными предлогами и получил за выдачу направления в Киевский Научно-исследовательский институт эндокринологии 40 рублей, за выдачу направления и для заключения ВТЭК — 35 рублей и потом еще 25 рублей, объяснив, что это для членов ВТЭК, а всего получил от Гужвы С.И. 150 рублей взятки.

20 апреля 1972 года к Штерну М.Ш. обратились Манжиевская Л.С. и Рыбачук С.С. с просьбой госпитализировать их мать Любецкую К.Ф., болевшую тяжелой формой сахарного диабета и другими заболеваниями. Под видом отсутствия мест для лечения длительное время отказывал в выдаче направления для помещения ее на стационарное лечение и только получив от Рыбачук С.С. 25 рублей, направил ее мать на стационарное лечение.

В 1968 году в эндокринологический диспансер горвоенкоматом был направлен офицер запаса Советской Армии Гармасар А.М. для определения состояния здоровья, так как он должен был проходить переподготовку.

С целью последующего получения взятки у его родителей Штерн М.Ш., несмотря на отсутствие для этого лабораторных данных, дал заключение о том, что Гармасар болен тиреотоксикозом, поэтому он не был призван на переподготовку, впоследствии приехал к его родителям и, под разными предложениями требуя "магарыч", при помощи гр-ки Малеванной понудил его мать, Гармасар Антонину дать ему 200 рублей, лук, чеснок, яблоки и др.

Неоднократность вымогательства взяток, неоднократные приглашения в кабинет и отправка больных без осмотра и другие действия Штерна М.Ш. привели к мнению среди многих больных (как показали Терегайло М.Д., Дзисяк, Безносюк и др.), что без денег на прием к Штерну нечего идти.

Используя это, у ряда больных Штерн без разговоров получал деньги за прием без направлений районных лечебных учреждений, за то, что принял их, у ряда больных вымогал деньги, тщательно их к этому подготавливая. Расспрашивал, где работает отец и мать, как экономически живут, нередко в присутствии матерей обнажал юношей, говорил матери или отцу больного: "Хочешь, чтобы сын не был инвалидом, не скупись", "раскошелись", "не бойся потерять десятку" и прочее, а затем требовал деньги.

Так, в апреле 1973 года Калина В.В. и Островец В.П. по направлению Калиновского райвоенкомата и райбольницы прибыли в областной эндокринологический диспансер в связи с заболеванием гипогонадизмом, и их принял Штерн. Осмотрев юношей, Штерн, с целью получения денег, не сделал никакого назначения, отправил их домой, заявив, что сделает их мужчинами,

но нужно, чтобы они приехали с родителями и привезли по 20 рублей.

9 апреля 1973 года Калина В.В. с матерью Калиной А.Г., Островец В.П. с матерью Островец В.Т. пришли на прием к Штерну. Штерн в присутствии матерей осмотрел юношей, показав каждой матери половой член сына, пообещав вылечить, но для этого потребовал денег.

Желая улучшить здоровье сыновей, Калина А.Г. и Островец В.Т., каждая в отдельности, вынуждена была дать Штерну по 15 рублей.

12.1.1972 г., осматривая в присутствии матери допризывника Мельника Александра, заявил ей: "Чтобы сын был здоров, нужно раскошелиться", после чего мать Мельника, Таранова М.Д. вынуждена была дать Штерну 25 рублей.

23 марта 1973 года, осмотрев в присутствии матери юношу Зеленюка В.И., обратился к ней, чтобы та "не скупилась лечить сына", а когда Зеленюк Л.И. пыталась уйти, не дав Штерну денег, он потребовал: "Так заплатите же мне", после чего Зеленюк Л.И. дала Штерну 5 рублей.

6 марта 1973 года, осмотрев юношу Лыхолат Д.Е., спросил у его матери, Лыхолат М.Д., есть ли у нее деньги, а когда она протянула ему 10 рублей, забрал у нее деньги.

Заболев тяжелой формой сахарного диабета, Маковой Н.В., житель с.Красноселка Бершадского района в январе 1971 г. решил обратиться за помощью к Штерну М.Ш.

Слыша по рассказам, что Штерн — взяточник, что он оставляет людей в кабинете возле стола, на котором лежит бумага и что под бумагу нужно класть деньги, Маковой Н.В. приготовил купюру достоинством в 25 рублей и ждал встречи со Штерном на мосту у больницы.

Встретившись с Маковеем, Штерн показал ему квартиру, предложив зайти, когда стемнеет, а когда Маковой зашел, оставил его в своем домашнем кабинете, положив на стол бумагу, под которую Маковой положил 25 рублей.

Не зная о том, что Маковой положил деньги, Штерн не осматривал его, сказал прийти на квартиру утром. Утром вновь оставил Маковеев в квартире одного, проверил, не положил ли он еще денег, и только после этого осмотрел его и велел ему идти в диспансер, где Маковой и был госпитализирован.

Жители с.Сутиска Тывровского района Дзисяк В.Г. и Безносюк А.В., желая проверить свое состояние здоровья и пользуясь слухами, что Штерн без денег не принимает и не имея направления райбольницы, поехали в областной эндокринологический диспансер.

Каждая в отдельности заходила в кабинет к Штерну, без каких-либо разговоров подходила к Штерну, который стоял в кабинете, опускала ему в карман халата 10 рублей, после чего Штерн давал распоряжение о направлении их для прохождения анализов, осматривал и оказывал необходимую помощь.

В феврале 1969 г. Тывровским РВК в диспансер по поводу гипогенитализма был направлен Тузюк Д.Ф. Штерн под всякими предложениями несколько дней отказывал Тузюку в приеме, и только когда 18.II-1968 г. приехал отец юноши, Тузюк Федор Николаевич, и дал Штерну 10 рублей, Штерн принял Тузюка Д.Ф.

19.II-71 г. по направлению Тывровского РВК Штерн М.Ш. принял допризывника Сорочука Е.Ф. В присутствии отца осмотрел его, выписал лекарства и предложил, после того как получат в аптеке лекарства, зайти к нему. Когда Сорочук Е.Ф. и его отец Сорочук Ф.Е. зашли к Штерну с лекарством, он отправил Сорочука Е.Ф. из кабинета и потребовал у Сорочука Ф.Е. 30 рублей. Так как у Сорочука Ф.Е. осталось всего 20 рублей, нужны были деньги на проезд домой, он заявил об этом Штерну. Тогда Штерн сказал дать ему 19 рублей, а остальные принести потом.

Сорочук Ф.Е. вынужден был отдать Штерну 19 рублей, а затем еще 11 рублей передать позже с сыном.

Страдая заболеванием щитовидной железы, гр-ка Шевчук Г.В. решила обратиться по поводу заболевания в областной эндокринологический диспансер. Пользуясь слухами о том, что зав.поликлиникой Штерн принимает, когда ему дают деньги, что можно отнести к нему домой деньги, 13.V-1969 г. Шевчук Г.В. зашла к Штерну домой, положила на стол 25 рублей в конверте, рассказала о заболевании. Штерн осмотрел ее, а затем отправил в диспансер для прохождения анализов, и уже в диспансере сам, а также с привлечением других врачей оказывал Шевчук медицинскую помощь.

Житель с.Кошаринцы Бершадского района Лозинский Г.Д. по поводу заболевания сахарным диабетом 30.IX-67 г. обратился к Штерну с просьбой выдать заключение для прохождения ВТЭК. В ответ на это Штерн спросил Лозинского, что он ему за

это даст, и когда Лозинский сказал, что он имеет только 10 рублей, Штерн сказал дать деньги и только после этого написал заключение для ВТЭК.

По поводу заболевания гипогенитализмом к Штерну обратился житель с.Яланец Бершадского района Лавренюк В.И. Из разговоров больных, а также из поведения самого Штерна Лавренюк понял, что Штерну нужно дать деньги и дал ему 25 рублей.

Всего Лавренюк четыре раза был на приеме у Штерна и каждый раз был поставлен Штерном в такие условия, что вынужден был давать по 25 рублей. Поняв, что лечение ему не помогает, Лавренюк больше в диспансер не ездил.

Длительное время находилась на излечении в эндокринологическом диспансере Литовчук О.В. 8 марта 1971 года Литовчук потребовалось заключение для ВТЭК, она обратилась с этой просьбой к Штерну, который пообещал выслать заключение в Липовецкую больницу, но сказал Литовчук вновь приехать к нему через неделю.

Когда через неделю Литовчук пришла к Штерну и спросила, выслал ли он заключение для ВТЭК, Штерн не ответил на ее вопрос и, явно издеваясь, с целью вымогательства, послал Литовчук на почту купить конверт и принести ему. Литовчук купила два конверта (не догадываясь, что туда нужно положить деньги) и отдала их Штерну, который сказал, что она свободна и может ехать домой, а заключение он вышлет в Липовецкую больницу.

Более двух месяцев Литовчук ждала вызова на ВТЭК, а когда поехала в Липовецкую райбольницу и узнала, что Штерн необходимых документов не выслал, вновь поехала к Штерну с этой просьбой. Штерн кричал на нее, что она отрывает его от работы, что справку он выслал, а когда Литовчук начала плакать, Штерн закрыл дверь кабинета, сказал, что даст справку, но потребовал за это 10 рублей.

Литовчук одинока, более того, живет в трудных материальных условиях, о чем и рассказала Штерну, заявив, что без пенсии не имеет средств к существованию. Только после этого Штерн согласился выдать справку Литовчук, сказав ей, чтобы она "также имела совесть". Поняв, что Штерна нужно отблагодарить, Литовчук осенью 1971 г. зарезала гуся, взяла ведро яблок и отвезла это на квартиру Штерну. Гуся и два ведра

яблок Литовчук еще в 1965 году дала Штерну под видом подарка.

В 1970 году без направления райбольницы Шур Мария Тимофеевна приехала в эндокринологический диспансер, где ей отказали в регистрации. Шур обратилась к Штерну, который принял ее, осмотрел, выписал медикаменты, за что Шур дала ему 10 рублей. Впоследствии Шур обратилась к Штерну за направлением на анализ в медицинский институт, за что еще дважды давала ему по 10 рублей, а когда в конце 1973 г. Шур попросила у Штерна справку, что ей противопоказан тяжелый физический труд, Штерн ответил, что "такую справку можно получить, но что сделаешь, если ты "скупенька".

4 октября 1973 г. к Штерну по поводу эндокринной импотенции обратился Громовой Д.А. Штерн отказал в приеме Громовому, и только после настоятельных просьб Громового принял его, осмотрел, за что Громовой дал 25 рублей. Впоследствии за приемы и оказанную помощь Громовой еще дал Штерну дважды по 10 рублей.

8 марта 1973 г. за то, что Штерн принял без направления райбольницы Шевчука И.И., страдавшего гипогенитализмом, мать, Шевчук Л.С., дала Штерну 10 рублей. Штерн сказал, что этого мало ("ты скупая"), но Шевчук вышла из кабинета и, услышав от больных нелестные отзывы о Штерне, больше к нему на прием не ходила.

12.XI.1971 г. с направлением Тульчинской райбольницы пришел Терегайло М.Д. со своей больной дочерью Терегайло Н.М. Штерн, осмотрев Терегайло Н.М., предложил ей удалить железы.

После удаления желез в Тульчинской райбольнице Терегайло с дочерью вновь пришел на прием к Штерну.

Услышав в приемной от больных, что к Штерну на прием можно идти, только дав ему 25 рублей, убедившись в этом также по поведению Штерна, который неоднократно перед этим выставлял их из кабинета, Терегайло подготовил 10 руб. (больше не было) и, когда зашел к Штерну, вручил ему деньги, объяснив при этом, что умерла жена и в настоящее время нет денег. Штерн взял 10 рублей и сказал: "Ладно, будете иметь больше денег, тогда дадите". Терегайло пообещал довести, и на следующий день отдал еще 15 рублей.

Ничего не сказав Терегайло по поводу заболевания его дочери, Штерн сказал, что она уже взрослая и ей нужно выходить замуж, и отправил их домой.

Таким образом, в результате вымогательств и создания условий, при которых больные и их родственники с целью укрепления своего здоровья и спасения жизни вынуждены были давать ему взятки, Штерн, как удалось установить расследованием, получил от 21 больного или родственников больных 775 рублей, два гуся и три ведра яблок, чем совершил преступление, предусмотренное ч.2 ст.168 УК УССР.

Кроме изложенного, с целью завладения деньгами граждан, злоупотребляя их доверием, путем обмана, под видом оказания помощи в приобретении "дефицитных заграничных" лекарств, которые якобы быстро излечивают болезни, Штерн М.Ш. систематически получал от больных и их родственников деньги, фактически отпуская для больных обычные лекарства, стоимость которых была значительно ниже полученных Штерном сумм.

Так, в течение февраля-июля 1973 г. Штерн М.Ш. при осмотрах больного Оверчука В.И. заявил его матери, что для лечения сына необходимы лекарства, которых она нигде не достанет, но он может их достать. Нужны только деньги. Чтобы "достать" медикаменты для сына, мать Оверчук А.А. оставила в разное время Штерну 35 руб., отец Оверчук И.Т. — 30 руб.

Штерн, написав для Оверчука В.И. рецепт на лекарства, предложил с полученным лекарством зайти к нему и, отобрав у Оверчук сустанон, впоследствии сделал ему четыре укола (два раза в месяц), таким образом полностью обратив в свою пользу полученные от Оверчук 65 рублей.

В 1971-1972 гг. Штерн М.Ш., госпитализировав за взятку Гужву М.Ф., неоднократно зазывал ее мужа Гужву С.И. в кабинет и создавал видимость активной деятельности в лечении Гужвы М.Ф. и приобретении для этого лекарств, (хотя не имел к этому никакого отношения). Во время нахождения ее в стационаре, систематически вымогал деньги и продукты питания, получив в общей сложности денег и продуктов (утки, жиры, лук и др.) на сумму 250 рублей.

В 1973 г., предложив Матвиенко А.С. помощь в приобретении "дефицитных" лекарств, Штерн получил от нее 55 руб., за кото-

рые дал ей упаковку сустанона стоимостью в 4 руб.35 коп. Себе присвоил 50 руб.65 коп.

21 января 1971 г. во время приема Кондратьюк Н.С. предложил ей фепранон стоимостью 52 коп., за что получил 5 руб., присвоив 4 руб.48 коп.

10 декабря 1971 г. во время приема больного Сушко П.М. Штерн предложил его отцу Сушко М.А. два флакона тиреоидина стоимостью по 15 коп., потребовав за это 10 руб. Таким образом, получил наживу 9 руб. 70 коп.

В декабре 1971 г. и марте 1972 г. Штерн, принимая больного Безносюка В.А., предложил его матери, Безносюк В.Л., "заграничные", "голландские" уколы и в два приема получил от нее 20 руб., израсходовав для лечения Василия одну коробку сустанона стоимостью 4 руб.35 коп. Присвоил таким образом 15 руб.65 коп.

Принимая больного Богуцкого В.И. 13.У1-1963 г., Штерн обнажил его перед матерью, Богуцкой А.Г., заявляя, что его вылечит, но нужно, чтобы она не скупилась, "нужно какую-то десятку", а когда Богуцкая дала ему 25 рублей, Штерн дал ей ампулы сустанон-250 стоимостью 2 руб.90 коп., обратив в свою пользу мошенническим путем 22 руб.10 коп.

23 сентября 1971 г. во время осмотра Безкурского В.Н., Штерн заявил отцу, Безкурскому Н.Т., что "лечение будет стоить дорого", а когда Безкурский Н.Т. ответил, что для лечения ребенка ничего не пожалеет, предложил ему лекарство, "которое нигде нельзя достать, только у него", потому "что в СССР его не производят". Забрав у Безкурского Н.Т. 25 руб., а затем и три штуки рыбы, подвез его к своему дому и дал коробку префизона стоимостью 2 руб.30 коп., а через некоторое время, когда Безкурский с сыном приехал к Штерну сказать, что лечение не дает положительного результата, предложил пойти к нему домой, где он даст хорошие лекарства. Там вручил ему десять таблеток тиреоидина. Таким образом, Штерн обманым путем получил у него 29 руб.50 коп.

1 марта 1973 г. при осмотре Полищука С.А. в присутствии его матери, Полищук М.П., Штерн заявил, что "сделает из него мужчину", только нужны деньги. У него есть лекарства, которых нигде нет. Так как у Полищука не было денег, она уехала домой, а через некоторое время приехала, захватив с собой деньги. Полищук М.П. дала Штерну 45 рублей, за что он дал им

четыре пачки апилака, коробку гонадотропина, два флакона инсулина и коробку сустанона, общей стоимостью 13 руб. 78 коп., а Полищук ему отнесла петуха и 20 штук яиц.

Таким образом, Штерн получил обманным путем от Полищук М.П. 31 руб.22 коп., петуха и 20 штук яиц.

14 марта 1973 г. Штерн, осмотрев больного Струка И.Д., выписал ему рецепт на лекарство, в числе прочего и инсулин.

Так как в аптеке в то время инсулина не было, отец Струка Полищук Д.И. (ребенок рожден от фактического брака) возвращался в диспансер сказать об этом Штерну. Встретившись с ним у больницы, рассказал, что нет инсулина.

Штерн тут же вынул из портфеля пачку инсулина стоимостью 2 рубля, заявив, что цена лекарства 25 рублей, и получил эту сумму от Полищука, завладев таким образом 23 рублями Полищука Д.И.

В течение 1973 г. Коваль М.Д. с сыном Владимиром, посещая Штерна М.Ш. с целью лечения сына, привезла Штерну первый раз 30 штук яиц. Штерн предложил им поехать к нему домой, чтобы сделать Владимиру укол сустанона. В результате нескольких посещений Штерн ввел Ковалью четыре ампулы сустанона стоимостью 5 руб.80 коп., за что получил 30 штук яиц и 25 руб. Он получил мошенническим путем курицу, 30 штук яиц и 19 руб.20 коп. у гр.Коваль М.Д.

24 января 1969 года, осматривая Плясуна С.Я., Штерн заявил его матери Плясун-Сокур Г.А., что постарается достать ему уколы и дал ей пачку хореогонина стоимостью 2 руб. 48 коп. (четыре ампулы сухих и четыре растворителя), за которые получил 40 рублей, обратив в свою пользу 37 руб.72 коп.

Подобным образом под видом оказания помощи в приобретении "дефицитных и заграничных" медикаментов, которых негде достать, *"только у него"*, Штерн потребовал и получил:

15.11.73 г. от Короля С.Г. за медикаменты для его сына Короля Н.С. 25 рублей, дав ему пачку сустанона стоимостью 4 руб.35 коп., инсулина два флакона стоимостью 2 рубля, гонадотропин стоимостью 59 коп. и тиреоидин стоимостью 15 коп., а всего на 6 руб. 94 коп., обратив в свою пользу 18 руб.06 коп.

От Прибеги М.И. за медикаменты для сына Прибеги А.А. в апреле-мае 1972 г. — 50 руб. и 20 штук яиц, израсходовав на инъекции для ее сына две пачки сустанона стоимостью 8 руб. 70 коп., обратив в свою пользу 41 руб.30 коп. и 20 штук яиц.

2 декабря 1971 г. за инсулин стоимостью 4 руб., тиреоидин стоимостью 15 коп. и апилак — 2 руб.01 коп., всего 6 руб. 16 коп. для лечения Малишевского А.П. Штерн потребовал от его отца Малишевского П.П. 19 рублей, а когда сын положил на стол 19 рублей, Штерн сказал: "Клади, що маеш", и Малишевский вынужден был отдать оставшиеся у него 5 руб., в результате чего Штерн получил 17 руб.84 коп.

22 октября 1971 г. получил за тестостерон-пропионат и апилак, стоимостью 3 руб.83 коп. 15 руб. от Чернецкого А.И. для лечения его сына Николая, имея выгоду 11 руб.17 коп.

3 октября 1969 г. за липокаин стоимостью 80 коп. для лечения Денисюка Сергея получил от него 18 руб., обогатившись на 17 руб.20 коп.

В феврале-марте 1972 г., проводя лечение Байды С.И. в служебном кабинете и частично на дому, за три укола сустанона, коробку тестостерон-пропионата, коробку метилтестостерона, две пачки апилака и флакон тиреоидина (что видно из амбулаторной карты больного) стоимостью 9 руб.76 коп. получил от его отца Байды И.А. 80 руб., обратив в свою пользу 70 р.24 к.

В 1972 году Нечипорук А.Ф. обратилась за помощью к Штерну. Штерн, осмотрев сына Анатолия, пообещал вылечить его, но заявил, что нужны дорогие лекарства, которые есть только у него. Нечипорук А.Ф. дала Штерну за лекарства 30 рублей, чтобы лечить сына, но после приема, услышав от больных, что Штерн — мошенник, больше к нему ни за лекарствами, ни за деньгами не обращалась.

Как видно из материалов дела, с целью завладения деньгами и имуществом больных и их родственников Штерн не брезговал никакими средствами.

Только в установленных расследованием 19 случаях Штерн, получая от граждан деньги под видом оказания помощи в приобретении "дорогих заграничных лекарств", завладел их деньгами в сумме 754 руб.03 коп, петухом, 70 шт.яиц.

Этими действиями Штерн М.Ш. совершил преступление, предусмотренное ст.143 ч.II УК УССР.

На основании п.3 ст.34 УПК УССР настоящее дело подсудно Винницкому областному суду и в порядке ст.225 УПК УССР направляется прокурору Винницкой области.

Обвинительное заключение составлено 2 ноября 1974 года в г.Винница.

*Прокурор следственного отдела
советник юстиции*

В.Кравченко

Утверждено прокурором Винницкой области
Государственным советником юстиции III класса
Г.Тарнавским.

С у д ь я. Подсудимый Штерн, признаете ли вы себя виновным и желаете ли давать показания?

Ш т е р н. Виновным себя не признаю. Давать показания желаю.

С у д ь я. Каковы мнения сторон о порядке ведения судебного следствия?

П р о к у р о р. Я полагаю, что нам следует установить порядок судебного расследования и начать его с допроса потерпевших, затем подсудимого, а затем свидетелей. Первая группа свидетелей — по 143 статье обвинения, вторая группа — по 168 статье обвинения, третья группа характеризует личность подсудимого.

А д в о к а т. По моему мнению, в позиции прокурора имеется некоторая непоследовательность. Все потерпевшие, кроме Гужвы, проходят только по одной статье — 143. Гужва же проходит по двум статьям, так что предложенный порядок все равно соблюдаться не будет. В связи с тем, что для допроса свидетелей необходимо выяснить, кто такой Штерн, кем он работает, его должностное положение, каковы были результаты и т. п., я предлагаю начать судебное следствие с допроса самого Штерна, а затем свидетелей и потерпевших.

С у д ь я. Подсудимый Штерн, каково ваше мнение?

Ш т е р н. Мое мнение совпадает с мнением моего адвоката. Я бы хотел только сказать. Не имею права настаивать, но я очень прошу суд поверить мне, что есть настоятельная необходимость заслушать подсудимого вначале. И я надеюсь, что он сумеет показать не только беспочвенность самого обвинения, но и явное несоответствие показаний очень многих свидетелей с материалами самого обвинения.

С у д ь я. Ольнев, ваше мнение?

О л ь н е в. Я согласен с мнением прокурора.

С у д ь я. Потерпевшие, вы слышали два предложения? Прокурор предлагает начать допрос с потерпевших, а потом подсудимого, а затем свидетелей, причем, предлагает допросить свидетелей вначале по 143 статье, а затем по 168. Ваше мнение?

Все потерпевшие согласились с мнением прокурора.

С у д ь я. Суд, совещаясь на месте, определил начать с допроса потерпевших, затем подсудимого, а затем допросить свидетелей позпизодно. Объявляю перерыв.

ДОПРОС

П о т е р п е в ш а я О в е р ч у к А н н а, 1 9 3 5 г о д а
р о ж д е н и я, заведующая сельским магазином.

С у д ь я. Что вы знаете по данному делу?

О в е р ч у к. В 1971 году направил военкомат моего ребенка в больницу, сюда.

С у д ь я. Мальчик или девочка?

О в е р ч у к. Мальчик, Виктор Иванович.

С у д ь я. Какого года рождения?

О в е р ч у к. 1958.

С у д ь я. Это военкомат направил?

О в е р ч у к. Да, как отстававшего в росте.

С у д ь я. (к секретарю) Вы успеваете?

С е к р е т а р ь. Да.

С у д ь я. Хорошо.

О в е р ч у к. В первый раз повез ребенка родственник наш с мужем. Я не везла в тот раз ребенка. Такая, белявая, выписала нам лекарства, не лекарства... ну, как?..

С у д ь я. Рецепт?

О в е р ч у к. Рецепт. По этому рецепту я пошла в аптеку, но не смогла достать ни коробки лекарства. В другой раз пошла уже я с ребенком. Меня направили к Штерну. Я пошла в кабинет и рассказала, что я этого лекарства не могу нигде достать. Штерн сказал, что он мне может помочь, так как у него знакомые, и он постарается достать мне лекарства.

С у д ь я. (к секретарю) Успеваете?

С е к р е т а р ь. Да.

О в е р ч у к. Если будет доставать, то уже само собой разумеется, он же мне засчитает, счет будет стоить ему. Я положила на стол 25 рублей, так как у меня меньшей купюры еще не было тогда. Ну, считала, думала, что нет сдачи, или еще больше нужно, вот. Может, когда уже те лекарства, то в другой раз уже рассчитаемся. А в другой раз уже приехал муж с ребенком. Он уже давал там уколы ребенку и назначил через определенное время, чтоб ребенок приезжал, и давал ребенку уколы. А потом уже, как ему...

С у д ь я. Где давал уколы?

О в е р ч у к. У себя в кабинете.

С у д ь я. У себя в кабинете. Так.

О в е р ч у к. В указанное им время приезжал ребенок туда. Ну, за лекарства им заплатили 65 рублей.

С у д ь я. Значит, вы сказали, что дали... всего дали...

О в е р ч у к. В конверте, я — 35 рублей.

С у д ь я. И другие два раза?

О в е р ч у к. Муж.

С у д ь я. Значит, вы непосредственно дали 35 рублей — 25 и 10 и муж 20 и 10. Так? Итого 65 рублей.

О в е р ч у к. Да.

С у д ь я. Так, а дальше что?

О в е р ч у к. Дальше мы деньги не давали, уже сам лечил.

С у д ь я. У прокурора есть вопросы?

П р о к у р о р. Так, а сына обследовал доктор в вашем присутствии?

О в е р ч у к. Точно так же, как и всех. Говорил, что, может быть, на уколы походит.

П р о к у р о р. Так. Значит, осмотрел его, обследовал, да?

О в е р ч у к. Да.

П р о к у р о р. Ну сделает лучше, говорил вам, или рассказывал?

О в е р ч у к. Ну сказал, что ребенок наш отстаёт в половых органах.

П р о к у р о р. И все? Так, и как же вы... при каких обстоятельствах, скажите вы, ваш сын оказался вне кабинета после того, как его осмотрели и почему сказал, что вам нужно поговорить с доктором?

О в е р ч у к. Доктор жалели, смотрели ребенка, а я плакала очень. Я знаю, что ребенок несчастный, отстаёт, не знаю, что он там скажет...

Прокурор. Так.

Оверчук. Между детьми могли пойти разговоры...

Прокурор. Так кто удалил сына? Вы сказали...

Оверчук. Прошло время...

Прокурор. Не помните?

Оверчук. Может, или я сказала или он?

Прокурор. В первый раз вы расспросили сына, из его слов, о заболевании?

Оверчук. Ребенок, как был тогда, то врач его проверил и говорит, что он отстаёт. Однако потом, когда я уже давала деньги, ребенка не было.

Прокурор. Когда вы давали, сына не было. В этот раз, когда вы приехали и когда давали деньги, сыну делали какие-нибудь инъекции?

Оверчук. Ничего ему не делали.

Прокурор. Ничего не делали.

Оверчук. Да. Лекарства-то ещё не было.

Прокурор. Вам высылали медикаменты вот на эту сумму денег?

Оверчук. Он не высылал мне. Ребенок приезжал сам, ребёнку тут давали уколы

Прокурор. Так. Значит, сын приезжал...

Оверчук. Ребенок приезжал.

Прокурор. Как часто ездил сын сюда?

Оверчук. Ну, там... Когда ему назначали, тогда и приезжал.

Прокурор. По назначению...

Оверчук. По назначению врача.

Прокурор. А сколько раз, вы не можете сказать, сын получил?

Оверчук. Я не могу сказать, прошло время...

Прокурор. Так, кто делал сыну эти инъекции?..

Оверчук. Сам врач.

Прокурор. Кто? Доктор?

Оверчук. Доктор.

Прокурор. Доктор Штерн, так?

Оверчук. Да.

Прокурор. Точно ли вам известно о том, что доктор Штерн делал эти инъекции, а не кто-то другой?

Прокурор. Значит, вы со слов сына знаете о том, что уколы...

О в е р ч у к. Уколы делал доктор.

П р о к у р о р. Значит, вам со слов сына известно было о том, что лечение проводит путем введения медикаментов э-э... этот...

О в е р ч у к. Врач Штерн.

П р о к у р о р. Врач Штерн. Теперь ответьте мне на такой вопрос, свидетель, когда вы посетили еще раз доктора Штерна, вы были одна или с сыном? И при каких обстоятельствах был этот прием?

О в е р ч у к. В другой раз я точно так же имела уже больше мелких денег, дала по 10 рублей, чтоб еще продолжить лечение.

П р о к у р о р. Так что, вы приехали во второй раз с сыном?

О в е р ч у к. Да, все время кто-то ехал с ним — то родственники, то... Только не были в кабинете, ребенок сам заходил.

П р о к у р о р. Ну, а как вы с ним приехали, через сколько это времени, не можете так...

О в е р ч у к. Я знаю... С тех пор уже прошло время.

П р о к у р о р. Значит, вы не можете сказать, да? Так вот этот раз, второй раз, когда вы приехали с сыном, сына обследовали? Или без обследования?

О в е р ч у к. Я сейчас уже не скажу...

П р о к у р о р. Не помните. Обследовался сын или нет, не помните? Ну, хорошо. Где вы были в тот раз?

О в е р ч у к. Ребенок заходил в тот раз сам, то ли обследовали, то ли не обследовали, не знаю.

П р о к у р о р. Значит, сын зашел сначала сам. Так. А как вы оказались в кабинете?

О в е р ч у к. Вышел малый, сказал: "Зайди, мама".

П р о к у р о р. Вышел сын и сказал, чтобы вы зашли. Так?

О в е р ч у к. Ну, да.

П р о к у р о р. Ну, а когда вы зашли, так что было?

О в е р ч у к. Я положила еще 10 рублей... говорю: продолжайте свое лечение.

П р о к у р о р. Нет, так вы зашли после того, как расспросили доктора Штерна, или нет?

О в е р ч у к. Он сказал, что лечение дает результаты.

П р о к у р о р. Так. Значит, он сказал, что лечение проводится результативно. Так? Еще что?

О в е р ч у к. Я положила десятку. Говорю: "Возьмите еще 10 рублей, достаньте еще то лекарство".

П р о к у р о р. Значит, вы положили еще 10 рублей и попросили достать это лекарство лечить сына. Так. Еще были у него? О в е р ч у к. Лично я не была.

П р о к у р о р. Больше не были. Только в этот раз. Так. Скажите пожалуйста, а конкретно, когда ездил ваш муж и когда конкретно он давал деньги, при каких обстоятельствах, откуда вам известно о том, что муж давал деньги?

О в е р ч у к. Он приезжал и сказал, что давал. Я не знаю.

П р о к у р о р. Так. Вы со слов мужа знаете о том, что он при посещении доктора Штерна заплатил или, вернее, дал ему деньги... В какой сумме? 30 рублей. Так? Так. Вы, по-видимому, спрашивали, для чего он дал эти деньги?

О в е р ч у к. За лечение, за что же еще.

П р о к у р о р. А инъекции кто делал?

О в е р ч у к. Там же врач.

П р о к у р о р. Так, еще такой вопрос. Кроме тех уколов, тех инъекций, которые вводились доктором Штерном вашему сыну в порядке лечения, ваш сын лечился еще где-то?

О в е р ч у к. Дома.

П р о к у р о р. Дома лечился. Где ваш сын лечился?

О в е р ч у к. У нас родственница есть, медсестра.

П р о к у р о р. Медсестра есть, родственница. Как ее фамилия?

О в е р ч у к. Оверчук Анна Ивановна.

П р о к у р о р. Оверчук Анна Ивановна. Она где работает?

О в е р ч у к. Медсестрой она работает, в больнице.

П р о к у р о р. Она работает медсестрой в больнице Липовецкого района. Так как же она, по какому назначению, какое у нее лечение принимал ваш сын, вы знаете или нет?

О в е р ч у к. Какое лечение, не знаю, а как поехали муж с ребенком, Штерн рецепт дал в аптеку, в аптеке они набрали лекарств, пошли с ними к Штерну, Штерн сам его... как там... не знаю как там его... я не была. И вот она вводила это лекарство. Я должна была с этим лекарством к ней приходиться. Говорю, что нас принимает доктор Штерн, ребенок ходил...

С у д ья. Значит, она вводила то лекарство, которое давали вам?

О в е р ч у к. Да.

П р о к у р о р. Дальше. Этот рецепт и эти медикаменты вот, которые использовались для лечения вашего сына, приобрелись по рецепту мужем. Да?

О в е р ч у к. Да. По рецепту Штерна мужем.

П р о к у р о р. Сколько раз, вы знаете, получали эти лекарства?

О в е р ч у к. Раза три.

П р о к у р о р. Ясно. У меня нет вопросов.

А д в о к а т. Вы попали к доктору Штерну или к другому?

О в е р ч у к. Меня направила женщина туда.

А д в о к а т. Она работает врачом?

С у д ь я *(к адвокату)*. Вы понимаете ответы?

А д в о к а т. Да, понимаю ответ. Она работает врачом?

О в е р ч у к. А я откуда знаю?

А д в о к а т. Ну вот, вы приехали, она осматривала вашего сына?

О в е р ч у к. Посмотрела и сказала, чтоб зайти в кабинет к Штерну, врачу.

С у д ь я. Когда она приняла вас? Так она что, вместе сидит со Штерном, так или как это было?

О в е р ч у к. А я откуда знаю?

С у д ь я. Нет. Обождите. Она вместе сидела со Штерном?

О в е р ч у к. Она сама иногда сидит там.

А д в о к а т. Вы сказали, что она выписала лекарства, а вы не могли их достать. Правильно?

О в е р ч у к. Это муж ездил в первый раз. Я знаю, или его осматривали?

А д в о к а т. 4 том л. д. 4, там карточка. Там видно, первый осмотр был произведен доктором, э-э... прием был произведен доктором Лившиц.

С у д ь я. Совершенно верно. Есть, есть, это записано.

А д в о к а т. Значит, вы пытались достать лекарства еще до того, как были у Штерна.

О в е р ч у к. Да.

А д в о к а т. И не смогли.

О в е р ч у к. И не смогла.

А д в о к а т. Теперь к вам такой вопрос. Когда вы пришли к Штерну, он вас о чем-нибудь просил?

О в е р ч у к. Нет.

А д в о к а т. А кто просил?

О в е р ч у к. Я просила у него.

А д в о к а т. Значит, вы просили его, чтобы он вам...

О в е р ч у к. Чтобы он вылечил моего ребенка.

А д в о к а т. Чтобы он вылечил. Хорошо. Теперь скажите, пожалуйста, он в вашем присутствии осматривал сына?

О в е р ч у к. Да.

А д в о к а т. Вас как мать не удивило, что доктор в вашем присутствии...

С у д ь я. Будьте добры, медленнее можно?

А д в о к а т. Да, пожалуйста. Вот вас как мать не удивило, что доктор в вашем присутствии предложил сыну раздеться?

О в е р ч у к. Не удивило.

А д в о к а т. Не удивило?

О в е р ч у к. На то он и врач.

А д в о к а т. На то он - врач. А вы — мать. Теперь такой к вам вопрос. После того как он посмотрел сына, он вам сказал...

О в е р ч у к. Что может мне помочь.

А д в о к а т. Помочь вам. И стал лечить?

О в е р ч у к. Чтобы лечить, нужны же лекарства.

А д в о к а т. Теперь вот вы оставили у него 25 рублей. Сколько уколов было сделано после того, как вы оставили 25 рублей, и до того как вы во второй раз приехали и положили 10?

О в е р ч у к. Если бы знала это, записала. Но так как прошло время, я не знаю.

А д в о к а т. Но вы сегодня сказали, что когда вы приехали, то положили ему 10 рублей, потому...

О в е р ч у к. Чтоб продолжить лечение.

А д в о к а т. Что считали, что он в этот раз уже что-то делал. Правильно?

О в е р ч у к. Да.

А д в о к а т. Правильно.

О в е р ч у к. Да.

А д в о к а т. Поэтому положили деньги?

О в е р ч у к. Да.

А д в о к а т. Муж ваш об этом знает? Вы, наверно, дома мужу рассказали?

О в е р ч у к. Может, рассказывала. Сейчас не помню.

А д в о к а т. Ну как, делились с мужем? Он тоже заботится о своем ребенке?

О в е р ч у к. Ну, так уже прошло время. Там мы о здоровье ребенка и не говорили. Я ему дала деньги, мы могли и не говорить.

А д в о к а т. Теперь, такой к вам вопрос. Вы направлены райвоенкоматом. А после лечения военкомат осматривал сына?

О в е р ч у к. Вот недавно был ребенок опять, как все дети.

А д в о к а т. И он признан здоровым?

О в е р ч у к. Это уже в третий раз после того. Он подросток на 15 сантиметров, поправился и вытянулся.

А д в о к а т. Значит, у вас претензий к доктору Штерну как лечащему врачу нет?

О в е р ч у к. Нет, к доктору. Потому что ребенку не хуже.

А д в о к а т. Вот я об этом и говорю: вы считаете, что он вашему сыну помог?

О в е р ч у к. Или он или я не знаю... Или, может, он небольшого роста, так как и я небольшого роста. На вид он очень так вырос...

А д в о к а т. Значит, вы считаете, что результаты лечения были положительны?

О в е р ч у к. Или результаты, или просто ребенок сам вырос.

А д в о к а т. Теперь к вам такой вопрос. В чем, по-вашему, виноват доктор Штерн?

О в е р ч у к. Я знаю? Может, в том, что он сказал, что достанет голландские лекарства. Лекарство будет вводить ребенку...

А д в о к а т. Это вы не знаете?

С у дья. Значит, он сам делал уколы?

О в е р ч у к. Да, он сам вводил уколы ему.

А д в о к а т. Значит, вы твердо не знаете. Правильно? Значит, правильно?

О в е р ч у к. Ну откуда же...

А д в о к а т. Правильно, так и отвечайте. А теперь такой у меня к вам вопрос. Вот если взять протокол одного документа, который называется "заява". Он находится, значит, на листе дела...

С у дья. Тома первого.

А д в о к а т. Тома первого, на листе дела 46 есть такая запись: *"Потом комиссия военкомата к здоровью сына никаких претензий не имела."* Правильно?

О в е р ч у к. Да. Потом мой сын в другой раз был...

А д в о к а т. Теперь вы...

О в е р ч у к. Я сказала ребенку: "Следи, чтоб тебя хорошо проверили."

А д в о к а т. В общем ваш сын здоров. Правильно?

О в е р ч у к. Все правильно. Здоров.

А д в о к а т. И вот у меня в связи с этим такой вопрос:

С у д ь я (к залу). Товарищи, вы мешаете работать. Я вынужден буду прибегнуть к удалению из зала суда.

А д в о к а т. Когда вы сказали следователю, что у вас "возникло подозрение, правильно ли лечил врач моего сына?"

О в е р ч у к. Не подозрение.

А д в о к а т. А что?

О в е р ч у к. Просто я думала, что это... может, его не надо было лечить. Ребенок, так как я небольшая, и ребенок — небольшой. Просто, может, не надо было больше лекарства принимать, и я больше не приезжала с ребенком.

А д в о к а т. Так. А почему у вас вот такой разговор, что у вас возникло подозрение, когда сына вылечили, признали его здоровым, военкомат сказал, что возьмет в армию, парень хороший? Почему у вас возникло подозрение? Если бы сказали "плохой, не годится", тогда, понятно, но когда говорят "здоровый", почему — подозрение?

О в е р ч у к. А какое у меня может быть подозрение?

А д в о к а т. Значит, никакого подозрения не было?

О в е р ч у к. У меня только подозрение, что, может, не надо было ребенка лечить — и все. А никаких подозрений.

А д в о к а т. Неправильно лечил? Умышленно неправильно?

О в е р ч у к. Умышленно — нет, но только с той целью, что ребенок небольшой, может, его не надо было лечить. Это оно только так. А умышленно — нет.

А д в о к а т. И такой к вам вопрос. Когда Штерн удалил из кабинета вашего сына, вы на вопрос прокурора, может быть, я прослушал, или вы не очень громко говорили, вы сказали, что сами попросили, так как речь шла о его болезни.

О в е р ч у к. Вы бы тоже сами попросили, если бы ваш ребенок заболел.

А д в о к а т. Вы спрашивайте только не меня. Но я спрашиваю: так было?

О в е р ч у к. Я не хотела, чтобы ребенок был в кабинете.

А д в о к а т. Я понимаю вас, вы правильно сказали, что неудобно, чтобы сидел там и все слышал. Но вы именно попросили доктора, да?

О в е р ч у к. Да.

Адвокат. Значит, у вас, как вы сказали, никаких претензий к врачу Штерну нет?

Оверчук. Нет.

Адвокат. У меня нет вопросов.

Штерн. Анна Антоновна, да?

Судья. Вы знаете, у нас обращаются "свидетель".

Штерн. Свидетель.

Судья. Да, свидетель.

Штерн. Я просто привык по-врачебному. Я очень благодарен за ваши показания. Я вас прошу прежде всего сказать. Вы, конечно, знаете о том, что ваш сын лечился до меня у других врачей. То есть, он не получал уколов, получал таблетки и так далее. Вы, конечно, знаете, что он явился по направлению военкомата примерно в октябре 1972 года, по карточке. Я, конечно, ничего не помню. Я просто восстановил все по карточке по вопросам. Я совершенно не помню этого случая.

Судья. Хотите взять дело — можете взять себе.

Штерн. Нет, благодарю вас, я помню как раз, восстановил. Ваш сын — вы, наверное, помните, в октябре 1972 года у него был рост 141 сантиметр, 33 кг вес. Вы, наверное, помните, что он пришел в феврале 1973 года. Я прошу суд обозреть эту карточку и посмотреть, что когда он попал к первому врачу, доктору Слободенюк, был тот же самый рост 141, то есть 141 сантиметр рост и 33 кг вес. Второй вопрос, почему врач Слободенюк направила вашего сына — вы прекрасно понимаете, что фельдшера не смотрят в областных учреждениях, — почему врач Слободенюк направила вашего сына ко мне на консультацию?

Судья. Так, вопрос ясен? Пожалуйста, на вопрос подсудимого Штерна суд предлагает вам дать объяснения почему...

Штерн. Почему врач Слободенюк в феврале 1973 года направила ко мне на консультацию после четырех месяцев лечения?

Оверчук. А откуда же я знаю почему, я же не врач.

Штерн. Мне разрешается объяснить, почему направили?

Судья. Сейчас, сейчас, одну секунду...

Штерн. На следующий вопрос...

Судья. Нужно записать. Дать ответ на ваш вопрос, значит: почему врач... как фамилия?

Штерн. Врач Слободенюк. Первый раз была Лившиц четыре месяца тому назад, потом 6 февраля 1973 года...

С у д ь я. Сейчас, сейчас.

Ш т е р н. Врач Слободенюк.

С у д ь я. Мы записали: на вопрос Штерна она отвечала, что почему врач, хотя фамилии она не называла, из карточки видно о чем идет речь...

Ш т е р н. Там есть, да, в карточке запись Слободенюк 17/1173 г

С у д ь я. Она ответила, она не знает почему. Следующий вопрос свидетелю Оверчук.

Ш т е р н. Я бы хотел объяснить суду...

С у д ь я. Подсудимый Штерн...

Ш т е р н. Анна Антоновна...

С у д ь я. Подсудимый Штерн, одну секунду, давайте так сделаем... Вопросы есть еще?

Ш т е р н. Есть. Еще много вопросов.

С у д ь я. Следующий вопрос.

Ш т е р н. Я только...

С у д ь я. Давайте вопрос.

Ш т е р н. Я хотел бы дать уточнение.

С у д ь я. Ваше пояснение будет записано позже.

П р о к у р о р. Пояснения подсудимый должен давать тогда, когда его об этом попросят.

Ш т е р н. Когда это ему разрешит суд.

С у д ь я. Следующие вопросы.

Ш т е р н. Вы видели когда-нибудь сами, что я вводил вашему сыну?

О в е р ч у к. Нет.

С у д ь я. Не видела и не знает какие именно препараты были введены ее сыну.

Ш т е р н. Потому что я вводил не один гормон, а по моему методу четыре гормона. С л е д у ю щ и й в о п р о с. Вы в своем... при допросе отвечаете ясно, сын говорит, что он ездил два раза в месяц, вы говорите, что сын был, кажется, семь раз.

О в е р ч у к. Я не знаю, прошло время, я не помню.

Ш т е р н. Значит, я прошу...

О в е р ч у к. У меня карточки нет.

Ш т е р н. Я понимаю, я хочу вас спросить, как вы думаете, примерно, ваш сын один раз в две недели ездил к врачу?

О в е р ч у к. Когда вы назначали, тогда он ездил.

Ш т е р н. Вы не отказываетесь от своих слов, что сын был, примерно, семь раз на уколах?

О в е р ч у к. Я не знаю.

Ш т е р н. Ну вот написано в ваших показаниях.

О в е р ч у к. Сын ездил, а сказать, сколько он раз, я не помню.

Ш т е р н. Следующий у меня к вам вопрос: вы, конечно, знаете о том, что лечение по методу доктора Штерна, это мой метод, дало блестящие результаты — ваш сын прекрасно вырос, поправился, стал годным к военной службе. Вы это знаете сейчас хотя бы?

С у д ь я. Не надо это объяснять. Она за это претензий не имеет.

Ш т е р н. А вы сейчас услышите, что за претензии: я шпион и отравитель. Вы заявляли на очной ставке, что ваш сын ко мне часто ездил, что никогда денег он не платил. Вы это подтверждаете?

О в е р ч у к. Ребенок не платил, платили мы.

Ш т е р н. Прекрасно. Благодарю вас за то, что вы подтверждаете, что за эти семь раз, которые приезжал ваш сын, ему проводилось гормональное лечение лично мной. Вы оставляли деньги именно для этого лечения?

О в е р ч у к. Да.

Ш т е р н. И последнее. Вы понимаете хотя бы теперь, что доктор Штерн не шпион, не травил людей и что ему денег за неправильное лечение советских людей никто не платил.

С у д ь я. Подсудимый Штерн, вас никто не обвиняет в этом. Вы понимаете?

Ш т е р н. Нет, меня обвиняют, и я скажу почему. Я прошу вас поднять... Сейчас мой защитник скажет... Дело в том, что на л. д. 117 в томе 1 есть показания на очной ставке. Пусть скажет Анна Антоновна, я ей весьма благодарен за объективные показания. Почему именно 14 мая или 16, не важно, не имеет значения, 14-16 мая все свидетели появились на арене. Почему именно 14-16 мая у гр-ки Оверчук возникло опасение, что сына неправильно лечили? Анна Антоновна, я вас очень прошу...

О в е р ч у к. Ну откуда мне знать, что так...

Ш т е р н. Подождите, Анна Антоновна, я вас очень прошу, просто вы мне очень поможете, потому что в конце концов посадить меня в тюрьму и взять этот грех на душу не просто. Скажите мне честно, почему вы мне на первой очной ставке, на второй день, когда меня посадили в тюрьму ни за что, ни про что, вы сказали, кто научил вас этому? Кто к вам приезжал?

Кто говорил? Вы мне сказали: "Вам поручили лечить неправильно допризывников, вам платили за это деньги, вы — шпион". Кто вас научил этому? Скажите суду, людям — пусть знают, кто такие вещи делает. И последнее я прошу...

Судья. Она не ответила еще.

Штерн. Извините.

Судья. Вы слышите? Кто у вас был? Или не был?

Оверчук. Разве я спрашивала вас?

Судья. Вы слышали, Штерн говорит, почему это только с вами связывают, что вы... Вот вы слышали, он утверждает, что вы на очной ставке ему сказали эти слова. Было это или нет?

Оверчук. Не было. Никто ко мне не приезжал, никто ничего не говорил.

Штерн. Я прошу суд зачитать мои показания.

Судья. Нужды нет все подряд зачитывать. Мы не все будем зачитывать в суде и не думайте, что мы не в курсе дела.

Штерн. Нет, где она говорит, что я израильский шпион, что мне платили деньги за это.

Судья. Суд заинтересован в объективном исследовании дела. Поверьте мне, все, что у нас есть, мы исследуем.

Штерн. Я прошу зачитать мои показания, где гр-ка Оверчук меня упрекает в том, что мне платили деньги за то, чтобы я неправильно лечил допризывников. Это записано в протоколе моей очной ставки.

Судья. Других вопросов нет.

Штерн. У меня нет вопросов.

Заседатель. На предварительном следствии вы говорили, что Штерн вас предупреждал никому не рассказывать о болезни сына.

Оверчук. Я сама не хотела рассказывать, что ребенок у меня больной, и чтобы между детьми пошло.

Заседатель. А врачу вы задавали вопрос?

Оверчук. Врач меня предупредил, когда я была в первый раз у него, чтобы никому не рассказывать, что он его лечит.

Судья. Так это Штерн сказал?

Оверчук. Ну да. Так он сказал, но я сама не хотела, чтобы это ребенок... чтобы между детьми не пошло, боялась, что ребенок отстает ростом.

Судья. Вот тут уже нами записано...

О в е р ч у к. Между прочим, сказал, что говорить так, как есть, — тогда над ребенком будут дети смеяться.

З а с е д а т е л ь. Это был только совет, он посоветовал вам?

О в е р ч у к. Ну да, чтобы дети не смеялись.

Ш т е р н. А вы мне так и не ответили, почему именно 14 мая 1974 г., когда мой сын получил разрешение на выезд, почему вот в эти дни гр-ка Оверчук подала заявление? Почему ни раньше, ни позже? Я не получил ответа.

С у д ь я. Свидетель Оверчук, мы хотим получить ответ на вопрос подсудимого Штерна. Вы поняли вопрос?

О в е р ч у к. Ну это совпало, наверное, так. Я же не знала...

С у д ь я. Так есть еще вопросы?

Ш т е р н. У меня нет.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

14 мая 1974 г.

т.1, л.д.43-46

Прокурору Винницкой области от гр-ки Оверчук Г.А.

З а я в л е н и е

Я зашла к врачу. Он сказал, что для лечения нужны заграничные лекарства, которых нигде нельзя достать, но он может, только необходимо сейчас дать деньги. Сколько, не сказал. У меня было 25 рублей одной купюрой. Я ему дала, ждала, что он даст сдачу, так как не думала, что лекарство стоит так дорого, но он сдачи не дал, а велел приехать через некоторый период, он достанет.

Я у того врача с бородой была еще раз — другой раз. Другой раз я ему в руки дала только 10 руб., т. к. подумала, что если дать больше, то он не даст сдачи. Даты, когда давала 25 и 10 руб., не помню.

Сколько денег дал муж за три поездки, не помню, я дала 35 руб. за два раза. Давал ли сам Виктор деньги этому врачу, я не помню.

Потом медкомиссия военкомата никаких претензий к здоровью сына не имела.

В связи с вышеизложенным, у меня в последнее время возникло подозрение в том, что

правильно ли лечил этот врач моего сына, а потому я решила добровольно заявить в прокуратуру.

Он сказал, что лекарства заграничные, что я их нигде не достану, поэтому я вынуждена была давать гроши. Мой муж дал врачу один раз 20 руб., другой раз 10 руб., а всего 30 руб. за лекарство.

Свидетель Гужва Семен, слесарь.

С у д ь я. Подсудимого знаете? Взаимоотношения с ним нормальные?.. Вы с ним не в ссоре, не родственники?

Г у ж в а. Нет, не родственники, но обида у меня есть.

С у д ь я. Обида? У вас какие-то ссоры были, какие-то...

Г у ж в а. Мы не ссорились.

С у д ь я. Личные счеты. А теперь расскажите нам, что вы знаете по данному делу, когда и зачем вы сталкивались, и вообще, что у вас было с доктором Штерном?

Г у ж в а. Когда моя жена заболела, ей сделали операцию. После того, как плохо стало, я отвез ее в Винницу. Ну, стали в очередь там. Штерн не вызывал никого. У тебя, говорит, мешок в руке, надо бурьян вырвать вокруг больницы. Он говорит жене, ты тоже иди, а я говорю: она не пойдет, она не может. Там во дворе все работали. Он говорит: ну зайдешь ко мне. Ну, я зашел, он сразу же говорит, что я тебе даю гарантию, что твоя жена выздоровеет через полгода или через год. Гарантирую, только ставь магарыч. Жена осталась на обследование, он оставил, а я поехал домой. Обратился к теще, потому, что дома денег не было. Взял 50 рублей одной купюрой, приехал назад, жена оставалась ночевать. Ну, когда я зашел туда, он назвал меня в свой кабинет, а сам появился с женой.

С у д ь я. Это было на второй день?

Г у ж в а. На второй день. Поехал к маме, приехал назад. Когда вошел в кабинет, то уже беседовал с женой. Я дал 50 рублей из рук в руки. Он взял 50 рублей и направил жену в стационар. Она там лежала около месяца.

С у д ь я. Так, и вы в это время приезжали к жене?

Г у ж в а. Приезжал, в неделю два раза.

С у д ь я. Так. С доктором встречались?

Г у ж в а. Встречался обязательно. Он со мной за руку здоровался. Я давал ему деньги много раз.

С у д ь я. Вы сказали, что 50 рублей ему давали и еще сколько?

Г у ж в а. По 25 рублей.

С у д ь я. В какой раз?

Г у ж в а. В другой раз было.

С у д ь я. А за что же вы еще ему деньги давали?

Г у ж в а. Он нас потом в Киев направил на консультацию. Он сказал, давай денег. Я ее в Институт направлю. Я и дал, сколько не помню, то ли 25, то ли 35. В Киеве смотрел профессор. Потом она опять лежала в больнице. Штерн потом взял еще 25 рублей за справку на ВТЭК для пенсии. Он мне еще сказал: "Привози продукты". И я возил яйца, кур, уток, лук. Был у него дома, три раза. Жена это все принимала.

С у д ь я. А за лекарства вы ему платили?

Г у ж в а. В марте 1974 жена поехала в Винницу на перекомиссию. Ей справку дали другие врачи. Она зашла к Штерну, и я дал ему 25 рублей за уколы. Я заплатил за них 4 рубля в аптеке и еще дал ему 25 рублей в кабинете.

П р о к у р о р. Итак, вы говорите, что дали 50 рублей за госпитализацию и 35 рублей за направление в Киев. А вот на следствии вы говорили, что давали 40 рублей.

Г у ж в а. Я не помню, вроде давал 45.

С у д ь я. Вы только что сказали 35, а теперь говорите 45.

Г у ж в а. Я не помню.

П р о к у р о р. А еще вы давали деньги, кроме этих случаев?

Г у ж в а. Давал, но я не помню... за то, что он ее в больнице лечил.

С у д ь я. Так она же лежала в стационаре, в котором Штерн не работал.

Г у ж в а. А я заходил к нему в кабинет поликлиники и там давал ему деньги много раз.

С у д ь я. Зачем вы давали деньги Штерну, который работает в поликлинике, если жена ваша лежала в больнице и он ее не лечил?

Г у ж в а. Ну и что, что в больнице. Он говорил, что жену вылечит.

А д в о к а т. У кого вы взяли первые 50 рублей, за которыми возвращались в деревню?

Г у ж в а. У тещи взял. Меня шофер наш вез. Я ему все рассказывал.

С у д ь я. Как фамилия шофера?

Г у ж в а. Михальский.

А д в о к а т. А ваша теща знала, для чего деньги?

Г у ж в а. Да, я ей все рассказывал.

С у д ь я. А жена ваша знала о том, что вы даете Штерну деньги?

Г у ж в а. Знала, но не о всех. 50 рублей за госпитализацию и 45 руб. за направление в Киев я давал в присутствии жены, еще деньги у своей матери брал. Помню, она с книжки снимала. И еще у тещи Мельник Анны очень часто деньги брал.

С у д ь я. А Мельник Анна приезжала с вами дочку навещать?

Г у ж в а. Да, мы приезжали вместе, привозили лук, яйца и утку и вместе с тещей отнесли все это к Штерну на квартиру. Там жена его была, а его не было. Мы немножко подождали, и теща пошла в больницу к жене, а я остался ждать.

П р о к у р о р. Вы действительно пьете? Вот Штерн утверждает, что вы пьете и что вы украли у него часы? Вы украли у Штерна часы?

Г у ж в а. Нет, я вообще даже пива не пью. У меня язва, и часы я у него не видел.

П р о к у р о р. А какие у вас отношения с женой? Штерн утверждает, что вы ее забросили и что вы — бабник.

Г у ж в а. Нет, что вы, у меня двое детей, одному шесть месяцев.

А д в о к а т. Где вашей жене делали операцию?

Г у ж в а. В нашей больнице.

А д в о к а т. Вы знаете, что ей удалили?

Г у ж в а. Не знаю.

А д в о к а т. Когда вы впервые обратились к Штерну?

Г у ж в а. Тогда же, после операции.

А д в о к а т. Вы хорошо помните, что сразу попали к Штерну, а не к другому врачу?

Г у ж в а. Да, хорошо помню, сразу к Штерну.

А д в о к а т. Можно ли вас так понять, что она легла в больницу на следующий день после того как вы приехали?

Г у ж в а. Да, верно.

А д в о к а т. Вы ее навещали в больнице?

Г у ж в а. Да, навещал.

А д в о к а т. Вы говорили с ее лечащими врачами?

Г у ж в а. Нет, с ними не говорил. Я же ходил только к Штерну

А д в о к а т. Но он же там не работает. Вы говорили с заведующим стационаром?

Г у ж в а. Нет.

А д в о к а т. А другим врачам вы деньги давали?

Г у ж в а. Нет, не давал.

А д в о к а т. Сейчас ваша жена продолжает лечиться?

Г у ж в а. Да.

А д в о к а т. Вы говорили, что шесть месяцев назад она родила дочь? Роды прошли нормально? Ребенок здоров?

Г у ж в а. Да.

А д в о к а т. Был ли у вас со Штерном разговор о беременности?

Г у ж в а. Да, он говорил, что хорошо бы моей жене забеременеть, это ей поможет.

А д в о к а т. А она слышала, как он это говорил?

Г у ж в а. Да, при ней было, она слышала.

А д в о к а т. В материалах дела есть ваш иск Штерну, в котором вы пишете, что дали ему в общей сложности 500 руб. Затем в другом месте вы говорите, что дали всего 400 руб. Есть также ваше заявление, в котором вы пишете, что дали 250 руб. и просите их со Штерна взыскать. Сегодня вы насчитали что-то около 170 рублей. Почему вы меняете сумму?

Г у ж в а. Я говорю, что помню, про остальные деньги я точно не помню.

А д в о к а т. Какие продукты вы приносили Штерну?

Г у ж в а. Яйца, лук, уток.

А д в о к а т. Сколько?

Г у ж в а. Три раза было, но в точности не помню.

А д в о к а т. Ваша жена и сейчас лечится? Как она себя чувствует?

Г у ж в а. Да пьет все лекарства.

А д в о к а т. А вы знаете, что у вашей жены по ошибке удалены паразитовидные железы?

Г у ж в а. Нет, не знаю.

Ш т е р н. Почему вы ждали четыре года прежде, чем написать на меня заявление? Почему вы написали его именно 17 мая?

Нет ответа

Ш т е р н. Второй вопрос: из всех свидетелей и потерпевших Гужва единственный, который назвал крупную сумму денег. Почему вы дали деньги мне, заведующему поликлиническим отделением, когда я не имел никакого отношения к стационару, в котором лежала ваша жена, и к ее лечению?

Г у ж в а. Вы назначили лечение. Он все писал в карточку. Он обещал, что вылечит ее.

С у д ь я. Нам непонятно, почему вы давали ему деньги за лечение. Ведь он не лечил вашу жену и вообще не работал в стационаре?

Г у ж в а. Он обещал ее вылечить.

Ш т е р н. В постановлении о моем аресте сказано, что за три раза вы привезли мне продуктов на 250 рублей, то о чем вы говорили здесь, едва ли стоит 25 рублей.

Г у ж в а. Я сумму не указывал. Это они неправильно посчитали.

Ш т е р н. Вам известно, что Ольга Андреевна, которая лечила вашу жену, — ассистент профессора Зелинского? Говорили ли они вам, что в результате неудачного удаления парашитовидных желез ваша жена неизлечимо больна?

Г у ж в а. Не говорили, вы обещали ее вылечить.

Ш т е р н. Кто подговорил вас написать на меня заявление 17 мая, т. е. тогда, когда мой сын получил разрешение на выезд?

Г у ж в а. Никто меня не подговаривал, у меня на вас обида есть.

П р о к у р о р. Вам известно, что сыновья Штерна уезжают?

Г у ж в а. Нет.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

17 мая 1974 г.

т. 1, л. д. 17-26

Следователь Кравченко

Протокол заявления Гужвы С.

Я длительное время переживал и сейчас переживаю моральную и физическую травму по поводу бездушного и просто нечеловеческого отношения к моей жене Гужве М. Ф. со стороны заведующего отделением Штерна, который довел мою же-

ну до очень тяжелого состояния, а также за вымогательство с меня и получение взяток в виде кур, уток, лука, чеснока и денег в общей сложности 500 руб.

Я уже больше об этом утаивать не могу, поэтому решил добровольно заявить о всех нечестных проделках Штерна М. Ш.

Моей жене сделали неудачную операцию зоба и поэтому в 1971 г. направили повторно в Винницу.

Штерн при мне осмотрел жену, а потом сказал: "Я вашу жену вылечу, но с тебя следует магарыч". В чем именно заключается "магарыч," он не сказал. Я ему ответил: "Хорошо." Денег не дал, т. к. не было со мной.

Жену оставили в больнице на обследование, а я поехал домой. 50 руб. взял у тещи Мельник Анны. На следующий день привез. Зашел к жене и с женой пошел к Штерну в кабинет. Поговорили, а затем я ему в кулаке дал 50 руб. одной купюрой. Он спросил: "Сколько?" я не ответил, т. к. мне было неудобно давать деньги. После этого жену положили в стационар, а я уехал домой. Штерн жену в стационаре не лечил.

Я ездил к жене каждую неделю и когда я приеду, меня обязательно встретит Штерн, пригласит в кабинет и говорит, что жену вылечит и ведет тяжелый разговор, пока я не дам ему денег и только потом отпускает меня. Это было просто вымогательство. Я ему дал два раза по 25 руб. Деньги давал купюрами не меньше 10 руб.

Затем, когда жену выписали, то жене надо было делать уколы. Я ему об этом сказал, он помялся, но ничего не ответил. Я понял, что ему нужно дать деньги и дал ему 35 руб. Он тут же выписал мне рецепт.

После этого жена еще несколько раз лежала в больнице. История со Штерном повторялась систематически. В каждый мой приезд он требовал деньги, я ему их давал. Под осень я ему сказал: "Михаил Исаевич, у меня нет больше денег, может быть, я что-нибудь привезу?" Он сказал: "Хорошо." Я ему за несколько раз привез пять качек, три-четыре курицы, два венка лука, венок чеснока. Все эти продукты я отвез Штерну за два раза домой, на квартиру. Первый раз и второй раз Штерна дома не было, разговаривал с его женой.

После диспансера Штерн направил жену в Киев, в какой-то НИИ, к проф. Ромашкан, чтобы ей пересадили щитовидную железу. При этом я дал Штерну 40 рублей. Ромашкан отказала

и дала указания о дальнейшем лечении. По возвращении в Винницу жена вновь легла в стационар.

Т. к. жене не помогало "лечение" Штерна, то в последний раз, когда она лежала в стационаре, Штерн в беседе сказал, что он уже ничем не может помочь, что ей надо оформиться на пенсию. И когда жена в последний раз выписывалась из больницы, я дал ему 35 рублей.

На следующий день я приехал к Штерну за справкой для ВТЭК. Но он почему-то не хотел давать, мямлил, я понял, что он хочет деньги. Он говорит: "Это не для меня, это для комиссии ВТЭК", и я дал ему 25 рублей. В какие дни и сколько раз давал Штерну деньги, — не помню. В общей сложности я ему в разное время дал 500 руб. и продукты.

О том, что я возил Штерну деньги, продукты, знают с моих слов жена, теща, моя мать Гужва О. В., тесть Мельник Ф. Е., Михальский И. К., Барабан В. Е. Штерн обычно, как коршун, во время приема больных прохаживался по коридору и выбирал своих людей, ходит, ходит, а потом подойдет к своей жертве и говорит: "Заходите", — и там начинается то, что было со мной. Таких людей у него было много, но конкретно назвать не могу.

При встречах со мной Штерн говорил, что моей жене необходимо забеременеть, тогда она поправится. Она забеременела в августе 1973 г. Ей все хуже и хуже, а сейчас ее жизнь в опасности. Все врачи говорят, что жене беременность противопоказана.

Вот все это и побудило меня заявить о шарлатанстве взяточника Штерна, чтобы не страдали от него другие люди. Вот вкратце все, что имело место.

Индивидуальная карта амбулаторного больного Гужвы М.Ф.

т. 4, л. д. 20-41

Дата составления: 3. 05. 71 г.

3. 05. 71 г. "... неделю тому назад у больной обнаружен зоб" — врач Слободенюк.

6. 05. 71 г. "... была у доктора Бронфман."

13. 09. 71 г. "...направлена доктором Штерном на исследование содержания кальция и фосфора в крови.

14. 09. 71 г. "... прием у доктора Штерна".

15. 09. 71 г. "... прием у доктора Штерна (больн. лист с 15 по 24)"

24. 09. 71 г. "... направлена на стационарное лечение".

Заявление.

т. 2, л. д. 213

В связи с тем, что Штерн под видом лечения моей жены, обманным путем забрал у меня деньги и продукты на 250 рублей, прошу принять меры, чтобы эту сумму взыскать в мою пользу.

Подпись : Гужва

Потерпевшая Плясун-Сокур Галина, 1937 года рождения, колхозница.

Плясун. У меня двое детей, дочь и сын. Сына моего Сергея военкомат направил в Винницу, и я обратилась к Штерну. Он мальчика осмотрел и назначил лечение, выписал таблетки, не знаю, какие, и уколы. Курс лечения был назначен такой, чтобы месяц принимать под наблюдением наших врачей. Еще Штерн выписал нам препарат хориогонин. В течение месяца, точно не помню, сына лечили, ну, наверное, через месяц, может, чуть больше, сейчас точно не помню, мы попали опять к доктору Штерну. Он посмотрел и сказал, что лечение дает эффект, но все-таки надо достать хориогонина, а мы его в аптеке в Виннице искали, и в Москве, и в Киеве. И мы даже в Ленинграде, у нас там знакомые были, не достали. Когда я была в другой раз, случилось так, что мы ночевали в Виннице в гостинице. У него, у доктора, были каждый раз. Ездили на анализ крови. Он нам и говорит: могу вас обрадовать, достал одну коробку хориогонина, но стоит она 40 рублей. Как, при каких обстоятельствах... Мне как кажется, что там лежала не то жена военного, не то дочка, и она может нам достать. Штерн сказал, что, как ему известно, эти уколы стоят 40 рублей. Он сказал, что надо принимать под наблюдением врача, дал уколы и в тот же день поехали домой.

Судья. Сколько раз, сколько сделали уколов?

Плясун. Пять раз. В коробке 5 ампул и 5 растворителей, на пенициллин похоже. Он нам указал, что уколы надо делать

под строгим наблюдением врачей, потому что ребенок маленький. Так и давали, по-моему, один или два раза в неделю. Я точно не помню. Дали ему один укол, вроде было ничего. Когда мы дали ему второй укол, он, особенно ночью, стал возбужденным, но до этого у него уже стали красные глаза. Ну я пошла к врачу. Я пришла, там сидят какие-то врачи. Они говорят, что Штерна нет, они на приеме вместо него. Я не знаю, кто. Они говорят, что пока не будем делать ему эти уколы. А потом в Одессе мы записались в платную поликлинику, и там нам советовали больше не делать уколы, и мы прекратили.

С у д ь я. Какова государственная стоимость этих уколов?

П л я с у н. Не знаю.

П р о к у р о р. Сколько было ампул и растворителей?

П л я с у н. Не больше пяти, не меньше четырех.

С у д ь я. Знаете, почему прокурор спрашивает о количестве ампул?

П р о к у р о р. На предварительном следствии вы говорили, что четыре, а сейчас вы сказали, что пять.

П л я с у н. Да вы можете считать, что не больше пяти и не меньше четырех.

П р о к у р о р. Ампулы с растворителем?

П л я с у н. Да, только у Штерна я видела.

П р о к у р о р. Так откуда вы знаете, что хореогонин?

П л я с у н. Там на коробочке было написано большими буквами — хориогонин.

П р о к у р о р. Вы точно помните?

П л я с у н. Да, коробочка была запечатана.

П р о к у р о р. Почему вы дали 40 рублей, а не 10 и не 20?

П л я с у н. Так мне сказали.

П р о к у р о р. Кто сказал?

П л я с у н. Доктор Штерн сказал, что он так договорился, что оно столько стоит.

П р о к у р о р. Вопросов нет.

А д в о к а т. Вы сказали, что вы искали лекарство в трех городах.

П л я с у н. Так.

А д в о к а т. Нигде не было, а потом вы сказали, что в другой раз доктор вас обрадовал: есть это лекарство. Вы действительно обрадовались?

П л я с у н. Конечно.

А д в о к а т. Даже, несмотря на то, что оно стоит 40 рублей.

П л я с у н. Конечно.

А д в о к а т. Вы сказали сегодня, что за любую цену купили бы. Правильно?

П л я с у н. Конечно, матери своей ребенок дороже.

А д в о к а т. Теперь такой вопрос: вы сказали, что этот препарат попал к доктору Штерну от жены военного?

П л я с у н. Я точно не помню, я знаю, он сказал: у них есть больной, то ли военный. Точно, что через пять рук прошло.

А д в о к а т. И он вам сказал, что эти деньги просит хозяин препарата?

П л я с у н. Конечно.

П р о к у р о р. Этого она не говорила. Такого в суде, кажется, записано не было.

С у д ь я. Сейчас проверим. Сейчас секретарь прочитает, как там было сказано (*зачитывает*).

А д в о к а т. В чем же вас доктор обманул?

П л я с у н. Он меня ни в чем не обманул.

А д в о к а т. Значит, вы не считаете, что он вас обманул?

П л я с у н. Я буду счастлива, если будет хороший конец.

Ш т е р н. Я не знаю ваше имя, отчество...

С у д ь я. Обращайтесь "свидетель".

Ш т е р н. Свидетель, я хотел бы вам напомнить...

С у д ь я. Нет, так нельзя.

Ш т е р н. Нельзя. Ну я сейчас другой вопрос... Сейчас я поставлю... Помните вы о том, что в 1969 году это лекарство, этот гормональный препарат полностью отсутствовал в течение многих месяцев. Или не помните?

С у д ь я. Ну, она уже сказала об этом.

Ш т е р н. Помните ли вы, что я вам четко и ясно сказал, хотя это было давно, что у нас лежит больная, муж ее полковник, приехал из Венгрии, привез хориогонин, и что у него можно купить? И вы это знали?

П л я с у н. Я ж не в курсе... Кто болел, что не помню, что я не знаю...

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

3 октября 1974 г.

т.5, л.д.20

Следователь Кравченко

Показания Плясун-Сокур Г.

Мой сын действительно был на приеме у Штерна в первых числах января 1969 г. Выписал лекарства. Когда был второй раз, обследовал и сказал, что нужно выписать хориогонин – венгерский препарат.

Я искала везде: в Одессе, в Киеве, послала рецепт в Москву, но нигде не нашли, а был только заменитель. Штерн сказал, что постарается достать, каким путем, я не знаю.

Пришли к нему в конце 1969 или в начале 1970 года. Штерн сказал, что есть у него этот препарат и назвал цену – 40 рублей. Я сразу дала ему деньги, а он мне хореогонин.

Потерпевшая Кондратюк Нина, 1943 года рождения, колхозница.

У меня увеличена щитовидная железа и еще у меня плохо с нервной системой. Я поехала к Штерну, слышала, что он хороший врач. Штерн принял меня в своем кабинете, выписал рецепт – иди покупай лекарство. Последний раз, когда я была, у меня было плохо с головой... И я снова приехала к Штерну. Ну, он посмотрел и сказал, что это может быть от того, что у меня радикулит шейного хряща. Я сказала, что душит меня все же эта железа. Раньше, когда он выписывал мне рецепт, там указан был препарат фепранон. Его, этого препарата, не было нигде, где я ни спрашивала. Я даже просила одну врачиху, чтобы она достала, у нее в Киеве знакомые, но неудачно просила. Не захотела или что, но я не достала. Когда я последний раз была, сказала Штерну, что этого препарата я не достала. Ну он мне дал этот препарат. Я не знаю...

Судья. Фепранон?

Кондратюк. Да... Сколько он стоит там... Я дала 5 рублей. Я думаю, что это просто мелочь, это же не деньги...

Судья. А фактически сколько стоит, вы так и не знаете?

Кондратюк. Ну, я слышала, говорили, что 62 коп.

Судья. Вы принимали этот препарат?

К о н д р а т ю к. Нет. Я вообще вам скажу, что к лекарст-
вам я не очень расположена. Привезла его и поставила. Время,
видно, годности вышло. Я посмотрела и его не принимала,
а потом я его выкинула.

С у д ь я. Вопросы будут у прокурора?

П р о к у р о р. У меня тут уточняющий вопрос. На предва-
рительном следствии...

С у д ь я. (к Штерну) А вы почему стоите?

Ш т е р н. У меня болит поясница.

С у д ь я. Пожалуйста, как вам удобнее...

П р о к у р о р. На предварительном следствии вы говори-
ли о том, что вы эти медикаменты у него не просили.

К о н д р а т ю к. Нет, но я, может, и сказала так, правда,
я не просила, а говорила, что этого в аптеке нет. Он дал ре-
цепт, и там был указан этот препарат. Мне не говорили, что я
его не достану.

П р о к у р о р. Так, сказали Штерну, "...я его не достану".
Так? И он этот препарат вам дал. Откуда он взял его?

К о н д р а т ю к. Из кармана.

П р о к у р о р. Из кармана вынул и дал вам этот препарат?

К о н д р а т ю к. Да.

П р о к у р о р. Так он сказал вам, сколько уплатить?

К о н д р а т ю к. Нет.

П р о к у р о р. Вы сами уплатили врачу?

К о н д р а т ю к. Да.

П р о к у р о р. Вы знали о том, что... какая стоимость тогда?

К о н д р а т ю к. Нет.

П р о к у р о р. Когда вы брали препарат, вы тогда не знали.
Так. Теперь вы говорите, что вы его выбросили. Почему?

С у д ь я. Она уже сказала — срок годности вышел.

А д в о к а т. Скажите, пожалуйста, вы сколько раз были
на приеме у Штерна?

К о н д р а т ю к. Не помню. Может, три раза.

А д в о к а т. Скажите, пожалуйста, вот, когда вы приходили
на прием, он вас сразу же принимал, в этот же день?

К о н д р а т ю к. Да.

А д в о к а т. Не было случая, чтобы он отправлял обратно,
говорил, что вот я вас сегодня не приму, приходите завтра.

К о н д р а т ю к. Никогда не говорил.

А д в о к а т. Нет? Не было случая, чтобы он так себя вел,

чтоб вы понимали: ему надо дать взятку, а иначе он вас не примет?

К о н д р а т ю к. Нет.

А д в о к а т. А сам он вам ничего не говорил?

К о н д р а т ю к. Нет.

А д в о к а т. Никаких денег он с вас не требовал?

К о н д р а т ю к. Не требовал. Никогда.

Ш т е р н. Я хочу вас спросить, товарищ Кондратюк, вы не раз были у нас в больнице. Какое у вас сложилось впечатление обо мне как о враче и как о человеке?

К о н д р а т ю к. Ну, я знаю, все говорили, что вы хороший врач.

Ш т е р н. Второй вопрос: скажите, если я даже допущу, я не помню, конечно, этого случая, что я вам дал фепранон, вы можете себе представить, что я это сделал из чисто гуманных соображений, что вы нигде не могли достать? Я вам просто дал фепранон, не ожидая, что вы меня поблагодарите.

К о н д р а т ю к. Может быть, нет. Я знаю, что... но если вы, может быть, это так.

Ш т е р н. Можете ли вы представить, что вы дали эти 5 рублей, если только вы их дали, в порядке благодарности за мою профессиональную деятельность, а не за лекарство?

С у д ь я. За что вы дали эти деньги? За лекарство?

К о н д р а т ю к. Да.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

10 июля 1974 г.

т. 2, л. д. 18

Следователь Кравченко

Показания Кондратюк Н.А.

Была направлена на прием в Винницкий диспансер из Бершадя Попала к Штерну. Он выписал рецепт, в котором, кроме других лекарств, был фепранон. После того как выписал рецепт, он вынул из кармана фепранон и отдал мне. Я у него не просила, он сам это сделал. Я дала ему за это 5 руб. Какая стоимость фепранона, я не знаю.

Потерпевшая Матвиенко Анна, учительница.

Моего ребенка Лесового Виталия вызвали вместе с другими детьми на осмотр в районную больницу. На другой день я иду туда. Приезжаю в больницу, меня врачиха в первый раз зазвала и говорит: "Знаешь, у сына твоего недоразвитие. Езжай в Винницу, там есть хороший врач", вот...

Судья. Это врач сам вам сказал?

Матвиенко. Врачиха сказала мне сама. Говорит, есть хороший врач по фамилии Штерн. Говорит, что вылечит его, он вам поможет. Ну, на другое утро я немедленно иду за направлением и еду в город в городскую больницу. Меня записали в регистратуре. Я попросила, чтобы меня записали к Штерну. Он врач, видимо, хороший, приятный, такого врача, безусловно, выбирают люди, потому что он хороший врач. Пришла я к врачу, очередь была небольшая. Прошла я эту очередь, принял нас врач, осмотрел всего, измерил, взвесил, легкие слушал, дальше все. Он говорит, что надо сыну назначить лечение. Назначает лечение, выписывает хориогонин, сустанон, апилак и еще какие-то там таблетки, я уже не знаю, как они там назывались. Потом мы пошли в аптеку...

Судья. С рецептом?

Матвиенко. Да, с рецептом. Да хориогонин он нам не назначил, а так сказал, что надо такой давать. А назначение не написал, потому что ни в больнице, ни в аптеке не было. Я так и записала себе: хориогонин. Я взяла апилак и еще там что-то и поехали домой. Поехали домой, но мне нужен хореогонин, это же основное. Через две недели приезжаю опять. Хориогонин я искала везде, в каждой аптеке, я всю Винницу обошла. Я была в Гайсине, я была в Дашеве, в Ильенцах. Я пришла к Штерну и говорю: нигде лекарства нет. Плачу, где же достать. Он мне дал коробку хориогонина. Я ему положила 25 рублей. Он денег не вымогал, ничего у меня не просил, я сама положила. Уколы Штерн не давал. Правда, спросил у меня, кто будет ему давать. Я говорю, у нас есть фельдшер в селе и он ему будет давать уколы. Потом он опять осмотрел сына, сказал, что нужно удалить гланды. Я у него потом еще была и всего дала 55 рублей. В первый раз 25, потом 20 и еще 10. Он мне потом достал сустанон еще и хореогонин.

Прокурор. Вы знали, сколько стоит это лекарство?

М а т в и е н к о. Второй я знала, что это дороже, но для меня главное было лекарство.

А д в о к а т. Вам врач называл суммы, которые надо платить за лекарство?

М а т в и е н к о. Нет, он вообще не просил денег, я сама давала.

А д в о к а т. Вы легко попадали на прием к Штерну?

М а т в и е н к о. Да, легко.

А д в о к а т. Он когда-нибудь просил вас заплатить ему деньги за лечение?

М а т в и е н к о. Нет, никогда.

А д в о к а т. Он осматривал вашего сына?

М а т в и е н к о. Да, много раз и всегда очень тщательно.

А д в о к а т. Вам когда-нибудь удавалось купить сустанон и хориогонин в аптеке?

М а т в и е н к о. Нет, никогда. Мне Штерн доставал.

А д в о к а т. Значит, вы сами определяли стоимость лекарств?

М а т в и е н к о. Да, я сама.

Ш т е р н. На очной ставке вы говорили, что вы положили деньги, когда врач не видел. Вы подтверждаете это или нет?

М а т в и е н к о. Я не знаю, то ли видели, то ли вы не видели.

Ш т е р н. Следующий вопрос: ответьте суду ясно. Вы подтверждаете, что, когда вы впервые пришли ко мне, вы рыдали, потому что эндокринолог Ильенецкого района...ведь так, вы из Ильенецкого района?

М а т в и е н к о. Ильенецкого.

Ш т е р н. ...заявил вам о том, что хотя мальчику 16-й год, его половое развитие соответствует трехгодовалому возрасту.

М а т в и е н к о. Да, я плакала, кричала и...

Ш т е р н. Вы подтверждаете, что после того как было назначено лечение именно по моему методу, я показывал вашего сына врачам диспансера как пример быстрого (в течение 6 месяцев) блестящего излечения гипогенитализма. То есть, через небольшой промежуток времени ваш сын стал совершенно нормальным мужчиной.

М а т в и е н к о. Да, был такой случай, что вы трем женщинам-врачихам показывали его.

Ш т е р н. Представляете ли вы себе, если я допущу этот

случай (я совершенно ничего не помню и не могу вспомнить, я восстанавливаю по карточке и вашим показаниям), что хо-риогонин и сустанон, принесенные людьми, которые в нем не нуждались, могли стоить намного больше, чем в аптеке?

М а т в и е н к о. Я думала только о том, чтобы спасти своего ребенка, сколько бы оно ни стоило. Если б вы даже мне и предложили уплатить деньги, я бы вам дала, но вы мне не предлагали.

Ш т е р н. Благодарны ли вы врачу, который вылечил вашего сына?

М а т в и е н к о. Если ребенок... если ребенок мой нормально развился и он будет здоров и лекарства не повлияют на его иные органы, я буду врачу благодарна.

Ш т е р н. Последний вопрос: почему именно 16 мая, когда мой сын получил разрешение на выезд, вы подали заявление в прокуратуру? Я прошу вас объяснить, кто вас встревожил, кто вас подговорил написать следующее заявление: *"Прошу объяснить мне... правильно ли лечили моего сына и вообще можно ли применять те уколы, которые получал мой сын? Я как мать верила врачу. Врач в нашей стране на страже охраны здоровья людей, а особенно молодежи. Я..."*

С у д ь я. На это не надо отвечать.

Ш т е р н. Я... я прошу...

С у д ь я. Подождите, сейчас суд будет спрашивать. Почему вы обратились вот именно в это время вот с этим заявлением, а не раньше и не позже?

М а т в и е н к о. Не раньше и не позже, потому что ребенка начало беспокоить по утрам, я думаю, может, это сустанон так действует. Сустанон - это же для взрослых.

С у д ь я. Потерпевшая, знали ли вы об отъезде сыновей доктора Штерна?

М а т в и е н к о. Выехать должен был сын или сыновья — я не знала.

Ш т е р н. Чем объяснить содержащуюся в вашем заявлении тревогу о том, что вашего сына неправильно лечили?

М а т в и е н к о. Да нет, правильно лечили. Нет, надо было лечить. Не то, чтобы не надо было лекарство давать, но сустанон, он же для взрослых людей...

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

16 июня 1974 г.

т. 1, л. д. 91

Следователь Кравченко

Показания Матвиенко А.

Сыну на лечение необходимо лекарство. Штерн выписал, но его нигде нет. Я везде искала, пришла к Штерну и сказала об этом. Он дал коробку с 5 ампулами, а для курса лечения необходимо 20 штук. Я тут же перед выходом из кабинета положила в ящик стола 25 руб. Штерн сидел за столом. Штерн меня не окликнул и не вернул, из-за того, что я дала ему за лекарство 25 руб.

Затем недели через две опять приехала. Штерн осмотрел сына, спросил, делает ли он уколы, потом опять дал хориогонин, а я положила ему в стол 20 руб. Видел ли это Штерн, не знаю. В апреле третий раз приехала с сыном. Штерн осмотрел его и сказал, что нужны еще уколы хореогонина. Дал рецепт. Я вновь положила в открытый ящик 10 руб. В знак благодарности за лекарства вынула из сумки 25 руб. и положила в стол Штерна.

В четвертый раз дал это же лекарство, но сколько было ампул — не помню. Я снова вынула из сумки 20 руб. и положила в стол.

Потерпевший Сушко Михаил, 1928 года рождения, колхозник.

Вызвали моего сына на комиссию в первый раз. Там сказали это... проверили, потом дали направление в Винницу, в диспансер. Я как приехал в первый раз, то объездил с ним все. Приехал сюда, в Пироговскую больницу. Тут сказали, что врача этого нет. Какой-то врач направил меня сюда.

Судья. Хорошо, вы искали, в конце концов попали.

Сушко. Да, он стал смотреть, проверил всего и все анализы сделал.

Судья. К кому вы попали на прием?

Сушко. А к Штерну, а еще раньше к главному врачу.

Судья. К Штерну. Так. Дальше.

Сушко. Он пришел, там побыл, они его выгнали. Он потом перешел, пошел к ним, он проверил его всего, потом ска-

зал, что вот вылечит его. Они дальше рецепт написали. Выписали так на 8 или 10 рублей, где-то вроде этого, и сказали, что если тут я взял лекарства, дали мне две баночки таких стеклянных...

С у д ь я. Сам врач Штерн дал вам две баночки?

С у ш к о. Да, дал мне две баночки, потом я пошел, взял то лекарство...

С у д ь я. Погодите, ну вы пошли теперь от врача в аптеку, когда врач дал вам два флакона. Вы не помните, как называется это лекарство?

С у ш к о. Ну, какие-то кубики, я не могу вспомнить.

С у д ь я. Не помните. Два флакона. Так, вы за это ему что-то дали?

С у ш к о. Я не богато дал, денег так дал. Не вымогал ничего от меня, дал так.

С у д ь я. Дали сколько?

С у ш к о. Десятку.

С у д ь я. 10 рублей, он не просил этих денег?

С у ш к о. Ничего не говорил, я так это сам ему дал. Они мне сказали, что там все написано. Пусть будет, что это... за хорошее отношение ко мне. Так, что мне все рассказали, как и что, и потом пошел в аптеку, и еще там мне в аптеке дали лекарство, и потом поехал домой, и там сыну те лекарства, которые в аптеке нам дали... Он ходил в школу и там ему вводили те лекарства. Через неделю я его проверил, вижу, что нормальным становится ребенок, так как... потому что он сразу начал лечиться, как узнали, что у него за болезнь. А потом вижу, что уже все.

С у д ь я. Значит, вы считаете, что это лекарство помогло?

С у ш к о. Да, помогло, и потом уже он сам ездил на проверку.

П р о к у р о р. Вы просили у него эти два флакона?

С у ш к о. Просил. Он сказал, что того... будет все хорошо.

П р о к у р о р. А вы спросили, какая их цена?

С у ш к о. А на них было написано по 30 копеек. Вот так... Он у меня ничего не требовал, не вымогал.

П р о к у р о р. Что не требовал?

С у ш к о. Не вымогал ничего.

П р о к у р о р. Не вымогал, не вымогал. Но сколько надо платить, вот вы знали или не знали? Почему вы уплатили

10 рублей, а не 5 или 30 коп., как эти медикаменты стоят?

С у ш к о. Ну, я так...

П р о к у р о р. Кто вас заставил заплатить 10 рублей?

С у ш к о. Я сам заплатил.

П р о к у р о р. Сам заплатил? А вы на предварительном следствии в протоколе допроса говорили: *"Я спросил, сколько стоят эти медикаменты, Штерн ответил 10 рублей"*. Так как же нам понять вас?

С у ш к о. Да нет, я сам дал ему 10 рублей. Ничего он не вымогал.

П р о к у р о р. Но вы спрашивали у Штерна, сколько стоят эти два флакона?

С у ш к о. Да, и он мне сказал, что они стоят по 30 коп.

С у д ь я. Вы догадываетесь, почему вас так мучает прокурор? Нет? Вспомните, что вы сказали на предварительном следствии. Вот ваши слова (*читает*), что вы на это скажете? Это правильно?

С у ш к о. Так я же был у него в кабинете.

С у д ь я. Подождите, отвечайте на вопрос, называл ли вам Штерн стоимость лекарства?

С у ш к о. Не называл.

С у д ь я. Вы понимаете, что есть несоответствие между тем, что вы говорили на предварительном следствии, и сейчас?

С у ш к о. Штерн не называл, сколько ему денег, я сам дал.

С у д ь я. Так где же правда, как вы говорите или как там написано?

С у ш к о. Раз там написано, может, так правильнее.

П р о к у р о р. Что вы писали по делу в своем заявлении?

С у ш к о. Что у меня никаких претензий к доктору нет.

П р о к у р о р. Что здесь написано, кто это писал? Читайте влух.

С у ш к о (*читает по слогам*). Он сказал, что лекарство стоит 10 рублей.

П р о к у р о р. Так вы писали это своей рукой? Скажите, называл он сумму или не называл? Вспомните слова Штерна, когда он давал это лекарство.

С у ш к о. Два рубля с чем-то.

С у д ь я. Но вы же по-разному показываете. Понимаете? Так как же было на самом деле?

С у ш к о. На самом деле он сказал, что они по 30 копеек.

С у д ь я. А почему вы ему дали 10 рублей?

С у ш к о. А я хотел его отблагодарить.

С у д ь я. А почему вы показывали, что он просил у вас 10 рублей?

С у ш к о. Они мне сказали...

П р о к у р о р. Кто с вами по этому поводу разговаривал?

С у д ь я. Так нельзя спрашивать.

П р о к у р о р. Извините. Вас кто-нибудь учил, как надо себя вести на суде?

С у ш к о. Приезжали...

П р о к у р о р. Кто приезжал?

С у ш к о. Прокурор.

(смех в зале)

С у д ь я. Вы понимаете, почему люди смеются? Как было на самом деле?

С у ш к о. Он денег не требовал.

С у д ь я. Вопросы еще есть?

А д в о к а т. В деле имеется заявление о том, что вы дали Штерну деньги и что претензий к нему не имеете. Вы действительно не имеете претензий?

С у ш к о. Нет, не имею.

А д в о к а т. Вы сказали, что Штерн вам назвал цену 60 копеек. А за что вы ему дали 10 рублей?

С у ш к о. Да за хороший прием. Они мне все объяснили, как принимать...

А д в о к а т. Значит, вы были довольны приемом?

С у ш к о. Да.

А д в о к а т. Вот вы приехали к доктору. Он вас в этот день принял?

С у ш к о. Сразу принял.

А д в о к а т. Он осмотрел вашего сына?

С у ш к о. Да, всего осмотрел.

А д в о к а т. А до лекарства, может быть, Штерн просил деньги или люди в коридоре говорили, что ему надо давать?

С у ш к о. Нет, ничего такого не было.

Ш т е р н. Спасибо вам за ваши показания.

П р о к у р о р. Я протестую, за показания не благодарят.

С у д ь я. Замечание Штерну.

Ш т е р н. Вы сказали, что сын потом ездил ко мне на уколы. Это так?

Сушко. Да.

Штерн. Вы знаете о том, что я колол своими лекарствами и денег за них не брал?

Сушко. Точно, я ему денег не давал.

Штерн. Вы мне благодарны за то, что я вылечил сына?

Судья. Вопрос снимается.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

16 июня 1974 г.

т.2, л.д.26

Следователь Кравченко

Показания Сушко М.А.

По направлению райвоенкомата сын был направлен на консультацию. Я поехал с ним. Записались к врачу. Когда подошла наша очередь, я с сыном зашел в кабинет к Штерну. При осмотре Петра он сказал, что у него слабо развиты половые органы, что ему надо лечиться. Штерн достал из ящика стола два флакона тиреоидина и сказал, что это лекарство надо пить по 3 таблетки в день. На мой вопрос, сколько стоит это лекарство, Штерн ответил: 10 рублей. Я дал Штерну 10 руб. Когда был этот разговор, мой сын вышел, и я со Штерном был наедине.

Потом сын ездил к Штерну самостоятельно, а один раз с женой.

т.2, л. д. 28

Протокол

Прокурор Кравченко с участием зав.аптекой Липовецкого района Бойчук и понятых Коваль Е.Ф. и Канышник М.И. из села Найдово Липовецкого района в соответствии со ст.190-191 УК УССР, произвел осмотр медикаментов, предъявленных Сушко, с целью определения стоимости медикаментов, приобретенных Сушко в Винницком эндокринологическом диспансере. На этикетке стоимость по прейскуранту — 15 коп.

Потерпевший Бескурский Никифор, 1922 года рождения, учитель.

Мне посоветовали ехать в Винницу с сыном Владимиром. Там где-то есть такой врач. Я сам не местный, живу в этом

районе мало. Ну, в этом году будет два или три года, точно не помню. Приехал, куда идти, не знаю. Ну, меня направили, не по больничному направлению, а просто так поехал, но меня там долго спрашивали. Я говорю, что без направления, что тут есть такая больница, и есть нужный врач. Ну, зашел сюда, в эту больницу. Когда шел туда, знал, что Штерн - то ли главный врач, то ли что. Ну, сказали там какие-то люди: хороший врач завполиклиникой. Я спросил фамилию, мне ответили: Штерн. Ну, значит, Штерн. Так я тогда узнал, что его фамилия Штерн. Ну, знаете, люди могут ждать, ждать в коридоре, а мне надо ехать. Я захватил с собой, конечно, 2 кг. рыбы. Думаю, если я сделаю человеку хорошее, то будет хорошо. Не кушали мы ничего с сыном, думали - вначале осмотрит врач. Мы думали, что возьмем эту рыбу, покушаем просто так. Вот такая у меня была мечта, такая. Ну, после этого Штерн вышел. Тогда, конечно, я с ним познакомился, с доктором Штерном. Говорю, что вот так вот, у меня такое положение, вот я приехал с мальчиком, вот его обследовали бы вы.

С у д ь я. В его кабинете. Так?

Б е с к у р с к и й. Нет, это просто на дороге. Не на дороге, в коридоре, потому что очередь... Минуточку, сказал врач. Немного подождал, думаю, ну три минуты, ну две. Так прошло минут 20, там кто-то зашел, кто-то вышел, знаете - диспансер. Ну, я зашел туда, к врачу в кабинет. Ну, врач проверил половые органы моего сына, обследовал, ну, обследовал так просто... Стал расспрашивать подробно, это уже по дороге с ним домой, не буду повторять... где работаю и т.п. Вот, но лекарство это дорого. У нас его нет. У нас его нет, это было заграничное лекарство и тому подобное. Ну, я думаю, что ж тут больше говорить. Все ясно. Раз дорого, значит, нужны деньги. Я получил всего 35 рублей аванс. Я, может быть, раньше приехал бы с деньгами. Получил 35 рублей аванс. 1 руб.80 коп. и 1 руб.50 коп. стоит сюда билет. Я распланировал, конечно, их. Три рубля и вышло. Остальные деньги? Когда он уже пообещал мне, конечно, какое-то лекарство (лекарство есть лекарство), цены он мне не говорил, я вытащил деньги, товарищи. Такая необычная обстановка, кто-то идет тут между нами, какой-то ребенок. Я, ну, сперва как-то так получилось... поехали домой, завезли эту самую рыбу, потом поехали в Пироговскую больницу, а с Пироговской больницы приезжаем обратно в по-

ликлинику, мне надо получить лекарство... Вынимаю деньги, думаю, что надо платить за лекарство. Мальчик впереди нас. Я вынимаю деньги, вот, вот так. Значит, было по 5 рублей. Ну, я не успел, конечно, знаю, что деньги за моей спиной... Каким-то путем они оказались у него. Думаю, что это было так...

С у д ь я. Значит, вы дали эти деньги Штерну? А дальше? А как вы получили лекарство?

Б е с к у р с к и й. 25 рублей, я достал их. Какой-то мальчик шел мимо меня, и тут нас разбивают таким образом, что все деньги уже были у него.

С у д ь я. Штерн взял у вас или мальчик?

Б е с к у р с к и й. Нет, мальчик ... дело в том, что мальчик прошел. Понимаете...

С у д ь я. Штерн взял 25 рублей?

Б е с к у р с к и й. Ну, эти деньги, ну он, очевидно, думал, что я ему должен дать эти деньги, вот, или он мне не сказал, что ему что-то дать или что. Думаю, раз берет человек деньги, надо хоть вернуть. У меня больше нет, у меня осталось 5 рублей.

С у д ь я. Таким образом, сколько денег у вас врач взял?

Б е с к у р с к и й. 25 рублей. Я получил 35 рублей. Я пять рублей растратил. Мне 5 рублей... но, конечно, я назад забрал с его руки, а он уже говорит, ну, ладно, конец. Потом мы приехали, взяли это лекарство дома. Я постоял, он мне вынес эти ампулы, коричневые такие, 10 штук, и сказал принимать через сутки один укол. Так и сделал... Прошло две недели, я смотрю, такой же сын, ну, никаких изменений. Еду сам. Приезжаю, прихожу к Штерну, говорю ему: "Ни черта оно не помогает". Ну, в общем, обещает еще одно лекарство, таблетки. Я, конечно, взял это лекарство. Тоже он мне не сказал. 7 рублей заплатил. Я уехал и больше не приезжал сюда. Мальчик так и остался полным, и развитие у него слабое. Он сейчас ходит только в 8-й класс. Посмотрим, что будет дальше. У врачей больше не был.

С у д ь я. Таким образом, 32 рубля. Так? 25 и 7 рублей. Так?

Б е с к у р с к и й. Да.

А д в о к а т. Вот вы говорите, что он вам дал в первый раз, когда вы заплатили ему 25 рублей. Что?

Б е с к у р с к и й. Я говорил уже, что он мне дал флаконы, 10 штук, коричневые... ампулы, 10 штук. Я говорил это.

Адвокат. Он дал вам 10 ампул. А как называется это лекарство?

Бескурский. Я не знаю.

Адвокат. Еще про одно лекарство вы стали сегодня рассказывать, за 7 руб.

Бескурский. Это, что я получил во второй раз? Получил порошки, не порошками, а в таблетках. Тоже коричневые.

Штерн. Вы сказали, что мы с вами ездили в Пироговскую больницу. Для чего, не помните?

Бескурский. Вам знать, я не знаю. Вы сказали, давайте поедem, значит, поедem.

Штерн. Что, прогуляться просто так? Да?

Бескурский. Я не знаю...

Штерн. Хорошо, следующий вопрос. Я вашему сыну вводил укол?

Бескурский. Нет, не вы давали, а давали уколы там.

Штерн. Я спрашиваю просто, я ведь не помню. Если я вам давал темные флаконы, прошу суд это записать, то это скорее всего ретаболил. Ретаболил стоит одна ампула 2 рубля.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

12 сентября 1974 г.

т.2, л.д.79

Следователь Авурушок

Показания Бескурского Н.

Был с сыном, так как сын очень полный. Штерн осмотрел и повел к себе домой. Дал 10 ампул, а я ему – 2-3 кг свежей рыбы.

Уколы не помогли. Опять поехал к Штерну домой, получил 10 таблеток, за что заплатил 25 руб. Какие лекарства, не помню. Если найду флаконы и упаковку, то передам.

12 декабря 1974 г.

Потерпевший Король Савва, 1923 года рождения, конюх.

Мой сын Николай по направлению военкомата попал к Штерну. Врач осмотрел его и сказал, что будет лечить. Сказал,

что лекарства дорогие. Я дал ему 25 рублей. Штерн вернул мне деньги, и я пошел в аптеку. Я купил там лекарства и принес их Штерну.

С у д ь я. Как назывались лекарства?

К о р о л ь. Так там не по-русски написано.

П р о к у р о р. Вас сын прошел курс лечения?

К о р о л ь. Да, лекарство вводила у себя сестра Криворчук Нина.

П р о к у р о р. Так. Теперь в порядке уточнения. Еще такой вопрос: вы сказали о том, что дали доктору Штерну 25 рублей. Значит, он эти деньги взял в руки.

К о р о л ь. Взял, потом положил их в сторону и написал рецепт...

П р о к у р о р. Затем написал рецепт. Так... Потом он передал вам, потом вы пошли в аптеку.

К о р о л ь. В аптеку, в гору.

П р о к у р о р. Для получения медикаментов он какую-то... какой-то предмет дал, чтобы вы туда положили, или чего он дал?

К о р о л ь. У меня была сетка.

П р о к у р о р. У вас была сетка, значит, вы положили в сетку. И сколько же вы взяли медикаментов?

К о р о л ь. Я уже не помню.

П р о к у р о р. Ну, какой формы примерно?

К о р о л ь. Ну, немного там, ну, вроде хлеба, было килограмма там полтора.

П р о к у р о р. Примерно объем хлеба. Так. Теперь скажите, эти медикаменты вы кому отдали?

К о р о л ь. Потом сыну на уколы.

П р о к у р о р. Нет, те, что из аптеки первый раз получили?

К о р о л ь. А, врачу назад привез.

П р о к у р о р. Сколько и какие вы получили от врача?

К о р о л ь. Врач выдал две пачки каких-то лекарств, точно не знаю, что за лекарства и флакончик — так бутылочка с таблетками.

П р о к у р о р. С таблетками. Так. Теперь ответьте на вопрос: когда, за какие деньги вы приобрели эти медикаменты?

К о р о л ь. За мои.

П р о к у р о р. Я говорю, за какие деньги. Деньги где брали?

К о р о л ь. Я эти деньги отдал Штерну, 25 рублей. Он мне их отдал, говорит, иди, дал рецепт, иди, получи в аптеке эти лекарства.

П р о к у р о р. Вот давайте мы уточним теперь такой вопрос: сколько же вы в аптеке за медикаменты заплатили?

К о р о л ь. 25 рублей.

П р о к у р о р. Все 25 рублей, а не больше?

К о р о л ь. Нет, у меня больше не было.

П р о к у р о р. Нет. Так вы же отдали эти деньги врачу. Так вот он, врач, вам дал на оплату медикаментов?

К о р о л ь. Да.

П р о к у р о р. Так вот стоит вопрос, сколько же врач вам дал на оплату медикаментов?

К о р о л ь. Ну, он дал мне эти 25 рублей.

С у д ья. Он ответил: "Назад мне возвратили вот эти деньги".

П р о к у р о р. Так сколько возвратил?

К о р о л ь. Все 25 рублей.

П р о к у р о р. 25 рублей — не меньше, не больше?

К о р о л ь. Нет.

П р о к у р о р. Я почему задаю такой вопрос, товарищи судьи, потому что свидетель утверждал...

С у д ья. Так, так утверждал, что получил от Штерна не 25 рублей, как он сейчас утверждает, а 30 рублей.

К о р о л ь. То второй раз дал 30 рублей. Ну, я принес Штерну все. Он говорит: опять наврали все, что надо не дали. Я говорю, что она там дала, то дала, она... Дает Штерн мне 30 рублей, говорит иди в аптеку с рецептом.

П р о к у р о р. Короче, два раза были у него. Значит, получили лекарство по рецепту, выписанному врачом за деньги, которые он вам вручил.

К о р о л ь. Да.

А д в о к а т. Вас Штерн не отправлял обратно. Сразу принял?

К о р о л ь. Не сразу, конечно, люди-то были.

А д в о к а т. Вот когда вы были в очереди, там кто-нибудь говорил, что врачу надо давать деньги?

К о р о л ь. Никто. Никто про деньги не говорил.

Ш т е р н. Ну, как ваш сын здоров сейчас или нет?

К о р о л ь. Здоров, да. Учится на механизатора.

Штерн. У вас есть ко мне претензии?
Король. Нет.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т.2, л.д.114
Следователь Слабая.

Показания Короля С.

Врач осмотрел сына, а потом спросил, имею ли я при себе деньги. Я ответил, что 30 рублей. Он сказал, чтобы я ему дал 25 рублей. Потом он выписал рецепт и сказал, чтобы я пошел в аптеку. Я взял в аптеке полный целлофановый мешок различных лекарств.

Часть из этих лекарств врач отдал мне – 2 пачки ампул для уколов, таблетки, говорил, что это дефицитные ампулы для уколов, заграничные. Говорил, чтобы я приехал к нему через две недели и взял больше денег. Во дворе я разговаривал с человеком из Ямполья. Он мне сказал, что это только начало, что он почти все деньги вывез туда от проданной коровы. Я понял, что это дорого обойдется и больше в диспансер с сыном не ездил.

За лекарство в аптеке я денег не платил.

Индивидуальная карта амбулаторного больного

Назначено лечение:	Суд.-фарм. экспертиза
сустанон № 12	6 руб.90 коп.
апилак	6 руб.00 коп.
инсулин 10 м № 90	2 руб.00 коп.
хореогонин по 1500 ед, а/м № 15	8 руб.50 коп.

Потерпевшая Богуцкая Анисия, 1921 года рождения, рабочая.

Мой сын Виктор, 1958 года рождения, был направлен медкомиссией военкомата на консультацию к Штерну. Он осмотрел сына, позвал меня, заставил его раздеться. Я стала плакать. Он сказал: "Не скупись, давай 10 руб.". Я дала ему 25 рублей. Он написал рецепт, и мы пошли в аптеку. Там взяли таблетки. Нам там сказали, что уколов нету.

С у д ь я. Вы в аптеке платили из тех 25 рублей, что дали Штерну?

Б о г у ц к а я. Нет, он нам потом две ампулы уколов дал. Сказал, через две недели приехать на проверку. Он ему уколы еще делал. Сын выздоровел. Подрос. Я денег не жалею, доктора благодарю.

А д в о к а т. Сын после вас ездил один?

Б о г у ц к а я. Да, два раза.

А д в о к а т. Он ему давал уколы тогда?

Б о г у ц к а я. Да.

А д в о к а т. В первый раз вы попали прямо к Штерну?

Б о г у ц к а я. Нет, нас другая врачиха осмотрела и к нему направила.

А д в о к а т. А вы легко к нему попали?

Б о г у ц к а я. Да, сразу.

А д в о к а т. Вам в поликлинике больные говорили, что надо врачу деньги давать, а то не примет?

Б о г у ц к а я. Нет, никто не говорил.

Ш т е р н. За что вы дали мне деньги?

Б о г у ц к а я. Не за лечение, не за уколы, а за хорошее отношение.

Ш т е р н. Вы сказали, что сын приезжал сам, и я ему делал уколы. Вы давали деньги сыну?

Б о г у ц к а я. Нет.

С у д ь я. Сын вам не рассказывал, Штерн его о чем-нибудь просил?

Б о г у ц к а я. Просил.

С у д ь я. Расскажите, о чем.

Б о г у ц к а я. Он сказал, что он его просил, когда он будет у бабушки, чтобы земляники в лесу собрал. Но сын ему земляники не возил.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

21 августа 1974 г.

т. 2, л. д. 62

Следователь Кравченко

Показания Богоуцкой А.

По направлению райвоенкомата приехала с сыном в кабинет к Штерну. Штерн сказал, чтобы я не скупилась: "Нужно

какую-то десятку потерять". Я вынула 25 руб. и положила на стол.

Врач осмотрел сына, выписал рецепты, спросил, есть ли у меня деньги на лекарство, я ответила: "Есть". Я пошла в аптеку, не все достала и вернулась. Он дал мне две ампулы уколов. Больше я к врачу не ездила.

Потерпевшая Полищук Мария, 1930 года рождения, колхозница.

Мой сын Полищук Сергей, 1957 года рождения был направлен в Винницу медкомиссией военкомата. Мы приехали в марте 1973 г. Попали к врачихе, она нас направила к Штерну.

Судья. Вы сразу попали?

Полищук. Да, подождали немного в очереди и попали.

Судья. Как он его обследовал?

Полищук. Он его осмотрел при мне. Назначил уколы. Я в аптеку не заходила, у меня не было денег, и он сказал, что я этих лекарств все равно не достану. Он нам свои дал. Сын стал лучше чувствовать себя и поправился. Мы потом приехали, он вместе с нами пошел в аптеку и взял лекарств. Мы ему дали 45 рублей.

Судья. Он заходил в аптеку вместе с вами?

Полищук. Он зашел сначала сам, а потом я зашла вместе с ним. Когда я в третий раз поехала, я ему в благодарность два десятка яиц привезла. Он не хотел брать, но я уговорила его взять. Я за сына дала.

Судья. Где ему вводили уколы?

Полищук. Уколы? В селе, в медпункте. Сын сейчас здоров, учится. Его военкомат годным признал, и я очень довольна.

Прокурор. Второй раз вы одна приезжали?

Полищук. С сыном и с бабушкой. Она нас на улице ждала.

Прокурор. С кем вы ходили в аптеку?

Полищук. С доктором. Я его попросила сходить с нами в аптеку, потому что я плохо разбираюсь, и он согласился, повез нас на машине.

Прокурор. Кто сел в машину?

Полищук. Я, сын и бабушка.

П р о к у р о р. А кто вел машину?
 П о л и щ у к. Доктор.
 П р о к у р о р. Когда вы дали ему деньги?
 П о л и щ у к. В аптеке или у аптеки, я не помню.
 П р о к у р о р. А не в кабинете?
 П о л и щ у к. Нет, не в кабинете. Я ему еще потом пять рублей добавила.
 П р о к у р о р. Почему, за что?
 П о л и щ у к. Нам в аптеке посчитали, и не хватило денег.
 П р о к у р о р. Вы все медикаменты, что вам продали, получили?
 П о л и щ у к. Я не знаю, получили уколы и пачки все по рецепту, что он выписал.
 П р о к у р о р. Вы еще ездили в город?
 П о л и щ у к. Ездила еще два раза.
 П р о к у р о р. А сын еще ездил?
 П о л и щ у к. Я не помню.
 П р о к у р о р. Ему производили процедуры в поликлинике в Виннице?
 П о л и щ у к. Ему уколы делали. Штерн назначил.
 П р о к у р о р. Сколько раз?
 П о л и щ у к. Три раза мы приезжали.
 П р о к у р о р. Кто делал уколы?
 П о л и щ у к. Все три раза, по-моему, женщина в другом кабинете.
 П р о к у р о р. А почему в записях эти уколы не зарегистрированы?
 П о л и щ у к. Я не знаю, я тут не при чем.
 А д в о к а т. Кто назначал эти уколы?
 П о л и щ у к. Штерн.
 А д в о к а т. Вы легко попали на прием?
 П о л и щ у к. Да, в очереди немножко посидели.
 А д в о к а т. А в очереди не говорили, что в врачу надо деньги давать?
 П о л и щ у к. Нет, говорили только, что он хороший врач.
 А д в о к а т. Он у вас деньги просил?
 П о л и щ у к. Нет, Боже упаси.
 Ш т е р н. В первый раз, когда вы приезжали, вы мне деньги платили?
 П о л и щ у к. Нет.

Штерн. Значит, в первый раз я вам дал ампулы бесплатно, без денег?

Полищук. Да.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т. 2, л. д. 96

Следователь Кравченко

Показания Полищук М.

Послали к Штерну. Он сказал, что вылечит сына, у него есть лекарства, которых нигде нет. Я с ним была согласна, для лечения сына ничего не жалела.

Денег у меня не было. На второй раз я поехала и взяла деньги. Я дала ему 40 рублей, лично заведующему, а 5 руб. за уколы, чтобы он сам достал препарат. Поехали в его автомашине в аптеку. За те 5 рублей заведующий дал нам только уколы, остальное лекарство выписал по рецепту и мы сами покупали его в этой же аптеке. Через некоторое время я вновь с Сергеем приехала к Штерну, отвезли зарезанного петуха и 20 яиц. Потом сын не захотел лечиться и мы перестали ездить к бородатому заву.

Потерпевшая Коваль Мария, 1938 года рождения, колхозница.

Мой сын Владимир, 1958 года рождения, оформлялся в суворовское училище. Его военкомат направил в Винницу в больницу и мы попали к Штерну. Постояли в очереди немного и зашли в кабинет. Он осмотрел его и говорит - надо лечить. Он выписал рецепт и говорит : пойдите в аптеку, купите лекарство и вернитесь, я расскажу как принимать. Я в аптеке лекарства купила, заплатила 7 рублей, а одного препарата не было. Мы вернулись. Он рассказал все, как употреблять, назначил придти через две недели, а те уколы, сказал, что приготовит. Через две недели мы приехали, но его не было. Мы вместе с другими долго ждали. Я дежурную попросила позвонить, узнать. Она позвонила, и он сказал, что скоро будет. Он приехал, посмотрел и говорит : поеха-

ли ко мне. Мы сели в машину и поехали. Он дал мне уколы, а я ему три десятка яиц оставила, поблагодарить хотела. Он сказал, чтобы мы приезжали через месяц, но мы приехали через полтора месяца, потому что я болела. Он посмотрел, и я сказала, что сыну лучше, и сын сказал, что ему лучше. После мы опять поехали к нему домой и он опять нам уколы дал, я ему за них 15 руб. заплатила и курочку дала в подарок.

С у д ь я. Он сам уколы сыну делал?

К о в а л ь. Он нам два укола сам делал.

А д в о к а т. Он вам дома уколы делал и деньги вы ему давали дома, я вас правильно понял?

К о в а л ь. Да, правильно.

А д в о к а т. А на работе он вам уколы делал или, может, деньги брал?

К о в а л ь. Нет, никогда.

А д в о к а т. Как ваш сын себя чувствует?

К о в а л ь. Хорошо. Он сейчас в военном училище.

Ш т е р н. После того как я вам сделал в первый раз комбинированный укол из четырех разных гормонов, я у вас деньги брал? Это в первый раз было?

К о в а л ь. Нет, не брал.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т. 2, л. д. 103

Показания Коваль М.

По направлению райвоенкомата приехали в Винницу. Взяла с собой 30 яиц для подарка врачу. Штерн осмотрел сына, сказал, что нужно лечить. Я ему дала подарок. Мы на его автомашине поехали к нему домой. Я отдала яйца его жене, а он сделал сыну укол. Через месяц во второй раз сделал сыну укол, а я ему дала курицу. Через месяц опять приехали. Он сделал сыну укол и дал две ампулы на два укола. Я дала ему 15 рублей.

Потерпевшая Прибега Мария 1919 года рождения, колхозница.

У меня сын Андрей, 1955 года рождения. Его военкомат в

Винницу направил. Он сначала один поехал, но доктор ему сказал, приезжай с матерью. Мы поехали. Он его раздел при мне. Я увидела и стала плакать.

С у д ь я. А до вас он его осматривал?

П р и б е г а. Не знаю. Доктор сказал : не волнуйтесь, все будет в порядке, надо лечить, только вот с лекарствами плохо. И дорогие они. Я ему 50 рублей дала. Он первый укол тут же сам сделал и все остальные он делал дома. Сыну лечение очень помогло, и мы перестали ходить.

С у д ь я. Когда вы ему давали деньги, он вам что-нибудь говорил?

П р и б е г а. Ничего не говорил.

П р о к у р о р. Сколько раз вы у него были?

П р и б е г а. Один раз, потом сын сам ездил.

П р о к у р о р. Сколько раз сын ездил один, без вас?

П р и б е г а. Много раз.

П р о к у р о р. А где ему делали уколы?

П р и б е г а. В поликлинике, точно не помню.

А д в о к а т. Постарайтесь вспомнить. Сын вам не говорил, где ему делали уколы, дома или в поликлинике?

П р и б е г а. Не помню.

А д в о к а т. Вы или сын в аптеке что-нибудь покупали?

П р и б е г а. Нет.

А д в о к а т. Вы сыну деньги давали?

П р и б е г а. Нет, не давала.

А д в о к а т. Вы довольны результатом лечения?

П р и б е г а. Да, очень.

Ш т е р н. Вспомните, не приезжал ли ваш сын ко мне домой по воскресным дням на уколы, чтобы не пропускать школу?

С у д ь я. Вопрос наводящий. Суд вопрос снимает.

Ш т е р н. Я хорошо помню, вы мне деньги дома давали.

С у д ь я. Вопрос снимается.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т.2, л.д.123

Показания Прибеги А. (сын).

У меня был маленький рост, направили в диспансер. Осмотрел Штерн, сказал, что я вырасту и предложил проходить курс ле-

чения у него дома. В поликлинике я получил один укол, остальные по субботам у него дома. Первый раз мать Штерну денег не платила. Мать ему занесла 50 рублей и 2 десятка яблок. В аптеках я никаких лекарств не покупал.

Потерпевший Малишевский Петр, 1932 года рождения, колхозник.

У моего сына Анатолия, 1952 года рождения, в военкомате врачи обнаружили недоразвитие и направили в Винницу в диспансер к Штерну. Он нас принял, осмотрел сына, говорит, надо лечиться. Я говорю: надо, так надо. Он мне рецепт выписал и дал два флакона таблеток, розовые и зеленые, и уколы. Объяснил, как принимать, и сказал: приезжайте через две недели на проверку. Он говорит, что все это стоит 19 рублей. Я ему их тут же дал. Я потом еще приезжал, чтобы поблагодарить его. Оставил в кабинете 5 рублей, так, что он не видел, сунул в папку. Прошло два месяца. Сына опять вызвали в военкомат и сказали, что в армию годен без всяких лекарств.

Прокурор. За что вы ему дали 5 рублей?

Малишевский. За то, что принял хорошо.

Прокурор. Но на предварительном следствии на л.д.129 вы объяснили по-другому. Вспомните.

Малишевский. Я так и сказал следователю.

Прокурор. Нет, есть расхождение.

Малишевский. Я точно говорил там и точно говорю тут, как было, так и говорю.

Судья. *(зачитывает протокол предварительного допроса).* "Он сказал, что если я хочу, чтобы сын был здоров, придется платить. Я понял, что он просил калым. Затем мы пошли в другую комнату, где он дал мне лекарство... Я ему дал 19 руб. Он посчитал, бросил в стол и сказал: "Выкладывай, що маеш". Так как, просил он деньги или нет?

Малишевский. Нет, он просил только 19 рублей.

Судья. Он те слова говорил "Выкладывай, що маеш"?

Малишевский. Нет, не говорил.

Штерн. У вас есть ко мне претензии?

Малишевский. Нет, нет у меня к вам претензий. За лечение я вам благодарен.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

10 сентября 1974 г.

т.2, л.д.129

Показания Малишевского А.

Принял врач с бородой. Осмотрел сына. Сказал, что сын недоразвит, в армии служить не может и жениться не сможет. Если я хочу, чтобы сын был человеком, чтобы я подумал. Я тогда сразу догадался, что он хочет взять с меня калым. Рецепт писала женщина-врач, блондинка, лет 45. Потом я и этот врач пошли в другую комнату, где он дал лекарство: 10 флаконов уколов, 2 пачки таблеток в зеленой и розовой упаковке. Потом он мне сказал: "Выкладывай, що маєшь". Он сказал, что лекарства стоят 19 рублей. Я отдал и еще дал 5 рублей.

Лекарства выбросил, рецепт порвал, так как врач сказал, что лечение вызывает тяжелую реакцию на организм.

Индивидуальная карта амбулаторного больного:

- 1) гонадотропин по 150 о.м.е. в/м ч/д
- 2) инсулин по 10 ед.н/з 3 мес.
- 3) тиреондин по 0,1 в день 3 раза в неделю 3 мес.
- 4) апилак 1 таб.х 3 раза — 30 дней.

Потерпевший Чернецкий Алексей, 1928 года рождения, колхозник.

Мой сын Николай 1955 года рождения, был направлен медкомиссией военкомата. Он сначала с матерью поехал. Жинка мне сказала, что доктор велел, чтобы отец приехал. Я пришел с сыном к Штерну, он его осмотрел и сказал: "*Хотите, чтобы сын был рослый, как вы?*". Я говорю, да. Он выписал рецепты, я пошел в аптеку. Какого-то лекарства не было. Я приехал через две недели — опять не было. Я приехал еще через две недели. Нет лекарства. Пошел к Штерну. Он стал ругаться, что сын не все принимает, нарушает курс. Он повел меня к себе домой и дал лекарство. Я спросил, сколько стоит. Он сказал: 15 руб.

Судья. Какое лекарство?

Чернецкий. Таблетки и ампулы для уколов. Одна коробка, как называется, не знаю. Он сказал, чтобы местный фельдшер колол через день.

Судья. Как фельдшера зовут?

Чернецкий. Будяк Фрося. Сейчас сын служит в армии, и к Штерну я никаких претензий не имею.

Адвокат. Постарайтесь вспомнить, какое было лекарство, что он вам дал?

Чернецкий. Не помню, ампулы и таблетки.

Штерн. Это лекарство было в аптеках?

Чернецкий. Нет, не было.

Судья. У нас не явилось четверо потерпевших из 19.

Штерн. Я прошу суд разрешить мне огласить ходатайства.

Судья. Пожалуйста.

Штерн. Первое. Я прошу вызвать в качестве свидетеля защиты регистратора нашего диспансера. В обвинительном заключении указывается, что я создавал такие условия, при которых людям надо было ждать по три дня, чтобы ко мне попасть, и что я брал взятки за прием без очереди. Ее зовут Ойхман Аня. Пусть она объяснит, как происходит запись. Все, кто хотел, записывались и попадали ко мне по первому требованию.

Второе. Вчера судья разрешил передать мне диетпитание. Однако конвой запретил делать это. По закону я нахожусь в распоряжении суда. Мне 56 лет и я тяжело болен. Я знаю это как врач. Вы видите, я стою все время — не могу сидеть, болит спина. Суд представляет для меня огромную физическую и нервную нагрузку. Я прошу разрешить мне передачу продуктов из дома в зале суда через конвой два раза в день во время перерывов.

Третье. Председательствующий меня сегодня чрезмерно обрывает, и хотя я понимаю, что делаю глупость, возбуждая его против себя просто как человека, все же прошу разрешить мне зачитать мое заявление — протест. Я выражаю решительный протест против недопустимых и, по моему мнению, незаконных методов допроса свидетелей, применяемых прокурором Криворучко. Особое возмущение вызывает допрос прокурором 11.XII свидетеля обвинения Сушко Михаила Антоновича из Липовецкого района. На протяжении получения прокурор Криворучко подвергал свидетеля настоящей психологической пытке, как...

Судья. Тише, вы потише говорите. Кстати, для сведения, суду достоверно известно, вчера процесс записывался на магнитофон. Для какой цели это делается, нам непонятно. Человек

знает, о ком идет речь, знает, кто записывал. Не имеет права никто записывать процесс — не только этот, любой. Даже прокурор, если пожелает записать судебный процесс, он может это делать с разрешения суда. Мне кажется, что подсудимый Штерн, громко говоря и обращаясь к залу, видимо, знает об этом. Вот такое дело... Мне достоверно известно. Если вы желаете, чтобы я поднял этого человека, я подниму сейчас.

Штерн. Я не понимаю...

Судья. Я думаю, что это никому... не следует... Не думайте, что суд выдумывает.

Штерн. Я прошу...

Судья. Дайте сюда ходатайство.

Штерн. Но я прошу...

Судья. Дайте сюда вот это...

Штерн. Одну минуточку...

Судья. Дайте сюда, я сам прочитаю.

Штерн. Пожалуйста.

Судья. Дайте сюда!

Штерн. Но я прошу...

Судья. Дайте сюда!

Штерн. ... председателя суда не обосновывать свои заявления по поводу подсудимого с помощью "видимо" и "возможно".

Судья. Вы хотите, чтобы я сейчас поднял человека, который...

Штерн. Нет, я хочу сказать, что я об этом не знал.

Судья. Но никто не обвиняет вас в этом.

Штерн. Вы сами сказали только что.

Судья. Да, я еще вчера сделал вам замечание, что вы туда, для публики, даете показания. А вы должны сюда, в суд, обязаны давать показания, а не публике. *(Молча читает заявление)*. Каково мнение сторон?

Прокурор. Я считаю, что вопрос о вызове свидетеля нужно решить в дальнейшем в ходе судебного следствия. Остальное я оставляю на усмотрение суда.

Адвокат. УПК не упоминает о ходатайствах, которые должны разрешаться в ходе следствия. Ни одна статья этого не предусматривает. Я считаю, что по закону все ходатайства должны разрешаться тогда, когда их ставят. Вопрос о питании выходит за рамки УПК. Возможно, есть какая-то секретная

инструкция, о которой мне не известно. Но я прошу суд принять во внимание состояние моего подзащитного и принять меры к тому, чтобы ему давали продукты.

С у д ь я. Вы же сами видите, что мы ничего не имеем против. Но этот вопрос не в нашей компетенции.

П р о к у р о р. Суд не в праве вмешиваться в компетенцию органов внутренних дел.

Ш т е р н. Меня же судит советский суд, а не чилийская хунта...

С у д ь я. Замолчите! Суд запрещает вам сравнивать нас с хунтой. Заседание закрыто! Перерыв.

После короткого перерыва.

С у д ь я. У нас отсутствуют четверо потерпевших. Мы поставимся доставить их к завтрашнему дню. Есть возражения?

Прокурор и адвокат не возражают.

С у д ь я. Остается вопрос с экспертизой. Эксперт должен быть в зале суда и слушать показания свидетелей. Однако экспертиза нам нужна лишь по одному эпизоду. Каковы мнения участников процесса?

О л ь н е в. Я прошу создать новую экспертную комиссию. Эксперт Кучук выбыл, а другой эксперт, который работал с нами на следствии, Каляда, погиб в автомобильной катастрофе. Мне кажется, что нужна новая комиссия. Что касается д-ра Купермана, которого предлагает Штерн, то пусть решает суд.

П р о к у р о р. Я не возражаю против создания экспертной комиссии.

А д в о к а т. Я не возражаю против создания экспертной комиссии и предлагаю включить в нее, помимо д-ра Ольнева, д-ра Купермана.

П р о к у р о р. На следствии Штерн много раз просил пригласить экспертов из Киева. Я думаю, что эту просьбу надо учесть.

А д в о к а т. Мне кажется, что ждать приезда экспертов из Киева долго и не обязательно, когда под боком есть хороший специалист-эндокринолог д-р Куперман.

Ш т е р н. Я считаю, что вообще нет никакой необходимости в экспертизе. Но поскольку обвинение на нее ссылается, это, видимо, неизбежно. В связи с этим я прошу учесть две вещи: я категорически возражаю против участия в экспертизе любых сотрудников Винницкого медицинского института, поскольку

все они — прямые подчиненные профессора Зелинского, моего личного врага, человека, который в значительной мере инспирировал этот процесс и который испытывает глубокую неприязнь к моей национальности. Проф.Зелинский — проректор мединститута. Доктор Куперман — совершенно нейтральная фигура. Я с ним мало знаком. Он — единственный врач в Виннице, который защитил кандидатскую диссертацию по эндокринологии. Он работает в нейтральном учреждении и я рассчитывал на его объективность. Я ничего не имею против Ольнева и думаю, что вместе с Куперманом они дадут объективное заключение. Поэтому я прошу ограничиться этими двумя товарищами.

О л ь н е в. Напоминаю, что экспертная комиссия может состоять не менее чем из трех человек.

С у д ь я. Суд, совещаясь на месте, определил: создать экспертную комиссию в составе д-ра Ольнева, д-ра Купермана, кандидата медицинских наук, врача железнодорожной больницы; профессора Ефимова, доктора медицинских наук, заведующего отделением Киевского эндокринологического института и д-ра Андрееенко, доктора медицинских наук из Винницкого мединститута.

Ш т е р н. Откуда Андрееенко?

С у д ь я. Из мединститута. Поверьте мне, что он не антисемит, как вы выражаетесь.

Объявляется перерыв.

Вечернее заседание 12 декабря не состоялось. Было объявлено, что оно переносится на следующий день.

13 декабря 1974 г.

Перед началом утреннего заседания в зале суда возник конфликт между Виктором Штерном и молодыми людьми, проникшими в зал задолго до того, как туда начали пускать публику. Начальник конвоя заявил, что это — студенты-практиканты. Вошедший в зал во время перебранки судья удалил В. Штерна из зала, и он отсутствовал до перерыва.

Потерпевший Байда Иван 1923 года рождения, колхозник.

Мой сын Байда Степан отставал в росте. Его военкомат в Винницу направил. Так мы попали к Штерну. Он осмотрел,

сказал, надо уколы делать. Мы купили эти лекарства в аптеке. Я заплатил аптекарше за две пачки ампул 50 рублей. Сын потом по субботам ездил.

С у д ь я. Кто вводил уколы?

Б а й д а. Врач вводил.

С у д ь я. Вы были у него дома?

Б а й д а. Дома не был.

П р о к у р о р. Вы в аптеку один ходили?

Б а й д а. Нет, с врачом.

П р о к у р о р. А рецепт кто выписывал?

Б а й д а. Врач выписывал.

П р о к у р о р. А кто рецепт подавал в аптеке?

Б а й д а. Врач подавал.

П р о к у р о р. А почему вы вместе с врачом пошли в аптеку?

Б а й д а. Потому что он сказал, пойдем узнаем, есть ли лекарства, и пошел со мной. Он пришел спросил: есть такие лекарства?

П р о к у р о р. Что вы получили на 50 рублей?

Б а й д а. Две коробки в ампулах.

П р о к у р о р. Как они называются?

Б а й д а. Я по-латыни не читаю.

П р о к у р о р. Сын вам рассказывал, что происходило по субботам, когда он ездил на уколы?

Б а й д а. Он сначала к доктору ездил в больницу, по субботам, на дом. Он ездил два с половиной года на лечение.

П р о к у р о р. Когда вы первый раз явились, кто вас принимал?

Б а й д а. Этот врач.

П р о к у р о р. А сколько раз вы вместе с сыном приезжали в Винницу?

Б а й д а. Два. Когда не хватило ампул, я снова приехал.

П р о к у р о р. Через сколько времени?

Б а й д а. Месяцев через шесть.

П р о к у р о р. Откуда вы знали, что надо приехать?

Б а й д а. А врач сказал сыну, что лекарство вышло.

П р о к у р о р. Что было во второй раз?

Б а й д а. Мы опять с сыном пошли в поликлинику. Он нас принял.

П р о к у р о р. Дальше.

Б а й д а. Он обследовал сына, сказал, что есть улучшение, однако снова надо взять лекарства.

П р о к у р о р. Он рецепт выписал?

Б а й д а. Да. И мы пошли в аптеку.

П р о к у р о р. Одни?

Б а й д а. Да.

П р о к у р о р. Сколько вы заплатили?

Б а й д а. Рублей 30.

П р о к у р о р. При вас уколы делали в поликлинике?

Б а й д а. Делал Штерн в первый и во второй раз.

А д в о к а т. Вы доктору когда-нибудь давали деньги?

Б а й д а. Никогда.

А д в о к а т. Вы так говорили следователю?

Б а й д а. Говорил.

А д в о к а т. А продукты привозили?

Б а й д а. Никогда.

А д в о к а т. Он вас легко принял в первый раз?

Б а й д а. Всегда сразу принимал.

Ш т е р н. Вы на следствии в показаниях сказали, что получили еще коробку таблеток и еще две других коробки. Так?

Б а й д а. Я не помню. Вы их хлопцу давали, а он привозил и принимал. Я никогда их не видел.

Ш т е р н. Вы имеете претензии ко мне?

Б а й д а. Нет.

Ш т е р н. Как ваш сын себя чувствует?

Б а й д а. Он здоров.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т.2, л.д.201

Следователь Шевчук

Показания Байды И.

Мой сын Байда направлен райвоенкоматом. Я поехал с ним. Осмотрел врач с бородкой. Он прописал уколы и сказал, что нужно длительное лечение. Сын ездил на уколы еженедельно. За уколы я уплатил 80 рублей. Деньги платил работнику аптеки. Ни денег, ни продуктов я врачу не давал.

Потерпевшая Нечипорук Анна, г.Винница, домохозяйка.

У меня сын Анатолий, 1954 года рождения, болен.

Судья. Чем болен?

Нечипорук. Я и до сих пор не знаю. Нас к Штерну военкомат направил. Военкомат не взял в армию и до сих пор не взяли, а ему 20 уже. *(Расплакалась. Ей приносят по указанию судьи стул и стакан воды)*.

Судья. Ну и что же вам сказал Штерн?

Нечипорук. В первый раз доктор сказал, что будет лечить. Он сказал, что нужны уколы. Я ему дала 30 руб. Но за лекарством не приходила.

Прокурор. Когда вы пришли к Штерну, вас зарегистрировали?

Нечипорук. Я не помню. По-моему, да. У нас была карточка.

Прокурор. У вас было направление?

Нечипорук. Наверное, было.

Прокурор. Что вам сказал Штерн в кабинете?

Нечипорук. Он сказал, что можно лечить.

Прокурор. Ну, а вы?

Нечипорук. Он еще сказал, что выпишет порошки и уколы.

Прокурор. Ну?

Нечипорук. Но он не выписал.

Прокурор. А насчет денег был разговор?

Нечипорук. Нет, не было. Я ему сама дала 30 руб. Он меня не просил.

Прокурор. А за что вы дали?

Нечипорук. Просто дала и все.

Прокурор. Ну просто так денег не дают.

Нечипорук. А я дала. Я мужу потом сказала. Но нас люди предупредили, что не надо делать эти уколы. Мне сказали: *"Не ходите к Штерну"*.

Прокурор. Почему?

Нечипорук. Потому что Штерн аферист, он у людей берет деньги. Я и не пошла за лекарством.

Прокурор. Вы были у него один раз. Штерн велел прийти на второй день. Почему он это сказал?

Нечипорук. Чтобы взять у него порошки и уколы.

П р о к у р о р. Какие порошки?
 Н е ч и п о р у к. Я не знаю.
 П р о к у р о р. А деньги вы когда дали?
 Н е ч и п о р у к. Тогда и дала.
 П р о к у р о р. Почему вы дали ему деньги?
 Н е ч и п о р у к. Не знаю, просто так.
 П р о к у р о р. Вы знаете, где порошки берут?
 Н е ч и п о р у к. В аптеке.
 П р о к у р о р. Почему вы должны были прийти за порош-
 ками к Штерну?
 Н е ч и п о р у к. Не знаю.
 П р о к у р о р. Почему вы дали Штерну деньги?
 Н е ч и п о р у к. Просто так.
 П р о к у р о р. А он вам предлагал дать деньги?
 Н е ч и п о р у к. Нет.
 П р о к у р о р. А на предварительном следствии вы гово-
 рили, что предлагал.
 Н е ч и п о р у к. Я такого не говорила.
 П р о к у р о р. *(Зачитывает показания на предварительном следствии)*.
 Н е ч и п о р у к. Штерн обещал вылечить.
 П р о к у р о р. Вы давали эти показания.
 Н е ч и п о р у к. Доктор говорил: "Приходите завтра".
 П р о к у р о р. С деньгами?
 Н е ч и п о р у к. Нет.
 П р о к у р о р. Почему же написано в протоколе?
 Н е ч и п о р у к. Не знаю.
 П р о к у р о р. Так там неправильно записано?
 Н е ч и п о р у к. Наверное.
 А д в о к а т. Доктор сказал, что будут порошки и уколы.
 Я вас правильно понял?
 Н е ч и п о р у к. Да.
 А д в о к а т. А почему вы следовательно не говорили об
 уколах?
 Н е ч и п о р у к. Не знаю.
 А д в о к а т. А может быть, говорили?
 Н е ч и п о р у к. Может, и говорила.
 А д в о к а т. Когда вы впервые обратились в диспансер?
 Н е ч и п о р у к. Сыну лет 12 было.
 А д в о к а т. Вы у Штерна лечились?

Нечипорук. Нет, у других врачей.
Адвокат. Они вели карточки?
Нечипорук. Да.
Адвокат. Сколько раз вы были у Штерна?
Нечипорук. Один.
Адвокат. Вы после этого еще были в диспансере?
Нечипорук. Да.
Адвокат. А карточка была?
Нечипорук. С прошлого года новая карточка.
Адвокат. Когда вам посоветовали не брать лекарства, почему вы не пошли, не забрали деньги?
Нечипорук. Я решила лучше не ходить.
Штерн. Знает ли свидетель, что он имеет право отказаться от показаний, данных на предварительном следствии?
Судья. Не отвечайте. Вопрос снимается.
Штерн. Я вас не помню, но по карточке могу примерно воссоздать в памяти этот эпизод. Скажите, после меня вы были у проф. Зелинского?
Судья. Вопрос снимается.
Штерн. Это там вам сказали, что ко мне не надо ходить?
Судья. Вопрос снимается.
Штерн. Я вам говорил, что приготовлю лекарства и вы их получите?
Нечипорук. Да.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т.2, л.д.161

Следователь Кравченко

Показания Нечипорук А.

По направлению райвоенкомата приехала с сыном в диспансер. Я попросила выписать рецепт. Он сказал, что рецепт писать не будет, так как этих медикаментов я нигде не достану, только у него. Нужно прийти завтра с деньгами.

У меня при себе было 30 рублей. Я их ему отдала и должна была на второй день прийти за "особыми" порошками. Но мне рассказали, что Штерн аферист, посмеялись, рассказали, что сыну никаких порошков нельзя и я больше к Штерну не приходила.

При расследовании дела прошу вызвать меня, потерпевшую, и взыскать 30 руб., которые Штерн обманным путем получил от меня.

Потерпевшая Безносюк Вера 1935 года рождения, колхозница.

У меня сын Василий 1958 года рождения. Его военкомат направил в 1972 году в Винницу. Мы попали к Штерну. Он выписал порошки и уколы. Я приехала через день, а потом еще через две недели с сыном на укол. Когда я приехала на второй день, я ему в карман 10 руб. сунула в благодарность. Я не знаю, видел он или нет.

Судья. А где это было?

Безносюк. В кабинете.

Судья. А дома вы у него бывали?

Безносюк. Я не знаю, где он живет.

Судья. Как ваш сын себя сейчас чувствует?

Безносюк. Здоров.

Судья. Его военкомат снова осматривал?

Безносюк. Да, две комиссии прошел.

Прокурор. Вы в марте приезжали?

Безносюк. Да. Так я тогда и дала ему 10 рублей. Но он не видел, я ему в карман халата, который висел, пихнула. Он не видел.

Прокурор. А что, это важно, видел он или нет?

Безносюк. Конечно, важно.

Прокурор. Где лечился сын?

Безносюк. Дома - таблетки, уколы в нашей больнице. А одно лекарство получал в Виннице. Укол через две недели.

Прокурор. А где вы брали лекарства?

Безносюк. В 9-й аптеке и дома в аптеке.

Прокурор. Какие уколы принимал он у Штерна?

Безносюк. Один голландский.

Прокурор. Откуда вы знаете?

Безносюк. Он показал баночку.

Прокурор. Где это было?

Безносюк. В кабинете.

Прокурор. Откуда он ее взял?

Безносюк. Я не знаю.

Прокурор. Сколько раз сын ездил?

Безносюк. Не помню. Это долго продолжалось.
Прокурор. При вас делали голландский укол?
Безносюк. Нет, в другом кабинете.
Прокурор. А кто сыну уколы делал?
Безносюк. Один раз Штерн, а еще я не знаю.
Адвокат. Штерн вас сразу принял, когда вы приехали?
Безносюк. По очереди.
Адвокат. А в очереди был разговор, что надо деньги доктору платить?
Безносюк. Нет, никто такого не говорил.
Адвокат. А кто же вам сказал, что надо 10 рублей оставить?
Безносюк. Сама решила.
Штерн. Вы платили деньги за голландский препарат?
Безносюк. Нет.
Адвокат. У вас есть претензии к Штерну?
Безносюк. Я к врачу претензий не имею. Я ему благодарна.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т.2, л.д.30

Показания Безносюк В.

В 1972 году комиссией райвоенкомата мой сын Василий был направлен в Винницкий эндокринологический диспансер по поводу отставания в половом развитии. Я поехала с ним. Женщина врач из кабинета № 3 направила в кабинет № 5 к Штерну. Я его хорошо знаю, так как была у него неоднократно. Штерн осмотрел Василия в моем присутствии и предложил лечить. Выписал инсулин, хориогонин и еще что-то (уколы). Штерн сказал приезжать через день. Были в среду, приехали в пятницу, Штерн сказал, что нам нужны уколы заграничные, показал флакон, на котором латинскими буквами было написано "голландские". Сказал, что Васе через две недели нужно будет давать такие уколы. Штерн не говорил мне, сколько стоят уколы, но я дала ему 10 рублей.

Через две недели приехали, сделали укол. Потом, приблизительно в марте, я еще дала Штерну 10 руб. Всего 20 руб.

Денег он с меня не требовал, я дала сама.

Потерпевший Полищук Дмитрий 1935 года рождения, колхозник.

У меня сын, 1958 года рождения, Струк Иван. Его военкомат направил в Винницу. Мы попали к этому врачу. Он его осмотрел и сказал, чтобы на другой день за лекарствами приезжали. Я спросил, сколько денег брать. Он сказал: рублей 20. Я приехал в другой раз. Он осмотрел сына, выписал рецепт и послал нас за лекарством. Мы пошли в аптеку, но там не все было. Потом мы вернулись, и он лекарство то нам дал.

Судья. Сколько всего денег вы истратили?

Полищук. У меня с собой всего было рублей 25.

Судья. А кто вам дал недостающее лекарство?

Полищук. Врач.

Судья. Сколько вы за него ему заплатили?

Полищук. Я не помню, рублей 20-15. Спасибо ему, что сына вылечил. Я к нему претензий никаких не имею.

Прокурор. Сколько вы взяли с собой денег, когда ездили второй раз?

Полищук. 25 рублей.

Прокурор. На следствии (т.2, л.д.99) вы показывали, что взяли 45 рублей.

Полищук. Я не брал 45, я взял 25.

Прокурор. Почему же вы говорили на следствии, что брали 45?

Полищук. Не может быть, я такого не говорил.

Прокурор. Какие медикаменты вы не получили в аптеке?

Полищук. Я не знаю, я малограмотный.

Прокурор. Где вы после аптеки встретили Штерна?

Полищук. Он встретился мне по дороге из аптеки. Я ему сказал, что не хватает одного лекарства. Он дал мне пачку уколов. Они были при нем тут же, в портфеле.

Прокурор. Когда вы заплатили ему?

Полищук. Сразу.

Прокурор. Вы спрашивали, сколько надо платить?

Полищук. Нет, не спрашивал. Я сам дал ему эти деньги.

Прокурор. А что вы говорили на следствии?

Полищук. Так же и говорил.

Прокурор. Ну-ка, прочтите (дает ему том).

Полищук *(после долгой паузы)*. Я целый день это буду читать. Я малограмотный.

Судья *(зачитывает)*: "Он вынул из портфеля коробку, протянул мне и говорит: "Давай 25 рублей". Правильно здесь написано?

Полищук. Раз написано, значит, правильно.

Прокурор. На л.д.182, т.5 имеется его заявление. Это заявление кто писал?

Полищук. Секретарь сельсовета.

Прокурор. А кто подписался?

Полищук. Я.

Прокурор. А что он писал?

Полищук. Я не знаю.

Прокурор. Прочтите пожалуйста *(дает ему том)*.

Полищук. Я не могу.

Судья *(зачитывает заявление в следственный отдел прокуратуры области об отсутствии претензий к Штерну в связи с гражданским иском на сумму 25 рублей)*.

Прокурор. Так сколько вы ему заплатили?

Полищук. Всего 25, ему и в аптеке.

Адвокат. Как оказался секретарь сельсовета на месте вашего допроса?

Полищук. Его вызвал прокурор. Он сказал, чтобы я написал заявление и вызвал секретаря.

Адвокат. Где это было?

Полищук. В сельсовете.

Адвокат. И допрос там был?

Полищук. Да.

Адвокат. Не в прокуратуре?

Полищук. Нет.

Адвокат. Когда вы были у врача, он вас куда-нибудь еще направлял?

Полищук. Да, по кабинетам другим.

Адвокат. А в Виннице уколы делали?

Полищук. Я не знаю. Делали, по-моему. Но точно я не знаю.

Адвокат. Как ваш сын себя чувствует?

Полищук. Здоров, учится в 10 классе.

Штерн. Свидетель знает, что он имеет право отказываться от показаний на предварительном следствии?

С у д ь я. Суд вопрос снимает.

Ш т е р н. Прошу разрешения заявить ходатайства.

С у д ь я. Пожалуйста.

Ш т е р н. Я ничего не имею лично против профессора Андрееенко. Но я категорически возражаю против его участия в экспертизе как представителя Винницкого мединститута. Трех человек вполне достаточно для экспертизы. Я прошу суд не вводить его в состав комиссии.

Второе. Насколько я понимаю, у нас процесс должен быть открытый и гласный. Сегодня утром в зале суда сидели люди, которых, я видел, конвой пропустил задолго до остальной публики. При возникшем конфликте был удален мой сын. Прошу допустить сына на процесс.

С у д ь я. По поводу Андрееенко. Суд уже принял решение насчет экспертизы. Мы удовлетворяем все ваши ходатайства, кроме этого. По поводу второго заявления. Ваш сын, так же, как и ваша жена, могли бы быть вообще удалены из зала суда и вызваны как свидетели. Вы знаете, что свидетели не могут присутствовать в зале. Но мы не сделали этого, руководствуясь тем, что они - ваши родственники. Суд допустил их в зал в виде исключения. Если мы хотим, мы можем удалить их вообще. Сыну было предоставлено право на любое место, а он почему-то захотел сидеть именно в первом ряду, который был занят. И вообще. Вы меня уже третий день третируете диетпитанием. Сегодня опять подали заявление. Я не имею права разрешить передать вам продукты. Я не знаю, почему здесь были какие-то люди. Мы разберемся. Мы допустим вашего сына. Но если он будет продолжать так себя вести, то он снова будет удален.

А д в о к а т. Я хочу высказаться по поводу вашего замечания, что суд уже принял решение насчет экспертизы. Вы действительно вчера перечисляли всех участников. Вместе с тем они еще процедурно не допрошены и, следовательно, еще не считаются экспертами по закону. Штерн имеет право заявить отводы экспертам. Поэтому мне кажется, что ваше разъяснение, что суд уже принял решение, не соответствует ст.197 УПК УССР. Что касается конфликта и удаления Виктора, то действительно какая-то часть публики пользуется привилегиями. У нас гласный процесс и с точки зрения права входа в зал, все должны быть равны. Я прошу разобраться.

С у д ь я. Суд обещает разобраться. Их пустили без ведома суда. В дальнейшем это будет исправлено. Что касается отвода экспертам, то сейчас об этом говорить преждевременно. Всему свое время. Я хочу заявить людям, которые здесь сидят, они задались целью извратить все, что здесь происходит. А мы в этом убеждены. Вокруг этого дела создается нездоровый ажиотаж, кое-кому хочется помешать нам. Я хочу заявить, что мы стремимся разобраться во всем и объективно сделать это. Все будет сделано в рамках закона. Все стороны заинтересованы, чтобы разобраться, виноват Штерн или не виноват. Перерыв 15 минут.

(после перерыва)

С у д ь я. Продолжаем заседание. Эксперт из Киева будет часа в два. А пока начнем допрос свидетелей по эпизодам, не связанным с экспертизой.

С в и д е т е л ь Г у ж в а М а р и я 1 9 4 8 г о д а р о ж д е н и я колхозница.

Я оперировалась неудачно. Меня направили на медкомиссию в диспансер. Я приехала, обратилась к Штерну. Он обещал меня за полгода поставить на ноги. Думали, что Штерн меня вылечит. Говорил мужу, ставь хороший магарыч, за полгода жена будет вылечена. Ну, если магарыч, муж оставил меня в больнице, а сам поехал, взял деньги и привез 50 рублей. Дал их Штерну, и меня положили в больницу.

С у д ь я. А где давал эти деньги? Дома или там?..

Г у ж в а. В кабинете. Потом, сколько раз муж приезжал, столько раз и давал, а потом мне сказали, что моя болезнь неизлечима.

С у д ь я. Не спешите, пожалуйста. Что он вам рассказывал про это? Как у них там было, про что они там говорили?

Г у ж в а. Ну, он спрашивал, или лучше, или хуже, или как? Он говорил, что полежит жена еще - болезнь пройдет.

С у д ь я. А относительно денег что-нибудь говорил муж?

Г у ж в а. Ну как же? Как сказал, что все будет хорошо - отдал деньги.

С у д ь я. Сколько, он вам говорил?

Г у ж в а. Ну, говорил, что 25, давал и по 35.

С у д ь я. А сколько раз?

Г у ж в а. Так разве я могу сейчас вспомнить, сколько раз? Говорил, что вылечат, так рады были все отдать. Я уже лежала много раз и мне ничего не помогло, и Штерн направил в Киев. Я поехала в Киев, в Киевский институт эндокринологии, к профессору Ромашкан. Потом, как приехала из Киева, меня дальше положили тут. Что-то там я принимала, а что принимала – не помню. Или уколы какие-то, или еще что-то. Лечение мне ничего не давало, потому что моя болезнь неизлечима. Потом меня направили на ВТЭК, я работать не могла.

С у д ь я. Кто направил?

Г у ж в а. Штерн. Ну, приехали мы опять к Штерну.

С у д ь я. Сколько давали?

Г у ж в а. И по 30 и по 35 давали ему.

С у д ь я. Кто давал?

Г у ж в а. Муж давал. Я не давала. Зачем мне... Я не знаю, что говорил Штерн мужу.

С у д ь я. Где была ВТЭК?

Г у ж в а. В Казятине. Ну, а потом, уже через год, я была у Штерна. Я приезжала вначале каждый день, почти каждый день на анализы, а потом уже на перекомиссию. Надо с Винницкой больницы справку. Ну, как приезжаю, то обращаюсь обычно к Штерну. Он сказал, что *"Я тебе не имею права писать, пусть тебе пишет твоя районная больница. Я не имею права"*. Я и поехала в свою больницу. Мне моя врачиха бершадская написала. Еще приезжаю, не хотят без очереди пустить. Мужа заставляли крапиву рвать, чтобы без очереди пустить.

С у д ь я. Дальше как?

Г у ж в а. Мы за уколами в город поехали. Нет уколов, а я на уколах была утром и вечером. Пошли в аптеку, нет уколов. Тогда муж меня оставил в аптеке, а сам пошел, как дал, так и пошел в эту больницу. Когда он пришел, я уже уколы получила.

С у д ь я. Муж пошел в больницу, он что-нибудь дал, кому дал, что дал?

Г у ж в а. Ну, Штерну давал деньги.

С у д ь я. Штерну давал деньги за что?

Г у ж в а. За то, чтобы уколы я получила.

С у д ь я. Чтобы уколы вы получили. Так, дальше.

Г у ж в а. Ну и обида началась потом за то, что Штерн ска-

зал *"Родишь, и у тебя все станет в норме"*. Я родила, ничего не лучше. Как принимала, так и принимаю. Еще не знаю, что с ребенком будет.

С у д ь я. А как сейчас ваше самочувствие?

Г у ж в а. Если выпиваю свое лекарство - хорошо, а не выпью - плохо.

С у д ь я. После родов почувствовали улучшение или нет?

Г у ж в а. Нет, не почувствовала.

П р о к у р о р. Скажите, пожалуйста, вот в последний раз, когда вы ходили к Штерну за справкой на перекомиссию, вы эту справку у него не получили? Вы можете сказать, как вы вышли из этого положения?

Г у ж в а. Я пошла к своей лечащей врачихе, которая меня лечила в диспансере...

С у д ь я. Как ее фамилия?

Г у ж в а. Звать Елена Семеновна. У меня была та врачиха.

П р о к у р о р. Дали вам эту справку?

Г у ж в а. Да.

П р о к у р о р. А за госпитализацию муж уплатил?

С у д ь я. Так нельзя ставить вопрос.

П р о к у р о р. Нет? Ну, хорошо. Тогда я поставлю по-другому вопрос: за что муж уплатил 50 рублей доктору Штерну?

Г у ж в а. Меня отправили в больницу и положили. Я в той больнице лежала. Ну, как сказал нам, вылечат жену.

П р о к у р о р. В какой день вас в больницу положили?

Г у ж в а. В тот же день было. Там не было места, положили в коридоре.

П р о к у р о р. Вы не знаете, кто побеспокоился по поводу того, чтобы вас без наличия места положили в коридоре?

Г у ж в а. Штерн.

П р о к у р о р. Побеспокоился об этом Штерн. Вот эти деньги при вас давались?

Г у ж в а. Да, мы сидели в кабинете у Штерна.

П р о к у р о р. Что вам еще известно об уплате денег и за что, и откуда вам известно?

Г у ж в а. За ВТЭК, например, муж платил.

П р о к у р о р. Ну вот, за выдачу вы говорили. Что уплата денег была за выдачу направления на ВТЭК. Так?

Г у ж в а. Да.

Прокурор. А за направление в Киевский институт эндокринологии платили деньги или нет?

Гужва. Платили, когда я была.

Прокурор. Тогда вы были.

Гужва. Да, 35 рублей дали ему тогда.

Прокурор. Вы говорили, что ходили в аптеку и там достали лекарство. Деньги Штерну за лекарство платили при вас?

Гужва. Я была в аптеке, а он пошел к Штерну и дал ему деньги, и Штерн звонил, и я получила.

Прокурор. Так вот стоит вопрос: это было в вашем присутствии или вы знаете со слов мужа?

Гужва. Нет, я была в аптеке.

Прокурор. Теперь. Известно, что по поводу того, где муж доставал деньги для выплаты доктору Штерну? Кроме тех 50 рублей, которые он занял у матери вашей?

Гужва. Он еще у своей матери взял. Его мама снимала с книжки.

Прокурор. Это мы... откуда вам известно?

Гужва. Потому что я знаю, у мамы на книжке деньги были, а теперь мама говорила, что нет.

Прокурор. Мать мужа и ваша мать к вам в больницу приезжали?

Гужва. Да.

Прокурор. Они что-нибудь с собой привозили?

Гужва. Кур, гусей, яйца.

Прокурор. Кому?

Гужва. Штерну.

Прокурор. Откуда вы знаете об этом?

Гужва. Они говорили.

Адвокат. Вот вы рассказывали, что вам сделали неудачную операцию, а потом направили в Винницкий диспансер? К кому вы попали, к Штерну ли сразу или к другому доктору?

Гужва. Тогда мы попали к Штерну. Говорили, что хороший лечащий врач Штерн, и я обратилась к нему.

Адвокат. А у других врачей вы были?

Гужва. Нет, не была.

Адвокат. Вы точно помните, что приехали в первый день, а на второй день вас положили в больницу?

Гужва. Ну так, кажется.

А д в о к а т. И муж ваш так рассказывает. Скажите, пожалуйста, кто вас лечил, какой доктор?

Г у ж в а. В первый раз лечила Муза Никандровна, а потом Оля Андреевна.

А д в о к а т. А Штерн лечил вас, когда вы лежали в больнице?

Г у ж в а. Нет, даже в стационаре никогда не появлялся. Я даже всем говорила, должен лечить Штерн, а лечат другие врачи.

С у дья. Претензии вы предъявляли?

Г у ж в а. Да.

С у дья. Кому?

А д в о к а т. К Штерну?

Г у ж в а. Ну, так, промеж больными я говорю, что это такое, направляют одни, а лечат другие врачи.

А д в о к а т. К вам приезжал муж Гужва и вас навещал два раза в неделю. Правильно я говорю?

Г у ж в а. Да.

А д в о к а т. Вы мужу рассказывали о том, что вас лечит Муза Никандровна?

Г у ж в а. Рассказывала.

А д в о к а т. Рассказывали. А рассказывали о том, что Штерн вас не лечит?

Г у ж в а. Рассказывала.

А д в о к а т. А муж не предъявлял претензии Штерну, что он дает ему деньги, а тот к вам не заходит?

Г у ж в а. Не знаю.

А д в о к а т. Перед тем как забеременеть, вы со Штерном советовались или не советовались?

Г у ж в а. Нет, приехала я в больницу, уже была беременна... А Штерн сказал: *"Родишь, тогда уже все придет в норму"*.

А д в о к а т. Значит, вы приехали тогда, когда уже были беременны?

Г у ж в а. Я уже была беременна.

А д в о к а т. Не то, что Штерн вам сказал, что вам надо забеременеть, а просто вы приехали и сказали, что вы беременны. Правильно?

Г у ж в а. Да.

Ш т е р н. Вы заявляете, что якобы в первый раз, когда вы приехали, я сказал, что надо дать магарыч, и ваш муж поехал за деньгами в деревню.

Г у ж в а. Да, говорила.

Ш т е р н. И вы были при том, как он давал мне деньги? В каком виде?

Г у ж в а. Вы сидели за столом, а я сидела на кушетке...

Ш т е р н. Как, в руку дал или положил на стол?

Г у ж в а. В руку.

Ш т е р н. Удивлялись ли вы или не удивлялись, что деньги муж платил Штерну, а вас лечат другие врачи?

Г у ж в а. Удивлялась и говорила: что же это такое, направлял один врач, а лечит совсем другой.

Ш т е р н. Так. Вы были у нашего гинеколога по поводу беременности?

Г у ж в а. Была.

Ш т е р н. Что она вам сказала?

Г у ж в а. Сказала, что это... чего же не обратилась раньше. Вам совсем нельзя рожать и направила меня сразу в роддом. Я пролежала там два месяца.

Ш т е р н. Когда вы узнали, что ваше заболевание неизлечимо?

Г у ж в а. Мне давно сказали, после операции.

Ш т е р н. Почему вам надо было брать деньги у родителей? Что, мало зарабатывали или что?

Г у ж в а. Мы тогда строились.

З а с е д а т е л ь. Скажите, каковы ваши отношения с мужем. Вот Штерн говорит, что он вас забросил.

Г у ж в а. У меня с мужем отношения очень хорошие. Он обо мне заботится. Мне даже завидуют.

С у д ь я. Вот Штерн утверждает, что он пропивал эти деньги. Что вы думаете по этому поводу?

Г у ж в а. Нет, что вы. Он такой хороший человек, мой муж.

С в и д е т е л ь. Рыбачук Станислава, колхозница, депутат сельсовета.

Моя мать Любецкая болела сахарным диабетом. Однажды ей стало хуже, это было в 1972 году перед майскими праздниками. Мы поехали в Винницу, нам показали кабинет врача. Я зашла, там сидел доктор, такой с бородой. Да я не знаю ни фамилии его, ничего не знаю. Ну, мы начали его просить, чтобы принял маму, обследовал ее стационарно. Он говорит, я не могу

положить, потому что трудно, не хватает мест. Ну, мы начали просить его, чтобы положил. Потом я, конечно, сделала преступление. Я положила на стол под бумагу 25 рублей. Ну, он еще немного поболтал с нами, как семья у меня и что, и велел нам выйти. А затем вышел и дал нам направление для мамы в больницу. Я маму положила в больницу и больше там, в Виннице, не была. Маму через неделю забрали, похоронили и все.

С у д ь я. Кто с вами еще был?

Р ы б а ч у к. Сестра моя, Манжиевская.

С у д ь я. Она присутствовала, когда вы положили деньги?

Р ы б а ч у к. Да, была.

П р о к у р о р. Почему деньги были положены под бумагу?

Р ы б а ч у к. Мне так стыдно в руки давать. У меня врач спрашивал, кто у меня есть, я ему рассказала, что у меня дети-инвалиды, что тяжело с мамой.

П р о к у р о р. Маму сразу положили в больницу?

Р ы б а ч у к. Сразу.

П р о к у р о р. Беспрепятственно или с какими-нибудь осложнениями еще было?

Р ы б а ч у к. Ну, какие еще осложнения? Ну, как мы там дали направление, тогда вообще трудно не было.

П р о к у р о р. Она лежала в палате или вы не знаете, где она лежала?

Р ы б а ч у к. Я не знаю, я не была больше в Виннице.

П р о к у р о р. Вы сказали, что сестра присутствовала при этом, как вы давали деньги?

Р ы б а ч у к. Да.

П р о к у р о р. Она видела, что вы...

Р ы б а ч у к. Она видела. Сколько, она не знала, а я ей сказала в коридоре, что дала 25 рублей.

П р о к у р о р. А те деньги за что вы дали?

Р ы б а ч у к. За то, чтобы спасли маму. Я хотела, чтобы ей помогли доктора.

П р о к у р о р. А почему вы не получили направления?

Р ы б а ч у к. Потому что нам не давали.

П р о к у р о р. Вам направление не давали. А почему вам не давали направления?

Р ы б а ч у к. Я не знаю. Я просила направление.

С у д ь я. Предъявляется расписка подсудимому. Вам знакома эта расписка?

"Мы, дети покойной Любецкой Ковалены Францевны, умершей в Виннице в больнице, дочь Манжиевская Л. С., зять Манжиевский З. П., дочь Рыбачук С. С., зять Рыбачук П. К., утверждаем, что при приеме на лечение нашей матери врачом Штерном, мы никакого подкупа не давали, а также после смерти Любецкой, когда забирали труп 29. 04. 72 г., никому не жаловались и не требовали ни от кого денег. Все ложные показания на нас мы можем доказать в народном суде. В чем и подтверждаем."

4 подписи.

3 мая 1972 г.

Р ы б а ч у к. Знакома.

С у д ь я. Объясните, что же это за расписка?

Р ы б а ч у к. Как умерла моя мать, я тогда была страшная, я тогда была в затмении. Прибежала сестра ко мне и говорит, что какая-то женщина приехала. Она тоже не знает этой женщины, говорит, я тоже думала: врач. И женщина просит дать расписку, что ничего не имеем против и вот мы, я не помню, что тогда я писала, как писала, но мы не знали, что этим делом будут заниматься органы, советские органы.

С у д ь я. Чьей рукой написана расписка?

Р ы б а ч у к. Сестры моей Манжиевской.

С у д ь я. Ну так где же правда? В расписке или что сейчас говорите?

Р ы б а ч у к. Что написано, то неправда, а что говорю, то правда. Я же не знала, что этим органы заинтересуются.

А д в о к а т. Ваша сестра видела, что вы положили деньги?

Р ы б а ч у к. Видела, а сколько, не знала.

А д в о к а т. А Штерн видел, как вы положили деньги?

Р ы б а ч у к. Видел ли Штерн, не знаю. Я тихо положила под бумагу.

А д в о к а т. В деле есть ваши показания: "Видел ли Штерн, как я положила под бумагу деньги, я сказать не могу, но при нас он деньги из-под бумаги не забирал". Это правда?

Р ы б а ч у к. Правда.

Ш т е р н. Вы мне говорили, что вы медработник. Вы это помните?

Р ы б а ч у к. Нет, это не так. Ей три дня не делали укол, и мне пришлось самой, грязными руками делать прямо в ко-

ридоре. Тогда меня врач спросил, вы медработник или кто, или горе-медработник. Я сказала, что я горе-медработник.

Штерн. Смотрел ли я вашу мать?

Рыбачук. Нет, не смотрели.

Штерн. А кто-нибудь в поликлинике смотрел?

Рыбачук. Она перешла в другой кабинет.

Штерн. Вы не сказали, кто приезжал к главврачу — ваш муж или муж сестры. Кто приезжал?

Рыбачук. Какая-то женщина приезжала, просила дать объяснение, что мы не имеем претензий, что мама умерла. Вот мы и написали.

Судья. Кто-нибудь или ваши близкие отвозили эту расписку?

Рыбачук. Нет, не отвозили, какая-то женщина, которая пришла от Штерна, взяла расписку — и все.

Судья. И уехала?

Рыбачук. И уехала, а мы дома остались.

Адвокат. Вот когда вы были у доктора Штерна, вы просили положить, а он сказал не может. О чем вы еще просили? Помните или не помните?

Рыбачук. Не помню.

Адвокат. Тогда я вам напомню. Есть такая запись: *"Тогда я стала просить, чтобы он разрешил провести анализ на сахар"*. Скажите, пожалуйста, проводили анализ на сахар?

Рыбачук. Ну я же не была?

Адвокат. Но вы говорили?

Рыбачук. Наверное, проводили. Как направили маму, так вот раз ее положили, то, значит, проводили.

Адвокат. А он вам давал направление на анализы, Штерн?

Рыбачук. Я не помню.

Адвокат. Потому что в ваших показаниях есть такое: *"Потом Штерн вышел и вынес направление на анализ. Сделали анализ и положили в больницу"*. Так написано в ваших показаниях.

Рыбачук. Ну, то так оно и было, а как же.

Адвокат. Так и есть. А теперь скажите, пожалуйста, когда сделали анализ, вы не помните, был высокий процент сахара у мамы?

Рыбачук. Не помню.

Судья. В деле имеется записка, изъятая у Штерна в тюрь-

ме, о том, что к вам придут его люди. Приезжал кто-нибудь?

Рыбачук. Приходили ко мне 4-го числа.

Судья. Так, 4-го числа... 4-го этого месяца, декабря?

Рыбачук. Да, приезжали две женщины.

Судья. О чем они вас просили?

Рыбачук. Чтобы я отказалась от своих показаний, что это неправда.

Судья. Вы не видели их в зале? Вы не знаете, кто они?

Рыбачук. Одна белая, другая черная. Кто они, я не знаю.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т. 1, л. д. 5-6

Следователь Кравченко

Показания Рыбачук С.

Мать болела. В беседе с людьми мы узнали, что в Виннице есть больница, где лечат диабет, а также, что хорошо лечит врач с бородой, фамилию его не называли.

20 апреля 1972 г. приехали, спросили, где находится врач с бородой. Нам показали кабинет. Мы вошли. Я села у стола, а сестра и мама — на кушетку. Штерн стал говорить, что положить мать не может, т. к. нет мест. Тогда я стала просить его, чтобы он разрешил сделать анализы на сахар. В тот же момент я подложила под бумагу, находящуюся на столе, возле меня, 25 руб. одной купюрой. Видел ли Штерн, как я засунула под бумагу деньги, сказать не могу, но при нас он деньги из-под бумаги не забирал.

После того как я положила деньги, Штерн минут пять еще беседовал с нами, а затем предложил выйти и подождать в коридоре. Через 20-30 минут вышел и вынес направление на анализ. Сделал анализ и положил в больницу. По дороге я рассказала сестре о том, что положила врачу под бумагу 25 рублей, но видел ли он, я не знаю.

С в и д е т е л ь М а н ж и е в с к а я Л е о н т и н а, 1937
года рождения, колхозница.

Моя мать болела сахарным диабетом. Ну, мы слышали... сестра моя слышала, что в Виннице есть такой врач, что он вылечивает от таких болезней, и решили отвезти ее, чтобы подлечить. Ну, мы и привезли ее туда в Винницу. Привели ее до этого врача к Штерну. Ну, мы зашли к нему, сестра там возле него была, а я была возле мамы. Я видела, что она ему что-то туда положила, я не знала что. Потом ее спросила. Сказала, что дала ему 25 рублей, чтобы принял маму. Мама прожила неделю и умерла.

С у д ь я. Где она прожила эту неделю?

М а н ж и е в с к а я. В больнице. Положили ее в больницу, она там прожила неделю и умерла. Ну, мама умерла, я ее забрала хоронить. Все.

П р о к у р о р. Приехали вы с матерью в диспансер с направлением или без направления?

М а н ж и е в с к а я. Без направления.

П р о к у р о р. Без направления. Почему без направления?

М а н ж и е в с к а я. Нам не дали направления в районной больнице.

П р о к у р о р. К кому вы обратились в Виннице?

М а н ж и е в с к а я. Мы зашли к Штерну.

П р о к у р о р. Прямо зашли к Штерну. С кем зашли, кто заходил?

М а н ж и е в с к а я. Мама, я и сестра.

П р о к у р о р. О чем просили Штерна?

М а н ж и е в с к а я. Мы просили врача положить маму в больницу и полечить.

П р о к у р о р. Как отнесся Штерн к вашей просьбе?

М а н ж и е в с к а я. Он сказал, что нет мест, но необходимо положить. Мест нет, но я вам напишу.

П р о к у р о р. А еще что было?

М а н ж и е в с к а я. Я видела, что сестра положила на стол под бумагу деньги, а потом она сказала, что 25 рублей.

П р о к у р о р. Когда забирали маму после смерти, кто приезжал?

М а н ж и е в с к а я. Я приезжала на другой день. Это было перед праздником. С большим трудом забрали тело. Нам ска-

зали, что она в 3-й больнице. Нам не хотели ее давать. Мы долго просили, в конце концов разрешили взять.

П р о к у р о р. Вы с кем-нибудь спорили об этом?

М а н ж и е в с к а я. Нет.

П р о к у р о р. О деньгах с работниками больницы не говорили?

М а н ж и е в с к а я. Нет.

С у д ь я. Это письмо вам знакомо?

М а н ж и е в с к а я. Да, я его писала.

С у д ь я. Расскажите, при каких обстоятельствах?

М а н ж и е в с к а я. 3 мая к нам приехала женщина от Штерна и сказала, что у него неприятности на работе, что нужна бумага о том, что мы не дали деньги и что не имеем ничего в связи со смертью мамы. Подписали я и сестра.

С у д ь я. А мужья ваши подписали?

М а н ж и е в с к а я. Не помню.

А д в о к а т. Вот вы пришли к Штерну, вы рассказывали, стали его просить, чтобы он положил маму в больницу. Ну, вот Штерн согласился, какой документ он вам выписал?

М а н ж и е в с к а я. Ну, что он выдал... написал на анализы, он написал в стационар бумажку, чтобы там приняли.

А д в о к а т. Кто из врачей осматривал вашу маму?

М а н ж и е в с к а я. Штерн.

А д в о к а т. Скажите, пожалуйста, вы не помните, как вы говорили, при вас сестра положила деньги или не при вас?

М а н ж и е в с к а я. Мы все были там в кабинете, когда положили деньги, тогда она была возле него, сидела, а я сзади, на кушетке, возле мамы.

А д в о к а т. Тогда я вам напомню: *"Дорогой сестра мне сказала, что она положила под бумагу, находящуюся на столе, 25 рублей"*.

М а н ж и е в с к а я. Она сказала, но она... я видела, как она туда что-то положила, но я не знала, что она положила и сколько, а потом она мне сказала, что положила 25 рублей.

А д в о к а т. А вот доктор видел, как положила 25 руб?

М а н ж и е в с к а я. А откуда я знаю, если я была сзади, видел он или не видел. Положила же сестра...

Показания Манжиевской Л.

20 апреля 1972 г. я, сестра и мать приехали в больницу. Втроем зашли в кабинет. Сестра стала говорить о причинах нашего приезда и просила его принять маму в больницу. Штерн ответил отказом. Мы уговаривали его принять маму в больницу на протяжении 10-15 мин., а затем он заявил, что, посмотрим, может быть, он и найдет место для матери и велел нам подождать. Мы вышли. Через некоторое время вышел и дал нам направление на анализы.

Анализ показал большой процент сахара, увидев который, Штерн распорядился, чтобы мать положили в палату. Оставив мать в больнице, мы с сестрой поехали домой. Дорогой сестра мне сказала, что она положила под бумагу, находящуюся на столе Штерна, 25 руб., но видал ли он или нет, она не знает.

После окончания суда на улице был задержан Виктор Штерн, который, по заявлению задержавшего его милиционера, младшего лейтенанта Анатолия Деруна и двух в штатском из числа "студентов-практикантов", с которыми В.Штерн вступил в конфликт на утреннем заседании, якобы пытался фотографировать толпу и тюремную машину у входа в суд. Затем Виктору сообщили, что он подозревается в краже, за что был доставлен в Ленинский РОВД г.Винницы. После личного обыска у него была изъята магнитофонная пленка и запечатанный конверт. Несмотря на протест В.Штерна, конверт был вскрыт в его присутствии, и так был уничтожен документ, который имел отношение к судебному разбирательству. Конверт содержал копию жалобы М.Штерна на имя председателя КГБ Андропова и Генерального Прокурора СССР Руденко о незаконном взломе посторонними лицами его квартиры незадолго до ареста М.Штерна. В конверте также находилась квитанция об отправке этой жалобы по заказной почте. Конверт был запечатан почтовой службой в мае 1974 года. Было единственное доказательство того, что их семья действительно отправила эти жалобы в мае 1974 года. После трех часов пребывания в милиции на В.Штерна был наложен штраф 30 руб. за "хулиганские действия в милиции".

14 декабря 1974 г.

С у д ь я. Судебное разбирательство сегодня не состоится, поскольку не прибыл эксперт профессор Ефимов из Киева.

17 декабря 1974 г.

С у д ь я (*представляет новый состав экспертизы*). Д-р Анатолий Ольнев, Андрей Ефимов, доктор медицинских наук, заведующий клиникой Киевского института эндокринологии, Петр Андрееenko, доктор медицинских наук, профессор кафедры факультетской терапии Винницкого института и доктор Лев Куперман, кандидат медицинских наук, врач железнодорожной больницы.

А д в о к а т (*вопрос к Андрееenko*). Вы работали в области эндокринологии как практический врач?

А н д р е е n к о. Мы преподаем эндокринологию и это отделение от нас давно отделилось. Таких больных мне приходилось курировать

Ш т е р н. Существует ли самостоятельный курс эндокринологии в мединституте?

С у д ь я. Вопрос снимается.

Ш т е р н. В каких отношениях вы находитесь с профессором Зелинским, который является инспиратором этого анти-семитского процесса?

С у д ь я. Вопрос снимается.

Ш т е р н. Я заявляю категорический отвод доктору Андрееenko в связи с тем, что он, будучи подчиненным профессора Зелинского, заинтересован в исходе дела.

П р о к у р о р. Я возражаю против ходатайства подсудимого. Мотив отвода надуман. По-моему, ходатайство не подлежит удовлетворению.

А д в о к а т. Я поддерживаю ходатайство подсудимого.

С у д ь я. (*после короткого совещания*). Суд определил отклонить ходатайство подсудимого об отводе д-ру Андрееenko и назначить экспертную комиссию в составе: Ольнев (председатель), Ефимов, Андрееenko, Куперман.

Прошу подсудимого дать объяснение по предъявленным обвинениям по 21 эпизоду взяточничества и 19 эпизодам мошенничества.

Ш т е р н. Граждане судьи! По моему глубокому убеждению, многие материалы, лежащие на вашем столе, вспыхнули бы, если бы только бумага могла бы гореть от стыда за то, что на ней написано. Это, в первую очередь, относится к экспертизе по эпизоду Гармасара, с которого я хотел бы начать свои показания.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

10 октября 1974 г.

т. 5, л. д. 91, 92, 93, 94, 95.

А к т № 515

Комиссия в составе председателя – начальника областного бюро судебно-медицинской экспертизы Ольнева и членов: завкафедрой госпитальной терапии №1 Винницкого мединститута доктора медицинских наук, профессора Кучука и ассистента кафедры судебной медицины, кандидата медицинских наук Коляды, изучила материалы уголовного дела, касающегося эпизода с гражданином Гармасаром для разрешения следующих вопросов:

1. Соответствовало ли в июне 1968 г. состояние здоровья Гармасара заключению, указанному Штерном в акте от 18 июня 1968 г?

2. Не внес ли Штерн заведомо ложных сведений о состоянии здоровья Гармасара с целью создания видимости заболевания, при наличии которого Гармасар освобождался от призыва?

3. Является ли заболевание Гармасара хроническим, как указано в акте от 18.6.1968 г. Имеются ли в настоящее время симптомы этого заболевания?

В распоряжение судебно-медицинской экспертизы представлены следующие документы:

а. Личное дело офицера запаса Гармасара.

б. Индивидуальная карта амбулаторного больного Гармасара из Винницкого облэндодиспансера.

в. Книга учета основного обмена облэндодиспансера за 1967-1970 гг., в которой под номером 243 за 20. 6. 68 г. против фамилии Гармасара указан основной обмен +4% и

+44% с зачеркнутой цифрой +4%. По показаниям свидетельницы Егоровой, данные +4% были исправлены Штерном на +44%.

В представленном личном деле офицера запаса Гармасара имеется акт без номера исследования состояния здоровья. Из акта следует, что он находился 18. 6. 68 г. на исследовании в облэндодиспансере. При исследовании оказалось: болеет тиреотоксикозом с декабря 1966 г. Жалобы на сердцебиение, потливость, невыносимость к жаре, головные боли, похудание. Гиперплазия щитовидной железы 1 степени, лагофталм, больше справа. Положительный симптом Грефе, тремор пальцев вытянутых рук. Артериальное кровяное давление 125/70, П-94, Т-37, 1. Сердце: тахикардия, тоны несколько акцентированы, нежный систолический шум на верхушке. Печень не пальпируется. Стул — предрасположенность к поносу. Слабость мышц шеи и бедер. Диагноз: тиреотоксикоз средней тяжести.

Гл. врач Британов, зав. поликлиническим отделом Штерн.

В личном деле офицера запаса Гармасара имеется заключение медкомиссии Винницкого горвоенкомата от 18. 6. 68 г., что на основании диагноза тиреотоксикоз средней тяжести Гармасар признан негодным в мирное время.

Представлена индивидуальная карта амбулаторного больного Гармасара.

Дата составления: 18. 6. 68 г.

Запись: 18. 6. 68 г. Вес 71, рост 174, П-94, Т-37, 1. Явился по направлению военкомата... Состояние несколько улучшилось. Меньше беспокоят головные боли, сердцебиение. Однако с наступлением жары усиливается потливость, похудел на 3 кг. Невыносимость к жаре, поносы, тревожный сон. Объективно: гиперплазия щитовидной железы 1 степени. Лагофталм больше справа. Положительный симптом Грефе. Тремор пальцев вытянутых рук. Сердце: тахикардия, нежный систолический шум на верхушке. Легкие — норма, печень — норма. Стул: предрасположен к поносам. Диагноз: тиреотоксикоз средней тяжести.

Врач Штерн.

В представленной книге учета основного обмена Винницкого облэндодиспансера имеется следующая запись за 1968 г.

№243 Гармасар — +4%, дописано + 44%, затем первая 4 зачеркнута и в рамках дописано +4%.

В беседе Гармасар заявил.: "В 1967-1968 г. направлен на комиссию. В настоящее время никакие лекарства не принимаю".

Направлен на кафедру рентгенографии для диагностики функции щитовидной железы методом установления поглощаемости щитовидной железой йода. Заключение 5 сентября 1974 г.: "Функция щитовидной железы в пределах нижней границы нормы."

9 октября 1974 г. Гармасар освидетельствован врачом эндокринологом Винницкой областной клинической больницы Твердохлебовой З. С., которая отметила: "... Жалобы на ощущение "комка" в глотке при волнении, легкую утомляемость, пониженный аппетит, периодическую тошноту, жажду, независимо от характера пищи, похудание. Глотание пищи свободное, ощущает давящую боль в области сердца. Болеет около 10 лет. Еще в студенческие годы в Одессе обнаружена повышенная функция щитовидной железы, по поводу чего принимал инсулин и какие-то таблетки.

В 1967-1968 гг. принимал диодотирозин по назначению врача медпункта завода, где он работал. Объективно: кожа розовая, умеренно влажная. Слабый тремор пальцев вытянутых рук, больше справа. П-78. Щитовидная железа не пальпируется, глазные симптомы отрицательные, широкие глазные щели. Заключение: "Заболевания щитовидной железы не выявлено".

З а к л ю ч е н и е

1. Результаты лабораторного и клинического обследования врачом-эндокринологом свидетельствуют о том, что в настоящее время функция щитовидной железы у Гармасара не нарушена.

2. Тиреотоксикоз является хроническим заболеванием и при лечении дает тяжелые осложнения, вплоть до смертельного исхода.

3. Поставленный Гармасару в Винницком облэндодиспансере 18.6.68 г. диагноз "тиреотоксикоз средней тяжести" в акте исследования состояния здоровья офицера запаса Гармасара от 18.6.68 г. не подтвержден ни объективными клиниче-

скими данными, описанными в указанном акте, ни проведением лабораторных или инструментальных исследований. Только 20.6.68 г. Гармасару было проведено исследование основного обмена (по Риду). Он оказался нормальным и равнялся +4%. Однако, как указывает свидетельница Егорова, эти данные были исправлены Штерном на +44%.

Изложенное выше, с учетом заявления Гармасара о том, что он не лечился по поводу териотоксикоза, отсутствие симптомов нарушения функции щитовидной железы в настоящее время позволяют утверждать, что в июне 1968 г. заключение от 18.6.68 г. не соответствовало состоянию здоровья Гармасара и диагноз является не обоснованным.

4. Врач имеет право поставить диагноз на основании только клинических данных, если они характерны для того или иного заболевания. Однако в последующем он обязан подтвердить поставленный диагноз лабораторными и инструментальными исследованиями, тем более, если речь идет об экспертизе годности к военной службе.

5. Если врач сомневается в правильности дополнительных исследований, в том числе аппаратных, он может не принимать их во внимание при постановке диагноза, но обязан проверить эти данные и провести другие дополнительные исследования. В данном случае, если Штерн сомневался в правильности результатов аппаратного определения основного обмена у Гармасара, ссылаясь на то, что его проводил неопытный работник, он обязан был провести другие, более точные исследования: определить поглощаемость щитовидной железой йода, провести сканирование щитовидной железы и др.

6. Метод аппаратного определения основного обмена старый и только косвенно определяет функцию щитовидной железы, поэтому при установлении диагноза — тиреотоксикоз нельзя основываться только на результатах этого исследования. Врач может на основании учета пульса и пульсового давления только примерно высказаться о состоянии основного обмена. Современными точными методами определения функции щитовидной железы являются: определение связанного с белком йода, отражающего количество гормонов в крови, определение поглощаемости йода щитовидной железой, сканирование щитовидной железы. Указанные методы исследования применяются и в условиях Винницы. Они не могли быть неизвестны

Штерну. Он обязан был их использовать при проведении экспертизы годности к воинской службе.

Председатель комиссии – Ольнев

Члены комиссии – Кучук, Каляда

Ш т е р н. Обвинение утверждает, что 6 с половиной лет тому назад я дал ложное заключение Гармасару, благодаря которому он не был взят на краткосрочную офицерскую переподготовку сроком на 1-2 месяца. В обвинительном заключении указывается, что несмотря на протесты лаборантки Егоровой, я исправил данные результатов определения основного обмена у Гармасара с +4% на +44%, что было использовано для дачи ложного заключения. Я хочу заявить, что двукратное определение основного обмена у Гармасара по методу Рида и на аппарате Евграфа не имело никакого отношения к даче заключения в горвоенкомат. Акт обследования Гармасара, выданный областным эндокринологом-диспансером за двумя подписями – главного врача и моей, датирован 18.06.68. В акте указывается, что при амбулаторном исследовании установлено, что Гармасар болеет тиреотоксикозом с 1966 года. Жалобы: сердцебиение, потливость, головные боли, похудание и пр. Принимал динодитиозин, мерказолил. Объективно: гиперплазия 1 ст., лагофталм, положительный симптом Грефе. Слабость мышц и бедер.

Подчеркиваю, что в акте нет никаких данных об определении основного обмена у Гармасара. Таким образом, не может быть и речи о ложных данных основного обмена, якобы использованных для дачи ложного заключения. Второй факт, на который я хочу обратить внимание суда, это то, что заключение в военкомат датировано 18 июня 1968 года, тогда как определение основного обмена было сделано 20 июня 1968 года, т.е. два дня спустя. Эти определения были сделаны с целью контроля за лечением и не имели никакого отношения к даче заключения в горвоенкомат. Прошу осмотреть "Книгу учета основного обмена" за 1968 г., исследование № 243, запись 20.06.68 г. Здесь действительно имеется цифра +4%, зачеркнутая (а не исправленная) моей рукой, и сверху написано +44%. Однако, если вы посмотрите на карточку больного Гармасара, то увидите две записи от 20.06.68 г. Одна: ос-

новой обмен по Риду +44%, 20.06.68 г. и вторая: основной обмен на аппарате Евграфа, произведенный (касси-ром диспансера) Егоровой, +4% 20.06.68 г. Далее, если вы посмотрите в карточку на предыдущие записи, увидите, что 18 июня по направлению военкомата Гармасара осматривал не один Штерн. Его, кроме меня, осматривал другой врач, эндокринолог-невропатолог, кандидат медицинских наук, д-р Каменецкий. Я прошу зачитать данные моего осмотра, а также данные осмотра Каменецкого.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т.4, л.д.89

Выписка из индивидуальной карты амбулаторного
больного Гармасара А.

18.06.68 г. Осмотр невропатолога. Жалобы на головную боль, слабость мышц конечностей. Болеет с 1966 года, заболевание связывает с переутомлением. Объективно: со стороны черепно-мозговых нервов характерные данные для тиреотоксикоза, слабость мышц плеч и бедер. Чувствительность не расстроена. Тремор равномерный, средний. Со стороны нервной системы данные, характерные для выраженного тиреотоксикоза. Назначения те же.

Врач Каменецкий

Ш т е р н. Мои данные: "Вес 71, рост 174, пульс 94 (т.е. учащенный), 37,1 (т.е. субфебрильная), давление 125/70. Жалобы: с наступлением жары — потливость, похудание, поносы, тревожный сон, лагофтальм, положительный симптом Грефе, тремор пальцев рук, систолический шум на верхушке, тахикардия и т.п. Диагноз: тиреотоксикоз средней тяжести". Далее — запись Каменецкого: "Со стороны нервной системы и черепно-мозговых нервов имеются характерные данные для тиреотоксикоза. Слабость мышц, плеч и бедер... Заключение: со стороны нервной системы имеются данные, характерные для выраженного тиреотоксикоза".

Итак, как видно из записей двух врачей, у Гармасара в 1968 г. была четкая клиническая картина тиреотоксикоза.

Эти данные давали все основания поставить диагноз "тиреотоксикоз средней тяжести". Кстати, на акте имеется приписка терапевта медкомиссии военкомата. Пульс 110 (тахикардия), а.д. 160/90. Прошу сопоставить эти данные с данными осмотра 18.06 в диспансере. Далее, я прошу вас убедиться, что записи в карточке Гармасара от 18.06 и в акте для военкомата практически идентичны. Как в амбулаторной карточке, так и в акте нет никаких исправлений, а в акте для военкомата нет никаких упоминаний об основном обмене у Гармасара.

Дальше я прошу обратить внимание на записи эндокринолога Твердохлебовой в связи с осмотром Гармасара, который она проводила 9 сентября 1974 года по поручению первой экспертизы. Кстати, эти данные почему-то не были учтены прошлой экспертизой при даче ими заключения. Итак, "комок в горле", утомляемость, жажда, похудание, раздражительность. Болеет около 10 лет. Когда был студентом в Одессе, была обнаружена повышенная функция щитовидной железы. Лечился, принимал инсулин и таблетки...

С у д ь я. Подождите, вы опять обращаетесь не к суду, а к залу. Давайте я сам прочитаю: *"Принимал диинодтирозин по назначению врача медпункта 45-го завода..."*

Ш т е р н. Прошу обратить внимание, что эндокринолог Твердохлебова при осмотре в 1974 году отметила жалобы на характерные симптомы тиреотоксикоза, например, утомляемость, жажду, раздражительность, похудание, боли в области сердца и др. Я прошу обратить внимание, что больной сказал, что он болеет около 10 лет, что еще задолго до того, как он был у меня, еще в Одессе у него была обнаружена повышенная функция щитовидной железы, что является синонимом тиреотоксикоза в некоторых случаях. Важно, что он заявил это через 6,5 лет. Многие забывают, а он помнит, что лечился, что принимал инсулин, который часто назначают при тиреотоксикозе, не путая, заявляет, что в 1968 г. принимал диинодтирозин, который назначается только при тиреотоксикозе. Что это ему назначил врач 45-го завода. Итак, даже при пристрастном осмотре по поручению экспертизы, врач-эндокринолог Твердохлебова отмечает симптомы, которые четко свидетельствуют, что в 1974 г. у Гармасара во всяком случае есть признаки перенесенного тиреотоксикоза. Она пишет: *"Влажная кожа, широкие глазные щели и т.д."*

Я хочу подчеркнуть, что записи Твердохлебовой четко показывают, что Гармасар болел в прошлом тиреотоксикозом, лечился по этому поводу, что он принимал специфическое средство — диодтирозин. Вполне естественно, что старая экспертиза во главе с проф. Кучуком, этим известным антисемитом...

С у д ь я. Подсудимый, прекратите это. Не превращайте суд в то, в чем заинтересованы кое-кто из сидящих в зале. Делаю вам замечание.

Ш т е р н. Если меня, врача с 30-летним стажем, они называют всевозможными эпитетами в официальных документах, то я тоже могу...

С у д ь я. Суд запрещает вам использовать термин "анти-семит" применительно к лицам, имеющим отношение к суду.

Ш т е р н. Хорошо. Я понимаю, что заинтересованные лица из старого состава экспертизы во главе с Кучуком приняли все возможное, чтобы добиться моего осуждения. И несмотря на то, что Кучука отвели, я считаю необходимым показать методы, которые были использованы для того, чтобы дискредитировать врача-еврея Штерна. Уж евреем себя называть вы мне не можете запретить. Эти методы характерны не только для экспертизы, но и для всего дела. Следовательно Кравченко...

С у д ь я. Я запрещаю вам. Это не имеет отношения к делу.

Ш т е р н. Я 6 месяцев сидел в темном каземате и думаю, что мне будет представлена возможность высказаться...

С у д ь я. Только не в подземелье вы сидели, как передают радиостанции...

Ш т е р н. Давайте поедем и посмотрим. Приглашаю вас в гости.

С у д ь я. Говорите по существу дела.

Ш т е р н. Следовательно хотел оформить Кучука экспертом, но он знал, что я дам ему отвод. Суд своим определением подтвердил, что Кучук — самозванец и был введен в состав экспертизы незаконно. Кравченко подсказал Ольневу ввести Кучука в экспертную комиссию.

Вы видели, что в карточке имеется запись осмотра Гармасара невропатологом. Спрашивается, если в карточке больного были записи двух специалистов-эндокринологов — терапевта и невропатолога, четко подтверждающие наличие тиреотоксико-

за средней тяжести, почему на это не обратили внимания? Допустим, следователь Кравченко не понимает в медицине. Но ведь карточку рассматривали эксперты и на нее ссылается экспертиза, и "не заметили" записи Каменецкого. А ведь в ней участвовали врачи с профессорскими званиями. Я уже не говорю о том, что мне грозит 10 лет, ведь остается чисто медицинский вопрос о правильности диагноза. В нем еще можно было бы сомневаться, если бы там была только одна подпись — моя. Есть версия, что Штерну за этот диагноз заплатили деньги. Подозрительно. Если бы я дал это заключение только на основании своей записи, я бы сказал: в том, что выдвигают против меня, есть и юридическая, и медицинская, и общечеловеческая логика. Но если профессора, кандидаты наук и, наконец, просто люди не замечают, что там есть еще одна запись и с тем же диагнозом, то мне не о чем говорить. Это не только не слыханно, это символично. Я считаю, что старая экспертиза сознательно не обратила внимания на запись Каменецкого. Я считаю, что это произошло потому, что организаторам и дирижерам этого дела нужно было найти весомые доказательства виновности врача-еврея Штерна. И это было очень удобно сделать, имея фальсифицированную экспертизу за профессорской подписью. Я хочу обратить внимание суда на то, что старый состав экспертизы создал миф, будто я внес исправления в результате определения основного обмена и на основании этого дал ложный диагноз. Вы видели, что определение основного обмена были проведены 20-го, а не 18-го июня. Вы видели, что я не вносил исправлений ни в карточку больного, ни в акт для военкомата. Таким образом, утверждение, что я якобы использовал для дачи заключения фальсифицированные результаты основного обмена, беспочвенно.

С у д ь я. Объясните, пожалуйста, происхождение зачеркнутой цифры +4% и новой +44% в лабораторном журнале, запись № 243 от 20 июня 1968 г.

Ш т е р н. Я как раз к этому подхожу. Действительно, в лабораторном журнале стоят данные +4%, исправленные на +44% и вновь +4%. Это видно четко. Однако в карточке Гармасара имеются записи двух показателей основного обмена: "Основной обмен +4%. Егорова", т.е. видно, что я никаких исправлений в карточку не вносил. И есть еще запись в карточке моей рукой: "Основной обмен по Риду: +44%". Если в

карточке указаны действительные данные и если я не использовал эти данные для дачи заключения, то какое это имеет для вас значение? Тем более, что в журнале исправлено снова на +4%. Где же здесь фальсификация? Но я вам все же объясню. Это забавно получилось. Я цитирую заключение экспертизы от 9 октября 1974 г.: *"Только 20 июня Гармасару был проведен анализ основного обмена по Риду и он был нормальным и равнялся +4%"*. Итак, в карточке написано: *"Обмен по Риду: +44%"*, а в обвинительном заключении — *"он был нормальным и равнялся +4%"*. Я лично проводил определение обмена по Риду и своей рукой написал в карточке +44%. Как же экспертиза может так исказить факты? Ведь я его сам производил! Неужели профессор и кандидаты наук не поняли, что было произведено два определения основного обмена, не имеющие ничего общего друг с другом: по методу Рида, где показатель основного обмена вычисляется по формуле на основании определений пульса, веса, роста, давления и других показателей, которые может делать только врач; и на аппарате Евграфа по другому методу. Экспертиза сознательно или по полному невежеству не поняла этого. +4% — это результат определения обмена на аппарате Евграфа, и он действительно равнялся +4%. Имела ли право экспертиза путать элементарные вещи, известные любому студенту? Отмечаю, что никаких исправлений данных аппаратного определения в карточке, которая является основным документом, я не делал.

Теперь о лабораторном журнале. В июне 1968 г. медсестра нашего кабинета функциональной диагностики Тульчинская была в отпуске. Кстати, мы, врачи, вообще называем определение основного обмена "основным обманом". Он делается, в основном, для проформы, и в большинстве приличных поликлиник давно заброшен. Он дает массу ошибок и по существу не имеет никакого значения. Так вот, у нас было критическое положение с медсестрой, и мы разрешили кассиру диспансера Егоровой занять это место на месяц. Ей дали лишние полставки, и она проводила анализы. Ни до июня 1968 г., ни после Егорова никогда не работала медсестрой. И никогда не определяла основного обмена на аппарате Евграфа (это видно из протокола очной ставки с ней). Итак, 18-го Гармасар отнес акт в военкомат. Но ведь он был болен, и мы предложили вернуться ему на лечение. 20-го он явился на иссле-

дования. Зная, что Егорова — неопытный работник, зная, что у Гармасара имеется четкая клиническая картина тиреотоксикоза, я ему сам провожу определение основного обмена по Риду, пишу в карточке +44% и отправляю его к Егоровой. Она дает мне фантастический результат: +4%. Я захожу к Егоровой, беру у нее зеленый карандаш и исправляю на +44%. Ведь +4% — это совершенная бессмыслица. Егорова вычеркнула мое исправление, снова написала +4% и правильно сделала. И переписала эту цифру в карточку. Я этого не опротестовал. Вот какое страшное преступление я совершил. Вот как я фальсифицировал данные. А Кучук и К⁰ пишут — основной обмен по Риду был нормальным. Штерн его исправил на +44%.

Прежняя экспертиза невероятно сгустила краски, говоря, что тиреотоксикоз при нелечении дает смертельный исход. Я видел десятки случаев самоизлечения тиреотоксикоза. Но, чтобы не быть голословным, я прошу приобщить к делу выписку из монографии Вернера "Щитовидная железа", 369 страница, а также из книги "Клиническая эндокринология" Гроумана, из которых видно, что тиреотоксикоз может самоизлечиться. Из них видно также, что врач вправе положиться на результаты обследования и анамнеза для постановки диагноза и не учитывать лабораторные данные, если они не соответствуют клинической картине. Кстати, я хочу подчеркнуть, что у Гармасара была не тяжелая форма заболевания, он лечился, принимал диодотирозин. Бытовые условия были благоприятные — он вполне мог выздороветь с тех пор. Экспертиза далее указывает: *"Диагноз Гармасара не был подтвержден клиническими данными"* и ссылается при этом на диагностические методы, ни один из которых не мог быть применен у нас 6,5 лет тому назад, да, кстати, многие из них мы не в состоянии освоить и в настоящее время. Старая экспертиза ссылается на отсутствие симптомов тиреотоксикоза в настоящее время. Этим она подтверждает, что если Гармасар болел тогда, то он обязательно должен болеть и в настоящее время.

О л ь н е в. В цитатах из монографий, которые приобщили к делу, речь идет о самоизлечении не тиреотоксикоза, а гипертиреоза.

Ш т е р н. Мне абсолютно точно известно, что за границей, а это — переводные книги, термин "гипертиреоз" применяется

как "тиреотоксикоз" в нашем понимании. Это подтверждается также тем, что Вернер в той же фразе, в которой он говорит о самоизлечении, ссылается на лечение радиоактивным иодом и оперативное вмешательство. Кто будет лечить людей радиоактивным иодом или делать операции при незначительном увеличении функции щитовидной железы? Нет, здесь речь идет именно о тиреотоксикозе. Цитата из второй книги о достоверности лабораторных данных в сравнении с клинической картиной точно показывает, что Каменецкий и я имели все основания поставить диагноз-тиреотоксикоз только на основании клиники вообще без всяких определений основного обмена.

Далее. Обратите внимание на термин "гипертиозия" в заключении прежней экспертизы. Пусть кто-нибудь мне объяснит, что значит этот термин. Нет такого медицинского термина. А ведь заключение правили после машинистки — обратите внимание на исправление грамматических ошибок карандашом. Однако вместо слова "гиперплазия" напечатано "гипертиозия". Как мог человек, видимо, один из авторов экспертизы, врач, специалист, аккуратно заметивший остальные опечатки, пропустить такую ошибку в специальном термине — три ошибки в одном слове? Это отражает полную медицинскую неграмотность человека, который читал заключение после того, как его напечатали.

По моему убеждению, прежнее заключение экспертизы — низкопробная фальсификация. Образец медицинской недобросовестности и неграмотности. В нем отсутствует общая и медицинская логика. Я считаю, что вся экспертиза с начала и до конца была организована с единственной целью: обеспечить наукообразность преследования врача-еврея Штерна, а вовсе не доискаться до истины.

С у д ь я. Объявляю короткий перерыв.

После перерыва

С у д ь я. Я предлагаю сначала закончить с этим эпизодом.

П р о к у р о р. Я не возражаю.

А д в о к а т. Вы правы. После того как Штерн кончит давать показания, я предлагаю допросить обоих Гармасаров, доктора Каменецкого и Егорову. И еще доктора Твердохле-

бову. Я предлагаю пойти дальше, если мы уж все равно прервем показания Штерна. Давайте допросим и остальных свидетелей, а потом дадим слово Штерну.

С у д ь я. Итак, все согласны с первым предложением. Решено. Каково мнение прокурора по второму предложению? Допросить свидетелей до показания Штерна?

П р о к у р о р. Я против. Я предлагаю решить этот вопрос по ходу дела.

С у д ь я. Суд, совещаясь на месте, определил допросить свидетелей по эпизоду Гармасара, затем вернуться к допросу Штерна, а там мы решим, что делать дальше. Штерн, пожалуйста, продолжайте.

Ш т е р н. Итак, я убедительно доказал целым рядом фактических данных, что офицер запаса Гармасар был действительно болен и не нуждался в моей помощи для освобождения от поездки на краткосрочные офицерские сборы. Таким образом, ни у Гармасара, ни у его родственников не было побудительной причины...

С у д ь я. Я вам опять делаю замечание. Отрадите, пожалуйста в протоколе. Надо говорить суду, а не залу.

Ш т е р н. Не было причины давать мне взятку, т. к. он был болен, получил соответствующее заключение о состоянии здоровья. Это заключение подтвердила медицинская комиссия Винницкого горвоенкомата, поэтому он не поехал на сборы. О том, что якобы мать Гармасара через два с половиной месяца после прохождения комиссии горвоенкомата уплатила взятку в двести рублей за освобождение ее сына — для того, чтобы объяснить, откуда появились эти обвинения, я должен сделать краткое отступление. Как это ясно суду и всем, случай Гармасара — весьма устарел. Ему около семи лет. Я хочу подчеркнуть, что и все остальные случаи предъявленного мне обвинения также все давние. Случай Гужвы — четырехлетней давности, Манжиевской-Рыбачук — около двух лет.

На протяжении ряда лет проф. Зелинский, работающий на базе Винницкого эндокринологического диспансера вместе со своими ассистентами и подхалимами, систематически компрометировал меня как специалиста и человека. Защитив кандидатскую и докторскую диссертации по терапии, он совсем недавно пришел в эндокринологию, притом, от теории, а не от практики. Ему явно мешала моя большая популяр-

ность как специалиста-эндокринолога, имеющего 30-летний стаж работы и пользующегося на протяжении последних 20 лет работы в Виннице безупречной репутацией среди больных, врачей. Посмотрите, в показаниях главврача диспансера Урбанского сказано, что Штерна приглашали для консультаций. Профессору Зелинскому явно мешала моя популярность и явно претила моя национальность. Для того, чтобы дискредитировать меня, в ход было пущено все — сплетни, компрометации меня как специалиста...

С у д ь я. Все ваши обвинения голословны и не имеют отношения к делу.

Ш т е р н. Нет. Проанализируйте случай с Нечипорук, у которой таинственно исчезла карточка и была заведена новая. Ей сказали, что д-р Штерн "аферист и страшный человек". Посмотрите, это есть в ее показаниях. После меня она была у них. Кто ей сказал, кто напугал эту женщину так, что она даже не вернулась забрать 30 руб., оставленные на лекарства?

Еще в 1972 году, что видно на примере эпизода с Рыбачук-Манжиевской, уже пытались пустить в ход слухи и сплетни. Неожиданно появился слух, что я взял деньги у Рыбачук. и ассистент Зелинского Когут публично заявила об этом. Уже тогда я потребовал от главврача расследовать сплетни. Была специальная комиссия из облздравотдела во главе с областным терапевтом. Я заявил главврачу Урбанскому, что подаю в суд на клеветников. Я потребовал вызвать родственников покойной Любедкой. Явился один из зятьев покойной к главврачу. Я был вызван в кабинет. Состоялся резкий разговор. Кстати, Любецкая умерла по причине невежества работников мединститута. Если нужно будет, я смогу это доказать, история болезни существует. Тогда из-за коллегальных соображений я не хотел поднимать этот вопрос. Я потребовал привлечения к суду Зелинского и Когут, которые заявили главному врачу, что я якобы взял деньги у детей покойной. Я потребовал, чтобы дети дали мне официальное подтверждение, что я денег у них не брал. Через несколько дней явился один из зятьев покойной к главному врачу в кабинет и принес расписку (см. стр. 113). Это подтверждает правоту моих слов, а не слов Рыбачук, что она якобы дала расписку какой-то женщине. Почему в расписке идет речь о суде? Потому что о суде шла речь в кабинете Урбанского. Урбанский — порядочный человек,

не любящий склок и дразг, уговорил меня, к большому моему сожалению, не подавать в суд на работников мединститута. Я хочу, кстати, обратить ваше внимание еще на одну фразу из показаний Урбанского, которая характеризует обстановку в диспансере. *"Доктор Штерн часто подчеркивал недостаток знаний коллег, в том числе и работников мединститута"*. У них было достаточно мотивов желать расправиться со мной.

Я прошу вызвать еще одного свидетеля. Есть свидетель Ломовоз, который написал такую же расписку, как родственники Любецкой, в то же самое время, и эта расписка имеет то же самое происхождение. Точно так же Когут и Зелинский заявили главврачу, что я взял деньги у Ломовоза за помещение его в больницу. Ломовоз резко отверг клевету в мой адрес, и его невозможно заставить отказаться от своей расписки, как это делают Рыбачук и Манжиевская. Поэтому этот эпизод и не фигурирует в деле. Таким образом, анонимки, доносы и публичные заявления в мой адрес сыпались одно за другим. Я предполагаю, что все они исходили из одного источника.

В последнее время стали, однако, поступать анонимки совершенно другого содержания. Об этих анонимках я открыто заявлял на собраниях в диспансере в присутствии сотрудников мединститута, как человек, который в течение 30 лет был членом партии; я выражал свое гневное возмущение по поводу этих грязных антисемитских анонимок. Зелинский был тогда секретарем партбюро лечебного факультета. Это, видимо, накладывало на него обязанность выступить после оглашения мною одной из них, отмежеваться от них и осудить тех людей, которые сеют национальную рознь среди советского народа. Он однако этого не сделал. Я хочу огласить текст этой анонимки.

С у д ь я. Не делайте этого. Мы с ней ознакомились. Не зачитывайте ее. Она приобщена к делу.

Ш т е р н. Хорошо. Вы согласны с тем, что это грязная антисемитская анонимка?

С у д ь я. Мы согласны.

Ш т е р н. Я подчеркиваю, что несмотря на многочисленные проверки всех этих доносов, от них оставался только явный осадок черносотенной клеветы. Итак, до мая 1974 года все старые случаи обвинения в мой адрес Гармасара, Гужвы, Любецкой и т. д. при многочисленных проверках не подтвержда-

лись. Ни одна из самых пристрастных проверок не могла подтвердить, что врач-еврей Штерн — взяточник, мошенник, жулик, вымогатель. И вот, в середине мая мой младший сын получил вызов явиться в Черновицкий ОВИР для получения выездной визы на выезд в Израиль, что вовсе не противоречит советскому законодательству и что соответствует гуманным принципам и высоким идеалам Всеобщей декларации прав человека, подписанной всеми членами ООН...

С у д ь я. Послушайте, это всем известно. Пожалуйста, ближе к делу. Кому это надо? Кто этого не знает? Суду известно, что подписано, ближе к делу.

Ш т е р н. Я уже заканчиваю. И вот 12 мая 1974 г... я попрошу суд затребовать из милиции документ, который забрали у моего сына. Это письмо — оно имеет отношение к делу, это — предистория моего ареста. 12 мая 1974 года все члены моей семьи, которые тогда находились в Виннице, были вызваны в областное управление внутренних дел, в различные отделы, например, мой сын Виктор был вызван в ГАИ — якобы он сбил на своей машине какого-то человека и скрылся. Моя жена была вызвана в областной ОВИР — якобы с ней хотело поговорить большое начальство. Моя невестка с маленьким внуком вызвана в другой отдел, где с ней поговорили на свободные темы. Можно только удивляться наглости человека, который вел этот разговор. Я тогда был в Харькове. Всех членов моей семьи продержали там до двух часов, в их отсутствие в нашу квартиру при помощи отмычек проникли неизвестные лица. Об этом нам сообщили дети наших соседей. Кто были они и что они делали в нашей квартире, я не могу сказать. Однако они могли убедиться, что в комнатах моих взрослых детей все было сложено в дальнюю дорогу.

Когда я приехал из Харькова (13 мая это было), я продиктовал своему старшему сыну Виктору письмо на имя Председателя КГБ Андропова...

П р о к у р о р. Я считаю, что эти заявления, которые делает здесь для публики подсудимый Штерн, должны рассматриваться компетентными органами, куда они были направлены, а не нам их здесь выслушивать и проверять их достоверность. Я прошу отметить мой протест в протоколе заседания.

А д в о к а т. Я категорически не согласен с замечанием прокурора. Я считаю, что подсудимый имеет право сказать

о всех фактах, которые, с его точки зрения, имеют прямое отношение или объясняют предъявленное ему обвинение. Штерн считает, что факты, которые он сейчас излагает, являются прямо связанными с обвинением, которое ему предъявлено. Поэтому лишать его этой возможности, с моей точки зрения, это значит не дать ему возможности в гласном процессе высказать то, что он хочет сказать по поводу предъявленных обвинений. Поэтому я прошу замечание прокурора не принимать во внимание и дать возможность Штерну высказываться дальше.

С у д ь я. Суд предупреждает Штерна, чтобы он держался по возможности ближе к сути дела.

Ш т е р н. Я уже заканчиваю. Я хочу сказать суду, что если бы эпизод Гармасара не появился на свет именно 14 мая, когда они написали заявление, то я не занимался бы всей этой историей. Еще я хочу сказать, что, учитывая советы председателя суда, я проявляю сегодня необычайную сдержанность. Если бы я разговаривал со следователем или прокурором, я бы говорил совсем по-другому. Я стараюсь быть сдержанным. Так вот, я только еще хочу спросить о том, куда исчезла копия письма на имя Председателя комитета государственной безопасности, которое я хотел приобщить к делу как вещественное доказательство.

П р о к у р о р. Я еще раз протестую. Пусть с этими вопросами он обращается к компетентным органам.

Ш т е р н. Почему мне не дают говорить? Я прошу оградить меня от психологического террора со стороны обвинителя. В этом письме, которое было направлено 13 мая, я писал, что прошу оградить мою семью от взломщиков. От гангстерских, бандитских налетов.

С у д ь я. Вы уверены, что это сделали органы?

Ш т е р н. Я не знаю, я могу только предполагать. Если бы я знал, кто это сделал по фамилиям, то я писал бы совсем по-другому. И кстати, почему эта история вызывает такой страх у прокурора? Если кто-то, даже отдельные сотрудники, пусть даже МВД или КГБ нарушают закон, то советская власть за это ведь ответственности не несет так же, как это было, например, в связи с расстрелом наших выдающихся полководцев и других людей в 1937 году.

С у д ь я. Ну зачем вы все это говорите? Какое это имеет отношение к делу?

Ш т е р н. Пусть прокурор меня не прерывает. Вопрос о Гармасаре мог не возникнуть в середине мая 1974 г., если бы проныкившие в квартиру обнаружили бы, например, что-нибудь более существенное. Если бы это не имело отношения к делу, я бы не занимался этим письмом. Еще буквально несколько слов насчет письма. В этом письме, опасаясь дальнейших провокаций, я описал все, что случилось, и считал, что если такие вещи будут продолжаться, то запечатанная копия письма с квитанцией и почтовым штампом докажет, что я тогда обращался по этому поводу.

Так вот, мой сын Виктор 13 числа при выходе из суда был задержан милиционером по подозрению в краже и доставлен в милицию, где копия письма была у него изъята, а конверт со штампом был вскрыт и уничтожен. Прошу суд обратиться в милицию за разъяснениями.

С у д ь я. Откуда вам это известно?

Ш т е р н. А мне сказал мой адвокат. И так, я рассказал о том, что происходило со мной в тот момент, когда вдруг появился эпизод с Гармасаром. Теперь я возвращаюсь к самому эпизоду.

Гармасар был у меня в июне 1968 г. Примерно через два с половиной месяца встал вопрос о покраске автомобиля сына, и нужно было достать краску, которую, как знает любой автомобилист, достать невозможно. Эта краска бывает только на Сутисском заводе электроаппаратуры. Я вспомнил, что один из моих пациентов незадолго до этого говорил мне, что его мать работает председателем Сутисского сельсовета. Гражданка Гармасар этого не отрицает. Это и была причина того, что я туда поехал. Тогда я даже не знал фамилии Гармасар. Мы вместе с покойным главврачом диспансера Британовым приехали в эту деревню и зашли в сельсовет, выяснить, где она живет и поехали к ней. Мы представились ей и попросили достать за деньги автокраску, и хотя это было 6,5 лет назад, я прекрасно помню, что она нас очень приветливо приняла. Она действительно по своей доброй воле положила в багажник машины на мизерную сумму (даже на следствии указывается — на 7-8 рублей) яблок, луку и зерна — положила как подарок, по доброй воле, никто ее об этом не просил.

Мы возражали, но в конце концов, приняли этот подарок. Существует вековая традиция благодарить врачей, и не мне, и не вам ее отменять!

Я категорически отрицаю получение какой-либо взятки от гр-кн Гармасар. Я категорически настаиваю на том, что никакого разговора по поводу уплаты денег ни с Гармасар, ни с ее сыном не было, что она, кстати, подтвердила на очной ставке. Я убежден, что появление этого неуклюжего эпизода через 6,5 лет после того как Гармасар был у меня, письма от потерпевших, написанные 14-17 мая в прокуратуру ясно говорят, что заинтересованные лица должны были изобрести форму преследования врача-еврея Штерна, и такая форма была найдена благодаря коллективному творчеству прокуратуры и мединститута, следствия и экспертизы: благодаря коллективу Кравченко-Зелинского-Кучука! Было решено любыми средствами превратить меня во взяточника, вымогателя, проходимца.

Если бы я взял деньги у Гармасар, я их взял бы до дачи заключения или, по крайней мере, сразу после этого, а не через два с половиной месяца. Неужели я стал бы два с половиной месяца ждать, а потом поехал за взяткой к совершенно незнакомому мне человеку? Это нелогично. Так взяточники не делают. Я еще раз подчеркиваю, что Гармасар был болен и не нуждался в моей помощи для освобождения от сборов. Сама гражданка Гармасар заявляет, что она думала, что сына освободили от сборов не по состоянию здоровья, а по ходатайству завода. За что же она должна была давать деньги, если, по ее же собственным словам, не я, а завод, как она считала, освободил Гармасара от армии на один-два месяца. Всякий разумный человек спросит, что ей угрожало, чем можно было ее напугать, каким способом я мог вымогать у нее деньги, как об этом пишет следователь Кравченко. На следствии она об этом говорит: *"После того как я дала Штерну продуктов на 7-8 рублей, он сказал: "Это не все"*. Мне кажется, что даже если на минуту допустить фантастическую мысль, что я сказал эти слова, в ответ на них ни один нормальный человек не даст совершенно незнакомому человеку просто так 200 руб.

Была еще одна женщина — больная Малеванная, соседка Гармасар. Она умерла недавно. Кстати, я не знал, что она

умерла, мне следователь об этом не говорил, и поэтому я просил вызвать ее свидетелем. Она болела сахарным диабетом, часто лечилась у нас в стационаре, хорошо знала покойного Британова, который работал в стационаре лечащим врачом. Я в стационаре никогда не работал. Я старался даже туда не заходить. Малеванная долго разговаривала с Британовым во время нашего посещения дома Гармасар. Возможно, что если она дала деньги Малеванной, то она могла оставить их себе, сказав, что передала врачу. Здесь есть много возможностей. Гармасар не знала в лицо ни меня, ни главврача. Трудно допустить, что совершенно незнакомая женщина дала мне просто так 200 руб. Кравченко-Зелинский знали, что Малеванная умерла, и совместно сочинили этот акт моей трагикомедии.

Теперь я хочу подвести некоторые итоги. Почему именно эпизод Гармасар попал в число трех эпизодов, которые послужили основанием для моего ареста. Председательствующий как-то сделал мне замечание: мол, гражданка Оверчук в суде заявляет, что она не называла вас шпионом и отравителем. К сожалению, я полный невежда и мало понимаю в вопросах юриспруденции. И поэтому я не мог подготовить к допросу Оверчук одну вещь. Я прошу открыть 1 том дела, 117 стр., где дословно написано следующее. Это является прямым ответом на вопрос, почему Гармасар, Гужва и Оверчук послужили причиной для моего ареста. Я пишу: *"Прошу обратить особое внимание на заявление гражданки Оверчук о том, что ее сын мог быть отравлен при лечении. Это свидетельство о том, что ее заявление кем-то инспирировано."* Гражданка Оверчук тут же добавила: *"Возможно, вам платил кто-то другой, чтобы вы неправильно лечили допризывников"*. Меня ясно называли отравителем и шпионом. Отравителем — потому, что сын мог быть отравлен, шпионом — потому, что мне кто-то платил за неправильное лечение. Не только одна Оверчук пишет это. Где-то 16 или 17 мая другая потерпевшая, которая высказала здесь мне только одни комплименты, Матвиенко (т. 1, стр. 7), тоже пишет... Оверчук называет меня отравителем, а учительница Матвиенко пишет прокурору: *"Прошу объяснить мне, правильно ли лечили моего сына? И вообще, нужны ли были ему эти уколы?"* Если вы помните, он пришел ко мне с трехлетним развитием в 15 лет. Я за полгода сделал его мужчиной, и она, не колеблясь, благо-

дарит меня в суде. Но тогда она вот что писала. Это можно писать только под диктовку: *"Я как мать верила врачу. Врач в нашей стране стоит на страже и охраняет здоровье людей. И особенно молодежи"*. Чтобы писать такой вздор о здоровье единственного сына, надо было верить, что врач-еврей Штерн — шпион, которому поручили неправильно лечить советских людей, что ему за это платили деньги. И научить всему этому Матвиенко могли только люди, заинтересованные в том, чтобы меня скомпрометировать.

Другой эпизод — Гужва. По остальным эпизодам мне предъявлены обвинения в трех, пяти, десяти рублях. А Гужва — единственный из всех — предъявляет мне иск на 500 рублей. Потом мы докажем смехотворность этого иска вместе с моим адвокатом. От иска останется, как говорится, только один дым.

Итак, почему же эти три случая послужили поводом для постановления об аресте человека, отдавшего 30 лет своей жизни служению медицине и больным? Я отвечу на этот вопрос. Оверчук Анна, прямо обвиняет меня в отравительстве и шпионаже, в получении денег за неправильное лечение советских людей. Это нужно было для того, чтобы психологически сразу меня раздавить после ареста, подавить во мне чувство сопротивления. Следовательно, нужно было доказать, что д-р Штерн отравитель и шпион. Вот почему первым делом мне бросили в лицо обвинения Оверчук.

Случай Гужвы. Я убежден, что это купленный свидетель, и я в дальнейшем постараюсь это доказать. На процессе Бейлиса была Вера Чеберяк, на процессе врачей 1952 года была Лидия Тимашук.

С у д ь я. Немедленно прекратите эти сравнения. Откуда вы знаете, что он купленный? Мы всех здесь предупреждаем об ответственности за ложные показания. Если мы убедимся, что он говорит неправду, мы поставим вопрос о возбуждении дела.

Ш т е р н. Нужно было показать на примере Гужвы, который якобы истратил 500 рублей на лечение заведомо неизлечимо больной жены, у которой послеоперационная тетония, как еврей доктор Штерн наживаетеся на народной крови. А вот на случае Гармасара нужно было показать, какими делами занимается Штерн. Он занимается антисоветской деятельностью, он освобождает людей от призыва в армию.

Я прошу суд очень внимательно и всесторонне рассмотреть мое не совсем обычное дело. В личном плане моя судьба ничего не представляет ни для кого, кроме моей семьи, но мой процесс, по моему глубокому убеждению, является важным прецедентом для всех тех, кто может захотеть использовать свои законные национальные и гражданские права, в том числе и права на выезд из этой страны.

П р о к у р о р. Вы говорите о каком-то методе Штерна. Кто этот метод придумал? В чем он заключается?

Ш т е р н. Каждый врач, имеющий большой практический опыт, модифицирует общепринятые методы лечения, внося в них определенные коррективы, которые ему подсказывают его личные знания. Я не собираюсь здесь говорить подробно о сути этих корректив, поскольку я еще надеюсь опубликовать свои результаты. Однако я скажу несколько слов. Я применяю для лечения гипогенитализма и еще одной болезни, задержки роста и развития, известные эндокринологической практике гормональные препараты и витамины, но вот их сочетание, дозировку, последовательность применения я индивидуализирую в каждом отдельном случае. Я считаю, что есть не болезнь, а больной, хотя, впрочем, это действительно не имеет отношения к делу. На конкретных примерах, о некоторых из них вы слышали в суде... Например, в случае с Оверчук, который лечился до меня у других врачей, вы можете убедиться, что обычные дозы обычных гормонов, примененные в моей модификации, дают положительный эффект. Это не мой собственный метод. Он основан на данных мировой и советской медицинской науки и практики.

П р о к у р о р. Почему же вы тогда присвоили его себе, если он не ваш?

Ш т е р н. Я не присваивал себе ничего чужого. Мое в этом методе то, что я использую его по-своему.

С у дья. Но вы же говорили в суде о "методе Штерна".

П р о к у р о р. Вы этот метод держали в секрете или другие врачи могли им воспользоваться?

Ш т е р н. Никакого секрета я из этого не делал. Я говорил об этом всем врачам. Однако у меня он давал лучшие результаты. Это подтвердят врачи, если вы их вызовете.

П р о к у р о р. Для чего к вам в поликлинику был направлен Гармасар?

Штерн. Для дачи заключения о состоянии здоровья.

Прокурор. Вы до этого о нем знали, принимали его?

Штерн. Я лично не помню. Можно посмотреть карточку. Думаю, что он должен был быть в диспансере. Не помню.

Прокурор. Было ли вам все эти годы известно, что на основании вашего заключения Гармасар был освобожден от сборов?

Штерн. Нет, тогда я об этом не знал. Сейчас знаю, что он был освобожден от сборов медкомиссией военкомата на основании акта, подписанного главным врачом и мной, который, в свою очередь, основан на заключении двух специалистов-эндокринологов — моем и Каменецкого.

Прокурор. Вы установили у него диагноз - тиреотоксикоз средней тяжести. Является ли такой диагноз основанием для освобождения офицера от переподготовки?

Штерн. Это решает медицинская комиссия военкомата. Мы лишь констатируем состояние здоровья и все.

Прокурор. Как врач, специалист, вы можете мне сказать, является ли такой диагноз достаточным, чтобы его не призвали?

Штерн. Я уже ответил, что это решают врачи военкомата.

Прокурор. Почему вы за основу определения диагноза взяли только клинические признаки и только на их основании дали заключение? Почему вы не пользовались данными лабораторных и аппаратных исследований?

Штерн. Заключение было дано на основании диагноза, без согласования поставленного двумя врачами. Данные двух врачей давали основание установить даже более тяжелую форму тиреотоксикоза. Что касается ценности аппаратных данных в этом вопросе, я могу опять процитировать монографию...

Судья. Не надо цитировать, суду и так ясно.

Прокурор. Вам было известно, что аппаратный метод дал результат +4%. Имели ли вы право на основании лишь клинических данных игнорировать этот результат?

Штерн. Неужели не понятно, что результаты этого метода несущественны, если клиническая картина налицо. Я опять могу привести цитаты из всемирно известных монографий.

Судья. Не надо цитировать, и так ясно.

Прокурор. Какие условия должны соблюдаться при аппаратном методе определения основного обмена?

Штерн. Прошу обратить внимание на тот факт, что больной был у меня 18 числа, а анализ производился 20-го. В эти два дня он должен был соблюдать определенную диету. В этом и заключается подготовка, если я правильно понял вопрос.

Прокурор. Скажите, для такого диагноза достаточно осмотра в поликлинике, или больного надо положить на обследование в стационар?

Штерн. Наш стационар рассчитан на 50 коек. Возникают затруднения даже при госпитализации тяжелых больных, а не таких, как Гармасар.

Прокурор. Тиреотоксикоз средней тяжести подлежит госпитализации?

Штерн. Нет.

Прокурор. Можно ли искусственным путем создать симптомы тиреотоксикоза?

Штерн. Это провокационный вопрос, но я на него отвечаю: в истории эндокринологии нет ни одного случая симуляции тиреотоксикоза.

Прокурор. При каких обстоятельствах вы приехали к Гармасару?

Штерн. Я не знал ее фамилии, и поэтому мы поехали в поселковый совет.

Прокурор. А до этого вы с ней встречались?

Штерн. Нет.

Адвокат. Какие методы применялись в 1968 г. в вашей поликлинике для установления диагноза тиреотоксикоза?

Штерн. В 1968 году, когда наш диспансер только еще становился на ноги, было возможно исследовать основной обмен на аппаратах Евфграфа, а также методом Рида. Радиоизотопный метод можно было иногда делать на базе мединститута. Скинирование впервые на Украине начали проводить в Киеве в 1970 году. С 1973 года в принципе можно проводить определение белково-связанного йода, но из-за отсутствия реактивов этот метод практически не применяется.

Адвокат. Я прошу суд приобщить к делу ответ главного врача диспансера Урбанского на аналогичный вопрос, который я ему послал. Ответ точно такой же.

Судья. Суд определяет приобщить к делу ответ Урбанского.

Штерн. Больные по направлениям военкоматов записы-

ваются в регистратуре, которая направляет их к врачам. Поскольку я не выполнял административных обязанностей и принимал как обычный врач, он попал ко мне. Любой больной прежде всего направляется к терапевту.

С у д ъ я. Почему он был направлен к невропатологу диспансера? Если его уже осматривал невропатолог в военкоматской комиссии?

Ш т е р н. Данные о том, что его осматривали в военкомате, к нам не поступали. Единственное, что мы получили, когда Гармасар пришел к нам, было направление на обследование. Мы стремимся к тому, чтобы все больные осматривались максимально большим количеством специалистов. Он нуждался в этих двух специалистах и был поэтому к ним направлен.

П р о к у р о р. Почему другой невропатолог, который осматривал его в военкомате, заключил, что он здоров?

Ш т е р н. Дело в том, что в медицинской комиссии военкомата сидит не невропатолог-эндокринолог, а обычный невропатолог. Поставить же такой диагноз на основании неврологических симптомов может только квалифицированный специалист.

О л ь н е в. Какой классификации тиреотоксикоза вы придерживаетесь?

Ш т е р н. По Шерешевскому.

О л ь н е в. Действительно ли, что вы поставили диагноз "тиреотоксикоз средней тяжести" только на основании клинических данных?

Ш т е р н. Диагноз был поставлен 18 июня 1968 г. на основании клинического осмотра, учета данных анамнеза, жалоб, истории заболевания, записанных двумя специалистами — терапевтом и невропатологом-эндокринологом.

О л ь н е в. Для каких целей вы определяли основной обмен 20 июня 1968 г.?

Ш т е р н. 20 июня 1968 года определение основного обмена было сделано по Риду и Евфграфу с целью контроля за лечением и примерной ориентации функции щитовидной железы.

О л ь н е в. На основании каких объективных данных вы поставили диагноз "тиреотоксикоз средней тяжести"?

Ш т е р н. Вместо ответа процитирую карточку Гармасара. Моя запись (не считая данных анамнеза и жалоб): "...главная

симптоматика, характерная для тиреотоксикоза, т.е. положительный симптом Грэфе, лагофthalm (широкая глазная щель), тахикардия, систологический шум на верхушке, что свидетельствует о наличии тиреотоксической миокардиодистрофии, характерное для тиреотоксикоза большое пульсовое давление – артериальное давление 125/70 (пульсовое давление 55), субфебрильная температура-37,1, учащенный пульс-94, склонности к поносам, что характерно для тиреотоксикоза”. Не менее важным симптомом является слабость мышц плеч и бедер, установленная невропатологом.

О л ь н е в. Назначили ли вы лечение после постановки диагноза?

Ш т е р н. Отвечаю по карточке. Были назначены специфические анти тиреоидные препараты: мерказолл, динодтирозин по схеме. Также был назначен витамин В-12 и триоксазин в связи с нервными аномалиями, связанными с тиреотоксикозом. Кобальт, содержащийся в витамине В-12, также важен для щитовидной железы.

О л ь н е в. Признаете ли вы, что нормальное поглощение йода говорит о благоприятной функции щитовидной железы у Гармасара в 1974 г?

Ш т е р н. Я Гармасара в 1974 году не обследовал, я не знаю, кто и как проводил этот анализ. Теоретически этот показатель сам по себе мало о чем говорит. Можно считать, что этот показатель чаще соответствует клинике. Но мы неоднократно видели случаи явного тиреотоксикоза при нормальном иодопоглощении. Наконец, Гармасар мог быть подготовлен к анализу соответствующим образом, например, мог принимать препараты, блокирующие функцию щитовидной железы.

О л ь н е в. Знакомы ли вы с положением монографии Нарычева о длительности лечения тиреотоксикоза?

Ш т е р н. Мне этот автор не знаком. Могу лишь сказать, что лечение может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет.

Е ф и м о в. Что вы применяли для лечения по своей методике?

Ш т е р н. Я считаю, что это не имеет отношения к моей так называемой преступной деятельности. Эти результаты не опубликованы и я не хочу делиться ими с кем бы то ни

было со скамы подсудимых. Эта методика вполне апробирована в моей практике.

Свидетель Гармасар Антонина 1924 года рождения, председатель сельсовета.

В 1968 году летом, месяц точно не помню, пришла ко мне соседка, покойная Малеванная Катерина и говорит: сын твой комиссию в городе проходил. А сын у меня в городе жил, работал там. Он у меня с детства слабый был, болел зобом. Она сказала, что часто бывает в Виннице в диспансере, болеет диабетом. Сказала, что хороший доктор есть в Виннице. А у сына у моего глаза красные, и приступы бывали. Она сказала, что знает Штерна Михаила Исаевича, что он хороший врач. Мы поговорили и разошлись. И вот однажды Катерина приходит и говорит: *"Я хочу тебе сказать, что сын твой тяжело болен. Вот Штерн приехал и к вам зайдет поговорить"*. Он приехал на черной "Волге"...

В. Штерн. Я хочу сделать заявление.

Судья. Не мешайте.

В. Штерн. Свидетельница говорит неправду. В 1968 году моя автомашина была серого цвета. В черный цвет она была перекрашена в 1970 году, после аварии...

Судья. Немедленно выйдите.

В. Штерн. Я могу это документально подтвердить.

Судья./кричит/. Выйдите из зала!

В. Штерн выводят из зала суда.

Судья. Вы от Малеванной узнали, что он приедет?

Гармасар. Да, она сказала, что Штерн в деревне. Он приехал минут через 15.

Судья. Один?

Гармасар. Один, сам пришел. Прямо во двор.

Судья. Кто там присутствовал?

Гармасар. Я, Малеванная и Штерн.

Судья. Вспомните, о чем был разговор?

Гармасар. Я постаралась принять его хорошо. Он мне сказал, что так и так, сын ваш болен. Зоб у него, он проходил у меня комиссию и нуждается в стационаре. Я сказала, что поговорю с сыном. Он говорит: яблоки у вас хорошие. Мне захотелось дать ему то, что ему понравилось, и я нарвала килограммов 12 яблок и еще немного чесноку и луку и поло-

жила ему в багажник – все свое домашнее. Он спросил, а нет ли немного пшена для птицы? Я пшеницы ему немного дала. Ну и все. Потом он говорит: это еще не все. Я подошла, спросила Малеванную, а она говорит, что надо дать деньги. Она сказала, что он очень хорошо лечит. Я и решила дать ему 200 рублей и дала, в карман он положил. Катерина рядом стояла. Потом сын приехал, я ему говорю, что надо полечиться, в больницу лечь, а он говорит: некогда мне, не хочу лечиться, мне диплом защищать надо, не хочу в больницу, а в отпуск – поеду в санаторий. Вот и все.

П р о к у р о р. Вы еще с ним встречались после этого?

Г а р м а с а р. Да, он потом звонил и просил меня достать банку с черным лаком.

П р о к у р о р. А при первом посещении речь о лаке шла?

Г а р м а с а р. Нет.

П р о к у р о р. А вы что-нибудь другое говорили на очной ставке?

Г а р м а с а р. Нет.

П р о к у р о р. Вопрос к Штерну. Свидетельница говорит, что вы были один. Это правда?

Ш т е р н. Неправда.

П р о к у р о р. Вы 200 рублей взяли?

Ш т е р н. Это выдумка.

П р о к у р о р. О том, что вы были с главврачом, вы говорили на следствии?

Ш т е р н. Следователю не говорил, а в заявлениях писал.

П р о к у р о р. Скажите, свидетельница, к вам приезжали по этому делу родственники или друзья Штерна?

Г а р м а с а р. Нет, никто не приезжал.

П р о к у р о р. Объясняю, что я задал этот вопрос в связи с имеющейся в деле запиской Штерна, написанной в тюрьме: *"К Гармасару мои люди поедут..."*.

А д в о к а т. Когда вы впервые узнали о болезни сына?

Г а р м а с а р. У него с детства глаза были большие и красивые, а когда он в институт поступал, ему врачи сказали. Он в институте в Одессе учился.

А д в о к а т. А он лечился в Одессе или потом?

Г а р м а с а р. Нет, он никогда не лечился.

А д в о к а т. Не лечился, в смысле в больнице не лежал, или лекарства не принимал?

Г а р м а с а р. Нет, лекарства он принимал, он в больнице не лечился.

А д в о к а т. Вы сказали, что у вас зашел разговор с соседкой о здоровье сына летом 1968 г. Постарайтесь вспомнить, в каком месяце?

Г а р м а с а р. Точно не помню, в августе-сентябре.

А д в о к а т. Это впервые?

Г а р м а с а р. Да.

А д в о к а т. А Штерн приехал вскоре после этого?

Г а р м а с а р. Да.

А д в о к а т. Вы знаете, когда ваш сын проходил комиссию по поводу призыва на переподготовку?

Г а р м а с а р. Месяца за полтора-два до этого.

А д в о к а т. Значит, разговор зашел месяца через полтора-два после того как он прошел комиссию?

Г а р м а с а р. Да.

А д в о к а т. Сын вам не говорил, почему его не направили на переподготовку?

Г а р м а с а р. Да, по ходатайству завода.

А д в о к а т. Вам известно, в чем обвиняют Штерна по этому эпизоду?

Г а р м а с а р. Ясно в чем обвиняют, что деньги взял.

А д в о к а т. Вы деньги дали за что? За то, что он его освободил от переподготовки?

Г а р м а с а р. Да нет, что вы. Кто же за месяц дает 200 рублей. Об армии и разговора не было. 200 рублей дала, чтобы он лечил сына. Я вообще Штерну взятку не давала.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

3 июня 1974 г.

т. 1, л. д. 145

Следователь Кравченко

Показания Гармасар Антонины

Сын в детстве болел эпилепсией, а потом было какое-то заболевание, определили как-будто бы зоб.

Малеванную я не о чем не просила. Через некоторое время сын прошел комиссию и сказал, что его оставили по ходатайству завода. О том, что его оставили по болезни, он не сказал.

Примерно недели через две снова пришла Малеванная и спросила, как дела. Я ответила, что хорошо, что сын оставлен на заводе. Малеванная ответила, что это сделал доктор Штерн, что сына надо лечить, что Штерн лечит Малеванную и будет лечить сына, что Штерн сейчас в селе Сутиски и скоро будет у нас, что его нужно отблагодарить. Приехал Штерн, я угостила яблоками. Потом нарвала 12-14 килограмм яблок в ящик, нарвала луку и чесноку около 6 кг. Он спросил, нет ли чего для птицы. Я в свой мешок набрала ему 2 ведра пшеницы. Но Штерн не уходил и сказал, что это еще не все. Я спросила Малеванную, что еще нужно. Она велела дать рублей 200. Я, не раздумывая, пошла в дом, взяла 200 руб. и тут же, при Малеванной, дала Штерну 200 руб. Штерн взял из моих рук деньги и сказал, что к нам еще приедет потом.

Примерно через месяц Штерн позвонил мне в сельсовет и просил выписать для покраски автомобиля 10 кг черного лака, но я к тому времени поняла, что это аферист и лак ему не доставала.

Муж мой и сын об этом не знают. Сын мой у Штерна не лечился, лечился у других врачей.

Свидетель Александр Гармасар, 1944 года рождения, инженер.

Я в 1968 году проходил медкомиссию в военкомате, которая направила меня в эндокринологический диспансер. Через год после окончания института многих из нас в 1968 г. вызывали на переподготовку на один месяц. По результатам комиссии меня не взяли, но я считаю, что это не связано с медициной, так как многие из моих сокурсников, которые были здоровы, тоже не были призваны.

Прокурор. Где вы лечились?

Гармасар. Толком я нигде не лечился. Лечился я попутно и нерегулярно. Принимал таблетки. В стационаре я не лечился.

Прокурор. А вы давно больны?

Гармасар. У меня со школьных лет подозрения на повышенную функцию щитовидной железы. Студентом я недолго принимал таблетки, потом на заводе.

Прокурор. Что вам известно о даче денег Штерну?

Г а р м а с а р. Я узнал об этом от следователя Кравченко. Он мне сказал, что мать якобы дала Штерну деньги. Мать и раньше меня была на допросах, мне о деньгах она ничего не говорила.

С у д ь я. Но лечение у Штерна, которому дали деньги, вы принимали?

Г а р м а с а р. Нет. Мать мне говорила, но по личным обстоятельствам я не смог.

А д в о к а т. Вас осматривал эндокринолог в 1974 г?

Г а р м а с а р. Осматривала женщина в Пироговской больнице.

А д в о к а т. Имеются ее записи с ваших слов: *"Болеет около 10 лет"*. Вы ей говорили это?

Г а р м а с а р. Да, говорил.

А д в о к а т. Где вы работали до этого завода?

Г а р м а с а р. На 45 заводе.

А д в о к а т. Там вы обращались в медпункт?

Г а р м а с а р. Да.

А д в о к а т. Почему?

Г а р м а с а р. Поясница болела, потел и комок в горле.

А д в о к а т. Что вы принимали?

Г а р м а с а р. Таблетки мне там выписали.

А д в о к а т. Какие?

Г а р м а с а р. Мерказолил и, кажется, диодтирозин.

А д в о к а т. Когда вас военкомат направил в диспансер, кто вас там смотрел?

Г а р м а с а р. Я не помню.

А д в о к а т. А почему вас направили именно в эндокринологический диспансер?

Г а р м а с а р. Меня спросили и я сказал о своем самочувствии. В результате этой беседы и обследования они решили направить меня в эндокринологический диспансер.

А д в о к а т. А после диспансера вас еще раз смотрели в военкомате врачи?

Г а р м а с а р. Смотрели.

А д в о к а т. Ну и что?

Г а р м а с а р. Сказали, что не призываем.

Штерн. Вам в Одессе делали уколы?

Г а р м а с а р. Я несколько раз кололся, но какие были уколы – не помню.

Штерн. Твердохлебовой вы сказали, что кололи инсулин. Это правильно?

Гармасар. Это мы определили с помощью Твердохлебовой. Она называла лекарства, а я вспоминал.

Ольнев. Стационарно вы не лечились?

Гармасар. Нет.

Ольнев. Сколько таблеток вы употребили вообще?

Гармасар. Больше месяца подряд я не принимал ни разу. Но вообще начинал много раз. Систематически я не лечился.

Ольнев. Вас готовили к основному обмену, когда проводили его в Винницком диспансере?

Гармасар. Да.

Ольнев. Как?

Гармасар. Я два дня не ел рыбы, мяса, яиц. Накануне не ужинал. Когда пришел - час лежал неподвижно.

Ольнев. Вопрос к Штерну. Итак получается, что тиреотоксикоз средней тяжести прошел сам, без лечения. Как вы можете это объяснить?

Штерн. Этот пациент не может помнить, что и как он принимал. Точно установлено, что еще в 1968 году он принимал инсулин, мерказолил, диодтирозин по назначению санчасти завода и моей. Мерказолил он называл сам, без всякой подсказки, не путаясь, так что он все же лечился. Но если бы даже он и не лечился. Если вы не верите мне, посмотрите в учебник. Там написано...

Ольнев. Там написано гипертиреоз. Гипертиреоз и тиреотоксикоз - разные вещи.

Штерн. Я категорически возражаю. Я прошу прочесть вслух всю фразу. В ней упоминается об операциях и радиоактивных методах, которые применяются только при тиреотоксикозах.

Адвокат. (к Гармасару): Вы когда-либо слышали о том, что Штерн освободил вас от призыва за деньги?

Гармасар. Нет, никогда.

Адвокат. Может быть, кто-нибудь из членов вашей семьи когда-нибудь обращался к Штерну с таким предложением?

Гармасар. Никто не обращался. Это мне достоверно известно.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

10 октября 1974 г.

т. 5, л. д. 25

Следователь Кравченко

Показания Гармасара А.

Точно не помню, кажется, в 1968 году в августе месяце меня вызвал горвоенкомат для прохождения медицинской комиссии. Я проходил многие врачебные приемы, в том числе и эндокринологический диспансер, в котором меня осматривал невропатолог, фамилию его не помню. Брали анализы, а также смотрел Штерн. Я предъявлял жалобы. Как обычно, у меня болела печень, в горле как будто бы стоял комок, так эти симптомы болезни остались до сего времени. Я знал, что меня должны взять на переподготовку, однако не взяли и ряд других, которые проходили со мной медкомиссию.

Лично я никаких разговоров со Штерном не вел, лечиться у него он мне не предлагал, я продолжал работать, как обычно.

Где-то в конце года, может быть, в октябре, мать мне как-то говорила, что есть хороший врач, нужно мне лечиться, но я этому не придавал значения, не спрашивал, что это за врач и до сего времени не лечился. Только во время расследования дела мне мать рассказала, что Штерн забрал у нее 200 рублей.

Свидетель Твердохлебова Зинаида, врач-эндокринолог Пироговской больницы.

В начале октября 1974 года по направлению судебно-медицинской экспертизы ко мне на осмотр был направлен больной Гармасар. Подробности я уже не помню, но в настоящее время тиреотоксикоза у него не было обнаружено.

Судья. На каком основании вы сделали такой вывод?

Твердохлебова. Там была представлена кривая поглощения йода из мединститута и на основании ее я поставила диагноз.

Адвокат. Какими данными, клиническими или лабораторными, вы руководствовались при определении диагноза Гармасару?

Твердохлебова. В первую очередь клиническими данными.

Адвокат. Какой он дал анамнез?

Твердохлебова. Он сказал, что 10 лет болеет.

Адвокат. В ваших записях указано, что он лечился по назначению врача завода. Он говорил это?

Твердохлебова. Это записывалось с его слов.

Адвокат. Он сказал, какие лекарства он принимал?

Твердохлебова. Он сказал, что не помнит. Он не назвал мне таблетки.

Адвокат. Вашей рукой написано: он сказал, что принимал инсулин и какие-то таблетки и что он 10 лет болеет. Он говорил это?

Твердохлебова. Я не помню. Раз я так записала, значит, он так сказал.

Адвокат. Я правильно понял. У вас еще были лабораторные данные о поглощении йода?

Твердохлебова. Да.

Адвокат. Где эти анализы были проведены?

Твердохлебова. В Винницком мединституте.

Адвокат. Вопрос к Гармасару. Где вы проходили лабораторные исследования по направлению экспертизы в 1974 году?

Гармасар. Я проходил анализы два раза: сначала в Пироговской больнице, а потом в мединституте. В первый раз определяли основной обмен, а во второй - поглощение йода.

Адвокат. Какой был промежуток между этими двумя исследованиями?

Гармасар. Примерно две недели.

Адвокат. Кто направлял вас на эти исследования?

Гармасар. Оба раза - эксперт из мединститута Каляда. Он сам меня за руку привел в кабинет.

Адвокат. А кто производил основной обмен?

Гармасар. Не помню. Мне только сказали потом, что анализы надо повторить, потому, что что-то не получилось.

Адвокат. Кто вам это сказал?

Гармасар. Меня повторно пригласили к Каляде через следователя Кравченко, и Каляда мне сказал.

Адвокат. Таким образом получается, что в связи с экспертизой было проведено два лабораторных исследования и осмотр Твердохлебовой. Правильно?

Гармасар. Правильно.

Штерн. Вопрос к Твердохлебовой. Каким образом попала фраза о том, что он принимал диодтирозин, в вашу запись? Вы сказали, что он не назвал таблетки.

Твердохлебова. Я не помню. Раз я написала – значит, он сказал. Я не помню сейчас, говорил ли он о диодтирозине.

Штерн. В вашу запись диодтирозин мог попасть только со слов Гармасара, ведь не придумали вы это?

Судья. Вопрос наводящий. Вопрос снимается.

Штерн. Как попал этот термин в запись?

Твердохлебова. Я не помню. Я писала с его слов. У вас есть заключение – посмотрите.

Штерн. Вы в курсе результатов определения основного обмена Гармасару в Пироговской больнице?

Твердохлебова. Я ничего не понимаю. Была только иододиагностика...

Штерн. Но ведь вы слышали. Только что больной заявил...

Твердохлебова. Я не знаю. Надо проверить.

Штерн. Можно ли трактовать объективные данные осмотра как остаточные явления перенесенного тиреотоксикоза?

Твердохлебова. Я не знаю, эти данные...(пауза). Это вегетативные данные. Их отнести за счет тиреотоксикоза нельзя.

Свидетель Каменецкий Виктор Соломонович, 1930 года рождения, врач-невропатолог.

Судья. Вам знаком больной Гармасар?

Каменецкий. Гармасар? Не помню.

Судья. Вот его карточка. Это ваша запись?

Каменецкий. Да. Здесь написано моей рукой. Разрешите я внимательно прочту ее и дам объяснение.

Судья. Пожалуйста.

Каменецкий. Судя по записям, больной был направлен ко мне доктором Штерном для консультации. Имеется запись доктора Штерна диагноз тиреотоксикоз. Диагноз был поставлен на основании ряда клинических данных, а именно(перечисляет). Имелась налицо вся клиническая симптоматика, и диагноз, без сомнения, соответствует записанным Штерном данным. Мне повторять эти симптомы нужды не было. Я осмотрел больного с точки зрения неврологии. Есть симптом,

записанный мною, который считается характерным неврологическим признаком для тиреотоксикоза, - слабость мышц и бедер. Он характерен для выраженных форм тиреотоксикоза, т. е. для средней тяжести и тяжелой формы, и поэтому я поставил диагноз тиреотоксикоз.

Адвокат. Есть ваша запись *"болеет с 1966 г."*. Вы обычно собираете анамнез?

Каменецкий. Раз я записал - больной так говорил.

Адвокат. Скажите, вы обычно проверяете терапевтические признаки или нет?

Каменецкий. Обычно я проверяю все симптомы, которые отмечены терапевтом. Но если я не вижу разницы, то ничего не пишу.

Адвокат. Скажите, если бы вы увидели тогда терапевтические признаки, которые расходились бы с записями Штерна, вы бы это отметили?

Каменецкий. Да, я бы обязательно записал это.

Адвокат. Скажите, вас никто не просил, чтобы вы сделали эту запись в карточке? Денег за это никто не предлагал? Может, Штерн просил?

Каменецкий. Нет, никто, никогда.

Штерн. Бывали ли случаи, когда мы с вами расходились в диагнозе?

Каменецкий. Да.

Штерн. Вы всегда записывали свое мнение в таких случаях?

Каменецкий. Да.

Штерн. Насколько я знаю, вы десять лет занимаетесь изучением неврологической патологии у эндокринологических больных. У меня к вам два вопроса специального характера.

Каменецкий. Пожалуйста.

Судья. Я снимаю ваши вопросы. Его мнение не имеет для нас никакого значения. На это у нас есть экспертиза. А он - свидетель.

Штерн. Хорошо. Тогда другие вопросы. Вы сейчас уверены в этом диагнозе или у вас сомнения?

Каменецкий. Я всегда выражаю сомнения письменно.

Штерн. Разделяете ли вы со мной ответственность за этот диагноз?

К а м е н е ц к и й. Я всегда готов отвечать за то, под чем я подписываюсь. Да, разделяю.

П р о к у р о р. Вам известно заключение невропатолога в военкомате?

К а м е н е ц к и й. Наверно, годен к строевой службе? Дело в том, что невропатолог военкомата дает заключение на основании диагноза и своих специальных статей. Если бы я был военкоматским невропатологом, я бы тоже дал такой же диагноз. Но сам диагноз не есть основание к освобождению.

П р о к у р о р. Какова ваша роль в диспансере?

К а м е н е ц к и й. Есть группа эндокринологических патологий, связанных с поражением нервной системы или мозга. Я выставляю диагнозы...

П р о к у р о р. Кто обладает решающим голосом в этом вопросе?

К а м е н е ц к и й. Здесь нет решающего мнения. Когда есть разногласия, все мнения записываются.

П р о к у р о р. Но если вы не согласны с диагнозом терапевта, чей диагноз будет принят?

К а м е н е ц к и й. Бывают разные ситуации. В данном случае у терапевта не было сомнений в диагнозе. Не было их у меня.

П р о к у р о р. Давила ли на вас, если можно так выразиться, запись терапевта, сделанная до вас?

К а м е н е ц к и й. В какой-то степени - да. Я обращал особое внимание на симптоматику тиреотоксикоза.

Е ф и м о в. Вы брали на себя большую ответственность, давая заключение в военкомат. Почему вы оба - опытные диагносты, не прибегли впоследствии к проверке диагноза более точными лабораторными методами?

Ш т е р н. Я не знаю, в каких условиях вы ведете прием, но у нас в диспансере — колоссальная нагрузка. Больные идут один за другим. Ответ на запрос военкомата требовали срочно. Радиоактивный йод бывает только по средам, а иногда его не бывает в течение нескольких месяцев. Вы прекрасно знаете, что современные методы нам здесь недоступны. Я считал, поскольку речь идет о месячной переподготовке с тяжелой нагрузкой...

Е ф и м о в. А электрокардиограммы почему вы не сделали?

Ш т е р н. Это можно сделать у нас одному больному из двад-

цати — то нет бумаги, то неисправен аппарат . У Гармасара было найдено осложнение тиреотоксикоза — неврологический симптом, который встречается редко. Я ведь специально отметил, что мы с Каменецким часто расходились в диагнозах. И если он нашел то же осложнение, что и я, которое при тиреотоксикозе бывает с частотой 1/500, то какие еще нужны были исследования? Он ведь вам сказал, что такое осложнение бывает только при тяжелых случаях.

А н д р е е н к о . Вы считаете, что тиреотоксикоз средней тяжести - это обратимое изменение?

Каменецкий. Да.

А н д р е е н к о . Как быстро оно может восстановиться?

Каменецкий. При лечении - в течение года.

С у д ь я . Вы уже ответили прокурору, ответьте, пожалуйста, еще раз - суду. У вас не было сомнений в правильности диагноза? Ведь вы сказали, что мнение Штерна на вас давило?

Каменецкий. "Давление" - не совсем правильный термин. Просто запись эндокринолога настраивала меня на определенный осмотр. Я не сомневался в диагнозе. Если бы моя точка зрения не совпадала с доктором Штерном, я бы написал об этом в карточке.

С у д ь я . Кто подписывает акты в военкомат?

Каменецкий. Штерн и главврач.

С у д ь я . А требуется ли еще чья-нибудь подпись?

Каменецкий. Нет.

Ш т е р н . Я хочу заявить ходатайство. Согласно ст.296 УПК, я могу заявлять ходатайства в любой момент. Я протестую против нарушения этого моего права. 12 декабря мне не дали возможность огласить ходатайство относительно методов, которые использует прокурор. Оно было передано председателю без оглашения. Однако суд не вынес никакого решения по этому ходатайству, и я прошу сделать это, потому что прокурор продолжает то же самое. В ходатайстве указывалось, что при допросе потерпевшего Сушко прокурор подверг его настоящей психологической пытке. Он десять раз задавал подряд один и тот же вопрос о стоимости лекарства. Прокурор оказывал явный нажим на Сушко, чтобы тот подтвердил свои показания на предварительном следствии. В действительности сын Сушко ездил ко мне на уколы, которые я делал ему бесплатно. На часть из них и пошли эти деньги. Я готов подтвердить

это фактами. Сушко подтвердил, что сын ездил ко мне на уколы. Этот эпизод не только отражает методы допроса, которыми пользуется прокурор в суде, но и подтверждает, что дело было сфабриковано на стадии предварительного следствия. Следователь отказал мне в очной ставке с Сушко. Вообще, вы видели, что из 18 свидетелей 17 уже отказались в той или иной степени от своих предварительных показаний. Поэтому так важно, чтобы допросы в судебном следствии проводились нормально. Я прошу прекратить нажим со стороны прокурора на свидетелей.

С у д ь я. Ясно.

18 декабря 1974 г.

С у д ь я. Вчера подсудимый Штерн обратился с протестом по поводу методов ведения допроса свидетелей государственным обвинителем. Суд находит обвинения в адрес прокурора необоснованными. Помимо этого, вчера на мое имя поступило заявление от Виктора Штерна о беседе прокурора Криворучко с недопрошенными свидетелями в кабинете зампреда суды Довганюка. Я зачитаю это заявление.

ВИННИЦКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

Судье Орловскому

Копия: в Верховный Суд УССР

З а я в л е н и е

Довожу до вашего сведения, что 13 декабря 1974 г. перед началом утреннего судебного заседания по делу моего отца Штерна М.Ш. государственный обвинитель на процессе прокурор Криворучко провел беседу с недопрошенными свидетелями обвинения Гужвой С., Гужвой Марией, Рыбачук Станиславой и Гармасар А.М. Беседа состоялась в кабинете заместителя председателя облсуда т.Довганюка в его присутствии.

Обращаю также ваше внимание на нарушение требования УПК о том, что судья должен принять меры, исключая возможность общения допрошенных свидетелей с недопрошенными. Нарушение выразилось в том, что по окончании допроса свидетельницы Рыбачук был объявлен перерыв, в течение ко-

торого Рыбачук имела возможность общаться со своей сестрой Манжиевской, выступившей свидетелем по тому же эпизоду после перерыва.

Прошу вас учитывать вышеизложенные факты при оценке правдивости показаний свидетелей.

15 декабря 1974 г.

В.Штерн

Прокурор. Я думаю, что ни у кого не возникает сомнения, что это очередное клеветническое заявление. Эти заявления делаются для того, чтобы их использовали враждебные радиостанции Запада. Я прошу приобщить это заявление к материалам дела. Я прошу также вызвать упомянутых в заявлении свидетелей в суд для дополнительного допроса и проверить эту стряпню, направленную на то, чтобы скомпрометировать меня, в частности, и этот процесс вообще, и сделать соответствующие выводы.

Судья. Я тоже был в этом кабинете. Эти люди действительно зашли туда 13-го числа, потому что эксперт еще не явился. Это все делается для станций. Не все знают, что передают, что Штерн обвиняется в убийстве. Ведь никакой он не убийца и не шпион. А передают, что его судят за убийство и за желание выехать в Израиль. А на самом деле его судят за вымогательство и взяточничество. Вот еще передают, что он харкает кровью. Кто-нибудь это видел? Это все некоторые сидящие в зале передают. Мы здесь собрались не для того, чтобы с кем-то расправляться, а чтобы объективно разобраться. Никакого разговора с прокурором не было. Никто не учил свидетелей, как себя вести в зале суда.

Свидетель Егорова Людмила, 1943 года рождения, бухгалтер диспансера.

В 1968 году я замещала медсестру диспансера, потому что она была в отпуске.

Судья. Вы делали анализ Гармасару?

Егорова. Да, я делала ему основной обмен.

Судья. Какой был результат?

Егорова. +4%. Я записала этот результат в книгу регистрации основного обмена.

Судья. А кем было написано +44%?

Е г о р о в а. Это исправил доктор Штерн. Когда он исправил, я это заметила и сказала ему. А он тогда сказал: *"Делайте так, как считаете нужным"* и я тогда взяла и обвела эти цифры.

П р о к у р о р. Больной был принят врачом 18-го числа, а запись об определении основного обмена сделана 20-го. Что вы можете сказать по этому поводу?

Е г о р о в а. Очевидно, анализ делали 20-го. Здесь нужна подготовка. Может быть, он не подготовился и поэтому такой результат.

П р о к у р о р. Что вы имеете в виду под подготовкой?

Е г о р о в а. Диету. Его предупреждали, чтобы он подготовился.

П р о к у р о р. Вы предупреждали?

Е г о р о в а. Он был раньше и его предупреждали, но не было записано, что он подготовлен.

П р о к у р о р. Почему вы считаете, что больной не был подготовлен?

Е г о р о в а. Нет, может быть, он был подготовлен, но в тетрадке этого не записано.

П р о к у р о р. А подсудимый к вам по этому вопросу обращался? Просил, чтобы вы делали анализ неподготовленному больному.

Е г о р о в а. Нет. Об этом мы с ним вообще не говорили.

П р о к у р о р. На л.д.47 т.1 вы показываете: *"По направлению военкомата пришел больной. Штерн сказал сделать ему основной обмен. Я сказала, что больной не подготовлен (требуется 3 дня диеты). Штерн сказал, что надо сделать без подготовки"*. Вы давали такие показания?

Е г о р о в а. Нет. В этом году я только показала, что он сказал. Я была неправа.

П р о к у р о р. В чем?

Е г о р о в а. Очевидно, в том, что неправильно записала результаты основного обмена.

А д в о к а т. В тот период вы тоже работали бухгалтером?

Е г о р о в а. Да.

А д в о к а т. Вам больной говорил, что он не подготовлен?

Е г о р о в а. Я не помню. Это было шесть лет назад.

Ш т е р н. Бывают ли такие случаи, когда вы просто говорите больному: *подготовьтесь?*

Е г о р о в а. Бывают.

Штерн. Когда врач сам предупреждает больного, чтобы он подготовился, есть ли необходимость больному заходить и регистрировать это в книге?

Егорова. Я не знаю, врачу виднее.

Андреевко. Кто обучал вас этому методу определения основного обмена?

Прокурор. Этот метод сложный для освоения?

Егорова. Для меня было несложно.

Судья. Каковы будут мнения по поводу ходатайства, поданном прокурором о розыске тетради, в которой записывается подготовка больных к анализам?

Адвокат. Ведь свидетель сказала, что если в тетради не записано, это вовсе не значит, что его не предупреждали: надо подготовиться. Так что, по-моему, эта тетрадь нам ни к чему.

Штерн. Мне безразлично, что вы решите по поводу этой тетради. Хочу только сказать, что таких тетрадей вообще никогда не существовало

Судья. Ходатайство прокурора о тетради отклоняется.

Штерн. У меня есть еще отвод одному из членов экспертной комиссии.

Судья. Этот вопрос уже решен и никаких отводов больше не будет.

После перерыва

Судья. Члены экспертной комиссии имели возможность осмотреть Гармасара. Я прошу стороны задавать вопросы экспертной комиссии.

Прокурор. У меня следующие вопросы к экспертам.

1. Сколько времени требуется врачу для определения такого заболевания как тиреотоксикоз средней тяжести? 2. При постановке диагноза тиреотоксикоз средней тяжести, какова тактика врача в отношении лечения больного? 3. Достаточно ли было обнаружено признаков для постановки диагноза тиреотоксикоз средней тяжести? 4. Соответствовало ли состояние здоровья Гармасара в июне 1968 г. диагнозу тиреотоксикоз средней тяжести? 5. Повлиял ли диагноз, установленный Штерном, на заключение медицинской комиссии военкомата, которая признала его негодным к прохождению офицерских

сборов? 6. Является ли Гармасар хроническим больным и какие признаки заболевания имеются у него в настоящее время?

Адвокат. У меня есть дополнительные вопросы к экспертизе. 1. В амбулаторной карточке больного есть записи двух врачей. Давали ли данные этих записей право поставить диагноз тиреотоксикоз средней тяжести? 2. Известны ли случаи самоизлечения тиреотоксикоза из теории и медицинской практики? 3. Известны ли случаи диагностики тиреотоксикоза средней тяжести на фоне отрицательных данных лабораторных исследований? 4. Имеет ли право врач только на основании анамнеза и клинических данных поставить диагноз тиреотоксикоз средней тяжести?

Штерн. У меня есть вопрос к экспертизе. Согласны ли члены экспертной комиссии с утверждениями, содержащимися в этих цитатах? *(Передает листок с цитатами)*. Передавая вам текст этих цитат, я хочу подчеркнуть, что это переводные монографии и что термин тиреотоксикоз за границей вообще не используется. Его ввел у нас Шерешевский. Вместо этого за границей (в частности, в цитатах) используется термин гипертиреоз, который применяется ко всем больным с тиреотоксикозом. Я также хочу заявить ходатайство. Прежде чем экспертиза начнет работать, я хочу заявить отвод доктору Ольневу. Он, естественно, будет защищать свое мнение, которое он выразил в прошлой экспертизе.

Судья. Каково мнение участников процесса?

Прокурор. Это очередной трюк Штерна. Я возражаю против ходатайства. К тому же вопрос об отводах уже поднимался и был решен.

Адвокат. Я считаю, что прокурор неправ, утверждая, что вопрос об отводе уже решен, так как такая интерпретация права на отвод противоречит ст.197 УПК УССР. Теперь по существу отвода. Эксперт Ольнев участвовал в прошлой экспертизе, которая уже дала ответ на те же вопросы. Эксперт Ольнев связан своей подписью под актом прошлой экспертизы, и я не представляю себе, как может Ольнев подписать экспертизу с новыми выводами в новой ситуации. Ольнев лично заинтересован в том, чтобы подтвердить выводы прежней экспертизы. Поэтому я считаю отвод обоснованным и поддерживаю его.

Прокурор. В судебное заседание защитой и так представлено очень много посторонних материалов, в том числе так-

же заграничная литература, на которую подсудимый Штерн обращает особое внимание. Я считаю неуместным вопрос Штерна о том, согласны ли эксперты с цитатами из иностранных книг. Что касается Ольнева, то он высказал свое профессиональное мнение в прошлой экспертизе и вправе высказать его в этой. У нас нет оснований не доверять ему. Поэтому я возражаю против ходатайства об отводе.

А д в о к а т. Мне представляется удивительным обвинение прокурора в том, что защита ссылается на заграничную литературу. Это несерьезно и неграмотно, потому что речь идет о переводах иностранных монографий, изданных в Советском Союзе, под редакцией советских ученых. Такое утверждение свидетельствует о недостойной попытке скомпрометировать нас тем, что мы пользуемся иностранными источниками. Если наши ученые этим пользуются, то на это не стоит махать рукой только потому, что это иностранное. Если есть что-то умное и серьезное, то этого нельзя игнорировать только потому, что это издано за рубежом. Что касается отвода эксперту, то, по моему мнению, все очевидно.

Ш т е р н. К моему глубокому удовлетворению, мой адвокат выполнил ту миссию, которую я сам хотел выполнить по защите иностранных ученых от прокурора, в том числе академика Штефана Милку из Социалистической Республики Румынии. Ссылка прокурора на заграничную литературу является еще большим, выражаясь его словами, трюком, чем мой отвод Ольневу.

П р о к у р о р. Я никогда не игнорировал заграничную литературу. Это было просто ложно истолковано, чтобы скомпрометировать меня как государственного обвинителя.

С у д ь я. Объявляется перерыв.

После перерыва

С у д ь я. Суд вынес определение по поводу отвода Ольнева, о котором заявил Штерн. Отвод не принят, поскольку Ольнев с самого начала участвовал в экспертной комиссии с согласия Штерна.

А д в о к а т. Я хотел бы внести возражение против пятого вопроса прокурора, заданного экспертам. Он поставлен неверно, так как речь в нем идет об одном враче. Документ с диаг-

нозом в военкомат подписан двумя лицами: Штерном и покойным главврачом Британовым. Кроме того, диагноз также был поставлен двумя врачами – Штерном и Каменецким. К тому же вопрос о том, повлиял ли диагноз на врачей комиссии военкомата, надо ставить этим врачам, а не научным работникам, присутствующим здесь.

П р о к у р о р. Заключение врача Каменецкого не упоминает о тиреотоксикозе средней тяжести. Он всего лишь написал, что *"имеются характерные данные для выраженного тиреотоксикоза"*. Диагноз он не ставил, так что нечего тянуть сюда Каменецкого.

А д в о к а т. Но Каменецкий же объяснил, что его данные говорят о средней и тяжелой степени тиреотоксикоза.

П р о к у р о р. Что касается вопроса Штерна к экспертизе (согласны ли они с цитатами книг), то, по-моему, экспертиза не вправе давать оценку выводам этих авторов. И вообще, этот вопрос не имеет отношения к данному конкретному случаю. Можно предоставить экспертам эти материалы – пусть читают. Я возражаю против вопроса Штерна.

А д в о к а т. По моему мнению, цитаты имеют прямое отношение к экспертизе. Речь здесь идет по существу вопроса. У нас имеется определенное заключение прошлой экспертизы, которое Штерн с помощью этих цитат пытается опровергнуть. Мы просим экспертов сказать, разделяют ли они точку зрения ученых, на которую мы ссылаемся.

О л ь н е в. Я хочу сделать замечание в связи с вопросами адвоката по поводу того, один или два врача ставили диагноз. Я не понимаю, почему речь идет о двух врачах ведь ко второму специалисту больной был направлен Штерном уже после того, как поставил диагноз. Далее. 3-й и 4-й вопросы адвоката слишком общие и теоретические, и я прошу поставить их более конкретно в связи с данным случаем. Я хочу также от имени членов экспертной комиссии сказать, что отдельные цитаты не могут отразить существо проблемы диагноза. Мы также не считаем для себя возможным оценивать мнение ученых.

А д в о к а т. Мое возражение против вопроса прокурора экспертизе носит чисто юридический, а не медицинский характер, и я считаю, что обсуждение моего возражения выходит за пределы компетенции членов экспертной комиссии. Эксперт не должен вникать в юридические аспекты дела. По существу

вопрос заключается в том, что Гармасара осматривали и диагноз ему поставили два врача, а не один. Это доказанный факт. Я также прошу обязать экспертизу заниматься чисто медицинской стороной дела и не обсуждать юридические аспекты в своем заключении.

Ш т е р н. Меня поражает мнение экспертов. Цитаты ясно и четко отвечают на вопрос: может ли наступить самоизлечение тиреотоксикоза или нет. У них может быть свое мнение по этому вопросу, но ответить на вопрос, согласны ли они с мнением авторов монографий, необходимо. Что касается второго врача, я хочу подчеркнуть, что в заключении, которое было направлено в военкомат, внесены данные не только моего осмотра, но и Каменецкого.

С у д ь я. Суд, совещаясь на месте, определил включить в пятый вопрос прокурора экспертной комиссии упоминание об участии Каменецкого в постановке диагноза. Суд также решил не ставить перед экспертами вопрос Штерна об их мнении относительно цитат из медицинской литературы. Итак, у нас вызвано еще 18 свидетелей. Сегодня нам предстоит также заслушать продолжение показаний Штерна и заключение экспертизы. Объявляю короткий перерыв.

После перерыва

Ш т е р н. Я продолжу свои показания. Я хочу закончить мысль о том, чем было обосновано привлечение меня к ответственности. Я не буду больше говорить о проникновении неизвестных лиц в мою квартиру 12 мая. Хочу только обратить внимание суда на то, что следователь Кравченко с детской наивностью во взгляде говорил мне, что поступление заявлений на меня от моих бывших пациентов в период 14-19 мая, т. е. тогда, когда мой сын получил разрешение на выезд в Израиль, и взлом квартиры — события совершенно независимые и не имеющие друг с другом никакой связи. Я же убежден, что в этот период началось исполнение ранее разработанного сценария. Я могу признать утверждение следователя, что после получения сыном визы и взлома я действительно стал готовиться к аресту. Ожидая продолжения провокаций, мы с женой решили поехать в Черновицы. Когда мы приехали

туда, меня арестовали. На рассвете в квартиру ворвалась толпа милиционеров и гражданских н, осыпая меня угрозами и оскорблениями, начала незаконный обыск...

С у д ь я. Это все не имеет отношения к делу. Ваши товарищи и так передадут все это, так что не нужно об этом рассказывать. Вашим именем спекулируют и получают за это гонорар. Так что это нужно им, а суду это не интересно и не нужно.

Ш т е р н. Итак, меня арестовали, при этом унижали мое национальное и человеческое достоинство. Мое имущество и имущество моих детей было описано...

С у д ь я. Не пишите это в протокол, это не имеет отношения к делу.

Ш т е р н. Была изъята машина, принадлежащая моему сыну. С большим трудом Виктору удалось узнать, где находится незаконно изъятая у него машина и в каких условиях она содержится. Я прошу суд вынести частное определение о привлечении к ответственности лиц, которые изъяли машину моего сына. Она была изъята на основании постановления, в котором нет ни одной подписи! Посмотрите, эта справка находится в моем деле. Машина уже полгода стоит под открытым небом и пришла в результате этого в полную негодность.

Я уже дал подробные объяснения по эпизоду Гармасара. Я хочу дополнить, что мне понятны причины, по которым Антонина Гармасар не рассказала суду всю правду. Она продолжала настаивать на том, что дала деньги, и отрицала тот факт, что я приезжал к ней вместе с покойным Британовым, отрицала, что деньги дала не мне, а Малеванной...

С у д ь я. Все это неважно. Это ваше мнение и оно не имеет абсолютно никакого значения.

Ш т е р н. Для меня это важно. Важно и то, что она четко подтвердила, что мы приехали к ней через два с половиной месяца после дачи заключения ее сыну. Подтвердила, что никто у нее денег не требовал, что никогда не видела меня до моего приезда в Сутиски. Важно, что она категорически отвергла мысль о том, что она давала деньги за заключение для военкомата. Важно, что Каменецкий заявил, что готов разделить со мной ответственность за этот диагноз, что, по показаниям Гармасара, он давно болен и неоднократно лечился

от тиреотоксикоза и что это записано врачом Твердохлебовой в 1974 году со слов Гармасара.

Что касается Оверчук, то, прежде всего, я должен сказать, что я не помню этого конкретного случая среди тысяч подобных больных, которых я принял за это время. Я не могу помнить, сколько я давал гормональных препаратов и сколько взял за это денег. Я могу только утверждать, что никогда на этом не наживался. Я никого не обманывал. Я дал ему лекарства, которые ему были необходимы, получил за них столько денег, сколько они стоили, и сам делал ему инъекции.

Когда допризывник Оверчук в октябре 1972 г. явился в диспансер, у него был установлен тяжелый диагноз — гипогенитализм с задержкой роста. При первом осмотре было установлено, что половое развитие 15-тилетнего парня находится на уровне шести лет. Его рост был 141 см., а вес — 33 кг. Это записи врача Лившиц. После Лившиц его лечила врач Слободенюк. За четыре месяца лечения не было ни малейшего результата, так как, судя по карточке, его рост и вес 19 февраля 1973 г. оставались такими же, как и 18 октября 1972 г. Слободенюк направляет его ко мне как к более опытному специалисту. Я назначаю лечение по своей модификации. В это время лекарств в аптеках не было. Я даю ему свои лекарства. Я лично не менее восьми раз, как подтверждает Оверчук, ввожу комбинированный гормон. Он приезжает на уколы один, без родителей, раз в неделю или в две недели — эти инъекции я делаю именно с таким интервалом. В карточке эти приезды он мог не всегда регистрировать. Я делаю ему уколы, но денег он не платит. Если бы даже Оверчук получила лекарство в аптеке для домашних инъекций, то остальные я все равно давал бы ему сам совершенно бесплатно. Уж как-нибудь то, что было на него израсходовано, стоило тех денег, что она мне дала. Было израсходовано много гормонов, которые стоили не менее 65 рублей. Один укол комбинированного гормона, на который расходуется несколько ампул разных препаратов, стоит 7-8 рублей, а таких инъекций Оверчук получила не менее восьми. Через 4 месяца введения препаратов по моей модификации был достигнут феноменальный результат. Попрошу суд посмотреть карточку: он вырос на 15 см, поправился на 7 кг. Весьма несложно объяснить, почему родители должны были оставить 15 или 20 рублей

врачу. Они оплачивали лекарства, которые я вводил их детям. Как эти препараты ко мне попадали, я потом расскажу.

Казалось бы, родители должны были быть довольны и благодарны мне за то, что я сделал для их детей. Я не хотел бы сейчас говорить в адрес Оверчук резкие слова...

С у д ь я. Конечно, это было бы неудобно делать в ее отсутствие.

Ш т е р н. Не в этом дело. Дело в том, что этот честный и порядочный человек опомнился. В своих показаниях на суде она четко заявила: *"Я вполне удовлетворена лечением и никаких претензий к доктору не имею"*. Сын Оверчук на предварительном следствии четко подтвердил, что я делал уколы два раза в месяц. Я был очень рад услышать здесь, что она не поддавалась давлению. Ее показания на следствии — явный оговор. Теперь же ясно, что она стала жертвой воздействия на нее эмиссаров профессора Зелинского. На очной ставке, вместо благодарности за исцеление сына, я услышал от нее: *"Вам поручили неправильно лечить допризывников, вы — шпион, вам платили за это деньги"*. Я очень рад, что эта простая украинская женщина отказалась здесь от этих слов. Я был бы очень признателен суду, если бы он попытался выяснить, кто мог вложить в душу этой женщины червь сомнения.

Какой криминал мог найти следователь Кравченко в моих действиях? Я лечил тяжелое эндокринное расстройство, вылечил его, дал мощный толчок развитию этого мальчика. И вот эпизод Оверчук, этот обычный в медицинской практике случай стал одной из причин моего ареста.

По поводу случая Гужвы я выражаю свое глубокое возмущение этим оговором по подсказке. Выдумки Гужвы напоминают мне басни барона Мюнхаузена...

С у д ь я. Я уверен, что все участники заседания знают басни Мюнхаузена, и нет нужды давать оценку показаниям свидетеля в таком тоне. Мы разберемся, что правда, а что нет.

Ш т е р н. С февраля 1973 г. жена Гужвы наблюдается не мной, а ассистентами профессора Зелинского. Они раскопали этот старый случай и подготовили свидетелей, чтобы подсунуть следствию и меня оговорить. Этот эпизод, о котором я абсолютно ничего не помнил, был предъявлен мне на второй день после ареста, когда я еще не успел собрать

ся с мыслями, в виде фантастических показаний Гужвы. Как видим, все эти показания лишены логики, полны противоречий. Я видел Гужву всего 5-6 раз, когда он приезжал вместе с больной женой. Он часто бывал пьян, похвалялся своими успехами у баб. В последний раз он взял часы в моем кабинете, которые лежали на столе. Я застал его с поличным. Свидетели подтвердят это. Его последние слова: *"Ну, жидюга, ты еще меня вспомнишь!"*. Гужве была предоставлена "зеленая улица", чтобы рассчитаться со мной. Ему сообщили, что ему отдадут все суммы, которые он назовет, и он не постеснялся назвать 500 рублей, которые он якобы мне отдал. В деле имеется его иск на эту сумму. Следствию не удалось найти второго Гужву и пришлось подбирать всю мелочь — по 5, по 10, по 25 рублей.

На первой очной ставке Гужва заявил, что принес мне продуктов на 250 руб., а при подсчете оказалось, что он может перечислить их на сумму не более 25 руб. Однако это не помешало следователю Кравченко увеличить эту сумму в 10 раз в обвинительном заключении. Забегая вперед, скажу, что в этом и других случаях он мастерски выбросил из показаний слово "якобы".

Жена Гужвы в 23 года стала инвалидом второй группы. У нее пожизненная послеоперационная тетония в результате неудачной операции. Это большое горе, но тут ничего не поделаешь. Такое может случиться с любым, даже очень опытным хирургом. У нее вместе со щитовидкой были удалены паращитовидные железы. Я не мог ничего обещать этой неизлечимо больной женщине так же, как я не стал бы иметь дело с таким разложившимся человеком, как ее муж.

Спустя некоторое время следователь Кравченко стыдливо переписывает иск Гужвы, уменьшая сумму с 500 до 250 рублей. Он решает, что уж слишком кроважадным будет выглядеть этот зоологический антисемит и пьяница, желающий заработать на чужом горе и слезах, особенно в связи с тем, что второго такого, к чести моих пациентов, найти не удалось. Это о таких людях, как Гужва, сказал Гейне: *"Одень им намордник, они начнут лаять задом"*.

Я хочу, чтобы суд задумался, почему Гужва должен был ждать четыре года? Почему именно 15 мая он подал заявление в прокуратуру? Почему он — единственный свидетель, кото-

рый показывает, что уплатил такие большие деньги за госпитализацию? Отмечу сразу, что я к госпитализации не имею никакого отношения. Это право заведующих отделениями стационара. Почему он говорит, что уплатил мне за это 500 рублей, когда все остальные говорят, что приносили "только курочку"? Это мои недруги подсказали Гужве, каким образом надо спасти Россию и кого надо для этого бить.

О случае с Гужвой окружение профессора Зелинского не раз писало на меня анонимки, но все это откладывали в сторону и извлекли в нужный момент, когда кое-кто дал санкцию на разворачивание дела.

Гужва — единственный из 92 свидетелей обвинения, против которого я протестую, как против специально подготовленного подставного свидетеля, сознательно дающего ложные показания.

Мария Гужва 13 декабря здесь без запинок ответила на вопрос о том, когда она узнала, что неизлечимо больна: *"После операции"*. Она сразу после операции узнала, что ей удалили паращитовидные железы и что это пожизненно. Таким образом, она утверждает, что знала об этом еще в 1971 году, т.е. до того, как попала ко мне на первый прием. Моя первая запись в карточке во время ее осмотра — тот же диагноз, что она пожизненно больна. Когда Гужву спросили, когда вы впервые узнали, что ваша жена неизлечимо больна, он ответил: *"Я впервые от вас это слышу"*. А он утверждает, что он любит свою жену.

13 декабря Мария Гужва на вопрос, не удивляло ли ее, что Штерн ее не осматривает, не заходит к ней в стационар и жаловалась ли она на это своему мужу, дает четкий, без запинок ответ: *"Меня очень удивляло, что меня лечат другие врачи, я жаловалась на это своему мужу"*. Эти показания изобличают ее мужа в том, что он лжет, утверждая, что он давал мне деньги на лечение жены. Это оговор, что очевидно для каждого непредвзятого человека. Не логично, что Гужва на протяжении двух лет платил доктору деньги, в то время как его жена лежала в стационаре, в котором этот доктор не работает. Гужва говорит: *"В каждый мой приезд Штерн требовал от меня деньги, и я ему их давал"*. Гужва знал, что я не имею отношения к лечению его жены. За что же он давал деньги? Ведь там, в стационаре, есть свои врачи и свой заве-

дующий. Причем тут доктор Штерн? Два года взрослый разумный человек платит деньги ни за что? В эту глупую ложь может поверить только тот, кто хочет в это верить.

Гужва с трудом насчитал в зале сумму в 170 руб., а на следствии он называет то 500, то 250. Опять путаница в показаниях.

Гужва говорит, что он дал 35 руб. за ВТЭК. Но ведь ВТЭК Мария Гужва проходила не в Виннице, а в Казятине. Стану ли я ехать в Казятин к врачам ВТЭК, для которых я, по словам Гужвы, беру деньги, если я с ними вовсе не знаком? Гужва говорит: *"При встрече со мной Штерн говорил, что жене надо забеременеть"*. Прошу суд осмотреть карточку. Запись от 8 февраля 1973 г. В этот день Мария Гужва была у меня на приеме последний раз, а забеременела в августе 1973 г., когда она уже лечилась у ассистентов профессора Зелинского. В карточке Гужвы есть запись высококвалифицированного гинеколога от 3 апреля 1974 г. доктора Лысовой: *"Сейчас беременность 8-й месяц, роды ожидаются 15 мая 1974 г. Беременность носит без консультации с эндокринологом — не спрашивала, может ли она рожать"*. Гужва-муж сознательно лжет с единственной целью опорочить меня, утверждая, что я советовал забеременеть больной, которой это противопоказано. Областной отдел социального обеспечения распоряжением от 1972 года запретил областным лечебным учреждениям заполнять посылочные листы на ВТЭК. Для больных из районов области, предусматривая лишь редкие исключения. Это обязанность лечащих врачей и райбольниц. Распоряжение Облсовета объясняет, почему я дважды отказывался заполнить Гужве повторные посылочные листы на ВТЭК для определения инвалидности. Откровенно скажу, что имел возможность заполнять такие листы: сложность диагноза, трудность описания данной больной давали мне такое право. Однако для Гужвы я этого не сделал, что она сама подтвердила. Вероятно, в этом не было необходимости. Очевидно, что я не чувствовал себя ничем обязанным ему. Я не брал и не мог брать у него денег.

С у д ь я. Объявляется короткий перерыв.

После короткого перерыва.

Ш т е р н. Заканчивая с эпизодом Гужвы, я хочу сказать несколько слов об антисемитах...

П р о к у р о р. Товарищ председательствующий, зачем это нужно?

Ш т е р н. Никто не может заткнуть мне рот. Это открытый процесс, и я имею право высказаться по этому поводу. Я протестую против чудовищного антисемитского оговора. Почему был сделан упор на Гужву? Евреи богатеют явно от того, что берут деньги с бедного Гужвы. Следователь Кравченко писал: *"Следствие предполагает наличие больших денежных вкладов в разных городах"*. Я могу рассказать, откуда взялся миф о богатстве евреев. Они за все платили кровью.

С у д ь я. Может, вы будете говорить помедленнее, а то товарищи записывают, им передавать надо?

Ш т е р н. Ленин говорил: *"Позор тем, кто сеет ненависть к евреям"*. Я глубоко уважаю прекрасный и трудолюбивый украинский народ и считаю, что Гужва и те, кто стоят за его спиной, заняты именно тем, что сеют на Украине антисемитизм.

Если случай с Гужвой должен был показать, как евреи добывают деньги, то случай с Гармасаром продемонстрировал, как евреи, в частности Штерн, освобождает людей от службы в Советской Армии. А случай с Оверчук, отказавшейся от обвинений в мой адрес, свидетельствует о той закулисной работе, которая была направлена на распространение среди крестьян слуха, что Штерн шпион.

Я хочу сказать, что в истории есть прецеденты лжесвидетельств на антисемитских процессах. Свидетелем обвинения в деле Бейлиса была Чеберяк. На процессе врачей 1952 года, о котором мне рассказывал мой учитель, профессор Шерешевский, обвинение строилось на ложных показаниях врача Тимашук. Потом ее наградили орденом Ленина. Но, как показала история, таких людей ждет бесславный конец. Я не желал внезапной смерти 36-летнему доктору Каляде, который подписал ложную экспертизу по моему делу, но моя глубоко верующая жена считает это карой Божьей.

Перехожу к другим эпизодам обвинения.

Я не обманывал Матвиенко ни в чем, добросовестно лечил ее сына. Она сама пришла ко мне по совету своего районного врача. И, как она сама здесь сказала, я ее очень легко и хорошо принял. Кравченко же упорно пишет: *«Не принимал, отказывал, прогонял»*. Когда ее 16-летний сын пришел в диспансер на прием, бывалые врачи ужаснулись: красивый, высокий

юноша, а половое развитие на уровне 3-х лет. Она заявила, что Штерн не называл ей стоимость препаратов. Она их всюду искала и нигде не могла найти. Я уверен, что не мог взять с нее лишних денег, больше того, что стоили эти лекарства. И если это было сделано в интересах больного и Матвиенко заявляет мне на суде благодарность, зачем же заниматься мелочными и совершенно бессмысленными подсчетами? Сам факт удачного лечения говорит о том, что было израсходовано гораздо большее количество лекарств, чем указывает обвинение.

По эпизоду Галины Кондратюк. Меня обвиняют в том, что я присвоил 4 руб.48 коп. Кондратюк говорит: *"Это же мелочь! Он даже не видел, как я положила ему 5 рублей. А фепранон не могла достать даже в Москве"*. Я ей дал фепранон без денег и не знал, что она их мне, как она говорит, оставила. И если больная меня якобы поблагодарила, это ее личное дело. Где же здесь мошенничество?

Эпизод Сушко. По этому поводу я уже писал заявление, которое решением суда приобщено к делу. Я не помню подобного случая. Я только хочу отметить полное расхождение между тем, что пишет Кравченко в протоколе предварительного допроса Сушко, и показаниями Сушко на судебном заседании. Сушко заявил, что доктор дал ему два флакона тиреоидина и многократно повторил, что доктор называл цену 30 коп. Что денег он у него не просил. Сушко сказал, что дал мне 10 руб. за хорошее отношение. Хотя тиреоидин стоит 15 коп., его не всегда можно получить в аптеке. Ясно, что я дал ему препараты без преднамеренной цели получить от него благодарность. Я его ни в чем не обманул. Его сын неоднократно приезжал ко мне, и я сам делал ему уколы. Возможно, он и дал мне деньги. Если это так, то скорей всего он их дал как оплату за будущие уколы. Сушко сказал здесь, что он благодарен мне за лечение. Так где же здесь вымогательство?

Эпизод Безносок. Я не помню этого случая. Я могу отметить, что в противовес тому, что пишет Кравченко, свидетельница заявила, что я принял ее без очереди. Она говорит: *"Я незаметно положила деньги"*. Она говорит, что потом мальчик ездил много раз на уколы, что я вводил ему голландское лекарство, т.е. сустанон, что я денег у него не просил. Я ничего у нее не вымогал и не обманывал ее. Здесь нет мошенничества.

Эпизод Богуцкой. Она говорит: *"Врач осмотрел, сделал укол. Сын ездил два раза в неделю. Я благодарна доктору за лечение"*. Я заявляю, что я никого не обманывал и никакого мошенничества здесь не усматриваю.

Эпизод Бескурского. Думаю, что интерпретация, которую дал следователь его показаниям, может вызвать только улыбку. Я думаю, что мог бы сдержаться и не вырывать у него из рук 25 рублей, а подождать, пока он их мне сам даст. Рыбу за 2 рубля я у него не брал, а если бы и брал, то это не слишком большое преступление. Что касается суммы, которую он называет, то я не помню, сколько стоили его лекарства.

Эпизод Полищук. Свидетельница показывает, что в первый прием она денег не давала. Во второй прием мы с ней поехали в аптеку. Она говорит, что деньги 40 руб. уплатила аптекарше. Потом доплатила 5 руб. аптекарше. Лекарств ей было выписано, судя по карточке, примерно на 40 рублей. Это установлено и фармацевтической экспертизой. Где же здесь мошенничество?

Эпизод Полищук-Струк. Свидетель изменил свои показания, на предварительном допросе он сказал: *"Я такого не говорил. Я не спрашивал врача, сколько стоит лекарство"*. Он сказал, что ехал в город с 25 руб. и что из них у него ушло 5 руб. на дорогу. Он сказал, что к врачу претензий не имеет, благодарил здесь меня. Интересно, что заявление в прокуратуру за него написал председатель сельсовета. Он его только подписал. Он даже не смог его здесь в суде прочитать. Эта история — примерно такой же позор, как конфуз с Сушко.

Эпизод Коваль. Она показывает, что в первый раз мне денег не давала. Потом приезжала ко мне домой и деньги давала два раза дома. Типичная частная практика. Где здесь мошенничество?

Эпизод Плясун. Эта свидетельница утверждает, что в 1969 году искала медикаменты в Москве, Киеве — везде, но не нашла. В это время у нас лечилась жена одного полковника, который привез хориогонин из заграницы. Она дала цену, которая была названа хозяевами лекарства. Говорит здесь, что доктор ее не обманывал, что будет рада счастливому исходу дела. Где здесь мошенничество?

Эпизод Король. Судя по заключению фармацевтической экспертизы, по его карточке, было выписано лекарств на

48 руб. Он сам пошел за ними в аптеку. В чем здесь виноват врач? В том, что он мне якобы дал 25 руб. Я их якобы вернул, и Король пошел в аптеку за лекарствами.

Прибега. Насколько я помню, это родственник одного работника милиции. Он просил лечить его по субботам, он не мог приезжать в будни. Его мать пришла ко мне домой и дала мне 50 руб. Это чистый случай частной практики. Она, видимо, просто забыла, где дала мне эти деньги. Это не мошенничество.

Малишевский. Он здесь показывал, что я принял его хорошо и быстро. Что ему дал таблетки и уколы на 19 руб. Заключение фармацевтической экспертизы говорит, что выписано ему было лекарств на 19 руб.85 коп. Так что я могу еще 85 коп. с него затребовать. Он говорит: *"Я сунул в папку 5 руб., щоб вин нэ бачив"*. А если бы я это видел? Где здесь обман и мошенничество? По Кравченко, все было по-другому. Он придумал и вложил в уста свидетеля то, чего не было. Я якобы сказал ему: *"Выкладывай, що маеш"*. Малишевский в суде сказал: *"Я такого не говорил"*.

Чернецкий. Он ясно говорит, даже на предварительном следствии, что попросил у врача лекарство и пошел к врачу домой. Дал за лекарство 15 руб. По заключению фармацевтической экспертизы, выписано было лекарств на 18 руб. В первый раз приезжала жена, денег не платила. Претензий ко мне никаких не имеет. В чем же здесь криминал?

Денисюк. Когда он ко мне приехал, появилось очень интересное лекарство для лечения сахарного диабета — английский диботин. Я дал ему банку, кажется, 200 таблеток за 14 рублей? За столько, за сколько мне ее принесли. За это лекарство диабетик отдал бы и 140 руб., только его нигде нет. В чем я его обманул? Ни в чем.

Эпизод Байды. У него был евиухондизм. Полтора года я возился с этим мальчиком. Сам Степан говорит: *"Вначале я ездил к доктору через неделю, потом — через месяц. Все это продолжалось полтора года. Уколы, — говорит он, — делал сам Штерн"*. На предварительном допросе отец тоже говорит, что деньги платил работнику аптеки. Врачу ни денег, ни продуктов, говорит он, не давал. Если бы я попросил у него не 80 рублей, а 200, он бы мне их дал. И тогда это был бы случай частной практики, а деньги — это гонорар врача. Я совер-

шенно бескорыстно вылечил его от евнухоидизма, хотя даже в мировой практике случаи излечения от него единичные. Это — почти чудо. И этот случай — моя гордость. Мне непонятно, почему обвинение усматривает в этом мошенничество.

Эпизод Нечипорук. Этот эпизод очень хорошо отражает, как были использованы любые средства для того, чтобы меня скомпрометировать как врача. У ее ребенка поражение всех долей гипофиза. В деле она говорит, что я ей обещал "особые порошки". Когда имеется поражение задней доли гипофиза, дают такие порошки. Пока эти порошки вдыхаешь, чувствуешь себя хорошо. Перестаешь — плохо чувствуешь. И если бы она не испугалась "афериста Штерна", то я бы ей помог, достал бы лекарства. А она испугалась и никакие не больные испугали ее, а Зелинский. В карточке есть его записи. Это он принимал ее и отговорил идти ко мне.

Вот и все эпизоды так называемого мошенничества. Я не вижу состава преступления ни по одному из них.

С у д ь я. Сейчас будет зачитано заключение судебно-медицинской экспертизы.

О л ь н е в (зачитывает текст).

т.б, л.д.111-113

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комиссия в составе председателя — начальника Винницкого Областного бюро судебно-медицинской экспертизы Ольнева А.А., зав. клиническим отделом Киевского НИИ эндокринологии и обмена веществ доктора медицинских наук профессора Ефимова Р.С., доцента кафедры факультетской терапии Винницкого медицинского института доктора медицинских наук Андреевко, терапевта-эндокринолога Винницкой узловой больницы кандидата медицинских наук Купермана, приходит к следующему заключению:

1. На основании данных амбулаторной карты № 243 Винницкого областного эндокринологического диспансера у гр-на Гармасара А.М. от 18.У1-1968 г. можно было заподозрить повышение функций щитовидной железы. Однако такие симптомы как головная боль, сердцебиение, потливость, похудание (на 3 кг), тревожный сон, склонность к поносам,

тремор пальцев вытянутых рук, тахикардия, гиперплазия щитовидной железы 1 ст., положительный симптом Грэфе могут наблюдаться как при тиреотоксикозе, так и при различных невротических состояниях. Поэтому только на основании симптоматики нельзя с уверенностью поставить диагноз тиреотоксикоз без привлечения дополнительных лабораторных данных. Тем более, что требовалось дать заключение специалиста для горвоенкомата.

2. Среди доступных дополнительных методов исследования могли быть использованы, помимо основного обмена, данные электрокардиографии, радио-йод-диагностики, общего анализа крови. Основной обмен, рассчитанный по формуле Риды, во-первых, может быть повышен при неврозах; во-вторых, в связи с внедрением в практику современных методов исследования практической ценности не имеет.

Следовательно, на основании только клинических данных от 18.У1-1968 года без привлечения указанных дополнительных исследований диагноз тиреотоксикоз средней тяжести не убедителен.

Относительно определения степени тяжести тиреотоксикоза на основании представленных клинических симптомов в соответствии с общепринятыми в стране классификациями (Баранов. Болезнь эндокринной системы. Москва, 1966 г., стр.57; Шерешевский. Клиническая эндокринология. Москва, 1957 г., стр.46) можно было бы заподозрить тиреотоксикоз легкой формы (или 1-й степени).

3. Диагноз тиреотоксикоз может быть установлен путем обследования больного как в амбулаторных условиях, так и в стационаре.

4. При постановке диагноза тиреотоксикоз средней тяжести врач назначает специфическую анти tireоидную терапию, предпочтительно в условиях стационара. Как следует из амбулаторной карты больного Гармасара А.М., такая терапия была назначена.

5. Диагноз тиреотоксикоз средней тяжести, установленный врачом Штерном М.Ш., не мог не повлиять на заключение медицинской комиссии горвоенкомата, так как в соответствии с заключением медицинской комиссии при Винницком горвоенкомате 18.У1-1968 г. иных заболеваний не выявлено.

6. В настоящее время тиреотоксикоза у гр-на Гармасара А.М. не выявлено.

Вообще тиреотоксикоз средней тяжести при отсутствии систематического лечения приобретает хроническое течение.

7. В представленных медицинских документах (амбулаторная карта № 243 гр-на Гармасара) основной обмен был исследован 20.У1-68 г., через два дня после выдачи акта обследования для горвоенкомата.

8. В литературе и клиническом опыте могут встречаться редкие отдельные примеры выздоровления от доброкачественных форм несистематически леченого тиреотоксикоза, в том числе тиреотоксикоза средней тяжести при благоприятных для больного семейных и служебных обстоятельствах.

9. Ведущим показателем в диагностике большинства внутренних заболеваний, в том числе тиреотоксикоза является клиническая симптоматика. При этом результаты некоторых лабораторных и инструментальных данных могут не подтверждать клинический диагноз (быть отрицательными).

При тиреотоксикозе средней тяжести все лабораторно-инструментальные исследования не могут быть отрицательными.

10. Врач имеет право поставить диагноз только на основании анамнеза и клинических симптомов заболеваний, если последние выражены и патогностичны (специфичны) для данного заболевания.

5 подписей

А д в о к а т. Сегодня Гармасару делали какие-нибудь лабораторные исследования?

О л ь н е в. Совсем недавно, по постановлению прежней экспертной комиссии, Гармасара обследовали инструментальным методом йодной диагностики. Это было 4 сентября 1974 г. Мы пользовались этими результатами сегодня.

А д в о к а т. Располагала ли экспертиза сегодня данными аппаратного обследования Пироговской больницы, сделанные за две недели до этого?

О л ь н е в. Такими данными экспертиза сегодня не располагала. Когда судебно-медицинский эксперт Каляда проводил исследование, о котором вы говорите, то нам сказали, что данный метод сейчас не используется даже в районных больни-

цах, потому что он очень не точен. Нам посоветовали не вводить в заключение экспертизы это исследование и воспользоваться другим методом.

А д в о к а т. Правильно ли я понял, что экспертиза считает метод определения основного обмена на аппарате Евграфа не точным методом, которому не следует придавать значения? И поэтому вы не учли результаты этого анализа?

Е ф и м о в. Мы не располагали данными основного обмена, определенными в Пироговской больнице. Могу добавить, что как практические врачи мы действительно убедительного диагностического значения результатам этого метода не придаем. Однако в тех местах, где недоступны другие методы, например, метод радиоактивного йода, такой метод определения основного обмена по-прежнему используется. Однако если данные основного обмена, определенные аппаратным методом, не соответствуют клинической симптоматике, мы не ставим его во главу угла диагностики. На первом плане всегда стоит клиническая симптоматика, но только если она строго характерна для данного заболевания. У этого больного таких симптомов нет. У него есть сейчас ряд симптомов, которые могли бы насторожить эндокринолога.

А д в о к а т. Есть ли специальное положение, предусматривающее какие-то особые исследования при представлении диагноза в военкомат?

Е ф и м о в. Обычно для заключения в военкомат нас обязывают госпитализировать больного и провести в стационарных условиях все необходимые исследования. Только лишь клинические симптомы не могут быть основанием для дачи заключения в военкомат. Я считаю, что в этом смысле местным военкоматом были допущены некоторые погрешности.

К у п е р м а н. Я хочу к этому добавить. В военкомате имеется перечень болезней, на основании которых дается освобождение. Этот перечень предусматривает методы, которые должны быть использованы при постановке того или иного диагноза.

А д в о к а т. Если я вас правильно понял, военкомат не должен был удовлетвориться актом, полученным из диспансера, и отправить Гармасара на исследование?

К у п е р м а н. В задачу экспертизы такой вопрос не входил.

С у д ь я. Это мы выясним.

А д в о к а т. В ответе экспертизы упоминается только диагноз, поставленный доктором Штерном. Фамилии Каменецкого я не слышал. Вместе с тем, насколько я помню, суд постановил включить фамилию и данные Каменецкого в вопросы экспертизы. А экспертиза почему-то упорно настаивает на том, что диагноз поставил один Штерн. Я еще подчеркиваю, что слабость мышц, плеч и бедер, обнаруженная Каменецким, является одним из важных симптомов установленного диагноза. На основании этого Каменецкий пишет, что *"имеются данные, характерные для выраженного тиреотоксикоза"*. Я также обращаю внимание суда на то обстоятельство, что данные Каменецкого указаны в акте, который был направлен в военкомат за подписью Британова и Штерна. Я не понимаю, почему экспертиза ответила на вопрос о диагнозе, поставленном Штерном, когда суд обязал ее ответить на вопрос о диагнозе, поставленном двумя этими врачами.

С у д ь я. Пожалуйста, объясните это.

Эксперты совещаются

О л ь н е в. Дело в том, что в данном случае ответственность за диагноз несет только лечащий врач, а не консультант.

А д в о к а т. А откуда видно, что Штерн - лечащий врач?

О л ь н е в. В данном случае ответственность за диагноз несет один Штерн.

К у п е р м а н. Я хочу добавить, что акт обследования, направленный в военкомат, подписан только одним из врачей, производивших обследование, - Штерном.

Ш т е р н. Я хочу задать вопрос, почему экспертиза позволила себе не выполнить решения суда о включении Каменецкого. Я также хочу узнать, почему не выполнено решение суда, вынесенное по просьбе доктора Купермана о том, чтобы экспертизе были предоставлены спирограммы исследований основного обмена Гармасара. Я считаю это грубейшим юридическим нарушением.

Е ф и м о в. Видимо, доктор Штерн был недостаточно внимателен, когда я объяснял, что при наличии более совершенных методов исследования нет смысла пользоваться второстепенными методами аппаратного определения основного обмена.

Ш т е р н. Я считаю объяснение профессора Ефимова не убедительным с медицинской и юридической точек зрения. Он вправе не принимать эти данные во внимание, но ознакомиться с ними по постановлению суда он был обязан. В связи с тем, что в заключении экспертизы не учтены неврологические данные обследования Гармасара, я хочу задать экспертам вопрос. Считает ли судебно-медицинская экспертиза, что заключение квалифицированного невропатолога-эндокринолога о наличии столь важного и серьезного осложнения тиреотоксикоза, как слабость мышц, плеч и бедер, имеет значение для установки диагноза тиреотоксикоза на основании клинических симптомов? Согласна ли экспертиза с утверждением, что этот симптом встречается только при средней и тяжелой форме тиреотоксикоза, как вчера объяснил Каменецкий? Третий вопрос. Какое отношение имеют данные, установленные Каменецким при осмотре, к заключению, направленному в военкомат Винницким диспансером?

Е ф и м о в. Слабость мышц, плеч и бедер - субъективная жалоба больного. В настоящее время этой жалобы больной не предъявил. Я уважаю мнение Каменецкого, но авторы многих учебников и руководств пишут, что слабость мышц может наблюдаться и при других заболеваниях. Я хочу сказать, что лечащий врач несет единоличную ответственность за дачу заключения в военкомат. Однако лечащий врач может привлечь при постановке диагноза консультантов, которые с ним этой ответственности не разделяют.

19 декабря, 1974 г.

С у д ь я. Подсудимый, вы можете продолжить свои показания.

Ш т е р н. Итак, вчера я прокомментировал эпизоды так называемого мошенничества и показал, что из 19 потерпевших 18 (кроме Гужвы) — никакие не потерпевшие, потому что я никого не обманывал. Подавляющее большинство свидетелей по эпизодам благодарили меня и заявили, что у них нет ко мне никаких претензий. Я очень благодарен этим простым людям, что они не поддались давлению, которое оказывал на них следователь, и отказались от слов, записанных в протоколах предварительных допросов. К удивлению, которое

сейчас, наверное, испытывает представитель обвинения, эпизод 1 ужвы распался сам собой. Допрос свидетелей и сравнение их показаний с тем, что написано следователем, убедительно показал, что следователь Кравченко — изувер и фарисей...

С у д ь я. Подсудимый, суд предупреждает вас, чтобы вы впредь не употребляли подобных выражений.

Ш т е р н. Я хочу подчеркнуть, что несмотря на то, что десятки следователей и эмиссаров Зелинского обрабатывали свидетелей, нашлось в среднем всего четыре человека в год, кому я оказывал помощь в приобретении гормональных препаратов. И все они, те, кто своевременно лечились, — показывают, что лечение дало положительные результаты. Лечение этих заболеваний необходимо было проводить без проволочек и перерывов. Это особенно важно в период полового созревания подростков. Потом их лечить было бы поздно, и я считал, что было преступным ждать, пока в аптеках появятся нужные препараты. Вот почему я старался, насколько это возможно, обеспечить хоть некоторых из больных нужными лекарствами. Этим, а не жадной наживы, объясняется приобретение мной лекарств.

Где я брал препараты?

Утверждение Кравченко, что якобы скупал лекарства в аптеках (где их, кстати, не было) основано на слухах, которые распускали мои враги и антисемиты. Я прошу суд обратить внимание на показания Волынкиной (т. 5, л. д. 62). Она показывает, что лечила внука и что ей присылали из другого города дефицитный хориогонин. Внук выздоровел. У Волынкиной остается 2 коробки по 10 ампул. Эти две коробки она продала мне за 15 рублей, а не по государственной цене 5 рублей 75 коп. В аптеках этих лекарств не было. Были люди, у которых лекарства имелись, но которым они уже не требовались. У других людей истек срок годности. А третьим они были необходимы. И я считал своим долгом врач помогать.

Посмотрите показания Ткачук, том 3, л. д. 6. Она говорит, что я велел ей принести 20 рублей. Затем она получила рецепт и купила лекарства в аптеке на 20 руб. То же самое говорит свидетельница Копьева — я ей сказал принести деньги и она купила лекарств на 30 руб. Я действительно говорил, чтобы они приезжали с деньгами, потому что лекарства дорогие.

Цену я, естественно, называл ориентировочно. Именно потому, что лекарства дорогие, не всегда бывают, их надо покупать сразу на весь курс лечения. Я допускаю, что мог сказать матери: не надо скупиться.

Записи в карточках не всегда соответствуют количеству и наименованиям назначенных лекарств, так как больные, приезжавшие на уколы, часто заходили прямо ко мне и я вводил гормональный препарат без занесения в карточку. Ведь для того, чтобы получить карточку, им необходимо выстоять длинную очередь в регистратуру. Однако, несмотря на это, во многих случаях суммы, которые рассчитала фармацевтическая экспертиза по записям в карточках, точно соответствуют суммам, которые передавали мне больные.

Я не собираюсь перечислять, сколько и какие лекарства назначал каждому больному в каждом отдельном случае. В данных обстоятельствах это совершенно бессмысленно. Я не собираюсь раскрывать мою модификацию применения гормональных препаратов до опубликования результатов в медицинской печати. Ясно только, что те результаты лечения, о которых говорили в суде свидетели, не могли быть достигнуты, если бы они действительно принимали только то, что они называют, случайно вспоминая названия отдельных медикаментов, которые им лучше запомнились. Я часто менял периоды и интервалы между инъекциями, и поэтому они часто путают сроки. Я применял всем известные, но не всем доступные гормональные препараты и, как все видели, моя методика давала очень хорошие результаты без осложнений.

Перехожу к обвинению во взяточничестве. Я не признаю себя виновным ни в чем. За 30 лет работы я никогда не обуславливал оказание медицинской помощи вознаграждением. Мне не нужны были эти деньги, так как у меня была частная практика. Может быть, это и противоречит некоторым финансовым инструкциям, но это — не уголовное преступление. Я начну с эпизода Манжневской-Рыбачук. Это один из главных эпизодов обвинения, потому что здесь предполагается, что мне уплатили 25 рублей за помещение их матери в больницу. Моя невинность подтверждается индивидуальной карточкой больной Любецкой. Я как заведующий поликлиническим отделением диспансера имел право разрешить больному записаться в регистратуру без направления. Я не отказывал

в этом ни одному больному. 20 апреля 1972 г. ко мне обратились две дочери Любецкой с просьбой разрешить записать мать на прием. Я разрешил. Мои слова подтверждаются записями в карточке, но полностью противоречат показаниям Манжиевской и Рыбачук. В карточке записаны данные осмотра Любецкой не одним, а тремя разными врачами диспансера. Я не знаю, почему обе свидетельницы в суде упорно утверждали, что их мать принимал один я. В зале уже говорили, что Манжиевская назвала себя медицинским работником и я проявил к ней особое внимание. Я уверен, что регистратор поликлиники Аня Ойхман подтвердит в своих показаниях, что мы стараемся принимать медработников вне очереди — такова наша традиция. В записи осмотра врача Гамарник, терапевта нашей поликлиники, отражено предкоматозное состояние, что означает, что эту больную надо было срочно госпитализировать. Это не я, а Гамарник написала в карточке: *"Необходимо стационарное лечение"*. Я вообще не имею права госпитализировать, и я думаю, что это еще подтвердит главврач Урбанский...

С у д ь я. Откуда вы знаете? Почему вы так уверены, что он это подтвердит? Вы все время заявляете, что свидетели покажут то-то и то-то. Я вам советую этого не делать. В конце концов это может привести на мысли, что есть какой-то сговор со свидетелями.

Ш т е р н. Я говорю всего лишь о том, что по распорядку диспансера, госпитализация ко мне не относится. Я знаю свои обязанности. И Урбанский их знает. В моем уголовном деле есть расписка детей покойной Любецкой, датированная 3 мая 1972 г., о том, что я никаких денег у них не брал и что они могут подтвердить это в Народном суде. В мае 1972 г. была сделана очередная попытка меня скомпрометировать...

С у д ь я. В каких числах мая?

Ш т е р н. Я думаю, что это началось со дня смерти Любецкой — 29 апреля. Была пущена сплетня, что я взял деньги у детей покойной Манжиевской и Рыбачук. Зелинский и его компания открыто сказали об этом Урбанскому.

С у д ь я. Кто конкретно сказал ему?

Ш т е р н. Ассистент Зелинского Когут, но это подхватили все: и Зелинский и его ассистенты. Они все время жаловались на меня, что я беру у больных деньги. Это повторялось неод-

нократно, но в данном случае они заявили об этом официально. Урбанский вызвал меня и разговаривал со мной по этому поводу. Я заявил, что это грязная антисемитская клевета и решил обратиться в суд. Я потребовал, чтобы главный врач вызвал родственников умершей Любецкой. Просьбу придти в диспансер я передал через односельчан, которые были у меня на приеме. Где-то в самом начале мая у меня была женщина из Ждановки и я ее об этом попросил. Явился один из зятьев покойной, и у нас состоялся разговор в кабинете Урбанского, в его присутствии. Я сказал, что подаю в суд за клевету и потребовал, чтобы они выступили на суде. Зять Любецкой сказал, что семья не имеет ко мне никаких претензий. Через день он снова приехал с этой распиской и мы вместе пошли к главврачу. Урбанский еще раз спросил его, давали ли они деньги Штерну и услышал отрицательный ответ. К сожалению, я уступил уговорам Урбанского и не подал заявления в суд, чтобы привлечь этих клеветников и антисемитов к ответственности. Эта записка у меня сохранилась и была изъята при обыске. Она, видимо, все время находилась в деле, но на предварительном следствии по этой записке меня не допрашивали и, несмотря на мои требования, не давали очной ставки со свидетелями...

С у д ь я. Это не важно.

Ш т е р н. Нет, это очень важно. Я подчеркиваю, что тогда я забрал себе расписку с ведома и разрешения Урбанского. Зять Любецкой тогда сказал, что они все смогут явиться в суд и подтвердить свои слова.

Точно такая же история была и с другим моим больным— ветеринарным врачом Ломовозом. Те же люди обвинили меня, что я взял у него деньги, но он категорически отверг это и, будучи честным человеком никогда бы не стал утверждать обратное.

Что касается денег... Я не берусь утверждать, что Манжиевская и Рыбачук лгут, говоря, что положили деньги под бумагу на стол, хотя у меня есть все основания так думать. Я твердо знаю, что я этих денег не брал и никогда не видел. Может быть, хотя мне кажется это маловероятным, они и положили эти деньги. В то время в больнице работала санитарка, которую потом уволили за мелкие кражи денег. Она убирала комнаты, и,

если эти деньги действительно там лежали, она вполне могла найти их и забрать.

Здесь пытались изобразить дело так, будто я специально послал тогда какую-то женщину к семье Любецкой, чтобы взять у нее расписку. Это абсолютно ни на чем не основанный вымысел.

С у д ь я. Прошу вас объяснить происхождение вот этой записки, доставленной нам из следственного изолятора. Здесь зелеными чернилами по середине листа вашей рукой написано: *"К Манжиевской и Рыбачук мои люди поедут"*.

Ш т е р н. Признаю, что это писал я и сделал я это преднамеренно, однако совсем с другой целью. Когда я писал это, в мои планы как раз входило, что бумажка попадет в суд и будет прочитана вслух. Будь у меня другая цель, я написал бы эти шесть слов на клочке бумаги маленькими буквами. Я специально выбрал такой интригующий текст. Я специально написал ее зелеными чернилами, тогда как все свои записи я делал синими и красными чернилами. Я сделал все, чтобы записку заметили и изъяли те, кто незаконно рылись в моих записях в тюрьме, хотел чтобы это стало известно в суде. Дело в том, что я неоднократно протестовал против незаконных изъятий моих записей в тюрьме, против частых обысков, против тщательного осмотра всех моих записей, заявлений и жалоб. Бывали случаи, когда все мои бумаги, в нарушение всех законов, забирали на 5-6 дней и на них кто-то даже делал пометки красным карандашом. Вся моя подготовка к суду была известна работникам прокуратуры заранее. Я еще не осужден и никому не дозволено нарушать мои гражданские права, даже в заключении. Я специально сделал так, чтобы в суд попала эта записка, и я хотел бы, чтобы суд выяснил, кто, каким образом, когда и с помощью какой официальной процедуры приобщил эту бумагу к делу. Я категорически протестую против нарушений, допущенных на следствии, и прошу суд принять соответствующее решение.

С у д ь я. Реакции суда на такие просьбы сейчас быть не должно. Она будет потом. Кстати, суд намерен повторно вызвать Сушко и выяснить, кто к нему, как он говорил, ездил.

Ш т е р н. Я продолжу по эпизодам обвинения. Эпизоды Калины и Островец. Взятки я у них не брал. Подчеркиваю, что, несмотря на мои просьбы, очной ставки с ними мне не

дали. Островец за 4 месяца лечения вырос на 7 см, намного прибавил в весе. Калина также выздоровел после моего лечения. Если я и говорил, что нужно приехать с деньгами, то имел в виду деньги на лекарство.

Эпизод Тарановой я не помню, очной ставки мне не дали. Уверен, что денег у нее не просил. Хочу отметить, что, судя по карточке, я установил у ее сына сложный диагноз — гипоптальмический синдром с поражением сетчатки глаз. Назначил лечение, которое дало прекрасные результаты.

По поводу Зеленюк... что я могу сказать? Возмущен тем, что написал следователь. Когда мать выходила, я, якобы, сказал: *"Так заплатите же мне"*, и она дала мне 5 рублей. Этого не могло быть.

Эпизод Лыхолат. Прошу суд обратить внимание на топорную работу следователя. Кравченко пишет: *"6 марта 1973 г., осмотрев юношу, спросил у матери, есть ли у нее деньги, а когда она протянула ему 10 рублей, забрал у нее деньги"*. Это в обвинительном заключении. И это все. Теперь посмотрите т. 1, л. д. 156 *"Штерн дал ампулы, таблетки. Когда давал медикаменты, спросил, много ли у меня денег. Велел сыну делать уколы и приехать через месяц"*. Это объяснение самой Лыхолат лежит в деле. Следователю ничего не стоило посчитать, сколько стоили лекарства, которые я ей дал: ретаболил четыре с чем-то, хориогонин пять руб. Разве то, что делает следователь, не служебное преступление?

Эпизод Маковей. Это редкий случай, когда мне дали очную ставку. Это четкий случай частной практики, за который я получил гонорар. Это не подлежит уголовной ответственности. В показаниях все сказано.

Эпизод Дзисяк. Случая этого я совершенно не помню. Очной ставки не было. Прошу обратить внимание на заявление Дзисяк прокурору: *"Прошу освободить меня от уголовной ответственности за дачу взятки..."* Это том 2, л. д. 1. Посмотрите также ее карточку — т. 4, л. д. 150. Ее осмотр в диспансере начался с приема гинеколога, а я ее осматривал на другой день, т. е. направление ей не нужно было.

Случая Безносюк не помню. Если я получил 10 рублей, что маловероятно, то ясно, что это не взятка, а благодарность за профессиональную деятельность, что не подлежит уголовной ответственности.

Эпизод Тузюк. Из материалов дела видно, что военкомат выдал ему направление 17 февраля, а принят он был 18-го февраля. Живет он очень далеко и не мог в один день, сразу после военкомата, поехать в диспансер в Винницу. Это изобличает в обмане того, кто писал допрос, в котором отмечается, что свидетель 3 дня ездил и не мог попасть на прием. В карточке написано, что его сначала приняла врач Бронштейн, потом — Каменецкий, затем — Штерн. Я не могу понять, за что же он мне давал деньги, за то, что его Бронштейн приняла, что ли?

Эпизода Сорочук я не помню. Очной ставки мне не дали. Уверен, что денег от него не требовал.

Шевчук. Это четкий случай частной практики. Он был у меня три или четыре раза дома. Показывает кстати, что я ничего не требовал.

Лозинский. Это инвалид 1-й группы. Он прекрасно знает свои права. Он не нуждался в моей помощи для ВТЭК. Я не вымогал и не требовал от него деньги.

Лавренюк. С выраженной старческой половой эволюцией, судя по карточке. Бывал у меня раз в месяц. Денег я у него не мог просить, да и случая самого я не помню.

Литовчук. Утверждает, что Штерн требовал у нее 10 рублей за справку, а когда она не дала, он начал кричать и она заплакала. Я уверен, что этого не было. Денег она мне не давала. Говорит, что была два раза дома, принесла курицу в благодарность.

Случая Щур я не помню. Говорит, что была у меня дома. Я не помню, но если была, то это частная практика.

Эпизод Громового. Обвинительное заключение полностью не соответствует его показаниям. Ему 70 лет. Он репил жечься. Я хотел направить его к сексологу, но он сказал, что хочет лечиться только у меня. Якобы в третий визит ко мне он дал мне деньги: завернул в бумагу, положил на стол, когда я вышел. Возможно, я взял деньги за гормональные препараты, которыми я его лечил. Впоследствии он действительно женился. В любом случае, это не взятка.

Эпизод Шевчук. Говорит, что я деньги не требовал, что дал 10 рублей в знак благодарности. А ведь я ему делал укол и за него мне никто не платил. Очной ставки мне с ним не дали. Я его с трудом вспоминаю. Он, кажется, из Киева.

Очень страдал, стеснялся ходить к врачам. Я точно могу сказать, что не мог требовать у него деньги и что это не взятка.

Терегайло. Девочка 1957 года рождения была у меня на приеме, когда ей было 14 лет. А следовательно утверждает, что я посоветовал ей выходить замуж. Этого не могло быть. Я помню точно. Судя по карточке, я установил очень сложный диагноз. Если бы я не заставил ее вовремя удалить гланды, то были бы очень серьезные последствия. Денег требовать у них я не мог. Вот примерно все, что я хотел сказать относительно так называемых взяток.

С у д ь я. Продолжаем допрос свидетелей.

С в и д е т е л ь н и ц а Л ы х о л а т М а р и я, 1922 года рождения, колхозница.

Два года назад сына вызвали в военкомат и обнаружили, что он мал ростом. Направили в Винницу в диспансер. Я привела его, мы записались. Пошли к Штерну. Все говорили, что это очень хороший врач. Он осмотрел, дал лекарства две банки и коробку с ампулами, сказал: пусть он все это принимает. Потом говорит: есть у вас гроши? Я говорю: на лекарства хватит.

П р о к у р о р. К другим врачам вы не обращались?

Л ы х о л а т. Нет.

С у д ь я. Вот здесь в карточке есть запись 7-го числа, которая исправлена на 8-е. Это очень интересно, надо выяснить.

А д в о к а т. Я полностью с вами согласен. Особенно если это было исправлено, когда дело уже находилось в суде. Необходимо выяснить, кто исправил и в чьих это интересах. Я хочу отметить, что в деле фигурирует 7-е число.

Л ы х о л а т. Я точно помню, что это было 7-го марта, потому что 8-го был нерабочий день, женский праздник.

П р о к у р о р. Доктор выписал вам рецепт?

Л ы х о л а т. Да, и мы купили лекарства в аптеке.

П р о к у р о р. А где вы взяли недостающее?

Л ы х о л а т. Дал вот этот врач. Инсулина две банки и апилака - коробку с ампулами, еще что-то.

П р о к у р о р. Вы дали ему 10 рублей?

Л ы х о л а т. Да.

П р о к у р о р. Зачем?

Л ы х о л а т. За лекарство, апилак, те две бутылки, а еще

я хотела, чтобы ребенок пошел в армию, а сколько они стоят, я не знаю и до сих пор.

П р о к у р о р. А цену он вам называл?

Л ы х о л а т. Нет.

П р о к у р о р. Почему в ноябре положили сына в стационар?

Л ы х о л а т. Кости у него не развивались.

П р о к у р о р. Кто его положил?

Л ы х о л а т. Не знаю.

А д в о к а т. Вы сказали, что врач не называл цену этого лекарства?

Л ы х о л а т. Да.

А д в о к а т. Вы все лекарства имели, которые вам выписал доктор?

Л ы х о л а т. Да.

А д в о к а т. А вы твердо помните все названия?

Л ы х о л а т. Не знаю, но мне напомнили, что это инсулин и апилак.

А д в о к а т. Вам никто не говорил, почему сыну стало плохо?

Л ы х о л а т. Нет, может, от того, что я не всю дозу давала, а меньше чем нужно.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

16 мая 1974 г.

т. 1, л. д. 156

Показания Лыхолат М.

Сын маленького роста, 7 марта попал на прием к врачу Штерну. Видела первый раз и больше у него не была. Он расспросил меня, в чем дело. Я ему рассказала. Он, не обследуя мальчика, выписал рецепты на апилак, который я получила в аптеке, и дал две небольшие бутылочки (как из-под пенициллина) и коробочку ампул 10 штук – бутылочки и ампулы для уколов.

Когда он дал мне эти медикаменты, спросил, есть ли деньги, вернее, много ли у меня денег. Я ответила: "На лекарства хватит" – и тут же дала ему в руки 10 руб. одной купюрой и спросила его: "Хватит?" Он ответил: "Хватит". Он сказал,

чтобы сыну сделали уколы и чтобы я приехала с сыном через месяц. Делал уколы он сам.

П р о к у р о р. Товарищ председательствующий, я прошу разрешить посмотреть, какими записями пользуется Штерн.

А д в о к а т. Штерн просил сделать ему копии моих записей. Я их ему дал.

П р о к у р о р. Вы имели для этого разрешение суда?

А д в о к а т. Я не должен просить об этом разрешения у суда. Штерн не успел сделать записи, так как ему было предоставлено очень мало времени для ознакомления с делом. Штерн сказал, что если у него их не будет, то он вынужден будет отложить суд. Я считаю, что имею право передать моему подзащитному свои записи по материалам дела.

П р о к у р о р. Если это были просто записи для подготовки к суду, то это – одно. Но если это записи, по которым должен давать объяснения подсудимый Штерн, их необходимо проверить, так как это может противоречить закону.

А д в о к а т. Наличие у Штерна записей свидетельствует о том, что он имеет право на защиту. Ограничение его в записях будет противоречить этому праву. То, что у него есть, – это выписки из дела: было бы неправильно, если бы его лишили этих записей.

П р о к у р о р. Если у него имеются записи посторонних лиц о том, как и что говорить на суде, это нарушение закона. Я прошу суд просмотреть все его записи во время перерыва.

А д в о к а т. Если прокурор просит произвести обыск у Штерна, то я прошу зафиксировать это в протоколе. Я прошу также производить обыск в ходе судебного заседания, а не в перерыве. Должен быть составлен надлежащий протокол.

С у д ь я. Дайте мне, пожалуйста, ваши записи.

Ш т е р н. Все бумаги?

С у д ь я. Да.

А д в о к а т. Я хочу пояснить. Штерн в тюрьме сказал мне, что ему дали всего два дня для ознакомления с делом и что у него не было времени делать выписки, поэтому я дал ему свои.

С у д ь я. Было бы удобней, если бы поставили меня об этом в известность.

А д в о к а т. Я дал ему то, что выписал для себя, и считаю, что сэкономил несколько дней для суда.

С у д ь я. Чьей рукой сделаны пометки внизу чернилами? Это не рука Штерна. Это ваша рука?

А д в о к а т. Нет.

С у д ь я. Чья?

Ш т е р н. Это мне помогал один товарищ в тюрьме.

С у д ь я. (к адвокату). Это вы печатали выписки?

А д в о к а т. Машинистка.

С у д ь я. Как фамилия заключенного, который вам помогал?

Ш т е р н. Не знаю.

С у д ь я. Какая камера?

Ш т е р н. Не знаю.

С у д ь я. За что он сидит?

Ш т е р н. По-моему, 206 статья.

С у д ь я. Вот тут есть пометки, внизу страницы, по поводу Шевчук. Насчет Маковой выписано: "За что 25 рублей?" "Частная практика". Насчет Безносюк и Тарановой: "За что деньги?" той же рукой. Насчет Короля написано: "Мог ли он получать перечисленное в амбулаторной карточке бесплатно?" той же рукой. По поводу Оверчук "Юмор. Дверь закрыл на ключ с пациенткой. Опасность изнасилования". Еще запись "Чернецкий — осень?" или "Лыхолат — медикаменты на 11 руб. 72 коп." Суд не возражает, чтобы вы этим пользовались. Мы только убедились, что вам помогает не только адвокат. Объявляется перерыв на обед.

После перерыва

Свидетель Маковой Николай, 1918 года рождения, шорник.

В 1972 году я заболел сахарным диабетом. Точно когда это было, я забыл, я три месяца пролежал в Красноселках в больнице. Но мне лучше не стало, и я решил обращаться, куда только можно. Потому как был в тяжелом состоянии. Я посоветовался с Таней Гондорук, родственницей, она говорит, в Виннице, на той стороне Буга, диспансер есть, и там хороший доктор с бородой. Ну, я приехал и ждал его на улице у больницы до 4-х часов дня. Вот он вышел, я его остановил и стал с ним говорить. Потолковали минуты две. Он говорит: следуй за мной сзади, на несколько шагов. Вот так

пришли мы к нему на квартиру. Зашли, он оставил меня в комнате. На столе лежала газета. Я вытащил 25 рублей и положил под газету. Потом он зашел в комнату, осмотрел меня и велел придти завтра утром. Наутро я пришел, он обследовал и написал направление лечь в диспансер. Я пришел один раз, второй – мест нет. Тогда он сходил в корпус сам. Когда вышел, сказал, что сейчас положат. Меня положили в коридор и больше я его не видел. Потом мне дали вторую группу. А в этом году – третью.

П р о к у р о р. Вас в больнице Штерн лечил?

М а к о в е й. Нет, Елена Семеновна и Зелинский.

П р о к у р о р. А где Штерн живет, запомнили?

М а к о в е й. Здесь, рядом.

П р о к у р о р. А почему врач велел идти сюда?

М а к о в е й. Не знаю, он шел с работы.

П р о к у р о р. Вы сразу за ним шли в квартиру?

М а к о в е й. Метров за 20.

П р о к у р о р. Почему вы не дали деньги ему в руки?

М а к о в е й. Потому что он вышел из комнаты.

П р о к у р о р. Вам на следующий день делали процедуры?

М а к о в е й. Нет, он только обследовал меня.

П р о к у р о р. Какие врачи еще вас обследовали, когда вы пришли в диспансер?

М а к о в е й. Невропатолог, глазник и еще кто-то.

П р о к у р о р. Почему вы приехали в Винницу без направления?

М а к о в е й. А мне не дали.

П р о к у р о р. За что вы положили 25 рублей?

М а к о в е й. Чтобы попасть в диспансер.

П р о к у р о р. Вопрос к Штерну. Вы 25 рублей получали?

Ш т е р н. Я этот случай не помню, но если он и был, то это – частная практика, гонорар за прием дома.

П р о к у р о р. На каком основании вы положили больного в стационар?

Ш т е р н. Судя по карточке, осмотр окулиста, невропатолога и терапевта дал возможность поставить диагноз "сахарный диабет, тяжелая форма". Этот диагноз был подтвержден в стационаре. Таким образом, совершенно ясно, что больной был госпитализирован по показаниям, в связи с тем, что у него было тяжелое состояние. Подчеркиваю, что я не принимаю ре-

шения о госпитализации больных. Повторяю, что я этого случая не помню.

П р о к у р о р. Вы действительно ходили в стационар?

Ш т е р н. Я не помню.

А д в о к а т. (к Маковею). Дома был о чем разговор?

М а к о в е й. О болезни, о том, где лечиться.

А д в о к а т. А больше ни о чем не говорили?

М а к о в е й. Ни о чем.

А д в о к а т. На предварительном следствии, том 1, л. д. 151, вы сказали, что дали 25 рублей за прием.

М а к о в е й. Так и было.

А д в о к а т. А про стационар был разговор?

М а к о в е й. Был разговор, чтоб подлечиться, а как - это уже его дело.

А д в о к а т. По той бумажке, что вам дал доктор, вас записали в регистратуру?

М а к о в е й. Да, записали и открыли карточку. Я сделал анализы. Они показали, что у меня сахарный диабет. Потом меня врачи вызвали на осмотр, а потом я стал ложиться в больницу.

А д в о к а т. Вы показывали "Кто мне предложил лечиться, я не помню, но не Штерн. Штерн только выдал направление"?

М а к о в е й. Да, он дал направление.

Ш т е р н. Где я вам дал направление?

М а к о в е й. Дома.

Ш т е р н. На очной ставке вы заявляли, что точно не помните

М а к о в е й. Не помню, может, в поликлинике. Вы мне дома бумажку дали, и я с ней в регистратуру пошел.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т. 1, л. д. 151-152

Показания Маковея Н.

Заболев диабетом, лечился у себя, не помогало. Поехал в Винницу. Рекомендовали обратиться к Штерну. Встретил его и просил принять. Он принял дома. Дал за прием 25 рублей. Получил направление в поликлинику. Там мне в регистратуре выписали карточку, сделали анализы, и мне сказали ло-

житья в больницу, кто мне предложил лечиться, не помню, но не Штерн. Штерн только выдал направление.

Свидетельница Калина Анна, 1928 года рождения, колхозница, Кировка.

Моего сына Васю вызвали в Калиновку в военкомат и оттуда направили в диспансер в Винницу. Вася приехал, сказал, нужны гроши на уколы и лекарства. Я взяла гроши и поехала с ним. Нас приняли. Сын разделся, доктор его осмотрел, сказал: *"Больной хлопец. Треба його лікувати"*. Прописал порошки и уколы. Мы их в аптеке взяли. А 15 рублей я ему положила на стол.

С у д ь я. А еще деньги были у вас?

К а л и н а . Я в аптеке 12 рублей заплатила.

С у д ь я. Где уколы делали?

К а л и н а . В своей больнице.

П р о к у р о р . Сын ездил еще в Винницу?

К а л и н а . Я с ним была один раз. А ездил ли он еще – не знаю.

П р о к у р о р . А как называется лекарство, что ему делали?

К а л и н а . Как его называют, я не знаю, я – темная баба, неграмотная.

П р о к у р о р . Вы сами дали гроши, чи вам доктор сказал дать?

К а л и н а . Я их сама поклатала.

П р о к у р о р . Здесь есть расхождение с протоколом предварительного допроса. Вы на следствии показали, что, когда вы зашли в кабинет, доктор вам сказал посмотреть на его половой орган. *"Потом я развернула платок и отдала 15 руб., которые он у меня попросил"*.

К а л и н а . Да разве ж я помню как было? Я сама не помню.

П р о к у р о р . Вопрос к Штерну. Вы получали 15 рублей?

Ш т е р н . Я этот случай не помню.

А д в о к а т . Вам доктор сказал, чтоб вы ему дали 15 руб? Или, может, он меньше попросил или больше?

К а л и н а . Нет, он мне ничего не говорил. Я сама ему решила дать 15 руб.

А д в о к а т . Вас сразу же приняли, в тот же день?

К а л и н а . Да, в тот же день, но людей было много.

Ш т е р н . Еще ваш сын приезжал?

К а л и н а. Не помню.

Ш т е р н. Сын здоров?

К а л и н а. Здоров.

С у д ь я. Ваш сын до Штерна где-нибудь лечился?

К а л и н а. Вроде обращался.

С у д ь я. Вам же было неловко, что вашего сына при вас раздевали?

К а л и н а. Нет, значит, так надо.

С у д ь я. Вам доктор показал половой член сына?

К а л и н а. Ну, он трусы с него скинул.

С в и д е т е л ь К а л и н а В а с и л и й, 1958 года рождения, ученик 9 класса.

С у д ь я. Свидетель, врач вам уколы делал?

К а л и н а. Уколов не делал.

П р о к у р о р. Какая необходимость была, после того, как вы осмотрели больного, посылать его за матерью и предупредить, чтобы приезжали с деньгами?

Ш т е р н. Нужно было получить дорогостоящие препараты. Мальчику было 14 лет.

С у д ь я. Вы уходите от ответа.

П р о к у р о р. После осмотра больного, что вы должны сделать?

Ш т е р н. Поставить диагноз, назначить лечение.

П р о к у р о р. В карточке диагноза нет.

С у д ь я. *(читает)*. Диагноз - гипогенитализм, тяжелая форма, задержка роста и физического развития. Есть диагноз.

П р о к у р о р. Да, извините. Объясните, зачем нужно было еще раз его осматривать при матери?

Ш т е р н. Юноше было 14 лет. Мать видела его половое развитие, когда он был совсем маленьким. Мой долг был сообщить об этом матери и показать ей.

С у д ь я. Вы считаете, что были вправе это сделать, несмотря на то, что вы его уже раз осмотрели?

Ш т е р н. Мы всегда так поступаем в таких случаях.

С у д ь я. Кроме вас, другие врачи так делают?

Ш т е р н. Не знаю, спросите у них. Я всегда так делал и буду делать.

С у д ь я. Тут исправлено в записи 5 на 9. Написано "явился повторно, половое развитие 9-10 лет".

Пр о к у р о р. Зачем это исправление?

Ш т е р н. Я мог бы ответить на этот вопрос, достойный средневековья, но исправил не я. А впрочем это не имеет никакого значения.

С у д ь я. Как Вася учится?

К а л и н а. Нормально.

С в и д е т е л ь н и ц а Островец Вера, 1931 года рождения, колхозница, с.Кировка.

Доктора этого я видела один раз. Военкомат моего сына направил в Винницу. Он ездил вместе с Калиной. Вернулся, сказал, что доктор велел, чтоб приехали родители и привезли деньги. Мы приехали. Врач велел ему раздеть штаны. Я ему денег дала 15 руб. Он денег не просил.

С у д ь я. Вам же было неприятно, что при вас раздевали сына?

О с т р о в е ц. Он же врач. Значит, так надо.

С у д ь я. Он вам уколы давал?

О с т р о в е ц. Уколов не давал.

Пр о к у р о р. Есть расхождения в показаниях.

С у д ь я *(зачитывает)*. "Он мне сказал: "Смотрите, у вас сын станет инвалидом" и показал мне его половые органы. Сказал, что вылечит, но что не нужно жалеть денег для своего сына. Я вынула платок, развернула и дала денег".

О с т р о в е ц. Все правильно.

А д в о к а т. Врач говорил сыну, на что нужно брать деньги?

О с т р о в е ц. На лечение.

А д в о к а т. За что вы ему дали деньги?

О с т р о в е ц. Я решила его поблагодарить.

А д в о к а т. Доктор просил у вас деньги?

О с т р о в е ц. Нет, не просил.

С в и д е т е л ь Островец Владимир, 1958 года рождения, ученик 10 класса.

С у д ь я. Я надеюсь, что ты нам всю правду расскажешь. Я думаю, ты еще не научился говорить неправду.

О с т р о в е ц. Я попал к нему на прием по направлению военкомата. Он меня осмотрел, сказал, что сделает из меня мужчину и чтоб я приезжал с матерью и она захватила деньги

на лекарство. Мы приехали, зашли в кабинет и он меня снова при матери осмотрел и назначил лечение.

Судья. Он показывал матери все твои органы?

Островец. Да.

Судья. Мать ему что-нибудь давала?

Островец. Видел, что дала деньги, но не видел сколько.

Прокурор. А разговор был по поводу денег между матерью и доктором?

Островец. Не помню.

Свидетель Лозинский Григорий, 1929 года рождения, инвалид труда из села Кошарицы.

Я болел сахарным диабетом. В 1967 году мне потребовалась справка на ВТЭК. Я обратился к доктору Штерну. Ну, я ему и дал десятку.

Прокурор. Когда вы дали деньги?

Лозинский. Тогда и дал.

Адвокат. Он просил у вас деньги?

Лозинский. Нет, не просил.

Адвокат. Вы где проходили комиссию ВТЭК?

Лозинский. В Бершадском районе.

Адвокат. За что вы дали деньги?

Лозинский. То ж в качестве гостинца.

Свидетельница Шевчук Мария, 1929 года рождения, колхозница.

Не помню, в каком году это было. Сын у меня Иван, маленький ростом. Мне сказали, надо в Винницу к Штерну ехать. Ну, я поехала, нашла его в больнице. Он не отказал, принял, назначил лечение.

Судья. Вы ему что-нибудь давали?

Шевчук. А что я могу ему давать? Заплатила за лекарство и все.

Прокурор. Вы его благодарили?

Шевчук. Да. Отблагодарила за то, что он нас принял.

Прокурор. Он у вас деньги просил?

Шевчук. Нет, он говорил все: *"Не надо, не надо"*, а я поклатла десятку и пошла.

Прокурор. Вы до этого сына лечили?

Шевчук. Нет.

П р о к у р о р. Где сын принимал лечение?

Ш е в ч у к. В своем медпункте.

П р о к у р о р. Вопрос к Штерну. На каком основании вы приняли их без направления?

Ш т е р н. Как заведующий поликлиническим отделением я имел право принять их без направления. Как врач я обязан принять любого, кто просит об этом.

П р о к у р о р. Зачем вы взяли деньги у свидетельницы?

Ш т е р н. Почему вы говорите "зачем", если я еще не сказал, что взял?

П р о к у р о р. Но ведь свидетельница сказала, что взял.

Ш т е р н. Но ведь это только свидетельница сказала.

А д в о к а т. Врач вам сказал, что вы мало ему дали?

Ш е в ч у к. Такого не было.

А д в о к а т. А он вам не говорил, что вы скупенька?

Ш е в ч у к. Нет.

А д в о к а т. А в первый раз он вашему сыну укол не делал?

Ш е в ч у к. Не помню.

А д в о к а т. В ваших предварительных показаниях - т.2, л.д.136 - вы говорили: *"Осмотрел сына, сделал ему какой-то укол, выписал рецепт"*.

С у д ь я. Почему вы тогда по-другому сказали?

Ш е в ч у к. Я не помню, что вчера было, а тут столько лет прошло.

Ш т е р н. Вы имеете ко мне какие-нибудь претензии?

Ш е в ч у к. Никаких.

П р о к у р о р. Во дворе поликлиники вам о чем-нибудь говорили люди?

Ш е в ч у к. Нет, ничего там не было.

П р о к у р о р. А что вы показывали на предварительном следствии?

С у д ь я. Прокурор вам этот вопрос задает не случайно. Вы говорили, что *"...когда вышли из его кабинета, какая-то женщина сказала, чтоб больше к нему не ходили"*.

Ш е в ч у к. Какая-то женщина около вокзала была, но я точно не помню.

П р о к у р о р. Вы Зелинского знаете?

Ш е в ч у к. Нет.

Свидетельница Щур Мария, 1941 года рождения, колхозница (*все время плачет*).

Мне операцию сделали и я на консультацию поехала в Винницу. Штерн меня осматривал. Я у него в первый раз в больнице была, а во второй раз - дома. Потом через год я еще раз ездила домой к нему. Он мне выписал лекарств. Я ему тогда 10 рублей дала.

Судья. Вы к нему 3 раза ездили, он вам лекарства давал? И сколько раз вы давали ему деньги?

Щур. За три раза он мне лекарств не давал. А деньги я ему давала в подарок.

Прокурор. Где вы лечились?

Щур. Сначала в своей больнице, а потом дома. Я слабая очень. Норму только примерно на 75% выполняю.

Адвокат. Вы показывали, что всего дали ему 30 руб. Это за три раза?

Щур. Я два раза давала. Но он денег не просил, я сама дала.

Прокурор. Вы что-нибудь слышали о профессоре Зелинском? Были когда-нибудь у него?

Щур. Нет.

Прокурор. Вас от Зелинского никто не просил, чтобы вы давали такие показания?

Щур. Нет.

Свидетель Сорочук Петр, 1925 года рождения, колхозник.

В 1971 г. он осмотрел моего сына. Он выписал мне рецепт и я взял в аптеке на 30 рублей лекарств. Потом он сказал, чтобы я ему дал 30 рублей за то, что он хороший врач. У меня было только 18 рублей. Я ему дал 17 рублей, один рубль оставил себе на дорогу, и сын ездил к нему еще два раза и довез ему 13 рублей.

Судья. При вас Штерн какие-нибудь уколы делал?

Сорочук. Нет, не делал.

Адвокат. Кто ходил в аптеку за лекарствами?

Сорочук. Я ходил вместе с сыном.

Адвокат. Вы говорили, что врач принимал сына еще два раза без вас?

Сорочук. Так.

Адвокат. У меня вопрос к Штерну. Вы этот случай помните?

Штерн. Я этот случай не помню. Потому что его не было. Я хочу спросить в свою очередь, кто вас научил так говорить?

Сорочук. Я говорю... правду. Я... Меня никто не учил.

Штерн. Вы знаете, что за ваши показания Штерна посадят в тюрьму?

Судья. Снимаю вопрос.

Свидетель Тузюк Дмитрий, 1952 года рождения.

Судья. Суд вас предупреждает, чтобы вы говорили правду. Вы же комсомолец, должны говорить правду.

Тузюк. В 1969 году я поехал с отцом в Винницу в диспансер. Попали к этому врачу. Он нас принял, осмотрел меня, дал уколы, лекарства. По дороге домой я узнал от отца, что он дал врачу 10 рублей. Лекарства отец получил по рецепту в аптеке и сказал, что деньги дал, чтобы лучше врач ко мне относился.

Прокурор. Где вы лечились?

Тузюк. Я лечился у себя дома, в Тывровском районе.

Прокурор. Что вам говорил Штерн, когда вы приезжали на проверку?

Тузюк. Что постарается лечить. И сказал, чтоб батька приехал, привез курочку, потому что дела идут на поправку.

Свидетель Терегайло Макар, 1926 года рождения, колхозник.

После смерти жены дочь у меня заболела, гланды у нее воспалились. Лежала в больнице в Тульчине, ей не легче. Дали тогда направление ей в эндокринологический диспансер. Я приехал с девочкой, ей 14 лет. Сидели мы в очереди. Одна женщина сумочку расстегивает, 25 руб. берет. Я говорю, а зачем деньги? А она говорит, что сюда без денег не заходят. Ее зазывают, потом она вышла и я пошел. Врач, вот который здесь сидит. Я говорю, что вот жена умерла, теперь что ж - дочка умрет. Думаю, дам хоть десятку. Правда, он не просил, я сам дал. Он мне не дал лекарства, ну, таблетки просто какие-нибудь... Написал направление в Пироговскую больницу. Я сказал, что тогда из дому еще что-нибудь привезу, а он

говорит: "Ничего, рассчитаемся". Я съездил домой, взял еще 20 руб., приехал, дал врачу еще 15 руб. А он говорит, что дочка уже лежит в больнице. Я думаю, за что же деньги давать?

Судья. За что же давать, если дочка уже в больнице, ведь у вас и так денег нет?

Терегайло. Так ведь это 25 руб., а если дочка умрет, 300 руб. надо платить!

Судья. Так за что вы дали деньги?

Терегайло. Так добраться к такому врачу из деревни очень трудно. А я уж к нему приехал, думаю, хоть направит куда... Вот я и дал деньги.

Прокурор. Подсудимый говорит, что вас подговорил профессор Зелинский давать такие показания?

Терегайло. Нет, я такого не знаю.

Прокурор. Вопрос к Штерну. Правильно показывает свидетель?

Штерн. Нет, неправильно. Мне не за что было давать деньги.

Судья. А деньги вы брали?

Штерн. Денег не брал.

Судья. Вы слышите, он говорит, что вы на него наговариваете. Это так?

Терегайло. Нет.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

т.5, л.д.79

Следователь Кравченко

Показания Терегайло М.

Приезжаю с дочерью. Врач ее принял и после обследования направил в Пироговскую больницу, советовал ночевать и направил к какому-то работнику диспансера. В Пироговской больнице дочь осмотрели и дали направление для удаления гланд.

Когда я приехал с дочерью в диспансер, то граждане, ожидавшие приема, говорили, что без денег в диспансер нечего идти. Они готовили для приема по 25 руб. и такие суммы, по их рассказам, вручали врачу. Этих граждан я не знаю. Я также вручил врачу за то, что он принял мою дочь 25 руб. О том,

что необходимо дать ему деньги, я понял с его поведения. Он удалил дочь из кабинета, а потом опять зазывал. Поэтому я зашел к нему и вручил 10 руб. и объяснил, что жена умерла и денег нет. Врач сказал: "Ладно, будете иметь больше денег — дадите". Я ему пообещал подвезти и уехал. На следующий день возвратился, привез деньги и вручил ему 15 руб.

Он сказал, что ей надо выходить замуж.

Свидетельница Байда Юзефа.

Подсудимого я вижу в первый раз. У сына моего было направление от военкомата на обследование в Винницу, и он ездил с отцом, Байдой Иваном. Знаю, что когда он поехал в первый раз, врач его принял, обследовал и выписал лечение. Потом сын ездил на уколы. А порошки принимал дома. Муж рассказывал, что заплатил за лекарство 50 рублей в аптеке.

Судья. А как вы показывали на предварительном следствии?

Байда. Так же и говорила. А потом еще во второй раз муж заплатил 30 рублей аптекарше. А уколы сыну делал сам врач.

Прокурор. А как вы говорили на предварительном следствии? Что вы платили врачу?

Байда. Не врачу, а аптекарше.

Судья. В показаниях ваших сказано, что муж ездил с врачом в аптеку.

Байда. Не знаю такого.

Адвокат. Вам муж не говорил, что давал врачу продукты?

Байда. Не брал он ничего дома, не говорил.

Штерн. Вы из рассказов мужа знаете, каково было состояние сына, когда он ко мне приехал?

Байда (плачет).

Судья. Чего вы плачете?

Байда. Сын калека был, а он его вылечил.

Судья. Так чего же вы плачете?

Байда. Мы врачу благодарны.

Судья. Для того врачи и существуют, чтобы лечить. У нас для этого их учат бесплатно.

Штерн. Сколько времени я лечил вашего сына?

Байда. Два года.

Штерн. Вы за эти два года хоть раз мне давали деньги или продукты?

Судья. Вопрос снимается.

Байда. Не давали. Я болела и не могла приехать отблагодарить *(плачет)*.

Свидетель Байда Степан.

Я приехал в первый раз с отцом. Приезжал сначала в больницу, потом на квартиру к доктору Штерну. Он мне делал уколы, сначала раз в неделю, потом два раза в месяц. Я долго к нему ездил. Первые 8 уколов делали в поликлинике, это продолжалось примерно два месяца.

Судья. Те уколы, что в поликлинике, сам врач делал?

Байда. Раз пять из восьми делал он сам.

Судья. Где брали медикаменты?

Байда. Покупал отец.

Прокурор. Сколько раз отец приезжал в Винницу?

Байда. Не знаю.

Прокурор. Кто выписывал рецепты?

Байда. Врач.

Адвокат. Кроме инъекций, вы что-нибудь принимали?

Байда. Таблетки принимал дома.

Адвокат. Вы деньги врачу платили?

Байда. Я не платил.

Штерн. Вы здоровы?

Байда. Да.

Штерн. У вас есть ко мне претензии?

Байда. Нет. Я вас буду помнить всю жизнь.

Свидетель Богуцкий Виктор, 1958 года рождения, ученик 10 класса, село Гнивань.

В 1973 году по направлению райвоенкомата я попал в областной диспансер в Виннице. Мы приехали, зарегистрировались и по очереди попали к Штерну. Штерн принял, обследовал и назначил мне рентген. Я потом снова приезжал на лечение.

Прокурор. Где принимали лечение?

Богуцкий. Получал уколы в нашей поликлинике. Кроме того, доктор сам сделал мне укол у себя дома. Я приехал

поздно в поликлинику, к концу дня, и он сказал, что кончил работать и пригласил домой.

Прокурор. Какой он вам сделал укол?

Богущкий. Такой же, как вводили в поликлинике, кроме инсулина.

Прокурор. Доктор высказывал просьбы какие-нибудь?

Богущкий. Он спросил, есть ли у нас земляника. Сказал, что ему привезу. Я сам сказал.

Прокурор. Почему бросил лечение?

Богущкий. Школа началась, да я еще обещал ягоды привезти, а их уже не было. Мне неудобно было, что не выполнил.

Штерн. Я взял у вас деньги за укол?

Богущкий. Нет.

Штерн. Вы лечение продолжали?

Богущкий. Да, продолжал в Гнивани в поликлинике.

Свидетель Прибега Андрей.

Меня в 1972 году направил на обследование военкомат. Мы с матерью приехали в Винницу, записались и попали к Штерну. Он осмотрел, сказал, что надо лечиться. Он назначил лечение, и в первый раз сам ввел укол в кабинете. Сказал приезжать и далее на лечение. Я сказал, что не могу пропускать школу, и тогда он велел приезжать к нему домой по воскресеньям. Потом я пришел вместе с мамой к нему домой.

Прокурор. Мама ему что-нибудь давала?

Прибега. Мама дала ему деньги.

Прокурор. Сколько?

Прибега. Не знаю, я несколько раз к нему ездил, а потом заболел отец, и я перестал ходить.

Прокурор. Когда мама дала ему деньги, говорил доктор что-нибудь?

Прибега. Нет.

Адвокат. Сколько раз вы ходили к нему домой?

Прибега. Два месяца ездил, раз 8 всего.

Штерн. Вы здоровы?

Прибега. Да.

Штерн. У вас есть ко мне претензии?

Прибега. Нет, я вам благодарен.

С в и д е т е л ь О в е р ч у к И в а н, из Липовецкого района.

Мой сын Виктор был направлен райвоенкоматом в эндокринологический диспансер. Он ездил. Сначала его принимала женщина. Выписала уколы и сказала приехать через 3 недели. Но ему не помогло. Жена ездила еще раз и - все напрасно. Кто-то посоветовал обратиться к Штерну. Первые два раза к нему ездила жена, а на третий раз - я. Мы приехали, сын зашел в кабинет, потом вышел после осмотра, говорит - зайди. Я зашел, он со мной поговорил, и я ему дал 20 руб. за уколы, не за что-нибудь еще. Потом еще 10 давал. Потом я поехал в аптеку и взял лекарств по рецепту на 20 рублей. Всего я тогда 50 рублей истратил.

С у д ь я. Где сын принимал уколы?

О в е р ч у к. Часть в Тульчине, а часть вводил врач.

С у д ь я. Сколько денег дала Штерну ваша жена?

О в е р ч у к. Я их не считал, не знаю.

П р о к у р о р. Вы говорили, что два раза давали деньги. А на очной ставке вы говорили, что давали их три раза.

О в е р ч у к. Два.

П р о к у р о р. Вы профессора Зелинского знаете?

О в е р ч у к. Нет.

А д в о к а т. Итак, в первый раз у врача была ваша жена. Она вам не рассказывала, делал ли Штерн вашему сыну укол?

О в е р ч у к. Нет, уколов не было.

А д в о к а т. А в протоколе предварительного допроса написано, что жена в благодарность за лечение и укол дала врачу 10 рублей.

О в е р ч у к. Я такого не говорил.

Ш т е р н. До меня ваш сын лечился у другого врача без успеха. А мое лечение помогло?

О в е р ч у к. Я не знаю.

Ш т е р н. Ваша жена называла меня шпионом?

О в е р ч у к. Она спрашивала, не давал ли ей врач вредных уколов.

Ш т е р н. А почему вы забеспокоились по этому поводу именно в середине мая?

О в е р ч у к. Не знаю. Я не беспокоился по этому поводу.

Свидетель Оверчук Виктор, 1958 года рождения.

В декабре 1972 года военкомат направил меня в больницу в Винницу. Нас принимала женщина. Она назначила какое-то лечение, а через два месяца направила нас к Штерну. Я приехал с матерью. Он меня осмотрел, назначил лечение и мать тогда дала ему 25 рублей на лекарство. Я еще раз приехал через два дня. Он дал лекарств, а часть лекарств оставил себе. Мне лекарство вводила каждые две недели медсестра в Тульчине и четыре раза сам врач. Я для этого к нему приезжал.

Судья. А отец ему деньги давал?

Оверчук. Кажется, давал 20 и 10 рублей.

Прокурор. Сколько раз вы приезжали в Винницу к Штерну?

Оверчук. Первый раз с матерью, второй раз – сам, третий – с отцом. С отцом я ездил всего раза четыре и сам – раза четыре. Точно не помню.

Адвокат. А когда вы были с мамой первый раз, он укол делал?

Оверчук. Он во второй раз сделал, и потом. Всего четыре-пять раз.

Штерн. Я давал вам лекарства домой и еще сам делал уколы?

Оверчук. Да.

Штерн. Уколы помогли?

Оверчук. Я вырос на 15 сантиметров.

20 декабря 1974 г.

Судья. Сообщаю для сведения. Сегодня почти нет свидетелей. Все сдвинулось и поэтому свидетели задерживаются. В основном они вызваны на понедельник.

Свидетель Нечипорук Анатолий, 1954 года рождения, рабочий, г.Винница.

В 1968 г. я приходил в эндокринологический диспансер за заключением. Меня в армию так и не призвали.

Судья. Почему?

Нечипорук. Сахарная болезнь.

Прокурор. Вы у Штерна лечились?

Нечипорук. Нет, не лечился. Был один раз.

Прокурор. Деньги он требовал?

Нечипорук. Нет.

Адвокат. А у кого из других врачей вы были?

Нечипорук. Один раз был у Зелинского.

Штерн. Как вы попали к Зелинскому?

Нечипорук. Были разговоры с врачами. Они мне посоветовали обратиться к Зелинскому.

Штерн. Какие врачи, из какой больницы?

Нечипорук. Не помню.

Штерн. Из нашей больницы или из другой?

Нечипорук. Не помню. Вроде у вас сказали.

Штерн. Есть такой порядок, что вас должен был какой-то врач еще посмотреть, прежде чем направить к Зелинскому. Кто-нибудь вас смотрел?

Нечипорук. Нет.

Судья. Ваша мать говорила что-нибудь о даче Штерну денег?

Нечипорук. Нет.

Штерн. Кто заполнял вам карточку, когда вы ходили к Зелинскому?

Нечипорук. Сам Зелинский.

Свидетель Громовой Дмитрий, 1904 года рождения, пенсионер.

(При формальном опросе судья заметил: "Тем более важно, что вы член партии, будете правду говорить").

В 1973 г. у меня жена заболела, сказали опухоль у ней на мозгу и положили в больницу. Сделали ей операцию, и мы с дочкой ездили в больницу дежурить. Вот в один прекрасный день мне говорят: "Жена у Громового умерла." Я так со ступеньки и полетел. Прошло некоторое время, и вот я чувствую себя как-то плохо. Поехал в Винницу - лечиться. Приезжаю, а мне говорят - гинеколог в отпуску.

Судья. Наверное, сексопатолог?

Громовой. Ну, да. Посоветовали обратиться к Штерну. Ну, я захожу в кабинет, а он говорит, что это не по его части. Я вышел, потом подумал и решил его еще раз попросить. Пришел, снова стал просить. Он подумал и согласился. Раз пять

всего я был у него в кабинете. Отношение было очень дружелюбное. Полечился я у него и выздоровел.

Судья. Вы его как-нибудь благодарили?

Громовой. Когда я в первый раз был, то там листок лежал и я в него завернул 25 рублей, положил и ушел. А Штерна в это время в кабинете не было. Потом он мне рецепт дал и с его рецептом я все аптеки обошел и — нет лекарства. Я к нему приехал снова и говорю, что лекарств нема, он говорит — ну, ладно, достану. Я в тот раз вложил ему 10 руб. в ящик стола. Потом опять еще раз так было. Снова в аптеках я ничего не мог найти. Пришел к нему, а он говорит: я буду искать. И достал. А я лично ездил в город три раза и не мог их в аптеках найти.

Судья. За что вы давали деньги?

Громовой. Первый раз за хорошее обхождение, и два раза — за лекарства.

Судья. Где вы их принимали?

Громовой. Принимал дома. Дочь у меня медсестра, она вводила уколы, а таблетки я сам принимал.

Судья. Как дочь зовут?

Громовой. Громовая Лида. Порошки сам принимал и ни копейки ему больше не давал.

Прокурор. Вы уколы где принимали, дома или в медпункте? Почему прием этих медикаментов нигде не зарегистрирован?

Громовой. Дома.

Прокурор. На какой раз вы дали 25 руб? На предварительном следствии вы говорили, что в третий раз.

Громовой. Я могу и ошибиться, может, первый, может, пятый, времени много прошло.

Прокурор. Признаки этих лекарств вы помните?

Громовой. Нет.

Прокурор. А на предварительном следствии с ваших слов они описаны. Даже наименования есть.

Громовой. Много времени прошло, я не помню. Ампулы были, таблетки. В пачке было по 10 ампул. И у доктора были в пачке по 3 ампулы.

Прокурор. А что, разве в аптеке не такие же медикаменты, что их надо было у доктора покупать?

Г р о м о в о й. Такие же, только их не было, а мне никакой разницы не было, где покупать.

А д в о к а т. У вас врач когда-нибудь требовал деньги?

Г р о м о в о й. Боже спаси, никогда.

А д в о к а т. Значит, вы сами решили дать эти деньги?

Г р о м о в о й. Да.

А д в о к а т. Когда вы в первый раз приехали, он вас не принял сразу по какой причине?

Г р о м о в о й. Потому что есть другой специалист - сексолог.

Ш т е р н. Вам лечение помогло?

Г р о м о в о й. Помогло.

Ш т е р н. У вас ко мне есть претензии?

Г р о м о в о й. Нет, я вам благодарен за лечение.

С у д ь я. Судосматривает карточку Громового.

П р о к у р о р. В связи с тем, что возник ряд новых вопросов, я прошу суд повторно вызвать свидетелей Рыбачук с мужем, Манжиевскую с мужем, Мельник Анну по эпизоду Гужвы, семейство Гужвы - Марию, Анисью и Семена, и Гармасар Антонину. По поводу Лыхолат прошу истребовать из Китайгородской больницы журнал учета назначений. Прошу также вызвать Громовую Лидию, дочь Громового.

А д в о к а т. У меня нет возражений против ходатайства прокурора.

С у д ь я. Часть этих свидетелей вызывается для проверки заявления, которое поступило в суд, о том, что прокурор разговаривал в кабинете с недопрошенными свидетелями.

Ш т е р н. Я хочу заявить ходатайство. Вначале судебного процесса суд обещал, что мне будет разрешен необходимый контакт с адвокатом. Однако, начиная с 17 декабря, мой контакт с адвокатом ограничивается конвоем. Я прошу навести в этом порядок, поскольку считаю это возмутительным нарушением.

П р о к у р о р. Я не нахожу никакого повода для такого ходатайства. Мне кажется, что подсудимому в этом процессе и так предоставлено гораздо больше возможностей, чем кому-либо другому. В связи с тем, что была допущена некоторая вольность, Штерн начал требовать слишком многого. Суд вообще вправе прекратить всю переписку между подсудимым и адвокатом и делать это по закону, т.е. с ведома суда.

Адвокат. Это ходатайство было заявлено без согласования с защитой. Я считаю, Штерн не прав, утверждая, что он не имеет возможности общаться со мной. Однако я категорически не согласен с прокурором, когда он утверждает, что наши контакты выходят за рамки закона и что была допущена вольность.

Судья. Суд расценивает данные заявления от Виктора Штерна, как ложные, и мы хотим в этом убедиться.

Штерн. У меня есть еще одно ходатайство. Если бы этот процесс не стал такой колоссальной нагрузкой на организм, то я не стал бы об этом говорить. Мое здоровье всегда было важным, еще с детства...

Судья. Говорите только о том, что имеет отношение к делу.

Штерн. У меня следующее ходатайство. Вчера у меня был приступ стенокардии. Сегодня ночью было кровохарканье, которое...

Судья. Вы говорите это для тех, которые записывают. Дайте ходатайство я прочитаю сам *(забирает ходатайство)*.

Штерн *(продолжает по памяти)* ...которое я остановил питьем соленой воды. На протяжении пяти месяцев мне по приказу следователя отказывали в медицинской помощи, даже в зубном враче. Единственный врач, который меня смотрел, не мог добиться даже белого хлеба, который мне необходим как диетпитание в связи с язвой 12-перстной кишки. Я прошу суд затребовать мой носовой платок, пропитанный кровью от кровохарканья...

Судья. Существо ходатайства сводится к тому, чтобы его осмотрел фтизиатр. Ему уже был назначен консилиум из нескольких докторов: доцент Инверда, Мясоедова, Корнейчук, Ярославский и другие-для освидетельствования состояния здоровья. Был установлен атеросклероз аорты, миокардиосклероз. Атеросклероз без нарушения кровообращения.

Штерн. Кстати, был еще установлен очаговый туберкулез в форме инфильтрации, умеренно выраженный, остеохондроз в фазе ремиссии. Я настаиваю на вызове опытного фтизиатра.

Прокурор. Я полагаю, что, если нужно, ему до понедельника окажут необходимую медицинскую помощь в санчасти тюрьмы. В понедельник мы сможем узнать у врачей

тюрьмы о его состоянии. Приглашать фтизиатра я не вижу оснований.

А д в о к а т. У нас будет два дня перерыв. Но я не уверен, что в следственном изоляторе есть медчасть и подходящие специалисты. Я считаю, что консультация и осмотр фтизиатра будет полезной и гуманной вещью.

Ш т е р н. Я не нуждаюсь в гуманности прокурора. Я настаиваю на срочной медицинской помощи.

С у д ь я. Суд определяет вызвать Штерну медицинского консультанта-фтизиатра.

23 декабря 1974 г.

С у д ь я. Неизвестно кто, мы еще в этом разберемся, отпустил вчера двух недопрошенных свидетелей. Их придется вызвать снова. Пока продолжим допрос свидетелей. Всех недопрошенных свидетелей, кроме Гужвы и Лавренюк, прошу покинуть зал.

С в и д е т е л ь Л а в р е н ю к Василий, 1913 года рождения, колхозник.

Я точно не помню, в каком году это было, когда я пришел к Штерну...

С у д ь я. В 1972.

Л а в р е н ю к. Да, осенью.

С у д ь я. Нет, зимой.

Л а в р е н ю к. Может, зимой. Я приехал в диспансер по направлению из района. Сначала я попал на прием к другому врачу, а потом к Штерну. Лечил он меня очень хорошо, большое ему спасибо. Никаких претензий на сегодняшний день я к нему не имею.

С у д ь я. Про деньги расскажите. Какие у вас с ним были дела?

Л а в р е н ю к. Он ко мне в карман не лез, я ему с боем давал. Он не хотел брать.

С у д ь я. Сколько вы ему давали?

Л а в р е н ю к. Четыре раза по 25 рублей.

С у д ь я. Где?

Л а в р е н ю к. На работе. Я жить хотел, а он хорошо меня лечил. Спас. Спасибо ему.

П р о к у р о р. Как вы попали в диспансер? От кого было направление?

Л а в р е н ю к. У меня от доктора было официальное направление из района.

П р о к у р о р. Я прошу суд осмотреть его карточку (т. 4, л.д.236).

С у д ья. В амбулаторной карточке никакого направления нет.

П р о к у р о р. Вы в Бершади лечились?

Л а в р е н ю к. Лечился.

П р о к у р о р. Там есть карточка?

Л а в р е н ю к. Я не знаю, я там лежал.

П р о к у р о р. По поводу этой болезни?

Л а в р е н ю к. Да... лечился...

П р о к у р о р. Почему вас направили в Винницу?

Л а в р е н ю к. Я лежал в Петькивце, откуда врач направил меня в Бершадь, а оттуда дали направление в Винницу.

П р о к у р о р. Что же вы просили у врача?

Л а в р е н ю к. Ничего не просил. Меня врач осмотрел, потом вызвал вот этого врача. Они меня вместе смотрели, выписали уколы.

П р о к у р о р. Где вы получали медикаменты?

Л а в р е н ю к. Сустанон брал во 2-й аптеке.

П р о к у р о р. Вы в первый раз деньги давали?

Л а в р е н ю к. Не помню.

П р о к у р о р. Где вам делали уколы?

Л а в р е н ю к. В Виннице один раз и в Бершади три раза в центральной поликлинике.

П р о к у р о р. Сколько раз вы выписывали у Штерна сустанон?

Л а в р е н ю к. Четыре раза.

П р о к у р о р. По сколько пачек выписывали?

Л а в р е н ю к. По четыре пачки.

П р о к у р о р. А вы просили, чтобы он больше выписал?

Л а в р е н ю к. Нет.

А д в о к а т. Так у вас направление было?

Л а в р е н ю к. Было, его мне дал бершадский доктор Пик. Было направление, бумажка.

А д в о к а т. Вас Штерн быстро принял?

Л а в р е н ю к. В первый раз не он. В первый раз меня по-

звал к себе другой доктор, а уже потом я ходил прямо к Штерну.

Штерн. В порядке уточнения. Первым его принял врач Лившиц. Перед листом дела 228 есть следы клея, что, несомненно, свидетельствует, что было направление.

Судья. Суд осмотрел карточку. Следов клея не обнаружено. Нумерация листов не нарушена.

Штерн. Говорил ли я вам, что у вас раннее постарение организма?

Судья. Делаю вам замечание. Так нельзя ставить вопрос.

Штерн. Я вам делал сам уколы?

Лавренюк. Да.

Прокурор. Вы другому врачу предлагали деньги?

Лавренюк. Не помню.

Прокурор. На следствии (т.2, л.д.15) вы говорили, что предлагали другому врачу 10 рублей.

Лавренюк. Предлагал, он не взял.

Прокурор. Насчет поведения Штерна, что вы можете сказать?

Лавренюк. Ничего не могу. Он у меня ничего не просил, хорошо осмотрел.

Судья. Есть расхождения между теперешними показаниями свидетеля и тем, что он говорил на предварительном следствии. На следствии он показывал: *"Когда я был на приеме у хирурга, я хотел ему дать 10 рублей, но он отказался... Когда я увидел Штерна, я понял по его поведению, что надо дать... Я положил ему в карман халата 25 рублей... Однажды Штерн, видимо, хотел, чтобы я дал больше. Он меня не принимал, я дал ему 25 рублей и он выписал сустанон..."*

Лавренюк. Все правильно, лечение помогало, лишь когда был сустанон.

Адвокат. Вы рассказывали в суде, что не имеете к врачу претензий, а здесь зачитали по-другому. Это вы понимаете?

Лавренюк. Там правильно написано, но он у меня ничего не требовал, я дал по своей охоте. Не хочу грех на себя брать, я ему благодарен.

Штерн. Я хочу пояснить. Я вводил ему свои препараты, комбинированный гормон, которые стоили больших денег.

Судья. Какие препараты?

Ште́рн. Это относится к моим модификациям, но сейчас не имеет значения. Только индивидуальный подход к данному больному дал возможность вылечить его. Ясно, что я не мог бы вылечить его одним сустаноном. Инъекция сустанона была лишь поддерживающей дозой гормона. Таким образом, деньги шли на оплату этих дорогостоящих препаратов. Я никогда не задерживал прием Лавренюка или кого-нибудь другого. Все, что написано по поводу затруднений с приемом, — это художества следователя Кравченко.

Судья. Почему инъекции, о которых вы говорите, не отмечены в карточке?

Ште́рн. Потому что я не желал делиться методиками своей работы с сотрудниками мединститута.

Судья. Почему вы сами вводили лекарства?

Ште́рн. Потому что врачу необходимо наблюдать за лечением и самому видеть результат.

Судья. Главврач знал о том, что вы вводите свои препараты?

Ште́рн. Знал, но не знал детали моей модификации. Он видел результаты лечения.

Судья. Он знал, что вы не записываете инъекции в карточку?

Ште́рн. Не знаю, спросите у него.

Свидетельница Мельник Анна колхозница.

У меня дочка болела, Гужва Мария. Ей сделали операцию в Плиске, но после операции стало хуже и ее отправили в Винницу в диспансер. Поехала она с мужем Семеном Гужвой. Ее положили в областной диспансер. Я к дочке ездила часто, она там долго лежала. Как-то однажды приехал зять и говорит, надо денег, я, может, до врача поеду. Я взяла и дала ему 50 рублей, а потом еще раз, когда он ехал, давала пятерку.

Судья. Расскажите, как вы вместе ездили?

Мельник. Ну, мы приехали, он пошел к врачу, а я жду. Подождала, потом спросила прохожего, где больница, он мне объяснил и я пошла к дочке.

Прокурор. При каких обстоятельствах вы дали Гужве 50 рублей?

Мельник. Он вечером приехал с шофером. Шофер еще

меня подвез до остановки. Потом зять сказал, что отдал деньги врачу, который ее лечил.

Прокурор. Когда это было?

Мельник. Не помню точно.

Прокурор. Дочка, когда пошла в больницу? Она, когда там лежала, куда-нибудь выезжала из Винницы?

Мельник. Нет, она больная была.

Прокурор. Что-нибудь, кроме денег, вы для врача передавали?

Мельник. Утку передавала. Когда мы вместе ездили. Нас тогда шофер довез до автобуса, а дальше мы сами. Зять тогда привез лук, чеснок, утку, гуску. Я и мать все это приготовили.

Адвокат. Где ваша дочка жила?

Мельник. С матерью мужа.

Адвокат. А когда они строились?

Мельник. До ее болезни. Как она заболела, стройка приостановилась. Сейчас уже построились.

Адвокат. Он продукты брал вместе с деньгами?

Мельник. Не помню.

Адвокат. Когда они за деньгами приехали, дочка уже лежала в больнице?

Мельник. Да, точно помню, в больнице была.

Свидетель Гужва Семен (повторно)

Судья. Вы нам показывали, что привезли жену, поговорили с врачом и уехали. Где была жена, пока вы ездили?

Гужва. Ее направили на анализы и на другой день положили в больницу.

Адвокат. Она домой уже не возвращалась?

Гужва. Нет.

Судья. В карточке т. 4 л. д. 39 есть запись: *"Прием у Штерна 15 сентября"*. Написано: *"Продлить больничный лист с 15 по 24 сентября 1971 г."* Больничный лист этот продляли?

Гужва. Да.

Судья. Далее *"... направлена на стационарное лечение"*. И тут же запись зав. стационаром от 24 сентября, что с 24 сентября по 24 октября находилась на стационарном лечении. Так что получается, что положили ее только через 10 дней.

Г у ж в а. Домой она не возвращалась.

С у д ь я. Так за что же вы заплатили ему 50 рублей?

Г у ж в а. За то, что он обещал вылечить жену.

С у д ь я. А за направление в Киев вы давали деньги в 1972 году? Про это вот здесь есть запись. 17 февраля 1972 г. на листе 46: *"В связи с неэффективностью медикаментозного лечения и невозможностью поднять уровень кальция... направить в Институт эндокринологии"*.

Г у ж в а. Да, это было в другой раз. Я принес сберкнижку матери.

С у д ь я. А мать ваша здесь? Мы ее вызывали.

Г у ж в а. Нет ее.

С у д ь я. Вы, ваша жена, Рыбачук и Манжиевская были вызваны на 13 декабря. В какой кабинет вы заходили?

Г у ж в а. Я не заходил никуда.

Ш т е р н. Я ходатайствую...

С у д ь я. Не мешайте, или мы удалим вас из зала.

Ш т е р н. Но я хочу сказать...

С у д ь я. Вы мешаете допросу свидетелей. Прошу конвой удалить подсудимого из зала.

Ш т е р н. Это хулиганство, я протестую. Если мне будут затыкать рот, я откажусь от участия в процессе... (*Штерна выводят*).

С у д ь я. Объявляется перерыв.

(После короткого перерыва Михаила Штерна опять приводят в зал заседаний.)

С в и д е т е л ь н и ц а З е л е н ю к Л ю б о в ь, колхозница.

Мой сын Виктор по направлению военкомата попал в Винницкий эндокринологический диспансер. Его осмотрела женщина врач, а потом Штерн. Он сказал, что мать невнимательная, не заметила, что надо лечить. Штерн выписал лекарство, и сын ездил в аптеку покупать. Покупал сам. Потом мы еще раз ездили.

П р о к у р о р. Сколько времени прошло между первым и вторым визитом?

З е л е н ю к. Я не помню.

П р о к у р о р. Вы кому-нибудь деньги платили?

З е л е н ю к. Никому, только 18 рублей в аптеку.

Прокурор. А на следствии вы говорили, что дали Штерну 5 рублей.

Зеленюк. Это не я, это сын положил 5 рублей ему на стол.

Прокурор. А за что он положил?

Зеленюк. За осмотр, за рецепт.

Прокурор. Когда это было?

Зеленюк. Он выписал рецепт и сын положил.

Прокурор. У вас кто-нибудь просил деньги?

Зеленюк. Нет, никто.

Прокурор. А на предварительном следствии вы говорили, что Штерн просил деньги. Прошу суд зачитать показания.

Судья. Свидетельница, говорите, как было в действительности. На л. д. 162, т. 5. есть показания, что Штерн просил деньги. Тут правильно записано?

Зеленюк. Неправильно, не я, а сын положил.

Прокурор. Просил ли у вас Штерн деньги для себя?

Зеленюк. Конечно, нет, может, я неправильно сказала?

Прокурор. А почему же записано, что просил?

Зеленюк. Я не знаю.

Прокурор. Где сын принимал назначения?

Зеленюк. В амбулатории.

Прокурор. Вопрос к Штерну. В карточке Зеленюка записан диагноз. Запись от 19 марта. Почему не указано лечение?

Штерн. Лечение в тот раз не было назначено. У больного было тяжелое эндокринное расстройство... очень сложный случай, и я считал необходимым провести дополнительные исследования, установить костный возраст, прежде чем назначить лечение. Об этом есть пометка в записи.

Прокурор. Какая дата и запись следует за этим?

Штери. Далее идет 28 марта. Установлен костный возраст и сделаны назначения.

Прокурор. Что произошло между 19 и 28 марта?

Штери. У больного было тяжелое эндокринное расстройство, я решил исследовать костный возраст. Я назначил рентгенографию кисти. Установив возраст, я назначил лечение.

Прокурор. Зачем вы вызвали мать больного, велели, чтобы она приехала с ним во второй раз?

Штерн. Потому что я должен был поговорить с ней о лечении сына.

Адвокат. Кто вас смотрел в первый раз?

Зеленюк. Врачиха.

Штерн. Кто делал укол вашему сыну, я или сестра?

Зеленюк. Я не помню.

Штерн. Давали ли я вам какое-нибудь лекарство?

Зеленюк. Нет.

Штерн. Сын сейчас здоров?

Зеленюк. Здоров.

Штерн. У вас есть ко мне претензии?

Зеленюк. Нет, никаких претензий.

Свидетель Зеленюк Виктор, 1958 года рождения, учащийся 8 класса.

Меня к этому врачу направил военкомат. Первый раз я поехал сам. Врач сказал, чтобы я приехал с мамой. Мы приехали, и врач сказал, что надо лечиться, выписал рецепт, и мы купили лекарство и я стал лечиться.

Судья. Врач давал какие-нибудь лекарства, таблетки или уколы?

Зеленюк. Нет.

Судья. Еще что-нибудь было?

Зеленюк. Я забыл.

Судья. Что, у тебя память плохая? О рецепте ты сказал, о том, что с мамой ездил, – сказал. Еще что было?

Зеленюк. Больше ничего не было.

Прокурор. А был разговор по поводу денег?

Зеленюк. Нет.

Прокурор. А что ты говорил на предварительном следствии?

Зеленюк. Ничего.

Судья. Зачитываю показания, т. 2, л. д...: *"На второй день я приехал к нему вместе с мамой. Он раздел меня, показал маме мои половые органы и сказал: "Не скупитесь. Нужно лечить сына". Потом выписал рецепт и сказал: "Идите в аптеку.". Когда мы уходили, он сказал: "Так заплатите же мне". Мать дала ему 5 рублей и мы ушли". Это ваша подпись? (Дает читать).* Это ты писал?

З е л е н ю к. Не могу разобрать.

С у д ь я. А подпись чья?

З е л е н ю к. Моя.

С у д ь я. Вопрос к матери. Кто положил деньги?

З е л е н ю к. Сын.

П р о к у р о р. Было так?

З е л е н ю к. Да.

П р о к у р о р. А почему ты сразу не сказал?

Нет ответа.

П р о к у р о р. Так ложил деньги или нет?

З е л е н ю к. Да.

П р о к у р о р. За что?

З е л е н ю к. За прием.

П р о к у р о р. В каком ты учишься классе?

З е л е н ю к. В восьмом.

С у д ь я. А почему-то тут у меня в деле записано: в 10-м?

П р о к у р о р. Почему ты не сказал сразу как было?

З е л е н ю к. Забыл.

А д в о к а т. Когда тебя допрашивал следователь, тебе уже было 16 лет?

З е л е н ю к. Нет.

А д в о к а т. А следователь кого-нибудь приглашал на допрос, педагога или мать?

З е л е н ю к. Нет, были только я и следователь.

А д в о к а т. Откуда ты взял 5 рублей?

З е л е н ю к. У меня были.

А д в о к а т. И ты что же? Сам решил дать?

З е л е н ю к. Сам решил.

А д в о к а т. Может, кто подсказал?

З е л е н ю к. Никто, сам решил.

Ш т е р н. Я хочу подчеркнуть, что следователь намеренно изменил возраст свидетеля, чтобы скрыть нарушение закона, которое он допустил при допросе. Он допрашивал несовершеннолетнего в одиночку и написал 10-й класс вместо 8-го. Прошу отметить это в протоколе.

С в и д е т е л ь Б е з н о с ю к В а с и л и й, 1958 г о д а
р о ж д е н и я, у ч а щ и й с я.

Меня военкомат направил в Винницу. Мы пришли, нас записали в регистратуре, направили на анализы, а потом - к

доктору Штерну. Он нас принял хорошо. Я был с мамой. Он раздел меня, осмотрел, сделал укол, выписал медикаменты и велел дальше лечиться дома.

С у д ь я. Вы лекарства где купили?

Б е з н о с ю к. Лекарства мы купили в аптеке, затем вернулись к Штерну. Он сказал принимать дома и чтобы мы приехали через 15 дней.

С у д ь я. Какие лекарства он вам выписал?

Б е з н о с ю к. Хориогонин, апилак и инсулин, кажется. Через 15 дней мы снова приехали, он опять сделал укол, сказал, что есть улучшения.

С у д ь я. Сколько он всего сделал уколов?

Б е з н о с ю к. Два укола мне сделал сам доктор и еще женщина в диспансере делала. Я потом приезжал, а доктор был в отпуске, и укол сделала женщина.

С у д ь я. Как вы считаете, вам лечение помогло или нет?

Б е з н о с ю к. Лечение помогло.

П р о к у р о р. Вы в аптеке платили деньги?

Б е з н о с ю к. Да, мать платила.

П р о к у р о р. А за уколы, которые делал врач, платили?

Б е з н о с ю к. Нет.

П р о к у р о р. А мать платила за них?

Б е з н о с ю к. Не знаю.

П р о к у р о р. А что за уколы он вам делал?

Б е з н о с ю к. Какое-то заграничное лекарство. Вроде голландское.

П р о к у р о р. Вы первый раз приехали когда?

Б е з н о с ю к. 20-го.

П р о к у р о р. Что делал доктор?

Б е з н о с ю к. Мне сделали анализ и первый укол.

П р о к у р о р. Вы еще приезжали?

Б е з н о с ю к. Да, через два дня.

П р о к у р о р. По карточке вы приезжали второй раз 21-го. Зачем приезжали второй раз?

Б е з н о с ю к. Он в этот раз сказал, какие лекарства принимать дома.

П р о к у р о р. А в первый раз о лекарствах речь шла?

Б е з н о с ю к. Я не помню.

П р о к у р о р. А в первый раз вы были с мамой?

Б е з н о с ю к. Да.

Прокурор. А кто сказал приехать второй раз?

Безносюк. Он.

Прокурор. Когда выписали рецепт?

Безносюк. В первый раз.

Прокурор. А что было во второй раз?

Безносюк. Я не помню.

Прокурор. Вопрос к Штерну. Какая необходимость была вызывать больного второй раз? Ведь первый раз он приезжал с матерью? В карточке по поводу второго приезда у вас записано "психотерапия".

Штерн. Я уже говорил, что считаю, лечить надо не болезнь, а больного. Я, конечно, не могу помнить этого случая — одного из 75.000 больных, которых я смотрел за тот период. Судя по карточке, больной приезжал после того как ему накануне был сделан первый укол. Для меня была важна реакция организма для уточнения дозировки. Мне нужно было узнать, какова реакция больного на введение комбинированного гормона, нет ли неприятных ощущений.

Судья. Еще вопросы есть?

Штерн. Скажите, свидетель, вы сейчас здоровы?

Безносюк. Здоров.

Штерн. У вас ко мне есть претензии?

Безносюк. Нет, никаких.

Свидетель Дзисяк Вера, 1929 года рождения, продавец в селе.

Я лечилась у него года три назад, по-моему, в марте 1971 г. У меня болел желудок и печень. В Виннице лежала моя подруга по назначению этого же врача. Она мне посоветовала, говорит, в Виннице есть очень хороший врач — хочешь я тебя к нему отведу? Ну мы и поехали. Пришли в поликлинику. Она зашла в кабинет, а я осталась. А потом и я зашла. Он осмотрел, написал лечение, анализы, все, что надо, сделал: я к нему три раза приезжала. Вот и все.

Прокурор. У вас направление было?

Дзисяк. Направления не было.

Прокурор. А почему же вы не взяли направления в районе?

Дзисяк. А мне не давали.

П р о к у р о р. А как же вы думали попасть без направления?

Д з и с я к. Мне подруга сказала, что с ним поговорит.

П р о к у р о р. Подруга давала вам какие-нибудь рекомендации как вести себя с врачом?

Д з и с я к. Никаких.

П р о к у р о р. Вы благодарили доктора?

Д з и с я к. Да.

П р о к у р о р. Как?

Д з и с я к. Я ему дала 10 руб., в карман положила. Он не видел, сколько я ему дала, и вообще деньги ли.

П р о к у р о р. Какие он сделал назначения?

Д з и с я к. Рентген желудка, еще что-то.

А д в о к а т. Вы в первый раз дали ему 10 руб?

Д з и с я к. Нет, не в первый. Во второй или в третий, точно не помню.

А д в о к а т. Врач просил у вас деньги?

Д з и с я к. Нет, не просил. Никакого разговора о деньгах не было.

А д в о к а т. Когда вы пришли, у вас была карточка?

Д з и с я к. Нет.

А д в о к а т. Вы в диспансере были только у Штерна?

Д з и с я к. Нет, меня еще невропатолог смотрел.

А д в о к а т. Кто направил к невропатологу?

Д з и с я к. Штерн.

А д в о к а т. Вас следователь допрашивал?

Д з и с я к. Да.

А д в о к а т. Рассказывал ли вам следователь, что несут ответственность за дачу взятки?

Д з и с я к. Да. Он спросил все, как было. А потом сказал, что судят и того, кто берет и того, кто дает. Я сказала, что я знаю, но он денег не просил и он не видел, как я их положила. Какая же это взятка?

А д в о к а т. В деле есть ваше заявление прокурору с просьбой освободить вас от уголовной ответственности за дачу взятки. Вы его писали?

Д з и с я к. Так он сказал, что судят и того, кто дает. Вот я и написала на всякий случай.

Свидетель Михальский Иван, 1936 года рождения, шофер.

Судья. Вы Гужву знаете?

Михальский. Да.

Судья. Вы по его просьбе с ним куда-нибудь ездили?

Михальский. Да. Он просил меня сгонять к теще. Говорит, надо деньги взять у тещи. Она и дала ему 50 рублей.

Судья. А он говорил вам, для чего деньги?

Михальский. Говорил, на поездку в Винницу. Жена у него, говорил, в больнице лежит. Навещать собирался.

Судья. А кому деньги, говорил?

Михальский. Нет, не говорил.

Адвокат. Когда вы ездили, жена его где была?

Михальский. В больнице, уже давно.

Адвокат. Сколько примерно?

Михальский. Точно не помню, но давно.

Свидетель Рыбачук Петр, 1928 года рождения, колхозник.

Я – муж Рыбачук Станиславы, дочери покойной Каролины Любецкой. Она умерла в 1972 году.

Судья. Когда примерно?

Рыбачук. Под праздник 1 мая.

Судья. Кто ее отвозил в больницу?

Рыбачук. Жена и сестра ее Манжиевская Леонтина. Дней через пять пришло известие, что она умерла, и мы поехали за покойницей.

Судья. Кто поехал?

Рыбачук. Я и муж Манжиевской – Сигизмунд Манжиевский. Мы приехали. Там врача не было – праздник был. Была только медсестра. Она все куда-то звонила, но был нерабочий день и ничего нельзя было добиться. Так тянулось до вечера. Потом мы поехали в другое место – в другую больницу. Там был врач, который разрешил. Ну, мы забрали покойницу.

Судья. Дальше.

Рыбачук. Привезли, похоронили. Все.

Прокурор. Вы вдвоем были или там были ваши жены?

Рыбачук. Не помню. Моя жена по-моему, не была. Вообще не помню.

С у д ь я (*предъявляет расписку*). Это ваша подпись?

Р ы б а ч у к. Моя.

С у д ь я. Расскажите, при каких обстоятельствах вы подписали эту бумагу?

Р ы б а ч у к. Какая там дата? Третьего мая 1972 г. пришла сестра жены Манжиевская ко мне и говорит, что надо подписать, что это требуется для доктора.

С у д ь я. Вы ее читали?

Р ы б а ч у к. Нет, не читал. Подписал так. Можно прочитать? (*Читает*). Все понятно. Речь идет о том, что врачу не давали денег. Но я при сем не был и поэтому ничего по этому поводу знать не могу.

П р о к у р о р. Кто забрал у вас эту расписку?

Р ы б а ч у к. Манжиевская, после того как я ее подписал.

А д в о к а т. Когда положили тещу в больницу, вам жена что-нибудь рассказывала?

Р ы б а ч у к. Я не помню. Помню, что положили.

А д в о к а т. О деньгах был разговор?

Р ы б а ч у к. Был разговор, что что-то вроде дали или не дали. Я не помню.

Ш т е р н. Чьей рукой написана расписка?

Р ы б а ч у к. Дайте посмотреть! По-моему, Манжиевской.

С в и д е т е л ь М а н ж и е в с к и й С и г и з м у н д, 1935 года рождения, колхозник.

Незадолго перед праздниками маму отвезла жена с сестрой в Винницу в больницу. 29-го апреля она ко мне прибегает на поле и говорит: мама умерла. Ну, мы тридцатого собрались и за телом поехали.

С у д ь я. Кто поехал?

М а н ж и е в с к и й. Я, Рыбачук и моя жена. Получили тело, привезли, похоронили.

С у д ь я. Что вам известно насчет расписки?

М а н ж и е в с к и й. После праздников пришла жена -я в поле был - и говорит: приехала женщина из Винницы, просит, чтобы мы расписку написали, что не имеем претензий к врачу, что мама умерла, т. е. к врачу, который ее лечил, и что денег мы ему не давали. Я и расписался и отдал жене прямо на поле.

П р о к у р о р. Это ваша подпись?
 М а н ж и е в с к и й. Моя.
 П р о к у р о р. Вы ездили с этой распиской в Винницу?
 М а н ж и е в с к и й. Нет.
 П р о к у р о р. Вы говорили на эту тему с главврачом?
 М а н ж и е в с к и й. Нет.
 П р о к у р о р. Вопрос к Штерну. С кем из них вы встречались в кабинете у Урбанского?
 Ш т е р н. С этим товарищем.
 П р о к у р о р. Вопрос к Манжиевскому. Это правда?
 М а н ж и е в с к и й. Неправда.
 А д в о к а т. Вы помните, что было в этой бумаге?
 М а н ж и е в с к и й. Не совсем. Помню, что денег не давали.
 А д в о к а т. Кто вам сказал, что денег не давали?
 М а н ж и е в с к и й. Моя жена мне тогда сказала, что денег не давали, поэтому я и подписал.
 А д в о к а т. Вопрос к Манжиевской: вы говорили мужу, что денег не давали?
 М а н ж и е в с к а я. Я ему тогда не успела в подробностях рассказать. Сестра дала деньги.
 А д в о к а т. Вопрос к Манжиевскому: она потом вам еще что-нибудь говорила?
 М а н ж и е в с к и й. Она мне лишь летом 1974 г. сказала, что дали деньги после начала следствия.
 Ш т е р н. Вы знаете, что я никогда вашу мать не лечил?
 С у д ь я. Не отвечайте, так нельзя ставить вопрос.
 Ш т е р н. Вы знаете, кто лечил вашу мать?
 М а н ж и е в с к и й. Нет.
 Ш т е р н. Вопрос к Манжиевской. Во время допроса 13 числа вы сказали: *"Я не знала, что этим делом займутся органы"*. Какие органы вы имели в виду?
 М а н ж и е в с к а я. Ясно какие, советские.
 Ш т е р н. К вам кто приезжал по этому поводу?
 М а н ж и е в с к а я. Приезжал человек, следователь.
 Ш т е р н. Когда впервые вас вызвали по этому делу?
 М а н ж и е в с к а я. Уже год, как меня таскают.
 Ш т е р н. Вас в мае вызывали?
 М а н ж и е в с к а я. Да, в мае два раза.

Свидетель Струк Иван, 1958 года рождения, школьник (сын Полищука Дмитрия).

В 1973 году военкомат дал мне направление в Винницу. Я поехал с отцом.

Судья. Сразу с отцом?

Полищук. Да, сразу. Штерн осмотрел, выписал лекарства. Мы пошли в аптеку, взяли таблетки, а уколов не было, по-моему, инсулина.

Судья. Где вы взяли инсулин?

Полищук. Я не помню. Кажется, инсулин дал врач.

Судья. Деньги врачу платили?

Полищук. У нас было 35 рублей. Батяка дал ему, Штерну, то есть, 20 руб., по-моему, точно не помню. Сказали спасибо, поехали домой.

Судья. Кроме инсулина он что-нибудь давал?

Полищук. По-моему, ничего.

Прокурор. Постарайся вспомнить, первый раз с отцом или один приезжал?

Полищук. Не помню, вроде с отцом.

Прокурор. Врач еще что-нибудь говорил?

Полищук. Ничего, велел еще приехать.

Прокурор. Через сколько?

Полищук. Не помню.

Адвокат. На сколько денег вы приобрели лекарств в аптеке?

Полищук. Я не помню. За все вроде 25 рублей заплатили.

Свидетель Король Николай, 1956 года рождения

Меня военкомат направил на обследование. Мы ездили с отцом и попали к этому доктору. Он лекарства выписал и нас осмотрел, и мы в аптеку ходили. Еще он дал нам две пачки уколов и таблетки, и мы ему за это заплатили 25 руб.

Судья. Вы в кабинете вместе были, когда вернулись из аптеки, или только отец?

Король. Вместе.

Судья. Что вы получили за эти 25 рублей?

Король. Две пачки уколов и таблетки.

С у д ь я. Кто делал эти уколы?

К о р о л ь. Фельдшер в деревне.

С у д ь я. А в аптеке отец деньги платил?

К о р о л ь. Я не знаю.

А д в о к а т. Сколько раз вы ходили в аптеку?

К о р о л ь. Два раза.

А д в о к а т. Оба раза с отцом?

К о р о л ь. Нет, первый раз отец один ходил, а второй - мы вместе.

А д в о к а т. А отец в аптеке деньги платил?

К о р о л ь. Не помню.

А д в о к а т. Вопрос к отцу. Вы платили в аптеке?

К о р о л ь (отец). Да.

А д в о к а т. Чьи деньги и сколько?

К о р о л ь (отец). 25 рублей, что мне доктор вернул. А второй раз платил его деньги.

А д в о к а т. А вот сын говорит, что вы дали 25 рублей врачу. Это правда?

К о р о л ь (отец). Так это и были те 25 рублей, что он мне вернул потом.

А д в о к а т. Кто назвал стоимость лекарств в аптеке?

К о р о л ь (отец). Аптекарьша.

С у д ь я. Вопрос к отцу. Итак, вы дали врачу 25 рублей, а он вам - две пачки уколов и таблетки.

К о р о л ь (отец). Нет. Я дал ему 25 рублей, а он их мне тут же вернул. Я пошел и купил лекарств на 25 руб. в аптеке и принес все в кабинет. Доктор дает мне еще 30 руб. и рецепты, и я иду в аптеку. Там мне дают еще на 30 рублей лекарств, и я приношу их и отдаю все доктору. То есть я купил лекарств всего на 55 рублей и в том числе на 25 моих и на 30 доктора. Доктор дал мне две пачки уколов и таблетки.

П р о к у р о р. А где вводили уколы?

К о р о л ь (отец). Уколы вводили в нашей поликлинике в селе, а таблетки сын принимал дома.

П р о к у р о р. Врач сам уколы сыну вводил?

К о р о л ь (отец). Нет.

П р о к у р о р. На какую сумму вы получили у доктора лекарств?

К о р о л ь. Точно не скажу. Думаю, рублей на шесть.

А д в о к а т. Почему вы посчитали рублей на шесть?

К о р о л ь. Мне в селе сказали, которые делали уколы, что это рублей шесть стоит.

А д в о к а т. А таблетки?

К о р о л ь. Там цена вроде была.

А д в о к а т. А как эти лекарства назывались?

К о р о л ь. Не помню.

А д в о к а т. (вопрос к сыну) А сколько раз принимали?

К о р о л ь(сын). Не помню.

С в и д е т е л ь К о р ж у к С е м е н, 1907 года рождения

Моего сына военкомат направил в 1973 г. в Винницкий диспансер. Мы поехали вместе, зашел сын, а через 15 минут врач меня вызвал. Говорит - надо уколы делать. Уколы, говорит, дорогие, будут стоить 100 рублей. Тут есть, говорит, это лекарство в аптеке, я дам рецепт, вы купите, а потом зайдете ко мне. Я пошел в аптеку - даю рецепт. Она дает уколы на 10 руб. 70 коп. Я возвращаюсь. Он говорит: сколько стоят? Я говорю: 10. 70. Он говорит: "Хорошо" и объяснил, как принимать. Вот и все.

С у д ь я. А еще какой-нибудь разговор был?

К о р ж у к. Никакого разговору больше не было.

С у д ь я. Где кололи?

К о р ж у к. В нашей больнице.

С у д ь я. Есть вопросы к свидетелю? Нет.

С в и д е т е л ь К о р ж у к Н и к о л а й, 1956 года рождения, колхозник.

В 1973 году меня направила комиссия военкомата в диспансер. Мы поехали с отцом. Сначала зашел я, потом отец. Он посмотрел, прописал уколы. Спросил, есть ли больница в селе. Сказал, что уколы дорого стоят: 100 рублей. Отец пошел в аптеку с рецептом и заплатил около восьми рублей.

С у д ь я. Где вам делали уколы?

К о р ж у к. В нашей больнице.

С у д ь я. Как вы себя сейчас чувствуете?

К о р ж у к. Хорошо.

П р о к у р о р. Сколько вы приняли лечения?

К о р ж у к. Четыре укола.

Прокурор. Как они назывались?

Коржук. Не знаю.

Прокурор. Вы еще где-нибудь лечились?

Коржук. Нигде.

Штерн. *(Вопрос к отцу)* Вы сами придумали или вам кто подсказал басню о ста рублях?

Судья. Суд вопрос снимает. Скажите свидетель, вы правду сказали?

Коржук *(отец)*. Да.

Прокурор. Вы Зелинского не знаете?

Коржук. Нет.

Прокурор. От вас кто-нибудь просил дать эти показания?

Коржук. Нет.

Свидетель Урбанский Казимир, 1922 года рождения, главный врач Винницкого эндокринологического диспансера.

Судья. Скажите, свидетель, вы знаете этого человека *(показывает на Манжиевского)*?

Урбанский. Нет, не помню.

Судья. Вам знаком документ *(предъявляет расписку семьи Любецкой)*.

Урбанский. Этот документ я видел. Я помню этот случай. Мне как-то на пятиминутке один ассистент...

Судья. Как его фамилия?

Урбанский. Ассистент мединститута Когут заявила, что Штерн взял взятку за госпитализацию этой больной. Штерна не было. Я его потом вызвал и потребовал объяснений. Он сказал, я вам с утра все объясню и с утра принес эту бумагу и привел гражданина, который назвался родственником покойной. Я не помню, это тот гражданин, которого вы показали, или нет. Штерн сказал, что будет подавать в суд на Когут за клевету. Потом эта больная умерла, и родственники приезжали за трупом. Я с ними опять говорил по этому поводу и спрашивал, имеют ли они претензии и давали ли деньги? Они ответили - нет.

Прокурор. Почему вы не обратились тогда в органы прокуратуры по этому поводу?

У р б а н с к и й. Я считал, что инцидент исчерпан. Я доложил об этом случае областному терапевту Постоловскому.

С у д ь я. Правильно ли я вас понял, что эту записку вам привезли до того, как больная умерла?

У р б а н с к и й. Правильно. Это было на второй день после поступления. А после смерти они приезжали еще раз. Две женщины-родственницы приезжали за трупом и я тоже имел с ними разговор. Они сказали, что никаких претензий не имеют, что ничего не было.

С у д ь я. В действительности документ написан после смерти Любецкой. Здесь стоит дата. Мы вас предупреждали говорить только правду. Мы предупреждали вас об ответственности за дачу ложных показаний.

У р б а н с к и й. Но я сказал, как я помню.

С у д ь я. Манжиевская, Манжиевский, Рыбачук, вы приезжали за трупом?

О т в е т. Да.

С у д ь я. Вы говорили с этим доктором?

О т в е т. Нет, не видели его никогда.

У р б а н с к и й. Без моей резолюции ни одного покойника не выдают. Так что они не могли со мной не говорить. На истории болезни есть моя резолюция о выдаче тела. Так что свидетели говорят неправду.

С у д ь я. Мы просто хотели знать, насколько правдивы ваши показания. Вас никто не обвиняет. Вам известно что-нибудь о взятках в диспансере?

У р б а н с к и й. Я работаю с мая 1970 года и о взятках за это время ничего не слышал.

С у д ь я. Кто-нибудь из ваших врачей занимается частной практикой?

У р б а н с к и й. Штерн говорил, что занимался раньше, но я не располагаю данными о том, что кто-нибудь занимался частной практикой за эти три с половиной года.

С у д ь я. Когда из военкомата прибывают допризывники, какой должен быть порядок их приема?

У р б а н с к и й. Прибывающих из военкомата принимают, обследуют и дают заключение о состоянии здоровья. Допризывники обращаются с направлением в регистратуру, его записывают, затем определяют патологию и потом направляют к соответствующему специалисту. Каждый допризывник по-

падает к завполиклиникой, собираются данные врачей и дается заключение.

С у д ь я. Если приезжает юноша и известно, что в районе нет специалиста, врач может проводить курс лечения у себя?

У р б а н с к и й. Допризывников направляют не для лечения, а для обследования.

С у д ь я. Но если установили, что он болен. И в районе нет специалиста?

У р б а н с к и й. Выписывается лечение и рецепт.

С у д ь я. Бывают случаи, когда врач установив диагноз, посылает за матерью юноши?

У р б а н с к и й. По-видимому, речь идет о половом и физическом недоразвитии. Дело в том, что все люди развиваются примерно в одном и том же возрасте. Иногда необходимо выяснить, как происходило развитие ребенка. В этих случаях имеет смысл поговорить с родителями.

С у д ь я. Есть ли необходимость обнажать юношу 16 лет в присутствии матери?

У р б а н с к и й. Я считаю, что если это делается в присутствии матери, то это не имеет существенного значения для матери. Однако это не обязательно.

С у д ь я. Мы тоже так считаем. Нам кажется, что этого не следует делать.

У р б а н с к и й. Думаю, что это не обязательно. Если бы я узнал об этом, я бы сделал бы замечание.

С у д ь я. Сами врачи делают уколы больным?

У р б а н с к и й. Это должны делать сестры.

С у д ь я. Мы здесь не специалисты медики. Вот - товарищ с завода. Этот товарищ - бывший военный (*показывает на заседателей*). Я - юрист. Поясните, пожалуйста, суду. Должно введение любого укола найти отражение в документах диспансера?

У р б а н с к и й. Обязательно.

С у д ь я. Вот Штерн утверждает, что он делал многим больным уколы в своем кабинете.

У р б а н с к и й. Я об этом не знал. Там нет даже условий. Врач, назначив инъекции, пишет назначение сестре и она записывает это в журнал.

С у д ь я. Кто сестры, которые делают уколы?

У р б а н с к и й. Сестры чередуются. У нас их три: Бильман, Вайсер и Спивак.

С у д ь я. Вам известно что-нибудь о комбинированных или ударных уколах, которые применял Штерн для лечения по своему методу?

У р б а н с к и й. У нас в диспансере не было метода Штерна. Другое дело, что у нас внедряются некоторые новые методики, разные, несколько. Они официально апробированы, но мы их иногда модифицируем. У нас есть методические письма, по которым внедряются новые методики, единые для всех. В 1970 г., например, проходило Всесоюзное совещание по этому вопросу. Наш профессор приехал из Москвы и привез методическое письмо, по которому все должны работать. Я проверял работу поликлиники и пришел к выводу, что не все врачи придерживаются этой единой методики. Я указал на это. Мы внедряем ту методику, которая признана в Союзе.

С у д ь я. Известно ли вам, что врачи в своих кабинетах снабжают больных медикаментами?

У р б а н с к и й. Это принципиально недопустимо.

С у д ь я. Суд уже установил очень много фактов, что Штерн сам давал лекарства больным.

У р б а н с к и й. Я об этом не знал.

С у д ь я. Мы вас допрашивали, чтобы выяснить обстановку во вверенном вам учреждении.

У р б а н с к и й. Врач принимает больного в своем кабинете и я мог этого и не видеть.

С у д ь я. Как бы вы поступили, если бы вы установили, что врач дает лекарства больным в своем кабинете и берет за это деньги?

У р б а н с к и й. Я бы посоветовался с юристом, чтобы выяснить, нет ли здесь нарушений закона.

С у д ь я. Были ли приняты в последнее время какие-нибудь меры для недопущения подобных действий? Например, приказы по области?

У р б а н с к и й. Я получил строгий выговор. Был также приказ по облздравотделу и циркуляр министерства. Это приказ с грифом, я не знаю, можно ли его оглашать. Там сказано, что врач Штерн занимался взяточничеством. Я их принес. *(Достает из портфеля).*

Для служебного пользования экз. №...

Особый контроль

Начальникам главных управлений и управлений Министерства здравоохранения УССР, заведующим обл- и горотделами здравоохранения, ректорам медицинских институтов, директорам научно-исследовательских институтов, руководителям областных, городских и районных больниц и диспансеров.

Министерство здравоохранения УССР письмом № 55/221 д.с.п. от 12 марта 1974 г. обращало внимание на то, что в здоровый коллектив медицинских работников проникают отдельные лица, проявляющие черствость и грубость к больным, а подчас невежественное отношение к своему высокому долгу, занимают сутяжничеством, поборам и взяточничеством, чем позорят высокое звание советского медика.

В письме были приведены факты поборов и взяток за определение на стационарное лечение, оперативное вмешательство, приобретение дефицитных медикаментов, произведение аборт и т. п., за что виновные были привлечены к уголовной ответственности и осуждены на различные сроки лишения свободы.

Руководители органов и учреждений здравоохранения, медицинских и научно-исследовательских институтов были обязаны разработать и по согласованию с партийными организациями осуществить конкретные меры по предотвращению и пресечению попыток к поборам и взяткам с больных и родственников.

Однако материалы, присланные Министерством здравоохранения, органами прокуратуры УССР, свидетельствуют, что руководители некоторых больниц, поликлиник и диспансеров все еще не осуществляют надлежащего контроля за деятельностью подчиненных лиц, своевременно не выявляют допущенные факты поборов, занимая позицию наблюдателей, чем способствуют вопиющим нарушениям норм социалистической морали.

В представлении прокуратуры УССР от 12 сентября 1974 года и в письме Министерства юстиции УССР от 30 августа 1974 г. приведены дополнительные факты злоупотреблений со стороны отдельных медработников. При этом указывается, что поборы в основном выявлены по заявлениям и жалобам граждан и весьма редко выявляются ведомственным контролем органов здравоохранения и коллективами учреждений...

В гор Виннице бывший заведующий поликлиникой эндокринологического диспансера Штерн М. Ш. занимался вымогательством, требовал взятки у больных за прием в диспансер без направления районных больниц. От 15 больных он получил более 1000 рублей. Кроме того, этот стяжатель по завышенным ценам продавал медикаменты. По данному факту возбуждено уголовное дело и Штерн М. Ш. арестован. Винницкий облздравотдел к разработке мер во исполнение указаний МЗ УССР № 115/221 д. с. п. от 1. УП. 1974 г. подошел формально, не проявил принципиальности при оценке случая привлечения к уголовной ответственности за взятки бывшего заведующего поликлиникой эндокринологического диспансера Штерна М. Ш., не сделал этот случай предметом широкого обсуждения медицинской общественности, не наказал виновных руководителей, создавших благоприятную обстановку для процветания взяточничества. Таким образом МЗ УССР констатирует, что многие руководители органов и учреждений здравоохранения до настоящего времени не осуществили решительных мер, направленных на значительное улучшение идейно-воспитательной работы в коллективах, создание атмосферы нетерпимости к корыстолюбию и взяточничеству во всех его проявлениях, повышение персональной ответственности должностных лиц за четкую регламентацию и контроль за деятельностью медицинских учреждений.

Предлагаю всем завоблздравотделами в течение ноября-декабря с. г. организовать проверку выполнения плана мероприятий по усилению контроля за деятельностью медицинских учреждений в соответствии с письмом МЗ УССР № 115/221 от 1. УП. 74 г. и № 139/221 от 6. X. 1974 г. Результаты проверки обсудить на расширенных заседаниях медсоветов облздравотделов с приглашением руководителей медицинских учреждений и работников прокуратуры. При обсуждении этого во-

проса и принятии решений следует строго, вплоть до снятия с работы, наказывать руководителей учреждений, которые допускают либерализм к лицам, совершающим нечестные поступки, грубость к больным, поборы и взяточничество. Протоколы заседаний медицинских советов и приказы на основании этих протоколов представьте Министерству к 15. 1. 75 г.

Министр здравоохранения УССР Братусь

С у д ь я. (Забирает документы и переписывает номера приказов). Я думаю, что нет необходимости их оглашать.

Ш т е р н. Как же можно было выпускать приказ, что я взяточник, до решения суда. Оплевали меня на всю республику.

С у д ь я. Я с вами согласен. Это неправильно. Потом, товарищ адвокат, в перерыве мы вас ознакомим с содержанием. Суд разберется. Скажите, были ли случаи, чтобы врачи сами приобретали лекарства и продавали их как голландские?

У р б а н с к и й. Если бы мне стало известно об этом, я бы посоветовался с юристом.

С у д ь я. А врачи ходят в аптеку вместе с больными?

У р б а н с к и й. В этом нет никакой необходимости. Это противоестественно.

П р о к у р о р. Кем работал Штерн?

У р б а н с к и й. Заведующим поликлиническим отделением.

П р о к у р о р. Кто назначает людей на такую должность?

У р б а н с к и й. Отдел кадров облздрав.

П р о к у р о р. Вы могли назначать на эту должность?

У р б а н с к и й. Я не назначал, но по закону имею право. Однако в нашей области эти вопросы решает облздрав.

П р о к у р о р. У вас есть заместители по диспансеру?

У р б а н с к и й. Заместителей нет. Когда я ухожу в отпуск, я каждый раз назначаю кого-нибудь из заведующих отделениями.

П р о к у р о р. По положению заведующего поликлиникой Штерн является вашим заместителем?

У р б а н с к и й. Нет.

П р о к у р о р. Штерн утверждает, что он простой врач.

У р б а н с к и й. Нет, он заведующий отделением, но он не заместитель. У нас несколько заведующих отделениями.

П р о к у р о р. Кто у него находится в подчинении?

У р б а н с к и й. Заведующий лабораторией, хотя она обслуживает и стационар, а также врачи и сестры поликлиники.

П р о к у р о р. Такие врачи, как невропатологи, гинекологи, терапевты подчинены Штерну?

У р б а н с к и й. Смотря в каком смысле. Завполиклиникой проверяет распорядок их работы, руководит ими как врач, следит, чтобы в лаборатории было правильно сделано исследование. А такие вопросы, как отпуска, прием на работу или увольнение он не имеет права решать. Это моя обязанность.

П р о к у р о р. Кто регулирует порядок приема больных в поликлинике?

У р б а н с к и й. Завполиклиникой.

П р о к у р о р. А кто установил порядок приема допризывников из военкомата?

У р б а н с к и й. Такой порядок принят во всех лечебных учреждениях.

П р о к у р о р. Кто установил порядок приема подростков, недоразвитых в половом и физическом отношении?

У р б а н с к и й. Я не понимаю вопроса.

П р о к у р о р. Мы установили, что таких больных принимал, как правило, Штерн.

У р б а н с к и й. Нет, это не так. Подростков свыше 14 лет принимает терапевт-эндокринолог, в том числе Штерн, Левит и Гамарник. Подростков моложе этого возраста принимает педиатр-эндокринолог.

П р о к у р о р. На кого возложена обязанность давать заключения для ВТЭК?

У р б а н с к и й. Этот документ должны подписывать несколько врачей, в том числе обязательно Штерн. Но это заключение состояния здоровья для ВТЭК. А группу инвалидности дает уже ВТЭК.

П р о к у р о р. Какой у вас порядок госпитализации?

У р б а н с к и й. Как и везде - срочная госпитализация и плановая.

П р о к у р о р. А кто направляет больных в стационар?

У р б а н с к и й. Как и везде. Срочных - скорая помощь, плановых - врачи из районов. Но если направление из поликлиники, то это может сделать любой врач, не обязательно

заведующий. Правда, не всегда есть возможность положить. Но это решает завстационаром.

Прокурор. А кто дает направление на консультации в другие города?

Урбанский. Мы представляем больного профессору или его ассистентам. В этом плане для нас - это высшая инстанция. Если есть расхождение мнений, то решает главврач, то есть я.

Прокурор. А заведующий поликлиникой может направить?

Урбанский. Если речь идет об амбулаторной консультации, то это может решить и завполиклиникой. Единственное соображение при этом - срочность оказания медицинской помощи.

Прокурор. Какие инъекции обязаны делать в поликлинических условиях, а какие можно дома?

Урбанский. Например, мы делаем инсулин. При сахарном диабете мы обязаны делать инсулин по первому обращению срочно, т. к. иначе больной может оказаться в предкоматозном состоянии.

Прокурор. Давайте не будем философствовать. Инсулин нас не интересует. Такие уколы, которые делал Штерн, это что - тоже срочно?

Урбанский. Такие уколы можно делать по месту жительства, хотя возможны и исключения.

Прокурор. Что вам все-таки известно о методе лечения Штерна?

Урбанский. Я думаю, что такого метода не существовало. Может быть, он воспринял какую-нибудь методику.

Адвокат. Какие еще отделения есть в диспансере?

Урбанский. Есть еще стационар, который состоит из двух отделений хирургического и терапевтического. У нас раньше было два барака, а теперь построили стационар.

Адвокат. И у каждого свой заведующий?

Урбанский. Да.

Адвокат. А они равны Штерну по положению или выше его?

Урбанский. Пожалуй, они важнее.

Адвокат. Могли Штерн дать им распоряжение?

Урбанский. Нет.

А д в о к а т. Если у врача поликлиники возникает необходимость госпитализировать больного, что он должен делать?

У р б а н с к и й. Врач звонит в диспансер и спрашивает, есть ли место. Этот вопрос решается тут же, на ходу. Это живое дело.

А д в о к а т. А если врач при этом пишет направление?

У р б а н с к и й. Значит, врач знает, что есть место.

А д в о к а т. Возьмите, пожалуйста, карточку больной Любецкой, т. 4, л. д. 68. Скажите, должен ли был врач на основании симптомов, которые здесь перечислены, принять решение о госпитализации?

У р б а н с к и й (*читает*). *"диабет 10 лет, принимает инсулин, трофическая язва, абсцесс, отеки, астматическое дыхание..."* Да, нужно было немедленно госпитализировать.

А д в о к а т. Посмотрите, пожалуйста, кем подписано направление на госпитализацию?

У р б а н с к и й. Врач Гамарник. А записка в регистратуру, чтобы записали на прием, написана Штерном. Написано *"тяжелый больной"*.

А д в о к а т. Скажите, он имел право делать это без направления?

У р б а н с к и й. Вообще мы стараемся не принимать без направления. Иногда мы говорим - без направления мы вас принять не можем. Но в данном случае нужно было срочно госпитализировать в ущерб плановым больным и приходится это делать, как например, в данном случае. Он имел право разрешить принять ее без направления.

А д в о к а т. Скажите, невропатолог-эндокринолог и терапевт-эндокринолог - это разные специалисты?

У р б а н с к и й. Да.

А д в о к а т. У вас есть специальная инструкция, которую нужно выполнять при обследовании по направлению военкомата?

У р б а н с к и й. Нет, обычный порядок.

А д в о к а т. А вы не обязаны класть таких больных в стационар?

У р б а н с к и й. Нет, хотя иногда и кладем.

А д в о к а т. Если нужно направить в Киевский институт для решения вопроса о возможности подсадки парашитовидной железы, этот вопрос может решить рядовой врач?

У р б а н с к и й. Это мелкий вопрос, его, конечно, может решить завполикликой.

А д в о к а т. Что вам известно о взаимоотношениях Штерна и профессора Зелинского?

У р б а н с к и й. Они работают здесь 10 лет. Я пришел в диспансер 3,5 года назад и не знаю, как сформировались эти отношения. У них часто бывали конфликты на производственной почве, расходились в диагнозах. Использовались резкие выражения. Разговоры велись иной раз довольно экспансивно.

Ш т е р н. Я прошу огласить показания Урбанского на предварительном следствии о моих отношениях с Зелинским.

С у д ь я. Подождите, не мешайте допрашивать свидетеля. Потом.

А д в о к а т. Жаловались ли вам Зелинский и Когут, что Штерн занимается поборами у больных? Были ли вам доносы от них?

У р б а н с к и й. Были конфликты. Доносов не было. Был один такой факт, а больше не было.

Ш т е р н. Заявлял ли я вам, что получаю грязные антисемитские анонимки?

С у д ь я. Запишите вопрос в протокол, а теперь суд этот вопрос снимает. Так нельзя задавать вопросы. Мы перефразируем этот вопрос.

Ш т е р н. Я не специалист в юриспруденции и могу неправильно задать вопрос. Я вам буду благодарен, если вы поставите его правильно.

С у д ь я. Суд не нуждается в благодарности, как некоторые врачи. Вопрос ставится так: известно ли вам что-либо об анонимных письмах в адрес Штерна?

У р б а н с к и й. Михаил Исаевич мне говорил. Но мне неизвестно, чтобы в адрес диспансера приходила бы какая-то анонимная корреспонденция, которая была бы надлежащим образом зарегистрирована. Но он говорил. Было, например, утверждение с его стороны, что в его кабинет подброшено анонимное письмо. Вы знаете, наше общество реагирует на анонимки, как на пустое дело...

Ш т е р н. Заявлял ли я об этих анонимках на производственных совещаниях вслух?

У р б а н с к и й. Да, было.

С у д ь я. Вопрос к Штерну. Вы знали, от кого исходят эти анонимки?

Ш т е р н. У меня нет доказательств, но я уверен, что они исходили из окружения профессора Зелинского. Скажите, свидетель, вам знаком этот текст...

С у д ь я. Суд запрещает вам оглашать этот текст. Он имеется в деле.

Ш т е р н. Было ли там сказано, что я — грязный жид и чтобы я убирался в Израиль вместе со всеми евреями?

У р б а н с к и й. Я не могу сказать что-либо конкретное. Разговоры такие были, но мы не придавали им значения.

З а с е д а т е л ь. За время вашей работы были случаи воровства?

У р б а н с к и й. Мелкие были. Кто-то украл шапку, халат.

С у д ь я. У Штерна были партвзыскания?

У р б а н с к и й. 10 лет назад он имел взыскание.

С у д ь я. За что?

У р б а н с к и й. Я не знаю, за что-то по работе.

П р о к у р о р. Кто организует работу поликлинического отделения, вы или завполиклиникой?

У р б а н с к и й. Организует работу завотделением, а главный врач контролирует.

П р о к у р о р. Кто отвечает за оказание медицинской помощи больным в поликлинике?

У р б а н с к и й. Завполиклиникой. Я плохо себя чувствую. Нельзя ли сделать паузу?

С у д ь я. Хорошо. Но потом мы продолжим ваш допрос.

С в и д е т е л ь Г а р м а с а р А н т о н и н а (повторно)

С у д ь я. 13 декабря вас здесь допрашивали и вы были в одном из кабинетов перед заседанием. Было это?

Г а р м а с а р. Я утром никуда не заходила. А, нет — была. Мне сказали ждите, вас вызовут.

С у д ь я. С вами прокурор говорил?

Г а р м а с а р. Нет.

С у д ь я. Вы знаете, почему идет этот разговор. Было заявление в Верховный суд, что с вами там разговаривал прокурор. Правда это или нет?

Г а р м а с а р. Нет.

С у д ь я. Вы поняли? Это заявление - явная клевета на прокурора. Пытались скомпрометировать государственного обвинителя... Поскольку мы уж вас вызвали... У кого-нибудь есть вопросы?

П р о к у р о р. Я прошу предъявить свидетельнице документ от 31 мая 1974 г. Это ваше заявление в прокуратуру. Кто писал это заявление?

Г а р м а с а р. Это мое заявление.

П р о к у р о р. Вы его по доброй воле писали или вам кто-нибудь сказал?

Г а р м а с а р. Я сама.

П р о к у р о р. Вы не отказываетесь от того, что там написано?

Г а р м а с а р. Нет *(потом долго читает)*.

П р о к у р о р. О том, что Штерн приехал в Сутиски, кто вам сказал?

Г а р м а с а р. Малеванная. Она сказала, что приехал хороший врач из Винницы.

П р о к у р о р. А по поводу сына?

Г а р м а с а р. Она сказала, что сын хворый, что его надо класть в больницу и она может со Штерном поговорить.

П р о к у р о р. А она говорила, что Штерн вашему сыну уже помог, говорила?

Г а р м а с а р. Она сказала, что Штерн его уже обследовал.

П р о к у р о р. А как вы писали?

Г а р м а с а р. Так и писала.

П р о к у р о р. Я вам снова зачитаю: *"Малеванная сказала, что приехал врач, у которого он проходил комиссию и что его надо отблагодарить"*.

Г а р м а с а р. Нет, она сказала, что сын болен.

С у д ь я. А про комиссию кто написал?

Г а р м а с а р. Она сказала, что на комиссии выяснилось, что сын болен.

С у д ь я. Она вам сказала, что его надо лечить?

Г а р м а с а р. Да, и Штерн сказал, что его надо лечить.

П р о к у р о р. Расскажите насчет денег.

Г а р м а с а р. Я дала 200 рублей.

П р о к у р о р. Кто велел?

Г а р м а с а р. Малеванная, она сумму только не сказала. Я сама дала 200 рублей.

П р о к у р о р. За что?

Г а р м а с а р. За то, чтобы в больницу положить, полечить и за медикаменты.

А д в о к а т. Вы можете сказать, когда вы впервые узнали, что существует доктор Штерн?

Г а р м а с а р. Мне Малеванная сказала. Я точно не могу сказать.

А д в о к а т. А вы знали, что сын проходил комиссию у Штерна?

Г а р м а с а р. Мне Малеванная сказала, что все допризывники и военнообязанные проходят через Штерна.

24 декабря 1974 г.

С у д ь я. Сегодня нам придется много работать по уплотненной программе, т. к. вызвано очень много свидетелей.

А д в о к а т. Мы запрашивали из Пироговской больницы результаты определения основного обмена Гармасара. Почему до сих пор нет ответа?

С у д ь я. Мы выясним.

Ш т е р н. У меня есть такое ходатайство. Я прошу вызвать свидетелей защиты по списку, который был представлен моим адвокатом. Суд обещал это репить в ходе процесса. Процесс подходит к концу. Многие из моих свидетелей живут в области и их следует вызывать за несколько дней. Я также хочу заявить протест по поводу вчерашнего...

С у д ь я. Вы не имеете права заявлять протесты, вы можете только заявлять ходатайства.

Ш т е р н. Ну хорошо, пусть это будет ходатайство. 23 декабря произошел инцидент, в результате которого я был удален из зала. У моего сына были все основания заподозрить, что свидетелей готовят к оговору. Гармасар, Гужва, Манжиевская и Рыбачук — главные свидетели обвинения. Почему они не обратились в канцелярию, как все другие свидетели. Когда этот инцидент разбирали здесь, их следовало допросить раздельно, а не так, чтобы они все присутствовали в зале и слышали ответы друг друга. Когда я хотел об этом сказать, судья вместо того, чтобы меня выслушать, удалил из зала. Я расцениваю эти действия как акт недопустимого психологического террора и требую, чтобы такой террор прекратился.

С у д ь я. Каковы будут мнения?

П р о к у р о р. Я считаю, что это заявление - хорошее свидетельство того, как ведет себя подсудимый в данном процессе, и ему должны дать оценку вышестоящие инстанции. Я думаю, его надо приобщить к делу.

А д в о к а т. Подсудимый заявил два ходатайства. Я поддерживаю первое ходатайство о вызове свидетелей. Что касается второго ходатайства, то оно было заявлено без согласования с защитой, и я оставляю его на усмотрение суда.

С у д ь я. Суд решил данное заявление приобщить к делу. А со свидетелями мы решим. Приступаем к допросу свидетелей.

С в и д е т е л ь Т е р н о в е н к о П е т р, 1958 года рождения, село Городище, ученик 9 класса.

Меня направил в диспансер в Винницу военкомат. Я пришел, попал к Штерну на прием. Он осмотрел, сделал укол, позвал отца. Отцу сказал, что мне надо приехать пару раз. Он дал рецепт и мы пошли и взяли лекарство в аптеке. Во второй раз я приезжал, и он опять дал рецепт и я пошел в аптеку. Третий раз, когда я был, он опять сделал укол. Он сказал, что если мне будет плохо, чтобы я приехал. Но мне было хорошо, и я благодарю доктора за то, что он меня вылечил.

П р о к у р о р. Где вам еще делали уколы?

Т е р н о в е н к о. У себя, в больнице в Песчанках. Он мне в первый раз направление дал туда.

П р о к у р о р. А что вы сделали с медикаментами, которые получили в аптеке?

Т е р н о в е н к о. Занес себе в больницу, мне ими там уколы делали.

П р о к у р о р. А из каких медикаментов вам делал уколы Штерн?

Т е р н о в е н к о. Из своих. Это был его флакон. В первый раз мы заплатили ему за укол 72 коп.

П р о к у р о р. Он об этом попросил?

Т е р н о в е н к о. Нет, мы сами спросили, нужно ли за укол заплатить. А он сказал, что можно заплатить, если хотим, а можно и не платить. Сказал, что столько стоит.

П р о к у р о р. Еще что-нибудь ему давали, кроме этих денег?

Т е р н о в е н к о. Нет.

Прокурор. А на предварительном следствии вы не так показывали.

Терновенко. А, это отец, привез как-то подсолнечного масла бутылку, но он не хотел брать. Отец тогда пошел с ним домой, там жена его тоже не хотела брать, но он силой оставил, потому что не хотел домой везти.

Свидетельница Котко Анна, 1936 года рождения, село Червона, колхозница.

Хлопца моего Васю в 7 классе военкомат направил в Винницу в диспансер. Попали мы к этому доктору. Он осмотрел и направил на анализы и руку фотографировать в Немиров, домой. Потом мы вернулись, и он выписал уколы. Он его осмотрел и выписал еще на два месяца лечение.

Прокурор. Вы благодарили доктора?

Котко. Я дома курку зарезала и нахально ему привезла. А он не хотел брать, говорил "зачем привезла"?

Прокурор. А уколы он вводил?

Котко. Нет, он только рецепт выписал.

Штерн. Сын сейчас здоров?

Котко. Здоров.

Штерн. У вас есть претензии?

Котко. Нет, я благодарна вам.

Свидетель Медведев Александр, 1922 года рождения, Тывровский район, колхозник.

Сына моего Владимира райвоенкомат в 1973 году направил в Винницу в диспансер на обследование. Врач его принял, сказал, что занят, и велел приехать на следующий день. На другой день мы приехали, были в кабинете, он его осмотрел сказал: "*В следующий раз приезжайте с деньгами*". В следующий раз приезжала жена. Он выписал назначение и жена пошла в аптеку.

Прокурор. В первый раз врач осмотрел сына?

Медведев. Нет, сказал, что занят и ушел.

Прокурор. А во второй?

Медведев. Осмотрел.

Прокурор. Зачем он просил деньги?

Медведев. Я не знаю, может, на лекарства.

Прокурор. Он жене выписал назначение?

Медведев. Да. Она в Винницкой аптеке купила по его рецепту.

Прокурор. Где сын принимал лечение?

Медведев. В своей больнице лечился.

Адвокат. На какую сумму жена купила лекарств?

Медведев. Не знаю.

Прокурор. Вопрос к Штерну. Зачем вы обследовали больного повторно, а не выписали назначение сразу?

Штерн. Я этот случай не помню, но убежден, что нужно было выписать гормональные препараты на большую сумму денег, которых у них с собой не было.

Прокурор. Мы знаем, что лекарства покупают не только в городе, но и в районе. Там тоже есть аптеки. Почему же нужно было требовать, чтобы мать приехала с деньгами в город?

Штерн. Эти лекарства не бывают даже в городе. О районах и говорить нечего.

Свидетельница Горбатюк Галина, 1937 года рождения, г.Винница, работница типографии.

Судья. Вы знаете подсудимого?

Горбатюк. Не знаю, один раз видела. В 1956 году у нас на работе была медкомиссия. Врач сказал у вас, наверное, зоб. Выписал направление на консультацию в диспансер. Я попала к Штерну. Он меня осмотрел, выписал лекарство, и я пошла в аптеку. Все.

Адвокат. Вы были у Штерна 18 лет назад. Как вы попали в свидетели?

Горбатюк. Я сама удивляюсь. Мне даже муж устроил целый скандал из-за этого. И на работе неприятности.

Судья. Подождите, мы не дошли до этого. Вы еще были в диспансере?

Горбатюк. Да, в 1974 году я обращалась в диспансер из-за растительности на лице. Меня смотрел совсем другой доктор и сказал, что мне не о чем беспокоиться, и я ушла с этим.

Судья. Если муж вас ругает, то вы ему объясните, что вы не виноваты.

Штерн. Я прошу расследовать, на каком основании дан-

ная свидетельница была вызвана следователем на допрос. Он что, проверял всех моих больных не только за 7, но и за 20 лет?

С у д ь я. Штерн, имейте выдержку. Она же вас ни в чем не обвиняет. И действительно, суду непонятно. Суд считает, что ее не нужно было вызывать.

С в и д е т е л ь н и ц а З а х а р ч е н к о Р а и с а, 1925 года рождения, г.Винница, работала медстатистом диспансера.

Отношения со Штерном у нас были хорошие, ровные. Могу сказать о нем только хорошее. Он - очень тактичный человек. У него всегда было много больных.

П р о к у р о р. Вам известно, в чем его обвиняют?

З а х а р ч е н к о. Известно, но о каких-либо фактах, в которых его обвиняют, я ничего не знаю.

А д в о к а т. Почему у него было много больных?

З а х а р ч е н к о. Как врач он пользовался большим авторитетом.

Ш т е р н. Вы часто работали в регистратуре. Скажите, трудно ли было попасть ко мне на прием?

З а х а р ч е н к о. Нет, легко.

Ш т е р н. Создавал ли я какие-нибудь затруднения для больных при приеме?

З а х а р ч е н к о. Нет, не создавали.

Ш т е р н. Расскажите, пожалуйста, суду, что заставило вас уйти с работы после того как вы проработали в диспансере столько лет.

С у д ь я. Не отвечайте, суд снимает этот вопрос.

С в и д е т е л ь И щ е н к о, 1941 года рождения, г.Винница, механик на заводе.

Когда я в 1958 г. поступил в ПТУ №4, нас призвали на комиссию в военкомат. Меня сразу забраковали по причине низкорослости. Врач медпункта направил меня к Штерну. С тех пор я у него был много раз. Он всегда принимал очень хорошо, приветливо. Тогда он осмотрел меня и сказал, что все, что в его силах, он сделает. Он мне очень много помог. Помню, он от моего имени написал письмо профессору Милорыбову в Днепропетровск, чтобы меня положили на операцию. Но ничего не получилось. Были технические трудности. Штерн помог по-

лучить снимки. Помог пленку для снимков достать, ее нигде не было. Мне тяжело было работать за станком. Штерн опять помог. Выписал препараты, и мне стало легче. В позапрошлом году меня снова вызвали в военкомат, спросили, почему я не был в армии, и опять направили к Штерну. Он осмотрел, направил на анализы. Потом сказал : *"По возрасту служить уже поздно, не огорчайтесь."*

Судья. В деле есть запись...

Ищенок. Я знаю эту запись. Когда я в последний раз был у Штерна, мы разговорились. Он сказал, что долго меня не видел, спросил, как дела. Я сказал, что получил квартиру. Он говорит: *"Ну, с тебя бутылка коньяка или шампанского"*. Он это в шутку сказал, и я понял как шутку. А следовательно записи

Свидетельница Таранова Мария, 1920 года рождения, Тростянский район, зав. сельским магазином.

Я привозила своего сына в диспансер в 1972 году. Сын мой, Мельник Александр, был направлен в Винницу военкоматом. Попали мы к Штерну. Он нас очень любезно принял, сказал, что сын болен, что надо будет раскошелиться. Выписал рецепт. Лекарств тогда в аптеке не оказалось, и мы уехали. Я искала эти лекарства, но нигде не могла достать. Потом, когда мы второй раз пришли к Штерну, он нам предложил эти лекарства, и я ему дала 25 рублей.

Судья. Где ему делали уколы?

Таранова. Уколы он принимал в Ободовке, в райбольнице.

Прокурор. Он вам в первый раз выписал рецепт?

Таранова. Да, я обошла все аптеки в Виннице, но не достала. А когда через месяц я снова приехала, Штерн дал мне эти уколы.

Прокурор. Почему вы приехали с таким запозданием?

Таранова. Я не могла раньше из-за работы.

Прокурор. Какие уколы вы в аптеке не получили?

Таранова. Не помню, как называются.

Прокурор. Вы пользовались только теми медикаментами, что вам дал Штерн?

Таранова. Да. Но метилтестостерон и еще что-то мало-важное я брала, кажется, в аптеке.

Прокурор. Вы были у него еще, кроме этих двух раз?

Таранова. Да, я приезжала на проверку, но больше ему ничего не давала.

Прокурор. Когда вы дали 25 руб?

Таранова. Когда приехала во второй раз.

Прокурор. За что?

Таранова. За лекарства.

Прокурор. А что означают слова "раскошелиться"?

Таранова. В первый раз, когда я была, он сказал, что, если хочешь, чтобы сын был здоров, надо раскошелиться. Наверное, он о дорогих лекарствах говорил.

Судья. Посмотрите, пожалуйста, в протоколе предварительного допроса, верно ли записано? Читайте сами.

Таранова (читает) *"Штерн сказал, чтобы... раскошелиться... Я поняла, что Штерн вымогает взятку..."* Ну, товарищи, знаете, я такого не говорила. (Читает дальше). *"Дополняю, что, когда дала Штерну взятку, сына в кабинете не было... Я слышала в коридоре, что люди говорили, что ему надо дать..."*

Судья. Вы это говорили следователю?

Таранова. Я, кажется, так точно не говорила... Я не помню... А то получится опять, что я говорю неправду...

Прокурор. Вы слышали разговор женщин, что нужно дать деньги?

Таранова. Нет.

Прокурор. Почему вы дали 25 руб., а не 10 и не 15?

Таранова. Не знаю. Я у врача не спрашивала, он мне не говорил, сколько нужно дать.

Адвокат. Как отчество Штерна?

Таранова. Михаил Исаевич.

Адвокат. А вот в ваших показаниях в протоколе написано Михаил Шаевич. Вы протокол читали?

Таранова. Нет. По моей просьбе мне следователь прочитал, что он записал, у меня очков не было. Он прочел, и я подписала.

Адвокат. Вы легко попали на прием?

Таранова. Да.

Заседатель. Вы на следствии говорили о том, что он вам дал лекарства?

Т а р а н о в а. Я не говорила, так как не придавала этому значения.

П р о к у р о р. Я прошу для проверки ее показаний истребовать карточку из Ободовской больницы, чтобы выяснить, принимал ли Александр лекарства в тот месяц, когда она якобы не могла достать лекарств.

С у д ь я. Ходатайство прокурора удовлетворяется. Суд также по своей инициативе решил вызвать для допроса ее сына Александра. Свидетельница Таранова останется здесь.

С в и д е т е л ь н и ц а С т е ц е н к о, г.Винница.

Я лечусь у него очень давно. Еще в 1961 году лежала в 1-й больнице, где он был лечащим. Он относился ко мне очень хорошо, вызывал консультантов. В 1962 году он уже не был моим лечащим. Но он увидел меня в регистратуре и сказал моему врачу, чтобы он меня лучше лечил. Я и в стационаре лежала. Меня все врачи лечили, но лучше всех - Штерн. Он мне сочувствовал как родной. Я всех врачей просила: помогите мне, я бедная. И он больше всех помогал. Всегда говорил надо думать, как тебя вылечить... *(плачет)*.

П р о к у р о р. Как вы оказались во время обыска у Штерна на квартире?

С т е ц е н к о. Я зашла узнать, как принимать лекарства.

Ш т е р н. Сколько раз я вас направлял в больницу и на ВТЭК?

С т е ц е н к о. Много.

Ш т е р н. Я у вас что-нибудь требовал за это?

С т е ц е н к о. Нет.

Ш т е р н. Вы очень часто бывали в диспансере. Какие разговоры обо мне вы слышали в приемной?

С т е ц е н к о. Все говорили, что вы очень хороший врач.

С у д ь я. Больше вопросов нет. Вы свободны.

С т е ц е н к о. Доктор, спасибо вам за все *(плача, выходит)*.

С в и д е т е л ь н и ц а Г р о м о в а я Л и д и я, 1935 года рождения, акушерка.

П р о к у р о р. Вы делали инъекции вашему отцу Громовому?

Г р о м о в а я. Да.

Прокурор. Какие?

Громова я. Прогестерон и префизон. Больше ничего.

Прокурор. А рецепт, по которому их покупали, вы видели?

Громова я. Рецепта не видела.

Прокурор. Сколько вы сделали инъекций?

Громова я. Прогестерон делала два раза в неделю, а префизон – каждый день.

Прокурор. А откуда вы знали, что так нужно? Какое-то предписание было? Штерн, почему вы смеетесь?

Штерн. Потом объясню.

Громова я. Да, было направление. Прогестерон я делала 6 уколов, а префизон – ежедневно 3 недели.

Прокурор. А сустанон вводили?

Громова я. Нет.

Прокурор. Уколы делали дома?

Громова я. Дома.

Прокурор. Отец вам не говорил, у кого лечился, у кого доставал лекарства, как благодарил врача?

Громова я. Нет, не говорил.

Судья. Вопрос к Штерну. В карточке прогестерона нет.

Штерн. Свидетельница перепутала названия лекарств. Она могла вводить ему только мужские половые гормоны. Сустанон, хореогонин и др. Прогестерон относится не к мужским половым гормонам, а к женским. Этому больному была восстановлена половая потенция. Если бы ему вводили женские гормоны, был бы обратный результат.

Судья. Что вы на это скажете, Громова я?

Громова я. Может, я и ошиблась. Что вводила – я не помню точно.

Свидетель Мельник Александр, 1957 года рождения (сын Тарановой М.).

В 1971 г. военкомат направил меня в Винницкий эндокринологический диспансер. Михаил Исаевич принял меня, осмотрел, выписал лекарство.

Судья. Вы один были?

Мельник. Я был с матерью. Сначала я пошел к терапевту, потом прошел рентген, а потом – к заведующему поликли-

ников. Он обследовал, выписал рецепт, и в тот же день мы уехали.

Судья. Зачем он выписал рецепт?

Мельник. Я не знаю, лекарства мать доставала.

Судья. При вас доктор матери что-нибудь давал?

Мельник. Не видел.

Судья. Какие лекарства вы принимали?

Мельник. Уколы и таблетки.

Судья. Где мать брала эти таблетки?

Мельник. Я не помню, в аптеке какой-то.

Судья. Где вам делали уколы?

Мельник. В медпункте сахарного завода.

Судья. Кто вводил?

Мельник. Медсестра Ксения, фамилию не помню.

Судья. Вы еще были у Штерна?

Мельник. Всего я приезжал четыре раза. Он меня все время обследовал. Больше ничего. В четвертый раз, когда я приезжал, его не было.

Судья. Что он вам делал во второй и третий раз? Какие назначения?

Мельник. Не помню.

Прокурор. Штерн вам уколы делал?

Мельник. Нет.

Прокурор. Он при вас выписывал рецепт?

Мельник. Кажется, да.

Прокурор. Кто ходил за лекарствами и куда?

Мельник. В винницкую аптеку ходила мать.

Прокурор. Получила ли мать медикаменты в аптеке?

Мельник. Да.

Прокурор. Кто заносил лекарства в медпункт?

Мельник. Я.

Прокурор. Кому?

Мельник. Медсестре.

Прокурор. Вопрос к матери. Ваш сын сказал, что в первое посещение был выписан рецепт и вы купили лекарства в аптеке. Это так?

Транова (мать). Уколы метилтестостерона я получила в аптеке. Остальные лекарства мне дал врач.

Адвокат. При вас мать деньги давала врачу?

Мельник. Нет.

Адвокат. А говорила о деньгах?

Мельник. Нет.

Адвокат. Когда вы приезжали второй раз, вас врач обследовал?

Мельник. Да.

Адвокат. А рецепты выписывал?

Мельник. Я не помню.

Свидетельница Бернадская Галина, 1922 года рождения, колхозница

В 1972 году у меня что-то в горле болело. Мне дали направление в диспансер и я попала к Штерну. Он меня осмотрел, сказал, что болезнь моя операции не подлежит и что он будет лечить. Он мне выписал лечение. Я пошла, взяла лекарства в аптеке.

Судья. Вы его благодарили?

Бернадская. Сказала спасибо.

Судья. Еще что было? Еще в чем-нибудь благодарность выражалась?

Бернадская. Ну, я ему десятку сунула. Он не видел.

Адвокат. А почему вы думаете, что он не видел?

Бернадская. Я ему так сунула, чтобы он не видел.

Свидетельница Пшик Ольга, 1927 года рождения, колхозница.

Примерно пять лет назад с сыном Анатолием я ездила сюда по направлению местного врача. Я попала на прием к доктору, он осмотрел, выписал таблетки и начал лечить его. Все было нормально. Я получила рецепт, купила все в аптеке.

Прокурор. Вы благодарили доктора?

Пшик. Да.

Прокурор. Чем?

Пшик. За то, что он помог мне и хорошо обошелся.

Прокурор. Я спрашиваю не за что, а чем?

Пшик. Ничем, спасибо сказала.

Судья. А что вы говорили следователю? Я могу зачитать.

Пшик. Пожалуйста, зачитывайте. Я ничем его не благодарил. Я ему ничего не давала, он ничего не требовал.

Судья (зачитывает): "Я дала ему курицу".

Пшик. Боже упаси. Не давала. Сейчас пойду к следовате-

лю и скажу, как ему не стыдно так писать. О курице все неправда.

С у д ь я. Вы говорили об этом следователю Андрушуку, который допрашивал вас 5 сентября.

П ш и к. Я этого не говорила.

С у д ь я. Посмотрите. Это ваша подпись?

П ш и к. Это моя подпись, но я не смотрела. Он читал, но о курице я не говорила.

Ш т е р н. Скажите, свидетельница, а кто спас вашего мужа?

П ш и к. Вы *(плачет)*. Он у меня парализован был.

С в и д е т е л ь А в р а м е н к о Т и м о ф е й, 1927 года рождения, колхозник.

В 1973 году мой сын Борис по направлению военкомата попал на прием к Штерну. Штерн осмотрел, сказал, надо лечить. Выписал рецепт... Я пошел в аптеку, купил лекарств, и он дома лечился. Я ему потом яиц занес в благодарность.

П р о к у р о р. Куда заносили?

А в р а м е н к о. Домой.

П р о к у р о р. Откуда адрес узнали?

А в р а м е н к о. Сын сказал.

Ш т е р н. Сын здоров?

А в р а м е н к о. Да, все нормально.

С у д ь я. Вы свободны.

А в р а м е н к о. Доктору спасибо.

С в и д е т е л ь н и ц а Л е в и т Э с ф и р ь, 1923 года рождения, врач педиатр-эндокринолог диспансера.

Я знаю Михаила Исаевича с 1963 года. Я работаю педиатром-эндокринологом и осматриваю больных до 14 лет. Он был у нас заведующим поликлиникой.

П р о к у р о р. Вы как врач-эндокринолог покупаете в аптеках медикаменты для больных?

Л е в и т. Нет. У меня же десятки больных. Для лекарств существуют аптеки. Это не входит в мои обязанности.

П р о к у р о р. Вы сами делаете уколы больным?

Л е в и т. Делать уколы в кабинете не входит в мои функции. Для этого есть медсестра в процедурном кабинете.

П р о к у р о р. Вы лечили больных гормональными препаратами?

Л е в и т. Да, конечно.

П р о к у р о р. Сестра в диспансере вводит гормональные препараты?

Л е в и т. Я работаю без сестры. Если я назначаю гормоны, то обычно это длительный курс в 6-9 инъекций. Их делают на местах.

П р о к у р о р. А другие врачи пользуются услугами сестры для введения гормонов?

Л е в и т. Я не могу говорить о действиях других врачей.

П р о к у р о р. Кто принимает в диспансере допризывников?

Л е в и т. Завполиклиникой и терапевты, которые работают по скользящему графику. Одновременно принимают два терапевта. У нас на этом сидят врачи Бронштейн, Слободенюк, Лившиц и Гамарник.

А д в о к а т. Приходилось ли вам принимать детей старше 14 лет?

Л е в и т. Редко.

А д в о к а т. В тех случаях, когда приходилось, вы их осматриваете наедине или вместе с родителями?

Л е в и т. Я никогда не принимаю детей без родителей.

А д в о к а т. Приходилось ли вам обнажать детей в присутствии родителей?

Л е в и т. А как же. Конечно.

А д в о к а т. Ну, а если ребенку 16 лет?

Л е в и т. Если дети не стесняются, я смотрю их в присутствии родителей, если же стесняются, я прошу их выйти.

С у д ь я. Известны ли вам факты введения уколов поликлиническими врачами в кабинете?

Л е в и т. Мне такие факты неизвестны.

С у д ь я. Может быть, вы знаете, что кто-то из врачей снабжал больных лекарствами?

Л е в и т. Не знаю.

С у д ь я. Не слышали ли вы, что кто-то из врачей приглашал больных после приема домой и там проводил лечение?

Л е в и т. Я не знаю о таких случаях.

С у д ь я. Кто-нибудь из врачей вашего диспансера применял свой особый метод лечения гормональными препаратами?

Л е в и т. Особых своих методов у нас нет. Есть руководства и инструкции.

С у д ь я. Вам известен метод Штерна?

Л е в и т. О таком методе я не знаю.

С у д ь я. Как вы считаете, инъекция, сделанная по назначению врача, должна найти отражение в документах?

Л е в и т. Обязательно.

П р о к у р о р. На ваших производственных совещаниях вы не слышали об особом методе лечения, применяемом Штерном?

Л е в и т. На совещаниях мы часто обсуждали все новости. Мы докладывали о новых методиках, о которых слышали, побывав на семинарах, скажем, в Москве. О методе Штерна я не слышала.

П р о к у р о р. Я прошу вас прокомментировать назначения, записанные вот в этой карточке.

С у д ь я. Вопрос снимается. Если это нужно будет, мы пригласим специалиста. Это свидетель.

А д в о к а т. Если вы назначаете длительный курс лечения гормональными препаратами, в карточке отмечают его исполнение? Каждую инъекцию я имею в виду.

Л е в и т. Нет. Они уезжают в свои деревни, а потом, когда они приходят через два месяца, то с их слов я пишу, что курс проведен.

А д в о к а т. А если вы назначаете такой курс больным, которые живут в городе?

Л е в и т. Я обычно только даю заключение. А потом их лечит врач в городской поликлинике. Он дает назначения.

А д в о к а т. Но ведь вы же лечите и в диспансере?

Л е в и т. Да. Дело в том, что в районах нет эндокринолога. В этих случаях мы контролируем лечение, которое проводится на местах.

А д в о к а т. А если все-таки лечение проводится в диспансере?

Л е в и т. У нас есть процедурный журнал, куда должны записываться все инъекции.

С в и д е т е л ь К в а ч у к Филипп, 1913 года рождения, заваптекой №5.

Работаю в Винницкой аптеке №5 с 1945 года.

С у д ь я. Вам приходилось бывать в эндокринологическом диспансере?

К в а ч у к. Да, я бывал там, говорил о медикаментах с врачами, в том числе и со Штерном.

С у д ь я. Суд понял, что ваша аптека получала большее количество эндокринных препаратов, чем другие аптеки города. Это верно?

К в а ч у к. Нет. Эндокринные препараты не состоят на специальном учете и не упоминаются в инструкциях о специальном распределении. Поэтому они распределяются по аптекам без ограничений. Можно лишь сказать, что мы их выписывали со склада больше, чем другие аптеки.

С у д ь я. Бывают ли случаи, что больные берут гормональных препаратов сразу на 30 рублей?

К в а ч у к. Бывают довольно дорогие препараты. Например, упаковка хориогонина (10 ампул) стоит 6 руб. Флакон поливитаминов – 2 руб.95 коп., сустанон стоит 4 руб.35 коп. Так что вполне возможно набрать за один раз на 30 руб. Я должен сказать, что на протяжении 29 лет работы в аптеке ни разу не встречался со случаем, когда ко мне или в аптекоуправление кто-нибудь обращался по поводу высоких цен.

Ш т е р н. Как часто я приходил в аптеку знакомиться с новыми поступлениями?

К в а ч у к. Примерно раза два в месяц.

С у д ь я. Известны ли вам случаи, когда больной не смог получить лекарства в аптеке. После этого он приходил к врачу, и после вмешательства врача ему эти лекарства дают?

К в а ч у к. Я таких случаев не помню. Со мной такого не было. Но врач может заменить отсутствующие медикаменты на другие, имеющиеся, и тогда больной получает их.

С в и д е т е л ь н и ц а Безносюк Анна, 1950 года рождения, колхозница.

Я была у Штерна один раз в 1971 году. У меня сердце болело.

С у д ь я. Вы одни были?

Б е з н о с ю к. Я была со своей односельчанкой Дзисяк. Она его знала раньше и меня туда привела.

С у д ь я. Направление у вас было?

Б е з н о с ю к. Направления не было. За то, что он меня принял, я ему дала 10 рублей. Он осмотрел, дал мне направление в Пироговскую больницу.

Адвокат. Доктор просил вас дать ему деньги?

Безносюк. Не просил. Я сама дала. Сунула в халат. Он не видел.

Адвокат. Говорила ли вам Дзисяк что-нибудь о деньгах? Что надо доктору деньги дать, например?

Безносюк. Нет, ничего не говорила.

Адвокат. А что вы показывали следователю?

Судья *(зачитывает предварительные показания т.2, л.д.7):* "Я увидела мужчину в кабинете. Он спросил меня, имею ли я направление. Я дала врачу деньги... Дзисяк по дороге говорила, что за то, что ее в свое время принял врач, она дала ему 10 руб."

Прокурор. Это правильно записано?

Безносюк. Правильно.

Штерн. По поводу вопросов прокурора и судьи относительно "метода Штерна" я хочу сделать пояснения. Я уже объяснял, что никакого "метода д-ра Штерна" для лечения гипогенитализма не существует. В каждом отдельном случае я применял модификацию известных методик с использованием гормональных препаратов, которую я считал наиболее целесообразной и подходящей для данного больного. Я применял известные в эндокринологии практически использующиеся гормональные препараты. Но сочетание этих препаратов, их комбинация, состоящая из 3-4 гормонов, являлась всегда результатом моего личного, творческого подхода к лечению данного пациента. Я уже говорил, что существует не болезнь, а больной и при его лечении нельзя исходить из одних только инструкций и установок. Поэтому я очень вас прошу говорить о моей модификации, а не о "методе Штерна".

Судья. Вы сами задали такой вопрос, упомянув о методе.

Штерн. Я оговорился. Моя модификация не имеет ни единого случая побочных действий...

Судья. Никто не говорит, что вас обвиняют в неправильном лечении. Это клевета на нашу страну, которую станции распространяют. Во всем этом заинтересован кто-то из сидящих в зале. Вас же обвиняют по совсем другим статьям.

Свидетели — Бронштейн, Вайсер, Пильская, Лившиц, Волюнкина, Ойхман, вызванные на сегодня, отсутствуют. Мы примем меры к их доставке завтра. Подведем итоги. По

эпизодам 168-й статьи не допрошены пять человек. Кое-кто из сидящих в зале передает, что свидетели обвинения не являются в суд. Так вот, из этих пяти человек у четверых есть справка, что они больны. Единственно свидетельница Литовчук отсутствует по неизвестным причинам. Мы это выясним. По эпизодам второй статьи нет двух человек. Один - по уважительной причине. Не явилось также 16 человек по списку свидетелей, не связанных с эпизодами обвинения. Приняты меры для их доставки.

Имеется ходатайство подсудимого о вызове еще 47 человек свидетелей защиты. Из них 29 человек допрошены на предварительном следствии. Остальные 18 вообще не допрашивались. Штерн, объясните свое ходатайство суду.

Ш т е р н. Я считаю, что, поскольку обвинение имело возможность вызвать и допросить большое число своих свидетелей — практически всех, я имею право настаивать на вызове свидетелей защиты. Я прошу вызвать этих 47 человек.

С у д ь я. Ясно. Мне ясно, почему вы просите вызвать этих 29 человек. Они допрошены на предварительном следствии. Следовательно тоже счел нужным допросить их по вашему делу. Это понятно. Почему вы настаиваете на вызове остальных 18 человек? Объясните суду, притом о каждом из них в отдельности. Ну, например, почему вы хотите вызвать Тимошенко Елену?

Ш т е р н. Мне надо подготовить ответ по этому вопросу. Я дам его завтра.

С у д ь я. Хорошо.

25 декабря 1974 года.

С у д ь я. Подсудимый несколько раз обращался с ходатайством о вызове дополнительных свидетелей. Защита представила список из 47 человек. Из них 29 человек допрошены на предварительном следствии. Об остальных в деле нет никаких данных. Подсудимый, объясните суду причины, по которым вы хотите вызвать остальных 18 свидетелей.

Ш т е р н. Я хочу вызвать 29 человек, допрошенных на предварительном следствии, потому что они дали показания в мою пользу, и их допрос даст возможность более обстоятельно разобраться в этом деле. Теперь я скажу об остальных 18.

С у д ь я. Говорите о каждом из них в отдельности. Почему

вы хотите, чтобы мы допросили этих людей. Суд будет решать. Говорите конкретно.

Ш т е р н. Тимошенко Елена — моя бывшая больная. Она может сообщить дополнительные сведения о некоторых эпизодах обвинения. Славский Станислав. Этого человека я прошу допросить по эпизоду Гужвы. Это, может быть, единственный человек, больной, который присутствовал и может подтвердить то, что я рассказывал об эпизоде с украденными часами. Кузнецов П.М. Я совершенно бескорыстно лечил его внука и сына своими лекарствами. Я также вылечил его мать после того как она более года безрезультатно лечилась у других врачей. Белинская. В 1960 году у меня была такая история. Антисемиты написали на меня несколько доносов. Мною занималась прокуратура (безрезультатно). В газете появился фельетон. На меня было наложено партвзыскание, которое я обжаловал, и оно было снято. Белинская — единственная фамилия, которая упоминалась в этом фельетоне. Она сможет рассказать, как проводили это дело тогда. Какими методами. Она очень важна для моей защиты. Зинчук — это медсестра. С помощью ее показаний я хочу объяснить, почему невежды, такие, как Зелинский, меня преследуют. Они источник, давший исходную информацию для организаторов этого антисемитского процесса. Показания этой свидетельницы нужны, чтобы доказать, что Зелинский заинтересован в моем осуждении.

С у д ь я. Подсудимый, я предупреждаю вас, чтобы вы не употребляли подобных терминов.

Ш т е р н. Пока что я убежден в объективности суда и надеюсь, что он не поддастся влиянию антисемитов. Савчук. В 60 году она подверглась давлению следователей, пытавшихся собрать на меня материал. Серебровская — учительница. Я хотел бы, чтобы ее допросили для выяснения, кто я такой, поскольку меня еще до суда циркуляром министра оклеветали на всю Украину. Андреева — это ученый-психолог из Москвы. Она приезжала сюда к началу процесса, настаивала, чтобы ее допросили как свидетеля. В деле есть ее заявление.

От Андреевой Елены Кондратьевны,
проживающей по адресу: г.Москва,
Ананьевский пер., 5, кв.160

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я хорошо знаю Михаила Шаевича Штерна (с 1962 г.). До 1966 г. я жила в Виннице. Я приехала в Винницу из Москвы с целью выступить свидетелем на процессе. Я включена в список свидетелей, но так как процесс затягивается, по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам, к сожалению, больше не могу оставаться в Виннице и выступить непосредственно, поэтому прошу зачитать мои письменные показания.

М.Ш.Штерн – человек высокой духовной культуры, глубоко гуманный, прекрасный врач. Узнав о том, что его обвиняют в мошенничестве и взятках, я приехала, ни минуты не сомневаясь в том, что эти обвинения ошибочны. Показания свидетелей обвинения, которые я слушала в течение трех дней, лишь утвердили меня в этом мнении.

Я патопсихолог и несколько лет работала в Винницкой психиатрической больнице, в которой М.Ш.Штерн был консультантом. Кроме того, моя старшая дочь Мария страдала гипотериозом, и М.Ш.Штерн ее лечил. За долгие годы я хорошо узнала Михаила Шаевича и как врача и как человека и у меня сложилось самое высокое мнение о нем.

Я редко встречала врача, который был бы безупречен с точки зрения психолога: его подход к больным был не только гуманным и тактичным, но и в высшей степени психотерапевтическим. Всегда простой, сердечный и внимательный с больным, он видел в нем прежде всего целостную личность, а не только болезнь, и всегда стремился разобраться не только в телесном состоянии больного, но и в психическом. Поэтому он всегда интересовался жизнью больного, всегда узнавал не только его биографию, но и его заботы, тревоги, взаимоотношения с окружающими. Такой целостный подход к больному человеку наряду с глубокими знаниями (М.Ш.Штерн всегда с

увлечением читал текущую литературу по специальности) позволяют Михаилу Шаевичу быть прекрасным диагностом и хорошо лечить.

Михаил Шаевич всегда шел навстречу тем, кто обращался к нему за помощью и бескорыстно помогал от всей души.

С его знаниями, опытом и способностями Михаил Шаевич давно мог бы быть профессором. Когда я и другие спрашивали его, почему он не защищает диссертацию, Михаил Шаевич отвечал: "Да ведь лечить же нужно. Вот сколько больных и всем плохо. Некогда мне писать, и так еле успеваю". Уверена, что суд разберется в ложности обвинений и оправдает человека, сделавшего в жизни столько добра и только добро.

14.XII.74 г.

Андреева Е.К.

психолог, кандидат наук

Стяглик — это моя очень тяжелая больная. Я думаю, что она может сообщить дополнительную информацию по эпизодам обвинения. Стрижевская — это врач из Винницы. Она может рассказать, как я на протяжении многих лет оказывал совершенно бескорыстную консультативную помощь многим больным. Она также может прокомментировать медицинский уровень работников мединститута, которые поставили материал для моего дела. Шварцбург — это врач из венерологического диспансера. Он может рассказать, как я совершенно бескорыстно оказывал консультативную помощь их диспансеру. Гриншпун Ашер, доктор медицинских наук из Винницкого военного госпиталя. Я хочу вызвать его для выяснения случая с женой полковника Малеева, чтобы прокомментировать некомпетентность работников мединститута в эндокринологии. Вот 12 человек из 18, на вызове которых я настаиваю. На остальных я не настаиваю. И остальных 29, допрошенных на следствии.

Пр о к у р о р. Штерн обосновывает вызов дополнительных свидетелей, в основном, по следующим трем причинам: первое — для его характеристики как личности; второе — для определения отношений с Зелинским; третье — по поводу различных аспектов лечения больных. По этому поводу я могу сказать, что, во-первых, Штерна не обвиняют в неправильности лечения; во-вторых, Зелинский не фигурирует в материалах дела и никаких данных о том, что он якобы инспириро-

вал этот процесс, как выражается Штерн, не имеется; в-третьих, характеристика Штерна как личности уже достаточно ясна из показаний выступивших свидетелей. Я считаю, что это ходатайство не подлежит удовлетворению, так как некоторые из перечисленных вопросов не подлежат выяснению, а некоторые уже выяснены.

А д в о к а т. Я поддерживаю ходатайство подсудимого о вызове свидетелей. Особенно я хочу подчеркнуть необходимость вызова Славского по эпизоду Гужвы, так как его показания будут очень важны для защиты и оценки правдивости показаний Гужвы.

С у д ь я. Суд, совещаясь на месте, определил. Первое: свидетелей, проходящих в списке, представленном защитой, за номерами с 1 по 29, показания которых имеются в материалах дела, не вызывать, поскольку ни один из них ни по одному эпизоду обвинения ничего не показывает. Зачитать некоторые из показаний этих свидетелей. С показаниями остальных ознакомить участников процесса и учесть их при решении дела. Второе: из свидетелей за номерами с 30 по 47 вызвать следующих: Кота В.Ф. , поскольку он уже пришел; Славского Станислава, Стрижевскую и Шварцбурга. Остальных не вызывать, так как они не имеют отношения к делу. В связи с вызовом Славского, вызвать в суд свидетеля Гужву.

С в и д е т е л ь Кот Виктор, 1939 года рождения, заведующий отделением горбольницы.

Я работал со Штерном с 1970 по 1974 гг. Это очень квалифицированный эндокринолог.

С у д ь я. Вам известно что-нибудь о злоупотреблениях Штерна?

К о т. Неизвестно.

П р о к у р о р. Вы принимаете больных?

К о т. Да.

П р о к у р о р. Вы сами выполняете назначения, уколы?

К о т. Нет, это делает сестра.

П р о к у р о р. Почему?

К о т. Потому что врачи этого не делают.

П р о к у р о р. Вы в аптеках приобретаете лекарства для больных?

К о т. Нет, это не положено.

Прокурор. А в кабинете вы лекарства больным отпускаете?

Кот. Нет, это тоже не положено.

Штерн. Известны ли вам случаи, когда больным было трудно ко мне попасть или я создавал затруднения приема?

Кот. Все больные записывались к Штерну. Он распределял их по специалистам, если это было необходимо. Затруднений никаких не было.

Штерн. Что вы можете сказать обо мне как о человеке?

Кот. Штерн вел большую общественную деятельность. Проводил консультации. Часто выезжал в районы. Пользовался большим авторитетом у населения.

Судья. Правильно ли поступает врач, если он делает уколы в кабинете и не регистрирует их в журнале?

Кот. Нет, неправильно, нужно записать.

Судья. Имеет ли право врач приобретать медикаменты и продавать их больным в своем кабинете?

Кот. Нет, не имеет права. Он должен выписать рецепт.

Судья. Встречались ли вам факты, чтобы врач, приняв больного, продолжал принимать его дома?

Кот. Это частная практика. Нет, врач не имеет права это делать.

Судья. Вам было известно, что Штерн делает все это?

Кот. Нет, не было.

Штерн. Я хочу сделать некоторое уточнение. Нигде, ни в каких положениях Министерства здравоохранения врачу не запрещается делать какие-либо манипуляции, если он считает, что это делается в интересах больных. Никакими положениями и инструкциями не запрещено введение врачом каких-либо инъекций в порядке лечения больных, если врач считает это необходимым. Введение инъекций требует только соблюдения правил антисептики. Это может быть достигнуто в самых элементарных условиях. Ни в каких положениях не запрещено введение больным лекарств, приобретенных самим врачом, тогда, когда данный препарат в аптечной сети отсутствует. В интересах больного врач имеет право, чтобы не прерывать начатый курс лечения или своевременно начать срочное лечение, особенно необходимое в период полового созревания, когда важен каждый месяц отсрочки, предлагать больным лечение препаратами, принадлежащими врачу.

Запретов на это нет, а что касается моральных аспектов такой деятельности, то у меня на это свой взгляд, у вас — свой, но при всех обстоятельствах это вне компетенции суда.

Единичные случаи, когда я продолжал лечение больных дома, также не несут в себе ничего незаконного. Больной имеет право договариваться об этом с врачом, это не запрещено. Нигде не предусмотрено, что больной, начав лечение в лечебном учреждении, обязан его там закончить и не может продолжать лечение у врача на дому. И вот почему. Речь, видимо, идет о случаях Байды и Прибеги, которые заявили на следствии и в суде, что их желание лечиться дома было связано с тем, что не хотели пропускать школу. Они предпочитали ездить на уколы по воскресеньям.

С у д ь я. Почему вы не записывали инъекции в журнал?

Ш т е р н. Никакого журнала в поликлинике не было. Он появился только после моего ареста. Никакого учета уколов не велось.

С у д ь я. Вы считаете это нормальным как заведующий поликлиникой?

Ш т е р н. Я не вижу здесь криминала. В карточке больного указывалось назначенное лечение и не было никакой необходимости отмечать выполнение каждого укола.

С у д ь я. Соответствуют ли записи в карточке тому, что вы вводили больным?

Ш т е р н. Иногда соответствуют, иногда — нет. Меня как врача меньше всего интересовала бумага, меня интересовало лечение. Приходящие на назначение больные иногда не брали в регистратуре карточек, потому что там были большие очереди, — чтобы сэкономить время. Но, не взяв карточку, больной нужную инъекцию получал. В этом случае они не записывались. Я также иногда воздерживался от записей, так как применял комбинированный гормон и не считал нужным, чтобы работники мединститута знали о моей модификации лечения до ее публикации.

С у д ь я. Вправе ли вы были применять свою модификацию лечения до ее официальной апробации соответствующими инстанциями?

Ш т е р н. В моей модификации применялись все известные и разрешенные к продаже гормональные препараты. Любой врач, в том числе и я, вправе использовать сочетания этих пре-

паратов, если они официально разрешены к употреблению. Возьмите, например, антибиотики. Есть пенициллин, стрептомицин и другие. Любой врач может применять их в любой комбинации, и никто не будет его за это судить.

С у д ь я. Вы называли несколько препаратов иностранного производства?

Ш т е р н. Я их не называл. Их называли больные.

С у д ь я. Перечислите препараты, которые вы применяли.

П р о к у р о р. И укажите, какие из них иностранные.

Ш т е р н. В моей модификации я использовал как отечественные, так и иностранные медикаменты, поступающие по медимпорту. Например, голландский сустанон-250. Он намного превосходит все другие препараты этого типа по своему качеству. Югославский сустанон-250. Венгерский хореогонин. Западногерманский префизон. 10%-ный тестенат — советский и импортный. 5-2,5- и 1%-ный тестостерон-пропионат.

С у д ь я. Вы занимались частной практикой?

Ш т е р н. Да, в некотором смысле. Я как врач не только имею право, но и обязан оказать медицинскую помощь, когда бы ко мне ни обратились — днем или ночью, и где бы ко мне ни обратились — на улице, на дому, в поликлинике. Я еще раз повторяю, что за 30 лет своей врачебной деятельности я никогда не обуславливал оказание медицинской помощи какой-либо оплатой. Но если больной считал нужным каким-то образом отблагодарить меня, это его личное дело.

С у д ь я. Вы имели на это разрешение?

Ш т е р н. Я не обращался по этому поводу.

С у д ь я. Значит, вы не обращались по этому поводу в финансовые органы.

Ш т е р н. Это не относится к компетенции суда. Это не уголовное преступление.

С у д ь я. Суд делает вам замечание. Вы не вправе указывать нам, что в нашей компетенции, а что — нет.

П р о к у р о р. Имело ли значение для больного название импортных препаратов?

Ш т е р н. Мне ваш вопрос непонятен.

П р о к у р о р. Какова была необходимость говорить больным, что это лекарство импортное?

Ш т е р н. Я никогда специально не обращал внимание

больных на это. Разговор о голландских уколах в основном — творчество следователя.

Свидетельница Балмазия Рива, 1914 года рождения, старшая сестра диспансера.

Я знаю Штерна лет десять, с тех пор как организовался диспансер. Он исключительно добросовестный врач, очень чутко относился к больным, очень отзывчивый человек. Он всегда старался, чтобы был порядок в поликлинике. Штерн пользовался большим авторитетом, люди старались попасть к нему на прием. Он никогда не считался со временем, ни с чем — принимал всегда всех. Был случай, когда у больной не было денег на лекарство и он дал свои. Больные его очень любили.

Прокурор. Какой был порядок получения медикаментов в диспансере?

Балмазия. Я — старшая сестра. Я выписывала медикаменты для всей больницы. Я выписывала рецепт, и его подписывал главврач.

Прокурор. Вы гормоны выписывали?

Балмазия. Гормоны выписывались только для стационара. Для поликлиники — никогда.

Прокурор. Где выполнялись и по каким назначениям выполнялись процедуры?

Балмазия. У нас есть кабинет, в котором есть сестра. Там выполняются процедуры.

Прокурор. В этом кабинете вводили гормональные препараты?

Балмазия. Никогда.

Прокурор. А назначения, которые выполнялись в этом кабинете где-нибудь регистрировались?

Балмазия. Нет.

Прокурор. А это должно было делаться?

Балмазия. Нет, таких указаний не имеется.

Прокурор. Вы знали, что заведующий поликлиникой выполняет обязанности процедурной сестры у себя в кабинете?

Балмазия. Нет, не знала.

Адвокат. Кто ваш непосредственный начальник?

Балмазия. Главврач диспансера.

А д в о к а т. Известны ли вам случаи, когда кто-то из санитарок был привлечен за кражу?

Б а л м а з и я. Не знаю.

А д в о к а т. Может быть, кто-нибудь из посетителей был уличен в краже.

Б а л м а з и я. Да, помню был такой случай. Это было давно, по-моему, в прошлом году. Из кабинета Михаила Исаевича выскочил мужчина. Он страшно ругался, на всю поликлинику, ругал Штерна и выскочил на улицу. Я испугалась, подошла, а мне больные говорят - это пьяный, от него горилкой воняет. Выходит Штерн и говорит: *"Вот украл у меня часы, и я у него из кармана их вытащил"*.

А д в о к а т. А еще кто-нибудь был из посетителей?

Б а л м а з и я. Полная поликлиника была.

А д в о к а т. А из медработников?

Б а л м а з и я. Не помню.

А д в о к а т. У вас часто это бывает?

Б а л м а з и я. Нет, на моей памяти - единственный раз.

А д в о к а т. А вы бы узнали его?

Б а л м а з и я. Я его в лицо мельком видела, в основном - со спины. Но, может быть, узнала бы. Не знаю.

С у д ь я. Оставайтесь в зале, никуда не уходите. Вы нам еще понадобится. Следующий.

С в и д е т е л ь н и ц а П и л ь с к а я Л а р и с а, 1926 года рождения, врач диспансера.

С у д ь я. Что вы можете сказать о Штерне?

П и л ь с к а я. Это очень хороший врач, был заведующим поликлиникой. У всех о нем было очень хорошее мнение. Относился ко всем ровно. Хороший товарищ...

П р о к у р о р. А о том, что этот хороший товарищ брал деньги у больных вы знаете?

П и л ь с к а я. Нет.

А д в о к а т. Вы случайно не слышали, что у Штерна в кабинете была какая-то кража?

П и л ь с к а я. Нет.

Ш т е р н. Скажите, имеет ли право прокурор задавать вопросы в таком тоне и в такой форме?

С у д ь я. Подсудимый, вы мешаете работать суду. Если в

суде что-то неправильно, мы сами сделаем замечание без ваших указаний. Следующий.

С в и д е т е л ь н и ц а В а й с е р И д а, 1922 года рождения, медсестра диспансера.

Я работала в больнице около 20 лет, последнее время работала процедурной сестрой в третьем кабинете, где мы находимся вместе с одним из врачей-терапевтов, производящих прием. Штерн - очень хороший врач-эндокринолог. Ничего плохого о нем я не слышала.

П р о к у р о р. Какие у вас обязанности?

В а й с е р. В основном я ввожу диабетикам инсулин.

П р о к у р о р. Гормоны назначались?

В а й с е р. Я не ввожу гормоны. Если врачи их назначали, то их делали в основном в районах, дома.

П р о к у р о р. А Штерн давал вам указания их делать?

В а й с е р. Нет, не давал.

П р о к у р о р. Кто-либо из врачей сам делал уколы?

В а й с е р. Нет, не делал.

П р о к у р о р. А вам известно, что Штерн их делал?

В а й с е р. Нет, неизвестно.

П р о к у р о р. А вам известно о том, что Штерн получал от больных деньги?

В а й с е р. Нет, неизвестно.

С в и д е т е л ь н и ц а Б р о н ш т е й н Ц и л я, 1930 года рождения, врач-эндокринолог диспансера.

Я Штерна знаю как хорошего врача и дельного человека. С ним всегда можно было посоветоваться.

П р о к у р о р. Принимали ли вы больных гипогенитализмом, направленных военкоматом?

Б р о н ш т е й н. Да. Я осуществляла предварительный осмотр и для заключения направляла к Штерну.

П р о к у р о р. А кто установил такой порядок?

Б р о н ш т е й н. Администрация.

П р о к у р о р. А вы лечили таких больных?

Б р о н ш т е й н. Иногда. Но чаще я консультировалась со Штерном как с более знающим.

П р о к у р о р. Как выполнялись назначения?

Б р о н ш т е й н. По месту жительства.
П р о к у р о р. А в поликлинике их лечили?
Б р о н ш т е й н. Нет, мы их только консультировали.
П р о к у р о р. А вы лично им делали уколы?
Б р о н ш т е й н. Нет.
П р о к у р о р. Почему?
Б р о н ш т е й н. Это делается по месту жительства или в стационарных условиях.
П р о к у р о р. В вашем кабинете есть гормоны?
Б р о н ш т е й н. Только инсулин.
П р о к у р о р. Вы когда-нибудь приобретали их в аптеке и отпускали потом больным?
Б р о н ш т е й н. Никогда.
П р о к у р о р. Знаете ли вы о том, что ваш бывший зав-поликлиникой занимался этим в своем кабинете?
Б р о н ш т е й н. Нет.
П р о к у р о р. А знаете ли вы, что ваш бывший заведующий поликлиникой получал за это деньги?
Б р о н ш т е й н. Нет.
П р о к у р о р. Назначения в 3-м кабинете регистрируются?
Б р о н ш т е й н. Да, у сестры должен быть журнал.
П р о к у р о р. А кто должен был это контролировать?
Б р о н ш т е й н. Я не знаю, наверное, заведующий поликлиникой.
А д в о к а т. Вы самостоятельное учреждение?
Б р о н ш т е й н. Нет, мы отделение диспансера.
А д в о к а т. Еще какие отделения?
Б р о н ш т е й н. Есть еще стационар и в нем два отделения, хирургическое и терапевтическое.
А д в о к а т. И в каждом отделении свой заведующий?
Б р о н ш т е й н. Да.
А д в о к а т. Подростки из военкомата приходили одни или с родителями?
Б р о н ш т е й н. Иногда с родителями.
А д в о к а т. Вы их обнажали в присутствии родителей?
Б р о н ш т е й н. Да.
А д в о к а т. Зачем?
Б р о н ш т е й н. Курс лечения проводится в домашних условиях. Родители должны наблюдать за эффектом. К тому же есть некоторые советы и пояснения по этому поводу, кото-

рые более эффективно давать отцу или матери, чем подростку.

Штерн. Кто решает вопрос их госпитализации?

Бронштейн. Каждый врач, в том числе вы.

Штерн. И что, если я или вы решим, то такого больного кладут в стационар?

Бронштейн. Нет, потом решает заведующий стационаром.

Штерн. Какие результаты лечения вы видели при использовании моей модификации гормонального метода лечения гипогенитализма?

Бронштейн. В основном эффективные. Иногда бывали просто поразительные результаты.

Судья. Вам известны случаи, чтобы кто-нибудь приносил гормоны врачам, а врачи их брали? Я имею в виду тех больных, кому эти гормоны не нужны были.

Бронштейн. Нет. Такие случаи мне неизвестны.

Судья. Если бы кто-нибудь принес нужные ему дефицитные гормональные препараты, вы бы их взяли?

Бронштейн. Нет.

Судья. Что вам известно о модификации Штерна?

Бронштейн. Ничего неизвестно.

Судья. У какой сестры должен быть журнал выполнения назначения?

Бронштейн. У сестры в 3-м кабинете. Сейчас там работает сестра Вайсер.

Судья. Известно ли вам, что после приема в диспансере Штерн приглашал больных домой?

Бронштейн. Нет, неизвестно.

Судья. Известно ли вам, что он занимался частной практикой?

Бронштейн. Неизвестно.

Свидетельница Ойхман Анна, 1949 года рождения, регистратор поликлиники диспансера.

Адвокат. Каковы ваши обязанности?

Ойхман. Я записываю больных на прием.

Адвокат. Первичных больных?

Ойхман. Нет, всех.

Адвокат. Что они вам предъявляют?

Ойхман. Первичные - направление, вторичные - ничего.

Адвокат. А бывают больные без направления?

Ойхман. Бывают.

Адвокат. А откуда они приезжают?

Ойхман. Из районов.

Адвокат. А если есть больной без направления, он может попасть на прием?

Ойхман. С разрешения главврача или заведующего поликлиникой.

Адвокат. А в каких случаях это разрешение дается?

Ойхман. Я не знаю.

Штерн. Как попадали больные ко мне на прием?

Ойхман. Кто хотел. Если они просили, я записывала к вам.

Штерн. Было ли это трудно?

Ойхман. Нет, вы всех принимали.

Штерн. Принимали всех больных или задерживали на следующий день, если не успевали?

Ойхман. Нет. Всех записавшихся принимали в тот же день. Вы часто работали гораздо позже конца рабочего дня.

Штерн. Были ли дни, когда мне приходилось принимать и за других врачей до 80 человек в день?

Ойхман. Да.

Судья. Вам известно, за что арестован Штерн?

Ойхман. Слухи ходят, что за взятки. Мне ничего не известно.

Судья. У нас должен быть еще свидетель Потокер. Он прислал справку о том, что у него в начале года был инфаркт и в мае-бюллетень. Каковы будут мнения?

Адвокат. Защита настаивает на вызове свидетеля. У него бюллетень был в мае, а не сейчас. Если он настолько здоров, что может ходить на работу, то, я думаю, он сможет выступить в суде.

Судья. Я согласен. Мы примем меры, чтобы доставить Потокера в суд. Есть еще письмо на имя прокурора. Почему прокурора - непонятно, ведь мы же свидетельницу Воынкину не вызывали в суд. В этом письме она говорит, что больна и просит не вызывать ее. Она описала все, что могла сказать по делу, и говорит, что больше ей добавить нечего. Я зачитаю ее письмо, а потом мы решим, настаивать ли на ее вызове.

Вот письмо Воынкиной:

"... мой внук лечился у Штерна. После лечения у меня осталось 3 флакона дефицитного лекарства. Их достала и прислала моя дочь, которая работает врачом в Магаданской области. Я хотела сдать их в аптеку, потому что срок действия истекал, но там мне сказали, что лекарства от населения не принимают. Я тогда позвонила Штерну и отдала ему эти флаконы по 15 рублей. Я очень благодарна доктору. Я хотела, чтобы он помог еще кому-нибудь, как он помог моему внуку. Выбросить эти редкие лекарства было непростительно. Я сейчас очень больна и прошу не вызывать меня в суд. Я сказала всю правду следователю и повторяю ее в этом письме..."

А д в о к а т. Я все же просил бы, если есть возможность, вызвать гражданку Волынкину для дачи показаний. Дело в том, что на предварительном следствии она показывала, что отдала Штерну все флаконы на 15 рублей, а в письме говорит, что отдала их по 15 руб. за флакон. Это нужно уточнить.

С у д ь я. Ладно, мы примем решение насчет ее вызова в суд. Объявляется перерыв.

После перерыва.

С в и д е т е л ь н и ц а Лившиц Фейга, 1927 года рождения, врач диспансера.

Я знаю Штерна около 10 лет. Взаимоотношения у нас были деловые.

П р о к у р о р. Вы часто принимали больных с половым недоразвитием?

Л и в ш и ц. Несколько человек в день.

П р о к у р о р. Вы им назначали гормональные препараты?

Л и в ш и ц. Тех больных, которые приходили с направлением из военкомата, мы не лечили, а направляли к Штерну.

П р о к у р о р. Кто установил такой порядок?

Л и в ш и ц. Я пришла в поликлинику из стационара в прошлом году и так уже было установлено. Так что я не знаю.

П р о к у р о р. Вы сами выполняли назначения?

Л и в ш и ц. Нет, это делала сестра в 3-м кабинете.

П р о к у р о р. А врачи это делают?

Л и в ш и ц. Нет.

П р о к у р о р. Почему?

Л и в ш и ц. Это должна делать медсестра.

Прокурор. Вы лично отпускали медикаменты, приобретали их для других больных?

Лившиц. Нет.

Прокурор. Вам известно что-нибудь, что кто-то из врачей этим занимался?

Лившиц. Нет.

Прокурор. Вам известно что-нибудь о получении врачами денег или продаже лекарства?

Лившиц. Нет.

Адвокат. Кто выдавал заключение в райвоенкомат?

Лившиц. Доктор Штерн.

Адвокат. Он должен был для этого осмотреть больного?

Лившиц. Обязательно.

Адвокат. Приходилось ли вам принимать подростков вместе с родителями?

Лившиц. Иногда.

Адвокат. Если подростки приходят с матерями, вы их обнажаете?

Лившиц. Это смотря по обстоятельствам. Если ребенок не возражает, то да.

Штерн. Что вы можете сказать о моих познаниях в области лечения гипогенитализма?

Лившиц. Я считаю вас очень квалифицированным человеком в этом вопросе.

Судья. Мы все здесь не специалисты в области медицины. Я – юрист, вот один заседатель – на заводе работает, а другой тоже с образованием, бывший военный. Скажите нам в порядке консультации. Вот вы принимаете мальчика 16-17 лет и обнаруживаете, что он недоразвит. Если нет Штерна в поликлинике, как вы поступаете?

Лившиц. Я скажу больному, чтобы он приехал в поликлинику, когда будет Штерн.

Судья. Я не о том. Есть ли необходимость показывать его половые органы матери?

Лившиц. Это дело врача.

Судья. Но разве недостаточно просто сказать матери об этом? Как бы вы поступили?

Лившиц. Вообще я стараюсь щадить подростков и матерей. Отцу я бы сказала об этом более легко.

С у д ь я. Какой порядок регистрации произведенных больным инъекций?

Л и в ш и ц. Любая манипуляция должна быть записана в карточку.

С у д ь я. Где вводят уколы?

Л и в ш и ц. В 3-м кабинете.

С у д ь я. А журнал регистрации уколов там есть?

Л и в ш и ц. Да, ведется.

С у д ь я. Вам известно об особом методе, который доктор Штерн применял для лечения гипогенитализма?

Л и в ш и ц. Нет, мне ничего не известно об этом.

С в и д е т е л ь Ш в а р ц б у р г Аркадий, 1914 года рождения, врач кожно-венерологического диспансера.

А д в о к а т. Вы давно знаете Штерна?

Ш в а р ц б у р г. Много лет.

А д в о к а т. У вас в диспансере есть эндокринолог?

Ш в а р ц б у р г. Нет, но мы часто приглашали Штерна для консультаций. Он очень опытный специалист.

С у д ь я. Вам что-нибудь известно о его преступных действиях?

Ш в а р ц б у р г. Нет. Он очень хороший врач. Я даже послал к нему лечиться свою жену. Если бы я так не считал, я бы этого не делал.

С у д ь я. Вы знаете, за что его судят?

Ш в а р ц б у р г. Не знаю. Я знаю его как абсолютно честного врача.

С у д ь я. В связи с наличием медицинских справок об отсутствии некоторых свидетелей, мы оглашаем их показания на предварительном следствии.

С в и д е т е л ь Т у з ю к Федор

В 1969 г. вместе с сыном поехал по направлению райвоенкомата. Штерн что-то крутил, крутил нами, не хотел принимать, потом, хотя и принял, но безрезультатно, ничего не назначил, сказал приехать через пару дней.

Не помню, через сколько дней я снова поехал с сыном, опять повторилась та же история. Штерн говорил, чтобы подождать, говорил, что не имеет времени, по его поведению

я понял, что надо что-то ему дать. Я тогда набрался смелости, зашел к нему в кабинет, положил в карман белого халата 10 рублей, только тогда он сказал: "Давай своего сына". Осмотрел сына и выписал ему лечение.

Штерн. Я категорически отрицаю эти показания. Все это творчество следователя Кравченко.

Судья. Подсудимый, суд делает вам замечание. Вы не должны употреблять таких выражений.

Штерн. Как следует из л. д. 144, т. 4, больной был направлен ко мне военкоматом 17 февраля. Комиссия военкомата обычно работает целый день, и он не мог прийти в тот же день, тем более, что далеко ехать. Как следует из записей в карточке, уже на следующий день он был принят тремя врачами в диспансере. Невропатологом Каменецким, хирургом Бронфманом, а затем мною. Как же я мог откладывать прием на два дня? Как же, если направление из военкомата датировано 17-м, а мои записи в карточке, и не только мои, но и других врачей — 18 -м. Можно только сочинить такую историю! Сын обо всем этом здесь говорил. Я не брал у него никаких денег — это тоже выдумки.

Судья. Зачитываются показания на следствии.

Свидетель Круглицкая Анна.

... Я подруга Веры Дзисяк. Я действительно сказала ей, что надо дать врачу деньги. Узнала я о том, что ему надо давать деньги со слов Малеванной. Давала ли деньги Дзисяк, я не знаю...

Штерн. Удивительно, что она была у меня, никаких денег мне не давала, а говорила другим, что надо дать. Денег я ни у нее, ни у Дзисяк не брал, показания лживые.

Свидетель Терегайло Надежда.

Заболела. Направили в Винницу, в диспансер. Штерн принял и направил на консультацию в Пироговскую больницу. Там написали, что нужно удалить железы, потом вернулась к Штерну, он написал диагноз моего заболевания.

После он сказал, что ему необходимо поговорить с моим отцом один на один. О чем они разговаривали с отцом, не знаю. Я не знаю, платил ли отец за услуги Штерну деньги. Когда отец узнал, что мне необходимо остаться на 2-й день,

то он уехал по той причине, что у нас осталось всего 2 рубля денег. Кроме того, моя мать умерла и никого не было дома, а у нас имеется корова.

Отец, согласно договоренности со мной, приехал на 2-й день. Штерн зазвал отца к себе для разговоров на 2-й день. Сколько у отца было денег, когда он приехал на 2-й день, я не знаю. Я знаю, что после похорон матери у нас дома денег не было.

Зачитывается заявление прокурору с в и д е т е л ь н и ц ы
Ш е в ч у к Г а л и н ы .

В 1969 году на квартире Штерна в Виннице я дала 25 рублей за то, что он меня обследовал и выписал направление, дал сделать анализы в диспансере. Зная, что Штерн брал деньги и продукты питания, я после 1969 г. к нему на квартиру отвезла двухлитровую банку меда, 50 штук яиц и две курицы .

Ш т е р н . Я не помню этот случай. Возможно, она была у меня дома три или четыре раза. Я ее не звал — сама приходила. Говорит, что якобы заплатила за четыре раза все это. Считаю, что за три-четыре приема на дому в порядке частной практики я имел право принять такой "огромный" гонорар, который она дала мне по собственной воле. Все остальное не соответствует действительности.

М и л и ц и о н е р . Пришел Урбанский и еще одна свидетельница.

С у д ь я . Урбанский пусть уходит, приходит завтра, а женщину —зовите.

Свидетельница С т р и ж е в с к а я Ш е н д е л я ,
1 9 2 1 г о д а р о ж д е н и я , зав.отделением 3-й больницы.

Я знаю Штерна много лет, еще когда он в санатории работал. Это очень хороший врач, он нас всегда консультировал. Он лечил моего отца. Отец всегда был им доволен. Он никогда не отказывал нашей больнице в консультации.

Ш т е р н . Скажите, а ночью вы вызывали меня на консультации?

С т р и ж е в с к а я . Да, очень часто ночью.

Ш т е р н . Я получал какие-нибудь деньги за эти консультации?

С т р и ж е в с к а я . Нет, совершенно бесплатно всегда.

П р о к у р о р. Скажите, Штерн, вы хоть по одному эпизоду признаете получение денег?

Ш т е р н. Я не признаю себя виновным ни по одному эпизоду. Я могу дать пояснения по всем эпизодам.

П р о к у р о р. Как вы объясняете свои показания на предварительном следствии?

Ш т е р н. В принципе я допускаю, что мог взять у Волынкиной две коробки хориогонина и мог отдать их кому-нибудь по той цене, по которой я их взял у Волынкиной, хотя я этого не помню. Никому не запрещено ни вводить и наблюдать за инъекциями, ни покупать для людей препараты, когда их нигде нет.

Я признаю, может быть, это глупость с моей стороны, хотя и в интересах больных. Я сделал это для 25 человек из 75.000, которых я принял за это время. А теперь мне это ставят в вину.

П р о к у р о р. Вы просили переквалифицировать статью 168 на статью 143?

Ш т е р н. Вы прочитали только, видимо, одну половину заявления, которое я действительно писал. Я писал, что надеюсь, что в суде выяснится, что я вообще ни в чем не виноват. Меня не допрашивали в тюрьме после ареста три с половиной месяца. Я не хочу поднимать излишний ажиотаж и говорить здесь о том, в каких условиях я содержался.

С у д ь я. Там не курорт...

Ш т е р н. Но и не каторга...

С у д ь я. Но и не курорт...

Ш т е р н. Я считаю, что все измышления в мой адрес, которые имеются в деле, при всех обстоятельствах нельзя квалифицировать как взяточничество. Я считаю, что все эти так называемые факты, которые выяснил следователь, действительно могут вызвать мысли о 143 статье. Я думал, что это выяснится на суде. Я не признаю себя виновным и считаю мой арест расправой за мое желание выехать в Израиль.

С у д ь я. Ваше желание или желание ваших детей? Вы раньше не говорили, что туда хотите.

Ш т е р н. Неужели вы думаете, что я после этого здесь останусь?

П р о к у р о р. Кто должен следить, чтобы врачи не нарушали внутреннего распорядка в диспансере?

Ш т е р н. У нас очень маленький диспансер. Имеется лишь

один администратор — главный врач. Я занимался лишь медицинскими аспектами. Я не выполнял никаких административных функций.

Прокурор. Кто обязан контролировать качество обследования и обслуживания больных?

Штерн. В медицинском плане контроль осуществлялся только в вопросах диагнозов. Все врачи могли обращаться ко мне за советом. Общий контроль, осуществлял главврач.

Прокурор. Кто следил, чтобы врачи записывали все назначения в карточке?

Штерн. При каждом осмотре все врачи, в том числе и я, делают записи в карточки. Это прямая обязанность врача. Здесь никакого контроля не существует.

Адвокат. Вы издавали приказы по поликлиническому отделению диспансера?

Штерн. Никаких приказов или распоряжений я никогда не издавал. Никаких административных функций я не выполнял. И не должен был выполнять.

Адвокат. У вас есть руководитель стационара?

Штерн. У нас есть заведующий терапевтическим и заведующий хирургическим отделениями. Единого руководителя стационара нет.

Адвокат. Допустим, при осмотре в поликлиническом отделении врач решил госпитализировать больного. Какие действия он должен предпринять?

Штерн. Заведующий поликлиническим отделением не имеет никакого отношения к госпитализации. Любой врач из поликлинического отделения, в том числе и я, в таком случае, как вы описали, дает больному письменное направление в стационар. С этим направлением больной идет к заведующему терапевтическим или хирургическим отделением. Заведующий его повторно осматривает и решает, есть ли показания к госпитализации или нет. Если установлены показания к госпитализации и заведующий стационарным отделением находит, что врач, давший направление, был прав, он его госпитализирует. Если заведующий терапевтическим или хирургическим отделением устанавливает, что таких показаний нет, он пишет на обратной стороне направления: *"В настоящее время срочных показаний к госпитализации нет, продолжать амбулаторное лечение"*. Если же он находит, что больной нуж-

дается в госпитализации, но нет мест, то он записывает его в журнал очередности и говорит больному, когда ему явиться для госпитализации.

А д в о к а т. Если пришел больной без направления, вы имеете право его принять?

Ш т е р н. Я имею право дать разрешение на прием любого больного, что я всегда и делал из гуманных побуждений. Мы никогда никому не отказывали, предупреждая их, однако, чтобы в следующий раз они принесли направление с выпиской из истории болезни из местной поликлиники или больницы. Такими правами обладали я и главврач. Но чаще это делал я. Не было случая, чтобы мы отказывали больному в приеме.

П р о к у р о р. Чем вы руководствовались в своей работе?

Ш т е р н. Ничем, только указаниями главврача. Все приказы или инструкции сверху шли через главврача, и он отвечал за их выполнение. На пятиминутке он давал указания. С Положением о заведующих поликлиниках, которое не имело ко мне никакого отношения, — я был завом поликлинического отделения, познакомился впервые на следствии.

П р о к у р о р. Почему вы считаете, что это Положение к вам отношения не имеет?

Ш т е р н. Потому что у нас все административные функции выполняет главврач.

П р о к у р о р. Зачем же ему тогда нужны были заведующие отделениями?

Ш т е р н. Для удобства работы.

П р о к у р о р. Ваша зарплата была выше, чем у рядовых врачей?

Ш т е р н. Да, я получал на 17 рублей в месяц больше в связи с тем, что выполнял обязанности старшего консультанта.

26 декабря, 1974 г.

С у д ь я. Суд по своей инициативе изучил полученный из военкомата приказ Министра Обороны СССР об утверждении Положения о медицинском освидетельствовании военнослужащих и военнослужующих запаса.

Суд по своей инициативе истребовал из Винницкого облздравотдела штатное расписание и сведения о поликлиническом отделении Винницкого областного эндокринологического диспансера.

Как выяснилось, свидетель Потокер болен. Оглашаем его показания. Потокер, секретарь парторганизации диспансера, рентгенотехник. О Штерне показывает: *"... Штерн был заносчив, любил показать себя... зазнавался. Срывал выезд сотрудников диспансера на уборку свеклы. Часто не являлся на собрания... Ходили слухи о поборах и взятках, но я лично от больных об этом не слышал..."*

Ш т е р н. Я убежден, что если бы он был здесь, показания были бы совершенно иными. В показаниях Потокера имеются явные передержки и многие совершенно не соответствуют действительности. Но, поскольку это не имеет отношения к эпизодам обвинения, я не буду давать подробных пояснений.

С у д ь я. У вас было партийное взыскание?

Ш т е р н. Да. В 1960 г. я подвергся аналогичной кампании травли...

С у д ь я. Это суд не интересует. У вас было взыскание?

Ш т е р н. Да, и я пытаюсь это объяснить. Оно было потом снято.

С у д ь я. Раз снято, значит, все. Нас больше это не интересует. Зачитываются показания отсутствующей свидетельницы Литовчук Ольги.

Осенью 1964 г., по совету сестры, пришла на квартиру к Штерну. Он пощупал пульс и отправил в диспансер. В тот же день меня приняли на стационарное лечение.

Осенью 1965 г. мне нужно было повторить курс лечения. Я пришла на квартиру Штерна. Из дома я взяла 2 ведра яблок и зарезала гуску в виде подарка. Жена сказала, что он на ночном дежурстве в диспансере. Оставив подарки, я ушла в диспансер и в тот же день меня положили в стационар.

В 1970 году я стала оформлять документы для инвалидности. Приехала к Штерну и просила его выдать мне справку о том, что я с 1964 года лечусь в диспансере. Штерн сказал, что вышлет справку в Липовецкую райбольницу и велел приехать через неделю.

Через неделю приехала к Штерну, он выписал справку и послал меня за конвертом. Я пошла, купила 2 конверта и занесла ему. Он тогда принимал 2 человека в кабинете. Беря конверт, Штерн сказал, что я свободна и могу ехать, а он справку вышлет и меня вызовут. На протяжении 2-х месяцев

меня не вызывали и я в Липовецкой больнице узнала, что Штерн не прислал документа.

Я опять поехала в Винницу. Штерн стал на меня кричать, что я отрываю его от работы, что справку он выслал по почте. Я заплакала, говорю, что вдова, не могу по болезни работать, а без справки ВТЭК не назначают мне пенсии. Штерн закрыл дверь своего кабинета, перестал кричать на меня и говорит, что справку выдаст, но за это потребовал 10 рублей. Денег у меня не было, рассказала о моем материальном положении, что живу бедно, поэтому не могу давать денег. Штерн, видя мои слезы, сказал мне: напишу тебе справку, но имей совесть для меня. Справку мне Штерн выдал в июле 1971 года. Впоследствии ВТЭК определил мне вторую группу инвалидности. Я получаю 20 рублей. Осенью 1971 г. в знак благодарности за справку я зарезала одну гуску и еще ведро яблок и отвезла на квартиру к Штерну.

Свою фамилию я жене Штерна не называла.

Ш т е р н. Я убежден, что она в суде дала бы совершенно иные показания. Ей подсказали на следствии так говорить. Никаких денег я у нее не получал и не мог требовать. Это единственная больная, которая говорит, что я на нее кричал. Я уверен, что здесь она бы меня благодарила. Я лечил ее 10 лет по поводу очень тяжелого заболевания. Хочу обратить внимание, что она сама пришла ко мне домой в 1964 году и никаких денег я с нее не требовал. Что касается гуся, то, может быть, она и дала его по своей собственной воле. Я ее не приглашал и об этом не просил. Я действительно выписал ей справку и послал по почте, и не моя вина, что почта ее потеряла.

С у д ь я. Не явились следующие свидетели: Журанский М., Карпинский Л., Балых Л., Наркомвело, Тимофеева, Волынкина А., Полищук С., Дивочка И., Славский С. Итак, не явилось 9 человек. Каковы мнения сторон? Заканчивать следствие без этих свидетелей?

П р о к у р о р. По-моему, все ясно. Я считаю возможным кончить судебное следствие.

А д в о к а т. Я настаиваю на вызове в суд Волынкиной или прошу огласить ее показания. Прошу также огласить показания Тимофеевой.

Ш т е р н. Я согласен с тем, чтобы огласить показания Во-

лынкиной, но настаиваю на вызове Тимофеевой, поскольку я надеюсь, что ее допрос продемонстрирует методы, с помощью которых на предварительном следствии прокурор создавал обвинительное заключение. Это сделать совсем не трудно. Позвоните в диспансер, и она через 15 минут придет.

С у д ь я. Суд, совещаясь на месте, определил: огласить показания на предварительном следствии Волинкиной, Тимофеевой и Полищука Сергея.

Показания Волинкиной Анфисы, 1912 года рождения.

Мой внук Виталий лечился и принимал хориогонин, лекарства в ампулах прислала моя дочь, которая работает в Магаданской области. У меня осталась одна коробка. Я думала, что это дорогой препарат и что жалко его выбрасывать. Я принесла его Штерну, и он сказал, что отдаст кому-нибудь. Я принесла две коробки по 10 ампул, и Штерн дал мне за них то ли 10, то ли 15 руб., я точно не помню

Показания Тимофеевой Ольги, 1918 года рождения, врач-окулист диспансера.

С 1969 г. до настоящего времени я работаю на полставки в Винницком областном эндокринологическом диспансере, где я впервые встретилась со Штерном. Причем, я раньше читала в газете статью о нем и была предубеждена, что он плохой врач.

Во время работы в диспансере я убедилась в обратном. В диспансере я была каждый день с 9 до 12 час. и среди больных и врачей слышала о Штерне хорошие отзывы. У него было всегда много больных из сел и города. Больные шли к нему очень охотно. Некоторым врачам не нравилось, что у него много больных, это чувствовалось по отдельным репликам со стороны врачей Левит и Каменецкого.

Слухи о том, что Штерн берет деньги у больных, что он проводит прием дома, были, но я ни разу не видела, чтобы он брал деньги. Дома я у него не была и не видела, принимал ли он больных дома, этого подтвердить не могу. Говорили, что он не брезгует этим, но он ни с кем из наших сотрудников не был близок и ни с кем не делился.

Ш т е р н. Прошу суд обратить внимание, как следователь

использовал ее слова при составлении обвинительного заключения. Цитирую: по словам Тимофеевой, *"говорили, что Штерн берет деньги, что он не брезгует ничем"*. Следователь совершенно сознательно искажил показания свидетелей в обвинительном заключении, взяв в кавычки то, чего она не говорила и не имела в виду. Я также считаю, ссылка обвинительного заключения на слухи в принципе недопустима.

С у д ь я. Показания свидетеля Полищука С.

По направлению райвоенкомата попал к Штерну. Он осмотрел мои половые органы, показал матери и сказал, что поможет.

Первый раз он дал ампулы и мне сделали укол. Второй раз он сказал, что медикаменты есть, но нам не дадут, нужны деньги. Мать в моем присутствии дала 45 рублей. Во дворе мы сели в его автомобиль "Волга", черного цвета — и к аптеке. Мы сидели, он принес лекарство: 2 флакона инсулина... ампул 4 пачки, сустанона 1 коробку и еще два наименования. Один — уколы, порошок в бутылочке и растворитель, второй — таблетки, 2 флакона тиреоидина.

Ш т е р н. Как фамилия следователя?

С у д ь я. Кравченко.

Ш т е р н. Мать Полищука здесь выступала. Несмотря на каверзные вопросы...

С у д ь я. Делаю вам замечание. Не употребляйте таких выражений.

Ш т е р н. Его мать четко показала, что была в аптеке, сама заплатила 40 руб. и добавила еще 5, когда не хватило. Из оглашенных показаний видно, что он получил лекарства в полном объеме, что я его лечил. Он выздоровел. Все остальное — творчество следователя.

С у д ь я. Суд осматривает лабораторный журнал здравпункта ободовского сахарного завода. Больной Мельник, 1957 года рождения, имеются три записи. Два раза тестостерон-пропионат, инъекции, и один раз — магнезия.

Ш т е р н. Я убежден, что Мельник получил уколы в полном объеме по курсу лечения. Запись "магнезия" — препарат от гипертонии, который никто не мог вводить подростку. Это свидетельствует о "точности" ведения этого "документа", который используется в качестве доказательства в суде.

С у д ь я. Суд обследует журнал Слободищенского фельдшерского пункта. Большой Бескурский. Шесть записей "пре-физон" и одна запись "перевязка". Журнал фельдшерского пункта села Уренивка. Большой Лесовой (сын Матвиенко). Две записи. Одна - сустанон-250, инсулин 4 ед. и вторая - инсулин 4 ед.

Ш т е р н. Это длительный курс, который проходил в течение 6 месяцев. Курс был принят Лесовым, он поправился. Его мать говорила, что он регулярно принимал лечение. Таблетки - ежедневно. Эти записи могут свидетельствовать лишь о качестве учета процедур в фельдшерском пункте - больше ни о чем.

М и л и ц и о н е р. Явилась свидетельница Литовчук.

С у д ь я. Зовите.

С в и д е т е л ь н и ц а Литовчук Ольга, 1930 года рождения.

Мне удалили зуб в Киевской области. Из-за климата мне пришлось переехать в Винницкую. Я здесь сначала очень мучилась, и вот сестра мне узнала про Штерна. Мы пошли к нему домой. Он сказал, я здесь ничего вам не сделаю, идите мол, в поликлинику. Я пошла туда, Штерн мне записку дал в регистратуру. Меня записали, обследовали. И я с 1964 г. у него лечусь.

П р о к у р о р. Вы получали от него какие-нибудь документы?

Л и т о в ч у к. Нет, он мне не дал. Он сказал, что pošлет в район сам.

П р о к у р о р. Ну и как же вы получили справку?

Л и т о в ч у к. Я приехала, и мне ее дал другой врач.

П р о к у р о р. Много времени все это у вас заняло?

Л и т о в ч у к. Долго.

П р о к у р о р. Что это за справка?

Л и т о в ч у к. Для комиссии ВТЭК.

П р о к у р о р. Вы получаете пенсию по ходатайству колхоза?

Л и т о в ч у к. Да.

П р о к у р о р. А эта справка очень важна была для ВТЭК?

Л и т о в ч у к. Не очень.

П р о к у р о р. Вас легко приняли?

Л и т о в ч у к. Всегда легко принимали.

П р о к у р о р. А почему вы в первый раз пошли домой к нему?

Л и т о в ч у к. А я только этот адрес знала.

П р о к у р о р. А как вы его благодарили?

Л и т о в ч у к. Спасибо говорила. Он меня ни о чем не просил, и я не давала ничего.

П р о к у р о р. А на следствии вы сказали...

Л и т о в ч у к. А это один раз было. Я дала какой-то женщине гусочку. Я врача тогда и не видела и не назвалась.

А д в о к а т. Впервые вы обратились к нему в 1964 г. Что с вами потом делали в больнице?

Л и т о в ч у к. Положили, лечили...

А д в о к а т. Когда вы пришли за справкой второй раз, вам врач говорил, что он ее уже отправил?

Л и т о в ч у к. Он еще в первый раз сказал, что отправит, что это не дают на руки. А во второй раз сказал, что выслал, но в районе я ее не получила.

Ш т е р н. Вы на меня обижаетесь? Я на вас кричал, обижал вас?

Л и т о в ч у к. Нет, никогда, я вам очень благодарна.

Ш т е р н. В течение двух лет после операции больная угасала и никто ни в Киеве, ни в Виннице не знал, что с ней. Диагноз был поставлен мною лично на первом приеме. И когда через месяц лечения к ней пришел муж, я зазвал его в кабинет и он ее не узнал. Правильно?

Л и т о в ч у к. Точно, так и было.

Ш т е р н. Выдумки следователя просто чудовищны.

П р о к у р о р. Почему он не дал вам справку сразу?

Л и т о в ч у к. Он сказал, что такие справки на руки не выдаются.

П р о к у р о р. А еще что-нибудь он вам говорил?

Л и т о в ч у к. Не помню.

П р о к у р о р. Он деньги у вас вымогал?

Л и т о в ч у к. Нет.

П р о к у р о р. А что вы показывали на следствии? О деньгах он говорил?

Л и т о в ч у к. Нет, не было такого.

С у д ь я. т. 2 л. д. 23. Зачитываю. ...Штерн стал кричать и я заплакала. ... Штерн затворил дверь, перестал кричать

и сказал, что справку выдаст и за это потребовал 10 рублей... Вы говорили об этом? А было так?

Л и т о в ч у к. Было.

Ш т е р н. Я просил у вас деньги или нет?

Л и т о в ч у к. Нет.

С у д ь я. А в протоколе правильно записано?

Л и т о в ч у к. Правильно.

С у д ь я. Вы свободны.

Ш т е р н. Обратите внимание, что на вопросы она отвечает: я денег не требовал. При микседеме страх является одним из клинических симптомов. Она боится быть привлеченной к ответственности, если она отвергнет показания на следствии и поэтому подтверждает протокол.

С у д ь я. Суд осматривает флакон, полученный от Сушко и констатирует, что цена на нем стерта.

Суд оглашает письмо Министра здравоохранения СССР от 17 мая 1971 г. о лечении некоторых форм сахарного диабета.

Суд оглашает письмо замминистра здравоохранения СССР о бесплатном и льготном отпуске лекарств некоторым категориям амбулаторных больных.

Ш т е р н. Это письмо не имеет ко мне никакого отношения. Бесплатный отпуск гормонов предусматривается только в отношении больных гипофизарным ананизмом. Больных гипогенитализмом бесплатными лекарствами не обеспечивают.

С у д ь я. Суд оглашает характеристику Штерна из диспансера.

"...конфликтовал с работниками мединститута. В одном из приказов по диспансеру отмечалось невыполнение Штерном указаний профессора Зелинского о лечении гипогенитализма... В конце 1973 г. прошел слух, будто Штерн собирается выехать за границу..."

С у д ь я. Суд рассматривает заключение двукратно проводившейся медико-фармацевтической экспертизы.

Ш т е р н. Обращаю ваше внимание на то, что в заключении экспертизы по карточкам упоминаются больные, у которых стоимость лекарств составляет от 30 до 48 рублей на одну выписку.

П р о к у р о р. Вопрос к Штерну. Сколько апилака нужно на курс лечения?

Ш т е р н. Это препарат общестимулирующего действия. Он применяется в общем комплексе гормотерапии. Т. к. лечение гипогенитализма длится от нескольких месяцев до нескольких лет, количество препарата зависит от длительности лечения. В инструкции, которая прилагается к препарату, рекомендуется принимать его три недели, а потом сделать перерыв. Однако эта инструкция не имеет отношения к гипогенитализму, для лечения которого я применял его. Выписка апилака, поскольку он не всегда был в аптеках, производилась не по инструкции, а по необходимости.

С у д ь я. Оглашается заключение эксперта, который осмотрел лекарства, изъятые в квартире Штерна при обыске (*следует список*). Отмечается наличие небольшого количества сильнодействующих препаратов, которые по инструкции должны храниться в больничных условиях, в частности, платифилин и промедол. Какие будут еще замечания?

П р о к у р о р. Я прошу приобщить к делу выписку из приказа отдела здравоохранения Винницкой области от 12 ноября о недостатках в работе эндокринологического диспансера, где, в частности, говорится: *"Главный врач Урбанский, проявивший близорукость и допустивший процветание взяточничества и мошенничества в диспансере... Объявить строгий выговор с предупреждением..."*.

Ш т е р н. Я не возражаю против приобщения этого к делу. Но мне неясно, каким образом приказ о моих злоупотреблениях был издан до суда.

А д в о к а т. По запросу суда должен был быть получен документ из Пироговской больницы об исследовании основного обмена у Гармасара. Прошу огласить его и приобщить к делу.

С у д ь я. Да, такой документ к нам вчера поступил. Оглашаю его.

**ВИННИЦКАЯ ОБЛАСТНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА
ИМ. ПРОФЕССОРА ПИРОГОВА**

24 декабря 1974 г.

№2646

Председателю судебной коллегии по уголовным
делам Винницкого областного суда т.Орловскому

На ваш запрос отвечаю, что 20 августа 1974 г. гражданину Гармасару А.М. в кабинете функциональной диагностики поликлинического отделения областной клинической больницы им. Н. И. Пирогова определен основной обмен — 67%. Больной направлен на исследование неподготовленным.

Учитывая неподготовленность больного результат определения основного обмена не имеет диагностического значения. Кроме того, определение основного обмена не является строго специфическим методом диагностики только заболеваний щитовидной железы. Он может быть повышен при других заболеваниях. Для более точного его определения необходимо, чтобы исследуемый находился в стационарных условиях и в течение последнего месяца не принимал никаких медикаментов.

Главный врач больницы им. Пирогова.

А д в о к а т. Вопрос к Штерну. Итак, результат 67%. Говорит ли это о наличии у Гармасара тиреотоксикоза в 1974 г. или нет?

Ш т е р н. В норме основной обмен должен быть 10%. Высшая граница нормы 15%

А д в о к а т. У меня есть ходатайство. По запросу юридической консультации № 14 г. Москвы на имя академика Юдаева, директора института экспериментальной эндокринологии и химии гормонов АН СССР, я получил официальное письмо, в котором содержатся ответы на поставленные мною вопросы. Прошу приобщить его к делу.

С у д ь я. Хорошо.

Ш т е р н. Прошу огласить ответ.

С у д ь я. Это не обязательно. Мы ознакомимся с ним в совещательной комнате.

Ш т е р н. Ну, а прочитать его мне можно?

С у д ь я. Пожалуйста.

**АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЭНДОКРИНОЛОГИИ И ХИМИИ
ГОРМОНОВ**

На № 240 от 2 декабря 1974 г.

№ 01/ 9 – 1267

Заведующему юридической консультации № 14.

*Разъяснения по вопросам юридической консультации № 14
г. Москвы:*

1. Самоизлечение нелеченных или недостаточно леченных доброкачественных форм тиреотоксикоза при благоприятных условиях возможно, хотя это наблюдается не часто.

2. Диагноз тиреотоксикоза нередко устанавливается на основании только клинических данных. Как врач невропатолог-эндокринолог, так и подавно терапевт-эндокринолог имеют право поставить данный диагноз, не прибегая к дополнительным лабораторным и инструментальным исследованиям при соответствующей ясной клинической картине заболевания.

3а. Согласно записи невропатолога-эндокринолога в амбулаторной карте больного имеются данные, характерные для выраженного тиреотоксикоза. Запись, сделанная невропатологом-эндокринологом, дает основание для заключения об изменениях, наблюдающихся только при тиреотоксикозе.

3б. Записи терапевта-эндокринолога дают основания для постановки диагноза тиреотоксикоз средней тяжести.

*Заведующий научно-консультативным отделом,
доктор медицинских наук, Заслуженный врач РСФСР*

Е. З. Гинчерман

А д в о к а т. Я прошу суд удостовериться по карточке Бескурского, что он был на приеме 23. 9. 71 г., а журнал фельдшерского пункта, который вы здесь осматривали, был начат 14. 10. 71 г. Следовательно, больной мог принимать

лечение в период, который не отмечен в журнале. Далее, я прошу суд обратить внимание на документ, который имеется в деле и на который я буду ссылаться в защитной речи, - т.2, л.д.70.

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

3 сентября 1974 г.

т.2, л.д.70

ОТДЕЛЬНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Следователю прокуратуры
----- района
Винницкой обл.
тов. -----

Мной проводится расследование по делу о получении взяток и мошенничестве бывшего заведующего поликлиникой Винницкого эндокринологического диспансера Штерна Михаила Шаевича.

Прилагая при этом список больных, которым Штерн оказывал медицинскую помощь, прошу допросить, выяснив при этом:

- 1. Когда и кем направлен на лечение.*
- 2. Каким образом Штерн вымогал деньги (разговоры, действия, т. п.)*
- 3. Какие медикаменты получали в аптеке, а какие у Штерна,*
- 4. Сколько денег передано Штерну.*
- 5. Передавались ли ему продукты и другие материальные ценности.*

Прошу учесть психологическую особенность допросов, разъяснить допрашиваемым возможность их освобождения от ответственности за дачу взяток и прочее.

*Прокурор следственного отдела
прокуратуры Винницкой области*

В. Кравченко

А д в о к а т. Это письмо следователя областной прокуратуры Кравченко в районные прокуратуры Винницкой области,

где он поручает следователям выполнить отдельные поручения по допросам свидетелей по делу Штерна, списки которых он прилагает. Я прошу удостовериться в содержании этого документа. Далее. Я прошу суд удостовериться в содержании другого письма следователя Кравченко прокурорам городов Геленджика и Новосибирска. В этом письме Кравченко указывает, что из материалов дела усматривается, что Штерн с помощью фиктивных документов устроил своих сыновей в высшие учебные заведения. Я внимательно осмотрел все материалы дела и не нашел каких-либо данных, на которые следователь мог бы сослаться в таком смысле. Далее. Я прошу суд удостовериться в содержании постановления следователя Кравченко (т. 5, л. д. 164) об отказе о возбуждении уголовного дела против свидетелей, давших Штерну взятки. Следователь делает это по трем мотивам

1. Имело место вымогательство.

2. Все свидетели добровольно заявили о том, что они давали Штерну взятки.

3. Все взяткодатели чистосердечно признались и раскаялись в содеянном. Я обращаю ваше внимание на то, что эти три пункта взаимно исключают друг друга.

Ш т е р н. Я хочу дополнить. Относительно партвзыскания, о котором спрашивал судья. В 1960 году у меня была аналогичная история...

С у д ь я. Не говорите об этом. Суду известно. Взыскание с вас снято и это нас не интересует.

Ш т е р н. Я должен сказать об этом. Это имеет отношение к делу. Тогда этим тоже занималась прокуратура, опросили сотни пациентов и так же, как и сейчас, ничего не обнаружили, что могло быть использовано для возбуждения дела. Разница между 60 и 74 годами — это желание моей семьи выехать в Израиль. Это и обеспечило возможность преследования. Я надеюсь, что суд разберется во всем и не позволит антисемитам расправиться со мной за желание выехать в Израиль.

С у д ь я. Подсудимый, никто не собирается с вами расправляться. Мы во всем разберемся. Для этого мы здесь и собрались. Мы разберемся во всем с полной объективностью. Мы будем судить вас, руководствуясь нашей партийной совестью, гражданским долгом и долгом перед родиной.

Ш т е р н. У меня есть еще ходатайства. У нас был автомо-

бил "Волга" старой модели. Она принадлежала моему старшему сыну и официально на него оформлена. Эта машина была изъята по постановлению прокуратуры, в котором нет ни одной подписи. Она изъята незаконно. Уже более полугода она находится на штрафной площадке УВД Винницкой области. Под открытым небом, не законсервированная по правилам. Такое хранение означает ее сознательное уничтожение. Несколько месяцев назад мой сын обратился к следователю с просьбой перевести машину в гараж, находящийся во дворе нашего дома; под крышу, и опечатать его. Следователь сказал, что это будет сделано, но до сих пор никаких мер не принято. Я прошу вас вынести частное определение в связи с нарушением закона, которое выразилось в том, что вообще машину моего сына изъяли, что изъяли ее на основании недействительных документов и что хранят ее неподобающим образом. Еще ходатайство: моей матери 87 лет. Я прошу суд дать мне свидание с моей матерью. До сих пор мне в этом отказывали. *(Умерла в мае 1975 г.)*

С у д ь я. Ваше ходатайство ясно. Нечего говорить об этом. В зале сидят люди, которые все записывают и затем передадут за границу в извращенном виде.

Ш т е р н. Еще одно ходатайство. Прошу суд вынести определение о назначении повторного консилиума врачей по поводу стационарирования меня в тюремной больнице. Я прилагаю список врачей г. Винницы, которые достаточно для этого квалифицированы. Прошлый консилиум, который проводили врачи МВД, ограничился формальным осмотром, не дал мне никаких назначений и единственный результат его — это заключение, что я могу по состоянию здоровья участвовать в судебном процессе. Потом, благодаря решению суда, у меня был фтизиатр. Он произвел очень квалифицированный осмотр, сделал все нужные назначения. Но ни одной таблетки я до сих пор не получил, хотя прошло уже около 10 дней. Я врач, я знаю о своем состоянии и понимаю, что мне угрожает, если у меня не прекратится кровохарканье.

С у д ь я. Каково мнение обвинения по поводу ходатайства?

П р о к у р о р. Вопрос о машине и так должен быть решен в приговоре. По вопросу о лечении необходимо обращаться в медчасть тюрьмы, а что касается свидания с родственниками — это право суда.

А д в о к а т. Я поддерживаю ходатайства Штерна. Я хочу еще раз отметить, что в протоколе о наложении ареста на имущество упоминается Штерн Михаил, тогда как автомобиль принадлежит и зарегистрирован на имя Штерна Виктора. Я поддерживаю также просьбу о переводе машины в гараж, но такие вопросы не упоминаются в законе.

Ш т е р н. У меня есть ходатайство насчет...

С у д ь я. Я прошу вас не зачитывать свои ходатайства, в связи с тем, что в зале производится запись, которая затем превратно истолковывается. Передайте их в суд, и мы рассмотрим их. Суд, совещаясь на месте, определил приобщить к делу ходатайства подсудимого. Насчет машины мы решим в приговоре, насчет свидания – после приговора. Судебное следствие закончено. Прошу стороны подготовиться к прениям.

Перерыв

С у д ь я. Слово для поддержки государственного обвинения предоставляется заместителю прокурора Винницкой области, старшему советнику юстиции т. Криворучко.

П р о к у р о р. Судебное следствие закончено. Теперь мы можем подвести итоги нашей двухнедельной работы. Прежде всего, мне хотелось бы сказать о том, что настоящее дело для вас, членов судебной коллегии, не представляет никакой сложности. Это самое простое дело о взяточничестве и мошенничестве бывшего заведующего поликлиническим отделением эндокринологического диспансера Штерна Михаила Шаевича. Это дело ничем не отличается от других, не представляющих сложности дел, которые вы рассматривали в данном зале судебных заседаний. Но вокруг этого дела, ничем не примечательного, не отличающегося от других подобных дел, подсудимый и заинтересованные лица создали искусственно накаленную обстановку. Эта обстановка, как вам известно, даже сопровождалась различного рода шантажами, провокациями и клеветой. Все это не служило интересам объективного рассмотрения настоящего дела.

Подсудимым была выдвинута версия о том, что это дело – якобы результат решения его сыновей выехать за границу, что привлечению его к уголовной ответственности способствовали злейшие профессиональные противники с той целью,

чтобы избавиться от него, и что даже якобы привлечение к уголовной ответственности связано с национальностью подсудимого. Но эти его доводы как голос вопиющего в пустыне, не нашли никакого абсолютно подтверждения в материалах судебного следствия.

Как известно, сыновьям подсудимого Штерна предоставлялась возможность выехать в Израиль, одному еще в мае, другому — в ноябре. И сейчас никто им не препятствует воспользоваться теми визами, которые они получили.

Что касается дела, то оно возбуждено по сигналам, поступившим в прокуратуру области лишь только после того, как выяснилось, что получение денег от больных под различными предложениями Штерн ввел в систему, использовал свое служебное положение, что Штерн не сделал соответствующего вывода из тех фактов, которые имели место еще в 60 году, когда по этому поводу производились проверки. Лишь только за отсутствием достаточных доказательств он не был привлечен к уголовной ответственности. И это действительно нашло свое отражение в материалах дела. Систематическое получение денег от больных подтверждено материалами предварительного и судебного следствия. В этом мы убедились, тщательно разбирая каждый документ. Допрошенные в судебном заседании простые советские граждане — колхозники, рабочие, пенсионеры, подростки со всей непосредственностью, просто и убедительно рассказывали, при каких обстоятельствах, почему и за что давали подсудимому деньги. На поставленные вопросы они отвечали, что никто их не просил давать такие показания, они не оговаривали подсудимого, что они рассказывают то, что они знают и то, что они делали.

В судебном заседании было установлено, что подсудимый действительно свои знания, бесплатно полученные в медицинском институте, свой практический опыт, свою самую гуманную, самую полезную для человечества профессию использовал как источник личного обогащения. И где? В стране, где Конституцией закреплено право на бесплатное медицинское лечение в интересах укрепления здоровья советских граждан.

Штерн нарушил клятву Гипократа. Он потерял чистую совесть и доброе сердце врача, а свою твердую руку использовал как лапу, на которую ложились четвертные, десятки, пятерки, оторванные от детей, оторванные от пенсий, может

быть, для некоторых единственного источника жизни. Этот эскулап — бог врачевания — не брезговал ничем: ни яйцами, ни птицей. Он делал бизнес на всем, он делал больным заказы на лук, на чеснок, на землянику, смородину. Штерновская кухня все перерабатывала, что только туда поступало. И чтобы не быть голословным и показать, к чему эти поборы приводили, сошлюсь на показания некоторых свидетелей, ну, скажем, Тузюка Дмитрия, Богуцкого Виктора. В поликлинику первый был направлен Тывровским райвоенкоматом, второй — Гниваньской участковой больницей.

Богуцкий принимал лечение в участковой больнице и одну инъекцию сустанона ему сделал сам подсудимый. По просьбе Штерна, он принес ему от бабушки малины, но этого было мало, он попросил принести еще черной смородины. И вот что говорил нам здесь в судебном заседании этот свидетель: "Смородины я не принес. Мне неудобно было идти к Штерну. Я прекратил лечение".

На одном из приемов Тузюка Штерн выяснял, почему не приезжает его отец. Попросил привезти ему курицу, тогда тот сказал, что отец не имеет возможности — занят на работе. И вот после этого, — поясняет в судебном заседании Тузюк, — я на прием не ездил потому, что претили слова Штерна насчет курицы.

Правда, на прямые и нескромные просьбы подсудимого — он даже не стеснялся задавать вопросы, напрапываясь на комплименты, некоторые свидетели отвечали, что они благодарили его за лечение. Это вполне естественно. Благодарить надо. Наши люди благодарят врачей, которые спасают им жизнь, которые укрепляют их здоровье. Но благодарят не так, как этого требовал Штерн. Благодарят не по-штерновски, а благодарят скромно, по-советски благодарят!

И как бы ни благодарили те, кто давал Штерну деньги, они знают, что в нашей стране медицинское обслуживание осуществляется бесплатно, что врач получает заработную плату и не должен брать денег, даже если ему дают в порядке благодарности. Они хотят сегодня с этой государственной трибуны выразить возмущение, называют Штерна хабарником (взяточником) и крохобором. Иначе и быть не может, потому что такие поступки врачей в нашей стране противоречат принципам социалистической нравственности, противоречат советс-

ким законам. Там, на Западе, можно создавать бизнес на всем, в том числе и на горе и страданиях людских. А в нашей социалистической стране это преследуется законом в интересах укрепления здоровья каждого советского человека. И в самом деле, что мог выразить в душе свидетель Лозинский Григорий, инвалид 1-й группы, который после выдачи заключения на ВТЭК на вопрос подсудимого: "Что я с этого буду иметь?" вынужден был вынуть последнюю десятку и дать Штерну?

А свидетельница Щур Мария? Это больная несчастная женщина, которая, несмотря на тяжелое заболевание, продолжает по мере сил и способностей работать на колхозном поле, в звене. Она со слезами на глазах, больная, рассказывала здесь, в судебном заседании, при каких обстоятельствах и за что в три приема дала своему исцелителю в кавычках 30 рублей денег.

Самый свежий сегодня, очевидный факт — показания свидетельницы Литовчук, которая ... видели, какое ее состояние, — инвалид. Сколько подсудимый Штерн водил ее за нос, не давая возможности в течение нескольких месяцев получить пенсию лишь только потому, что она за справку, которую он должен был представить ей для оформления пенсии, не дала ему 10 рублей.

А вспомните показания Терегайло Макара из Тульчина, который здесь давал свои объяснения. Дочь его после смерти матери пролежала шесть месяцев в больнице. Спрашивается, за что подсудимый взял с него 25 рублей и какую медицинскую помощь он оказал Терегайло? К сожалению, подсудимый уклоняется от ответов на такие вопросы. Он только просит благодарности.

Не могу не привести в этом плане показания свидетельниц Калины Анны и Островец Веры. Их сыновья Василий и Владимир 5 апреля 1973 года попали на прием к подсудимому. Он их осмотрел, определил заболевание и отправил домой за родителями, предупредив, чтобы взяли побольше денег. На следующий день они явились с матерями. Подсудимый без надобности в присутствии матерей цинично раздел подростков, хотя он уже их осматривал в первый раз. Когда он сказал, что на лечение нужны деньги, каждая из них развернула платок и дала подсудимому по 15 рублей. За что, спрашивается? За

что? За психотерапевтическую беседу, которую провел Штерн, или за тот рецепт, который он выписал и больше, по сути, никакой медицинской помощи не оказал этим подросткам. Факт, что после этого они у него больше не были. А разве только Калина, Островец, Терегайло, Щур, Лозинский в душе называли подсудимого взяточником? Его так величают все, кто давал ему деньги и кто знал, что он их берет от больных.

В судебном заседании этот вывод достаточно подтвержден всеми материалами предварительного и судебного следствия. Подсудимый занимался не только взяточничеством, но и мошенничеством. С этой целью он рекламировал свой, только ему посильный метод лечения недоразвитых больных гормональными препаратами, проводил "психотерапию" с родителями для того, чтобы они давали побольше денег за "дефицитные, заграничные" препараты, которые есть только у него. Он злоупотреблял своим положением, лично делал инъекции гормональных препаратов в своем кабинете, т. е. выполнял ту работу, которую должны делать в участковых больницах. Для этих инъекций подсудимый сам или через родственников больных приобретал в аптеках нужные гормональные препараты, а затем под видом заграничных получал за них деньги выше их действительной стоимости. Как проводилась эта "психотерапия", т. е. мошенническая, я бы сказал, обработка больных и их родителей? Я уже приводил показания свидетелей Калины, Островец и их сыновей. А вот что показала на судебном заседании свидетельница Безносюк Вера. По направлению райвоенкомата она с сыном была у подсудимого 20 декабря 72 года. Он выписал рецепт и велел приехать на следующий день. На следующий день, 21 декабря 1972 года, Штерн записал в карте амбулаторного больного: проведена психотерапевтическая беседа, дано указание на лечение. Вот эта запись, которая, по сути, соответствует действительности. Вот показания свидетельницы Безносюк Веры. Когда она приехала на второй день, причем без надобности, для этой, как записал подсудимый в карточке, психотерапии, Штерн сказал, что сыну будут сделаны голландские уколы. Он показал флакон с этими уколами, "и я ему дала 10 рублей и во второй раз дала еще 10 руб.". Какая цена рецепта, она не знала и подсудимый ей не говорил, а это, как оказалось, был сустанон, стоимостью

4 руб.35 коп., инъекции которого делал Штерн ее сыну в своем не приспособленном для этой работы кабинете.

Свидетельница Плясун Галина пояснила суду, что подсудимый предложил ей хориогонин, который она не могла достать в аптеках. Стоимость его он назвал 40 рублей, и эту сумму она уплатила, не зная, что его действительная стоимость 2 рубля 28 коп.

А вот как приобретал медикаменты подсудимый, видно из пояснений суду свидетеля Короля Саввы. После освидетельствования сына Штерн спросил его: "Есть ли деньги?" Король ответил: "30 рублей". Подсудимый потребовал у него 25 рублей, выписал рецепт, после с этими деньгами он пошел в аптеку и из принесенных медикаментов на эту сумму денег дал свидетелю медикаментов всего только на 6 рублей 94 копейки, а остальные медикаменты оставил у себя. Затем он дал Королю еще свои 30 рублей, на которые по выписанному рецепту свидетель в этой же аптеке купил и принес подсудимому значительное количество медикаментов.

Свою преступную деятельность подсудимый, как установлено на судебном заседании, прикрывал так называемым штерновским методом лечения больных гормональными препаратами. Но, убедившись в том, что эта выдумка смехотворна, он здесь, на судебном заседании, к концу судебного процесса, стал говорить, что это был не его личный метод, а модификация препаратов, назначаемых для больных, что это его модификация, им созданная, ему только присущая. Все это, конечно, было придумано для того, чтобы под этой модификацией скрывать злоупотребления служебным положением. С этой целью подсудимый завел только лишь для себя необычный порядок лечения больных гормональными препаратами, при котором он только делал инъекции больным в своем кабинете, за что и получал деньги. Выполнение этих процедур нигде не регистрировал, различными путями и способами приобретал медикаменты, использовал те, которые ему оставались от других больных и продавал их под видом дорогостоящих дефицитных заграничных препаратов.

Подсудимому вменены в вину органами предварительного следствия 21 случай получения взятки и 19 — мошенничества. Одно из свидетельств взятки — получение подсудимым денег от Гармасар Антонины в сумме 200 рублей.

Мы знаем, что Гармасар Александр, как это подтверждено было заключением судебно-медицинской экспертизы и экспертизы на предварительном следствии, был освобожден от воинской службы, от военной переподготовки в 1968 году. Он и на сегодняшний день является негодным к военной службе в мирное время и ограниченно годным в военное время. Мы установили, что основанием для освобождения его явилось необоснованное заключение, которое дал подсудимый Штерн комиссии военкомата о наличии у Гармасара Александра тиреотоксикоза средней тяжести. Это незаконное заключение, в судебном заседании оно нашло свое подтверждение в материалах судебно-медицинской экспертизы, но, по сути, для оценки данного преступления и для квалификации данного преступления даже не имеет значения это заключение, вокруг которого разгорелись такие страсти, потому что факт остается фактом, что после того как с участием Штерна, по сути, Гармасар был освобожден от военной службы, Штерн появился в селе Сутиски, поехал к Гармасар Антонине и с помощью Малеванной, которая, по сути, свела Гармасар с подсудимым Штерном, дала подсудимому 200 рублей денег за то, что Штерн принял участие в освобождении сына от воинской службы и с расчетом на то, что подсудимый будет в дальнейшем лечить ее сына. Мне представляется, что на основании тех материалов, которые добыты в судебном заседании, с учетом показаний Гармасар Антонины и наличия тех документов, которые имеются в деле, есть все основания признать подсудимого виновным в получении указанной суммы денег...

В судебном заседании в достаточной степени был исследован эпизод обвинения подсудимого в получении взятки от Гужвы Семена. Этого свидетеля пытались здесь любым путем скомпрометировать, называли его и пьяницей, и вором, и нечистоплотным в семейном отношении, но все это не нашло отражения в материалах предварительного следствия все это было направлено на то, чтобы опорочить показания свидетеля, который и на следствии и в судебном заседании объяснял, при каких обстоятельствах и за что он давал подсудимому деньги. Мы с этой целью допросили целый ряд дополнительных свидетелей. Мы проверили целый ряд документов. Показания Гужвы, его жены и свидетелей, которых мы допросили, а также документы, которые мы осмотрели, позволяют признать

подсудимого виновным в том, что он действительно получил от Гужвы Семена 50 рублей за госпитализацию жены Гужвы Марии в эндокринологический диспансер, 35 рублей за направление в Киевский Научно-исследовательский институт эндокринологии и за то заключение на ВТЭК, которое ему или ей, его жене, дал подсудимый. За это заключение, как показали Гужва и его жена Гужва Мария, подсудимому было дано денег в сумме 60 рублей.

Таким образом, я считаю, что получение от Гужвы денег подсудимым в сумме 145 рублей также нашло свое подтверждение в материалах дела.

Особый интерес привлёк внимание следствия, суда и всех участников процесса эпизод дачи взятки подсудимому в сумме 25 рублей Рыбачук Станиславой. Этот случай имел место еще в 1972 году. Действительно, за госпитализацию Любецкой Каролины, как показала Рыбачук Станислава, в присутствии своей сестры Манжиевской, за прием без направления они дали подсудимому денег в сумме 25 рублей. Ну, этот факт был известен еще в 72 году. И, зная об ответственности и боясь ответственности, подсудимый пытался заручиться соответствующим документом, реабилитировать себя, и сразу же после того, как стало известно об этом, он получил расписку от Рыбачук Станиславы и Манжиевской, а также от их мужей о том, что они никаких денег подсудимому не давали и что они никаких к нему претензий не имеют. Об этом случае было известно и главврачу эндокринологического диспансера Урбанскому, но тем не менее были приняты все меры, чтобы факт, имевший место в действительности, не был предметом проверки, расследования. Решили замять этот случай и случай с вот этой распиской, которая, как мы установили в судебном заседании, не только опровергает, что деньги в сумме 25 рублей были даны подсудимому, а наоборот, является дополнительным доказательством получения этих денег за прием Любецкой и ее госпитализацию.

На показаниях Калины Анны и Островец Веры, которые вручили подсудимому по 15 рублей, я уже останавливался. Считаю также, что этот эпизод обвинения нашел достаточное подтверждение, чтобы признать Штерна виновным в получении денег от этих двух свидетельниц.

Таранова Мария за прием сына по направлению райвоенкомата вручила Штерну 25 рублей. На предварительном следствии она говорила, что дала эти деньги потому, что поняла слова подсудимого "надо раскошелиться" как вымогательство денег. В судебном заседании она частично изменила эти показания и заявила суду, что она эти деньги дала якобы не потому, что требовал от нее Штерн, не за прием, а якобы за медикаменты. Причем, как установлено в судебном заседании и как она говорила на предварительном следствии, эти деньги дала не в первый день посещения с сыном поликлиники, а при повторном посещении, через месяц, и лишь только потому, что не оказалось нужного медикамента. При повторном посещении якобы этот препарат ей дал Штерн и она уплатила за это 25 рублей. Анализ доказательств ее показаний на предварительном следствии, показаний ее сына и документов свидетельствуют о том, что изменения этих показаний в судебном заседании не соответствуют действительности. Во-первых, потому, что ее сын Мельник Александр в судебном заседании сказал, что в первый день они получили рецепт, затем по этому рецепту получили медикаменты и что эти препараты ему вводились по месту жительства. И вот эти его показания полностью находят свое отражение в тех записях, которые имеются в материалах дела, в частности, в карточке амбулаторного больного и в амбулаторном журнале по выполнению назначений данному больному. Обратите внимание: значит, прием был 28 января, выписан был тестостерон-пропионат и таблетки, потом в амбулаторном журнале значится инъекция 12 февраля и 20 февраля, а повторный прием был 28 февраля. Так что, если препараты, в частности, тестостерон, пропионат, был получен по рецепту после первого посещения 28 января и он ему вводился, а деньги брали 28 февраля при повторном посещении, и не за препарат, как тут утверждала, пыталась убедить суд Таранова, а дала взятку д-ру Штерну за то, что принял ее сына, за то, что он... значит... в связи с тем, что он требовал от нее эти деньги при первом посещении.

Мне представляется... хотя Штерн в судебном заседании и заявил по данному эпизоду с возмущением, что "я не стану пачкаться за пять рублей", но факт остается фактом, что за прием сына по направлению райвоенкомата он получил от Зеленюк Любови пять рублей ... пять рублей денег. И это под-

тверждено и индивидуальной картой больного, и подтверждено показаниями Зеленюк Любови, и показаниями ее сына.

...Своеобразную оценку дает подсудимый своим действиям. Свидетель Маковой Николай за прием без направления и помещение в стационар дал подсудимому 25 рублей у него на квартире. Подсудимый считает так: раз деньги были даны на квартире, то о каком преступлении может идти речь — это, мол, чистый эпизод частной практики. Но подсудимый забывает, что, хотя он получил 25 рублей у себя дома, все остальные, так сказать, услуги, медицинское обслуживание, начиная от анализов и кончая помещением Маковой на стационарное обследование, проводились в государственном учреждении, а не в домашних условиях. О том, что Маковой действительно дал Штерну 25 рублей, он подтвердил в судебном заседании. Это отражается и в данных индивидуального учета амбулаторного больного, а также подтверждается показаниями Бондарук, родственницы Маковой, которой было известно со слов Маковой о даче денег Штерну. По сути, она и порекомендовала явиться к Штерну как к хорошему врачу, что и сделал Маковой.

Нашли свое подтверждение в достаточной степени, просто, без каких-либо осложнений показания Безносок Анны и Дзисяк Веры, которые также без направления, совершенно не по назначению попали к подсудимому Штерну в поликлинику диспансера через свою приятельницу, кажется, Поляковскую, или Павелецкую, и за этот прием, по рекомендации Поляковской, каждая из свидетельниц дала Штерну по 10 рублей денег. А всего 20 рублей.

Ну, на показаниях Тузук Дмитрия я уже останавливался. Отец его Тузук Федор за прием своего сына по требованию Штерна дал 10 рублей, и этот факт тоже находит свое подтверждение в материалах судебного следствия, так же, как и эпизод дачи денег за прием сына по направлению райвоенкомата Сорочука Фоки. Тоже характерный эпизод с той точки зрения, что у Сорочука не было больше денег, только 19 рублей, а нужно было дать 30 рублей. Так вот 11 рублей он передал через своего сына, чтобы не остаться в долгу перед врачом, которому он должен был дать 30 рублей. Ну, а дал он эти 30 рублей, как показал сам в судебном заседании, потому что Штерн потребовал эти деньги дать ему. Ну и он рассчиты-

вал на то, что он лучше будет лечить сына. Ну, у него не оказалось полной суммы денег, он дал 19 рублей, а потом еще добавил, передал через сына остальную сумму денег.

За прием без направления и за помещение на стационарное лечение свидетельница Шевчук Галина, как она показала в судебном заседании, также дала подсудимому 25 рублей. Ее показания подтверждаются тем, что она была принята без направления и, хотя эти деньги были ею даны, 25 рублей, на квартире у подсудимого, все исследования проходили в диспансере, все анализы проводились там, она проходила лечение в диспансере, поэтому, по одному только признаку, что деньги были даны на квартире, нельзя расценивать, что это был тоже случай частной практики. Это — аналогичный случай, который должен расцениваться также, как получение денег, как взятка.

Я считаю, что нашел свое подтверждение эпизод получения денег в сумме 100 рублей от Лавренюка Василия. Подсудимый Штерн этого престарелого мужчину обещал сделать крепким мужчиной. Ну и тот действительно хотел быть таким и за четыре приема — только лишь за то, что подсудимый выписал ему в данном случае необходимый препарат сустанон, он дал врачу 25 рублей. Никаких медикаментов, препаратов он не вводил, лечение проводил по месту жительства, и принят он был, по сути, без направления. Этот эпизод обвинения также подтверждается и показаниями Лавренюка Василия, и документами, находящимися в материалах дела.

Нельзя также считать частной практикой, как это пытается представить подсудимый, получение денег от Щур Марии в сумме 30 рублей. Эта свидетельница действительно вручила подсудимому 30 рублей у него на квартире, по 10 рублей в три приема. Но все, так сказать, направления были связаны не с частной практикой, они осуществлялись в государственном учреждении, в частности, она была принята им без направления, она была направлена им на рентгеноскопию и пыталась вот за эти благодарности получить от подсудимого Штерна справку, которая бы явилась основанием для получения облегченных условий труда. Но подсудимый, видимо, был неудовлетворен такой мизерной суммой, направления вот эти ей давал, но справки как таковой не дал, говорил, что, дескать, если бы ты

была немножко щедрее, можно было бы получить и эту справку. А так будешь работать без справки.

Громовой Дмитрий за прием без направления, как он показал в судебном заседании, дал подсудимому 25 рублей, ну и за два приема по 10 рублей. 25 рублей он дал действительно за прием без направления. Что касается дачи денег по 10 рублей каждый раз, эти действия подсудимого нельзя рассматривать как получение взятки, потому что в каждом случае дача денег была связана с тем, что подсудимый вручал Громовому гормональные препараты. Поэтому вот эти 20 рублей подлежат исключению из обвинения по ст. 168-й.

Без направления была принята подсудимым Шевчук Лидия. Этот прием подтверждается индивидуальной карточкой, а также показаниями Шевчук Лидии и ее сына. За этот прием, как они пояснили в судебном заседании, они дали Штерну 10 рублей. Штерн возмущается, считает: "Я же имею право принимать без направления. Какой же я заведующий поликлиникой, если я должен отказывать больным, я им вообще никогда не отказывал." Я думаю, что принимать больных, конечно, надо и без направления, но не брать от больных деньги, так как это показывали в судебном заседании два свидетеля.

О Терегайло, который дал 25 рублей за прием дочери, я уже говорил. Этот эпизод обвинения тоже нашел свое полное подтверждение в материалах дела.

Что касается Литовчук Ольги, то, как мы установили в судебном заседании, подсудимый только требовал от нее денег в сумме 10 рублей за выдачу справки на ВТЭК. Ну, и в связи с тем, что она ему эти деньги не давала, он ей не выписывал заключение, в результате чего она не могла месяца два получить справки и не могла получить пенсии. Но, как мы установили в судебном заседании, денег она не давала, поэтому эпизод обвинения о даче подсудимому денег подлежит исключению.

Лыхолат Мария, по обвинительному заключению, дала 70 рублей за прием сына. Как оказалось, она дала эти деньги за то, что подсудимый Штерн отпустил ей гормональные препараты. Эти действия должны квалифицироваться не по ст.168, а по ст. 145.

Все перечисленное мной нашло всестороннее подтверждение в материалах судебного заседания, в показаниях свидетелей

и в материалах дела. Все действия, на мой взгляд, связаны с получением денег и их необходимо рассматривать и квалифицировать не просто как благодарность за хороший прием, за хорошее лечение, как это пытался представить и, в какой-то мере оправдать себя подсудимый Штерн. На мой взгляд, эти действия необходимо квалифицировать как взяточничество по следующим соображениям.

Мы установили в судебном заседании, что подсудимый является должностным лицом, то есть, он возглавлял поликлиническое отделение областного эндокринологического диспансера... работал заведующим поликлиникой. Эта должность связана с организационно-распорядительными функциями. В его распоряжении находились люди, которыми он руководил. Он осуществлял контроль за лечебным процессом, он пользовался определенными правами и обязанностями, которые предусмотрены и перечислены в Положении, утвержденном приказом Министра здравоохранения СССР № 395 от 31 июля 1963 года. Это Положение — приложение к приказу — находится в материалах дела. И из этого Положения можно узнать, что подсудимый действительно выполнял организационно-распорядительные функции, касающиеся лечебного процесса и всей деятельности поликлиники, связанной с оказанием медицинской помощи и консультацией в области эндокринологии.

Во всех этих случаях подсудимый выступает в двойном качестве. Здесь важно различить его врачебную деятельность и деятельность в качестве должностного лица. Как врач и как должностное лицо он выступал, получал деньги от больных.

Как врач подсудимый Штерн не совершил никакого преступления, следствием не установлено каких-либо тяжких последствий его врачевания и он за это не привлекается к ответственности. Что касается служебного положения, то он им злоупотреблял, т. е. получал деньги за выполнение дающему их определенных действий. Каких действий? Они видны из показаний свидетелей, из анализа доказательств, которые были приведены здесь. Ему платили за прием больных, за выдачу справок на ВТЭК, за помещение на стационарное лечение, за оформление на консультации, вплоть до выписки простого рецепта. И здесь не имеет никакого значения, когда он получил эти деньги — до или после выполнения действий, добровольно,

или по требованию давались эти вознаграждения. Я на это обращаю внимание лишь только потому, что подсудимый считает, что если ему добровольно давали деньги, значит, тут нет взятки, если эти деньги давались после, значит, это благодарность. Ничего подобного, в любых комбинациях, если даются деньги должностному лицу, действия должны квалифицироваться как получение взятки. Не будь подсудимый зав. поликлиникой, он бы не имел возможности поступать так свободно, как он поступал, используя свое служебное положение. Вот почему перечисленные эпизоды обвинения, я считаю квалифицированы правильно органами предварительного следствия по ст. 168 ч. 2 УК УССР.

Штерн совершал и другие преступления. Он, пользуясь доверием больных, получал от них деньги за медикаменты сверх их действительной стоимости. Потерпевшие, не зная их действительной стоимости, платили подсудимому столько, сколько он требовал, или давали деньги, не получая от подсудимого сдачи, в тех случаях, когда медикаменты стоили дешевле, чем давали потерпевшие. Таким образом, разницу между уплаченной суммой денег и действительной стоимостью медикаментов подсудимый присваивал и совершал преступление, предусмотренное другой статьей — ст. 143 УК УССР.

Таких эпизодов обвинения подсудимому предъявлено органами предварительного следствия 19 и значительная часть их в результате судебного рассмотрения нашла свое подтверждение в плане предъявленного обвинения.

В частности, в судебном заседании установлено, что Лыхолат Мария за инсулин и апилак уплатила Штерну 9 рублей. Оверчук Анна и Оверчук Иван... Характерны показания Оверчук Анны по этому поводу. Вот что она сообщила суду:

”Штерн пообещал достать голландские лекарства и хорошо лечить сына, и я положила ему на стол 25 рублей”. Фактически Оверчуку Виктору подсудимый Штерн всего, как сам Виктор пояснил в судебном заседании, сделал 4 или 5 инъекций сустава, а остальное лечение проводил по месту жительства. За эти 4 или 5 уколов и за рецепты, которые выписывал Штерн, Оверчук Анна, как подтвердилось в судебном заседании, дала Штерну 25 рублей, еще один раз 10 рублей, всего 35 рублей. Оверчук Иван, ее муж, который также приезжал с сыном, дал

подсудимому Штерну 10 рублей, потом — 20, всего — 30 рублей. А всего они дали подсудимому 65 рублей.

Свидетельница Матвиенко дала 55 рублей подсудимому. О том, что стоимость сустанона 4 руб.35 коп., она не знала. Ну, обратилась к подсудимому, и он дал ей этот сустанон. Один раз она дала ему 25 рублей, второй раз — 20 рублей и за рецепт, за выписанный рецепт, — 10 рублей, всего 55 рублей. Фактически сын лечился по месту жительства. Подсудимый даже не делал ему инъекций.

Кондратюк Нина. О том, что фепранон стоит 52 коп., она не знала, но тем не менее, когда этот препарат Штерн, даже без ее просьбы, дал ей, она дала ему 5 рублей денег. Таким образом, сумма 4 руб.48 коп. подсудимым была присвоена.

Сушко Михаил за два флакона тиреондина, стоимостью 30 копеек, как он показал на судебном заседании, уплатил подсудимому 10 рублей.

В показаниях Безносюк Веры и Безносюка Владимира получение денег 20 рублей за сустанон, стоимостью 4 руб.36 коп, также нашло подтверждение в судебном заседании.

Богущая Анна и Богущкий Виктор подтвердили в судебном заседании, что за две ампулы сустанона, стоимостью 2 руб. 90 коп., одну из которых ввел подсудимый в своем кабинете, они уплатили 25 рублей. Неосновательное обогащение в этом случае составляет 22 руб.10 коп.

В судебном заседании также было установлено, что подсудимый дал Бескурскому одну коробку префизона, стоимостью 2 руб.30 коп. за 25 рублей и 10 таблеток тиреоидина, стоимостью 20 коп., за 7 рублей. Это тоже подтверждено в судебном заседании показаниями Бескурского и амбулаторным журналом.

Из записей в амбулаторном журнале видно, что Полищук Марией было получено медикаментов на сумму 13 руб.78 коп. Между тем, подсудимый мошенническим путем взял с Полищук Марии 45 рублей. С этой целью он лично ездил с Полищук Марией в аптеку и там взял медикаменты на деньги, которые получил у нее...

Окончание речи государственного обвинителя отсутствует, так как магнитофонная пленка была изъята у В.Штерна 1.1.75г. Прокурор Г.Криворучко потребовал приговорить М.Штерна к 9 годам заключения в ИТК усиленного режима с конфиска-

цией имущества по ст.168, ч.2 и к четырем годам заключения по ст.143, ч.2.

С у д ь я. Слово представляется защитнику подсудимого адвокату московской ГКА Аксельбанту

А д в о к а т. Граждане судьи!

Наступило время, когда стороны должны высказать свою точку зрения и отношение к делу. Правда, на протяжении всего судебного следствия защита Штерна не скрывала того, что собранный следствием материал против подсудимого не является основанием ни для предания доктора Штерна суду, ни тем более для осуждения его. Я не принимал участия в стадии предварительного следствия. По закону я также не связан и с точкой зрения защиты, принимавшей участие в этой стадии процесса. Но и тот адвокат —Скрипник, подписывая протокол об окончании предварительного следствия, не согласился с главным — с наличием в действиях доктора Штерна состава преступления, предусмотренного ст.168, ч.2 — УК Украинской ССР.

Государственный обвинитель отказался от вменения в вину Штерну трех эпизодов. Благодарю его за "милость". Однако я отрицаю в полном объеме и в полной мере преступление, все, что записано в обвинительном заключении, как криминал. Есть множество эпизодов. Они подлежат анализу. Этому должны предшествовать некоторые обстоятельства, которых я хочу коснуться в весьма умеренных рамках. Без этого нельзя оценить весь юридический документ как обвинительное заключение и нельзя дать правильной оценки показаниям свидетелей. Очень прискорбно об этом говорить, но я должен, меня обязывает закон.

Все началось 15 мая 1974 года, когда один из сыновей доктора Штерна получил разрешение на выезд за пределы страны. Пребывание Штерна на скамье подсудимых, обыск, арест, допросы свидетелей — все началось и все сразу получило свою, к сожалению, непривлекательную окраску. В показаниях свидетелей Оверчук и Матвиенко это нашло наиболее откровенное и циничное выражение. Страшное время для врачей начала 50-х годов вдруг с отчетливостью всплыло. Распространялись слухи о ритуальном убийстве детей руками Штерна. Этого я не могу обойти молчанием, хотя в обвинительном заключении об этом не говорится. Но это фон —

это начало создания самого дела против доктора Штерна. Этот фон царил в здании суда. Поэтому я обязан до анализа доказательств по существу, сказать о том, кто сидит на скамье подсудимых, кто такой доктор Штерн.

Как можно соединить несоединимое? Каковы побудительные причины создания столь громкого дела, как дело Михаила Штерна?!

Еще будучи студентом, Штерн увлекся эндокринологией, одним из сложнейших разделов медицины. В 1944 году он закончил в гор. Фрунзе институт и работал в военном госпитале. Он был опытным и влюбленным в свою профессию врачом. Он создал на Украине первый эндокринологический диспансер и долгие годы работал в областном эндокринологическом диспансере в качестве заведующего консультативно-поликлиническим отделением. Сотни людей шли к доктору Штерну. Он помогал людям советами, препаратами, любезным отношением. Этим он снискал себе любовь людей. Но слава имеет и обратную сторону. Ей завидуют. И здесь, в процессе судебного следствия, особенно наглядна эта зависть, перешедшая в ненависть, она была продемонстрирована "коллегами" доктора Штерна, радующимися, что "конкурент" их сидит за решеткой.

Это относится и к эксперту Ольневу, это относится и к эксперту Кучуку. Я должен в самом начале сказать и о том, что здесь, в суде, к сожалению, права подсудимого были ущемлены: из 79 свидетелей, которых Штерн и его защита просили вызвать, суд вызвал всего 3 человек.

Свидетели обвинения подвергались в стадии следствия не всегда дозволенным приемам допроса. Я обращаю внимание суда на л.д.70, т.2, где имеется "отдельное поручение" всем районным прокуратурам области от следователя по настоящему делу Кравченко. В этом поручении как в капле воды отражена заведомо обвинительная концепция следователя. Он предписывает допрашивать свидетелей, ставя им вопросы: "Каким образом Штерн вымогал деньги; сколько уплатил Штерну, и при этом разъяснял (прошу учесть психологическую особенность допроса!) допрашиваемым возможность их освобождения от ответственности за дачу взятки. Лучше и не придумаешь! Еще ничего не добыто, еще никто ничего не показал, а Кравченко уже все ясно!

И, наконец, я хотел бы обратить внимание на состояние здоровья подсудимого. Допросы не приостанавливались, несмотря на горловое кровотечение.

Ни в стадии следствия, ни в суде Штерн себя виновным не признавал. Это было не просто отрицание, а подробное и глубокое объяснение каждого эпизода. Но и при этом следует выразить сожаление, что очных ставок со свидетелями, как этого настоятельно требовал Штерн, ему не давали, хотя следователи старались вовсю с бригадой в 25 человек и допросили 2000 человек. Почему? Все сказанное мною должно привести суд к необходимости вдуматься в вопрос: почему Штерн оказался за решеткой? Должен ли он нести ответственность за несодеянное?!

Теперь позвольте мне перейти к анализу фактических обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении и в большей части проверенных в судебном заседании.

В первую очередь как юрист я должен осветить перед судом вопрос, отнюдь не теоретический. Это краеугольный камень всего обвинения. И без ответа на него не может быть основан приговор.

В каких случаях врач может быть субъектом должностного преступления.

В этом вопросе считаю необходимым сослаться на Научно-практический комментарий УК Украинской ССР, гор. Киев, 1969 г., стр. 164, п. 10:

"Указанные лица (т. е. врачи) рассматриваются в качестве должностных лиц только при выполнении ими организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей. При выполнении же ими их профессиональной деятельности (лечение больных) они должностными лицами не считаются и в связи с этой их деятельностью не могут быть субъектами должностного преступления."

Так, по делу врача Ш., заведующей хирургическим отделением одной из больниц, получавшей подарки и денежные суммы от оперированных ею больных, Пленум Верховного Суда СССР признал, что эти подношения принимались ею не в связи с исполнением обязанностей должностного лица, а за оказание услуг, связанных с профессиональной деятельностью, вследствие чего к ней могли быть применены лишь меры дисциплинарного или общественного воздействия, состав же пре-

ступления в ее действиях отсутствует. (Постановление Пленума Верховного Суда УССР от 9 мая 1964, № 05-284а-64)”.

Аналогичная точка зрения высказана и в “Комментарии к уголовному кодексу РСФСР”, Москва, 1971 г., стр. 376, п. 10.

”Субъектом получения взятки может быть только должностное лицо. Врач, совершающий за вознаграждение или иную материальную выгоду действия, влекущие правовые последствия (например, незаконная выдача больничного листа, дача заведомо не правильного заключения об инвалидности или о годности к военной службе), подлежит ответственности за получение взятки”.

Указания на необходимость четко ограничивать профессиональную медицинскую деятельность от деятельности, связанной с выполнением должностных обязанностей, даются и в решениях Верховного Суда РСФСР.

”Врач, совершивший за взятки действия (незаконную выдачу листов нетрудоспособности и т. п.), влекущие правовые последствия, подлежит ответственности по ст. 173 УК РСФСР”, —так озаглавлено определение Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 11 июля 1966 г. (см. “Бюллетень Верховного Суда РСФСР”, 1966 г., № 10, стр. 5).

Врач Р., заведующий хирургическим отделением больницы, принимавший от больных вознаграждения за сделанные им операции, был осужден по ч. 2 ст. 173 УК РСФСР (соответственно ст. 168 УК УССР).

Отменяя приговор и прекращая в этой части делопроизводство за отсутствием состава преступления, Президиум Верховного Суда РСФСР разъяснил, что поскольку незаконное вознаграждение врач-заведующий хирургическим отделением принимал от больных “не в связи с исполнением обязанностей должностного лица, а за оказание услуг, связанных с профессиональной деятельностью, то в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. “О судебной практике по делам о взяточничестве” действия осужденного не могут расцениваться как взяточничество. За эти поборы к Р. могли быть применены лишь меры дисциплинарного и общественного воздействия”. (См. “Бюллетень Верховного Суда РСФСР”, 1963 г., № 8, стр. 6-7; также “Социалистическая законность”, 1964 г., № 9, стр. 90). Аналогичная точка зрения высказана и в юридической литературе:

Ф. Ю. Бердичевский. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей, Москва, 1970 г., стр. 84-85; П. Дагель. Об уголовной ответственности врачей. "Советская юстиция", 1964 г., № 19, стр. 14; "Советская юстиция", 1966 г., № 18, стр. 15).

Следовательно, главный врач, оперирующий больного, или рядовой врач, назначающий необходимый для больного вид или курс лечения, осуществляет в этот момент свои профессиональные, а не должностные обязанности.

Он здесь только хирург или только эндокринолог. В этот момент в качестве носителя административно-хозяйственных или организационно-распорядительных обязанностей ни главный врач, ни заведующий отделением не выступают.

Ни в одном из эпизодов предъявленного Штерну обвинения нет действий, влекущих правовые последствия. Штерн не только не совершал таких действий, но и принципиально не мог их совершить. Штерн как заведующий консультативно-поликлиническим отделением не обладал правом выписки больничных листов, не был членом презывной комиссии военкомата и врачебно-трудовой экспертной комиссии.

Органы предварительного следствия, игнорируя вышеизложенное, привлекли врача Штерна М. Ш. к уголовной ответственности за должностное преступление по ст. 168 УК УССР.

Это попытка следствия профессиональным действиям Штерна придать вид действий должностных.

При этом оно допускает прямое искажение фактов, обвинив врача-эндокринолога, заведующего поликлиническим отделением Винницкого областного эндокринологического диспансера Штерна М. Ш. в получении взяток за действия, не связанные с оказанием им непосредственно медицинской помощи.

Для обоснования сказанного перейду конкретно к анализу эпизодов.

Э п и з о д Г у ж в ы М. Ф.

Штерну М. Ш. было предъявлено обвинение в получении взяток от Гужвы С. И. на сумму 150 рублей и в получении от него же мошенническим путем 250 руб.

Следствие ссылается при этом на показания Гужвы С. И., его жены Гужвы М. Ф. и свидетелей Мельник и Михальского.

Однако достаточных оснований для признания показаний

супругов Гужвы достоверными даже у следствия не было. Задолго до встречи с доктором Штерном молодой женщине Марии Федоровне Гужве в селе Плисково Погребищенского р-на Винницкой области была сделана операция на щитовидной железе. При этом врачи ошибочно удалили ей и парашитовидные железы. В результате операции Гужва М. Ф. осталась тяжело больной женщиной.

"Я сразу знала, что у меня тяжелое пожизненное заболевание", — подтвердила Гужва М. Ф. в суде.

Естественно, что результаты неудачной операции были известны не только М. Гужве, но и ее мужу Гужве С. И.

Доктор Штерн к этой неудачной операции никакого отношения не имел. К нему они пришли тогда, когда Гужва уже была в тяжелом состоянии. Однако Гужва С. вопреки очевидности утверждает, что Штерн довел его жену до очень тяжелого состояния (т. 1, л. д. 18).

Одного этого факта достаточно для того, чтобы видеть направленность показаний Гужвы против Штерна, что Гужва сознательно Штерна оговаривает. Следствие, находясь в плену обвинительной версии, не удосуживается проверить этот факт.

Штерн утверждает, что отношения у него с Гужвой стали враждебными в связи с тем, что Гужва нечистоплотен в быту, пьяница и вор, укравший у него во врачебном кабинете ручные часы.

Это в суде подтверждено показаниями свидетельницы Балмазия — старшей медицинской сестры диспансера.

"Да, мне припоминается случай, когда из кабинета Штерна выбежал какой-то мужчина, заругался и побежал на улицу. Я спросила посетителей, в чем дело? Они сказали, что это пьяница. В это время вышел Штерн и сказал, что больной у него украл часы, а Штерн забрал их у него из кармана".

К сожалению, очная ставка в суде, назначенная на 25 декабря между Гужвой и Балмазия не состоялась. Я надеюсь, что суд, исходя из принципа — сомнения в пользу обвиняемого, поверит показаниям подсудимого Штерна и Балмазия. В этой связи нужно утверждать, что показания Гужвы С. И. неправдивы. На чем строится этот вывод?

Анализ показания Гужвы С. И. четко показывает их неправдивость. Гужва С. И. утверждает, что он попал на прием к врачу Штерну 14 сентября; что врач потребовал деньги и,

получив 15 сентября 1971 г. 50 руб. от Гужвы, в тот же день госпитализировал его жену; что деньги эти Гужва взял у тещи Мельник и при этом объяснил ей, что они предназначены для врача, который должен положить ее дочь Гужву Марию в больницу; что шоферу Михальскому, подвозившему Гужву к Мельник, Гужва тоже рассказал, что ему срочно нужны деньги для врача; что жена была госпитализирована 15 сентября 1971 г. после того, как он привез эти деньги и передал их врачу; что ездил он за этими деньгами из Винницы один, а жена сутки ночевала в Винницком пансионате, домой не возвращалась.

Эти утверждения Гужвы опровергаются материалами дела: из индивидуальной карты амбулаторной больной Гужвы М. Ф. видно, что она действительно 14 и 15 сентября 1971 г. была на приеме у доктора Штерна (т. 4, л. д. 39-41).

Однако Штерн ее не госпитализировал. ВКК выдала ей больничный лист с 15 по 24 сентября 1971 г. Из этой же карты видно, что М. Ф. Гужва с 15 по 24 сентября 1971 г. в диспансер больше не обращалась.

Следовательно, ее муж говорит неправду — в действительности она вернулась домой после того как Штерну якобы были даны 50 рублей.

24 сентября Штерн выдал Гужве М. Ф. направление на стационарное лечение.

Факт выдачи этого направления ни в какой мере не свидетельствует о получении Штерном за это денег, так как состояние здоровья Гужвы М. действительно требовало помещения ее в стационар.

Помещение в стационар определяется не направлением врача, а фактическим состоянием здоровья.

“Заведующий поликлиническим отделением не имеет никакого отношения к вопросу госпитализации. Любой врач может дать письменное направление на стационарное лечение. С этим направлением больной идет к заведующему терапевтическим или хирургическим отделением, которые вместе с главным врачом решают, есть ли показания для госпитализации. Если есть, то больного кладут в стационар. Если нет, то на обратной стороне направления пишут, что в срочной госпитализации нет необходимости, и рекомендуют продолжать амбулаторное лечение”.

Так утверждал в суде Штерн. Врач Бронштейн, допрошенная в качестве свидетеля по этому поводу, показала: *"Может любой врач направить на лечение в стационар, а решить окончательно может только главврач"*.

Главный врач Винницкого областного диспансера свидетель Урбанский показал: *"Порядок госпитализации у нас единый. Есть два вида: ургентная (срочная) и плановая госпитализация. Из поликлинического отделения может любой врач направить. Направление он должен обосновать клиническими и лабораторными данными"*.

Свидетели Мельник и Михальский опровергли в суде утверждение Гужвы о том, что он брал у Мельник 50 рублей для госпитализации его жены.

Оба эти свидетеля утверждали, что Гужва ездил к Мельник за деньгами тогда, когда его жена уже лежала в больнице в Виннице. *"Жена Гужвы была в Виннице, в то время я слышал, что лежит в больнице,"* — показал свидетель Михальский.

Мельник показала, что она дала зятю для врача утку, курицу, лук и чеснок. Когда она давала деньги и продукты, дочь ее уже лежала в больнице в Виннице.

Следовательно, свидетели Мельник и Михальский изобличили Гужву во лжи.

Из изложенного ясно, что свидетели Гужва С. И. и Гужва М. Ф. оговаривают Штерна, что Гужва С. И. не передавал Штерну 50 рублей за госпитализацию жены до помещения ее в больницу и не мог передать эти деньги в присутствии Гужвы М. Ф., так как в момент получения им денег от Мельник, Гужва М. Ф. уже лежала в больнице.

Если предположить, что даже Мельник и передала Гужве С. И. деньги для врача, то из изложенного видно, что он обманул и Мельник, так как ясно, что он деньги Штерну за госпитализацию не передавал.

О сговоре супругов Гужвы на оговор врача Штерна свидетельствует и нижеследующее: *"При встречах со мной Штерн говорил, что моей жене необходимо забеременеть, тогда она поправится. Она забеременела в августе 1973 г. Ей все хуже и хуже, а сейчас ее жизнь в опасности"*, — показывал Гужва у следователя (т. 1, л. д. 26). Аналогичные показания Гужва давал и в суде. Об этом же говорила в суде и Гужва М. Ф.:

"Штерн рекомендовал мне родить и тогда, может быть, лучше будет со здоровьем".

Штерн категорически отрицал приписываемые ему рекомендации, обращая внимание на их медицинскую неграмотность — беременность не может заменить функции отсутствующих у Гужвы паращитовидных желез.

Из амбулаторной карты больной Гужвы М. Ф. видно, что 18/III-74 она была на приеме у врача-гинеколога и с ее слов врач записал: *"Беременность носит б е з к о н с у л ь т а ц и и с э н д о к р и н о л о г о м, не спрашивала, можно ли ей рожать"* (т. 4, л. д. 52, обор.).

Эта запись также ясно свидетельствует об оговоре враждебно настроенных к врачу Штерну супругов Гужва.

Эндокринолог Штерн действительно направлял 17/II-1972 г. больную Гужва в Киевский институт эндокринологии на консультацию для решения вопроса о возможности подсадки ей паращитовидных желез, а также выдал ей 8/II-73 г. заключение для ВТЭК, которую она проходила в Казатине.

Супруги Гужва оговаривают Штерна, утверждая, что они ему дали в первом случае 35 рублей, а во втором 60 рублей.

Из осмотра тома 4, л. д. 45 видно, что Гужва М. Ф. впервые была направлена Штерном на ВТЭК для определения инвалидности 3/II-72 г. Если Штерн, как утверждает Гужва С. И., за такие документы требовал деньги, то почему Штерну не уплатили за направление на ВТЭК и установление в дальнейшем инвалидности и пенсии, а уплатили якобы через год, когда инвалидность и пенсия уже были назначены и речь шла только о переосвидетельствовании?!

Почему следствие считает голословными показания Штерна, а не показания супругов Гужвы? На этот вопрос нет ответа. Это объясняется тенденциозностью по отношению к Штерну.

Запись гласит: *"По распоряжению Штерна больная Гужва стала проходить в поликлинике диспансера необходимые исследования"*.

Гужва М. Ф. действительно тяжело больна и она имеет право на получение медицинской помощи в Винницком эндокринологическом диспансере. Никакого распоряжения Штерна о лечении больной Гужвы в деле нет!

Также несостоятельно обвинение в мошенничестве, связанное с взаимоотношениями с Гужвой.

Гужва утверждал, что он передал в период нахождения его жены в стационаре врачу Штерну 250 рублей и продукты, за лечение, которое в это время проводил Штерн. Оговор Гужвы был легко разоблачен в суде, который установил, что врач Штерн больную Гужву М. Ф. в стационаре диспансера не лечил, что вообще Штерн к больным стационара никакого отношения не имел. Я надеюсь, что этот эпизод будет судом исключен из обвинения.

Противоречивые показания супругов Гужва недостаточны для вынесения обвинительного приговора.

Э п и з о д Р ы б а ч у к - М а н ж и е в с к а я. Цитирую обвинительное заключение.

"20 апреля 1972 г. к Штерну М. Ш. обратились Манжиевская Л. С. и Рыбачук С. С. с просьбой госпитализировать их мать Любецкую К. Ф., болеющую тяжелой формой сахарного диабета и другими заболеваниями. Под видом отсутствия мест для лечения он длительное время отказывал в выдаче направления для помещения ее на стационарное лечение и, только получив от Рыбачук С. С. 25 рублей, направил ее мать на стационарное лечение".

В суде это обвинение было полностью опровергнуто!

Из амбулаторной карты больной Любецкой К. Ф. видно, что 20 апреля 1972 года она по указанию Штерна была записана на прием, что она в этот день была осмотрена окулистом, хирургом и эндокринологом, врачом Гамарник, которая, установив, что Любецкая смертельно больна (она вскоре умерла), выдала Любецкой 20 апреля 1972 года направление на стационарное лечение (т. 4, л. д. 71).

Врачи стационара, подтвердив диагноз врача-эндокринолога Гамарник, в тот же день госпитализировали Любецкую.

После исследования в суде стало ясно, что Штерн не имеет никакого отношения к стационарированию Любецкой, что он длительное время в ее госпитализации никому не отказывал, что он вообще не может нести ответственность за обвинение, которое ему также предъявлено.

В деле имеются показания Рыбачук, подтвержденные Манжиевской, о том, что Рыбачук в кабинете у Штерна за прием

на стационарное лечение их матери Любецкой К. Ф. положила врачу под бумагу, лежавшую на столе, 25 рублей.

Видел ли Штерн, как были положены деньги, они не знают, но могут точно сказать, что при них Штерн этих денег из-под бумаг не доставал. Обвинение Штерна за получение взятки за госпитализацию Любецкой было в суде опровергнуто.

В деле есть документ, подписанный Манжиевской и Рыбачук, в котором они утверждают: *"При приеме на лечение нашей матери врачом Штерном мы никакого подкупа не давали"* (т. 6, л. д. 63).

Считаю, что и при объективной оценке показаний этих свидетелей осуждать Штерна за получение взятки нет оснований.

Штерн утверждает, что он действительно принял Манжиевскую, Рыбачук и Любецкую, последняя находилась в этот момент в очень тяжелом состоянии, и он как опытный эндокринолог это наблюдал визуально. Как врач он не мог отказаться в медицинской помощи тяжело больной женщине.

Штерн утверждает, что никаких денег не видел и из-под бумаг деньги не доставал, кто и когда их оттуда забрал, если они были положены, он не знает.

Обвинение это показание Штерна не опровергло!

Предположить можно всякое: Штерн взял деньги, положенные под бумагу на его столе. Можно! Но в силу ст. 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

И если при этом иметь в виду еще и указание Верховного Суда СССР о том, что *"все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу обвиняемого"*. (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3-го июня 1969 г., п. 4, "О судебном приговоре"), то можно придти к единственно правильному выводу: Штерн не может быть осужден за получение взятки от Рыбачук. Я надеюсь, что суд разделит со мной эту точку зрения.

Эпизод с офицером запаса Гармасаром А. М.

18 июня 1968 г. по направлению горвоенкомата в Винницкий эндокринологический диспансер обратился офицер запаса Гармасар А. М.

Гармасар не случайно был направлен в эндокринологичес-

кий диспансер."Врачам медкомиссии военкомата я сказал, что у меня якобы увеличена щитовидная железа, а поэтому меня и направили в эндокринологический диспансер", — сказал в суде Гармасар.

Из анамнеза, собранного врачом Твердохлебовой, видно, что Гармасар был болен более 10 лет. Еще в Одессе, где он учился в институте, у него была обнаружена повышенная функция щитовидной железы, по поводу чего он принимал инсулин и какие-то таблетки.

В 1967-1968 гг. Гармасар по назначению врача медпункта завода № 45 принимал дийодтирозин (см. т. 5, л. д. 93).

В суде Гармасар показал, что он принимал в то время и мерказалл. Названные Гармасаром лекарства свидетельствуют, что у него был тиреотоксикоз.

Врач Штерн освидетельствовал Гармасара и в результате клинических исследований пришел к выводу, что Гармасар болен тиреотоксикозом средней тяжести.

Обвинительное заключение утверждает, что этот диагноз Штерн поставил Гармасару необоснованно, что все это было сделано умышленно, с целью последующего получения взятки у родителей Гармасара за освобождение сына от призыва на переподготовку в Советскую Армию.

Однако, в деле не было и нет ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что с врачом Штерном кем-либо велись переговоры по оказанию "помощи" офицеру Гармасару в освобождении его от призыва на переподготовку.

Сам Гармасар категорически утверждал, что он никаких разговоров с врачом на эту тему не вел, что ему был поставлен диагноз, соответствующий его фактическому состоянию.

Его мать — Гармасар Антонина Михайловна утверждала, что она впервые увидела Штерна в конце августа или в начале сентября 1968 г., т. е. через 2,5 месяца после того как ее сын был освидетельствован Штерном; к моменту знакомства ей было известно от ее соседки Малеванной (умершей в 1973 г.), что ее сын был освидетельствован и признан Штерном больным; что Штерн очень хороший врач-эндокринолог и он может оказать лечебную помощь ее сыну, что именно за это, т. е. за будущее лечение сына Гармасар дала Штерну 200 рублей.

Показания Антонины Гармасар во время предварительного следствия не давали основания для привлечения Штерна к уголовной ответственности за получение взятки, так как у следователя не было никаких доказательств того, что Штерн в момент освидетельствования Гармасара хотел освободить его за деньги от призыва в армию. Это нельзя рассматривать как взятку, так как данный вид преступления может быть совершен только умышленно.

Статья 168 УК УССР указывает точно: "выполнение или невыполнение в интересах дающего" какого-либо действия классифицируется как взятка.

Не обязательно, чтобы взятка была передана до совершения или после совершения определенного действия. Передача может состояться позже, но обязательно, чтобы "выполнение или невыполнение в интересах дающего" было о б у с л о в л е н о , чтобы должностное лицо было связано получением взятки или обещанием таковой.

Советская правовая литература справедливо подчеркивает: опасность взятки в том и заключается, что должностное лицо выполняет свои обязанности за подкуп, за незаконное вознаграждение (см. Ковалев и Шелковников. Взяточничество — тягчайшее преступление. "Советская юстиция", 1961 г., № 24, стр. 10; С. Бакланов. Существенный признак взятки — ее обусловленность. "Социалистическая законность", 1971 г., № 6, стр. 66, и другие).

"Не имеет значения, получена ли взятка до или после совершения действия, за которое она дана. Однако необходимо, чтобы выполнение этого действия было обусловлено взяткой. При отсутствии подобной обусловленности получение вознаграждения (подарка) за ранее выполненное служебное действие следует рассматривать не как взяточничество, а как дисциплинарный проступок" (Уголовный Кодекс РСФСР, научный комментарий, т. II, стр. 317. Об этом же см. Комментарии к уголовному Кодексу РСФСР, Москва, 1971 г, стр. 375, п. 7).

Защита уверена в том, что вышеизложенное понимал следователь и поэтому он решил провести судебно-медицинскую экспертизу, с помощью которой можно будет доказать, что в момент выдачи Гармасару документа для горвоенкомата у Штерна было на уме последующее получение взятки. Поэ-

тому он и выдал заведомо неправильное заключение не больному, а здоровому офицеру запаса Гармасару.

Такая экспертиза была следствием проведена.

Характерно, что в экспертную комиссию были включены два судебных медика и один терапевт. Эндокринолог, т. е. важнейший специалист, в состав ее не вошел. Судебно-медицинская экспертиза пришла к следующим выводам.

1. В настоящее время у Гармасара функция щитовидной железы не нарушена, т. е. спустя шесть лет экспертиза признала Гармасара здоровым.

2. Тиреотоксикоз — болезнь хроническая и если его не лечить, то может дать тяжелые осложнения, вплоть до смерти.

3. Поставленный Штерном 18 июня 1968 г. диагноз Гармасару не подтвержден объективными клиническими данными.

4. На основании изложенного, показаний Гармасара о том, что он не лечился по поводу тиреотоксикоза, и отсутствия симптоматики нарушения функций щитовидной железы в настоящее время можно утверждать, что в июне 1968 г. заключение, выданное Гармасару, не соответствовало состоянию его здоровья. Гармасар в 1968 г. не был болен тиреотоксикозом.

В начале судебного заседания подсудимый Штерн и его защитник заявили отвод профессору Кучуку. Я рад, что суд удовлетворил этот отвод, признав профессора Кучука некомпетентным в вопросах эндокринологии (см. т. 6, л. д. 62) и судом была назначена для проведения судебно-медицинской экспертизы новая комиссия экспертов, в которой из старых экспертов остался только врач Ольнев.

Новая судебно-медицинская экспертиза, проведенная в суде, дала совершенно иное заключение:

1. Тиреотоксикоз болезнь хроническая, однако литературные данные и клинический опыт дают основание утверждать, что редко встречаются случаи самоизлечения тиреотоксикоза средней тяжести.

2. Клиническая картина, описанная врачом Штерном, недостаточно убедительна для признания наличия у Гармасара в июне 1968 г. тиреотоксикоза средней тяжести, но дает основание для признаний у Гармасара тиреотоксикоза 1-й степени. Штерн пояснил, что и тиреотоксикоз 1-й степени также освобождает от призыва.

По указанию Штерна, для продолжения лечения больного Гармасара (через два дня после выдачи акта для военкомата, т. е. 20 июня 1968 г.) свидетель Егорова произвела Гармасару исследование основного обмена и в журнале учета записала, что основной обмен у Гармасара равен + 4%.

Штерн считал результаты этого исследования неправильными, так как они резко расходились с клинической симптоматикой.

Он произвел расчет основного обмена веществ у больного Гармасара по методу Риды и получил результат + 44%. На этом основании Штерн исправил запись Егоровой в журнале на + 44%. Однако Егорова стала возражать против исправления в журнале и восстановила результат +4%. В амбулаторной карте больного Гармасара Штерн после этого не стал исправлять результат и оставил + 4%. Основным документом является амбулаторная карта, а не журнал регистрации анализов.

Все это происходило через два дня после выдачи акта для военкомата и имело значение только для будущего лечения Гармасара.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы следует, что основному обмену как старому и весьма недостоверному методу диагностики значения не придают. *"Данные основного обмена учитываются в тех случаях, когда его показания совпадают с клинической симптоматикой. Если показания основного обмена не подтверждаются клинической симптоматикой, то мы его не ставим во главу диагностики"* — ответил в суде на вопрос защиты доктор медицинских наук профессор-эндокринолог Ефимов.

Очень показателен в этом плане и документ, находящийся в томе 6, л. д. 109, из которого следует, что 20 августа 1974г. Гармасару в областной больнице был произведен анализ основного обмена, показавший результат + 67%.

Характерно, что судебно-медицинская экспертиза, проведенная в период предварительного следствия, полностью игнорировала этот результат основного обмена, дав заключение, что в настоящее время у Гармасара тиреотоксикоза нет, а факт проведения Гармасару исследования основного обмена и его результат (+67%) **экспертиза скрывает**.

Защита считает нужным обратить внимание и на то, что

18 июня 1968 г. Гармасар в эндокринологическом диспансере был освидетельствован не только терапевтом-эндокринологом Штерном, но и невропатологом-эндокринологом Каменецким, который в индивидуальной карте больного Гармасара по неврологическим данным установил диагноз аналогичный диагнозу врача Штерна (см. т. 4, л. д. 69).

В суде свидетель Каменецкий сказал: *"У Гармасара была увеличена щитовидная железа, вся симптоматика — налицо. Моя задача состояла в следующем: я должен был как невропатолог подтвердить диагноз, поставленный Штерном"*.

Свидетель Каменецкий говорил в суде следующее: *"У меня никаких сомнений в правильности диагноза нет. Мой диагноз совпадал с диагнозом Штерна. Я разделяю ответственность с доктором Штерном за правильность диагноза, установленного 18 июня 1968 г. больному Гармасару"*.

По ходатайству защиты суд приобщил к материалам дела документ, выданный 11 декабря 1974 г. Институтом эндокринологии и химии гормонов Академии Медицинских Наук СССР (см. т. 6, л. д. 144). На вопросы, поставленные в письме юридической консультации № 14 МГКА Институт отвечает, что тиреотоксикоз может закончиться самоизлечением, это известно в клинической практике. Диагноз тиреотоксикоз средней тяжести, поставленный двумя врачами, терапевтом-эндокринологом и невропатологом-эндокринологом (если судить по записям в амбулаторной карте, произведенным врачами Штерном и Каменецким), по мнению ученых Института эндокринологии и химии гормонов АМН СССР, был обоснованным.

Из изложенного видно, что медицинскими данными, добытыми в суде, полностью опровергнуты выводы первой экспертизы, проведенной в период предварительного следствия, и получены все основания для привлечения к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения эксперта Ольнева, подпись которого стоит на двух разных заключениях судебно-медицинских экспертиз.

Исходя из вышесказанного, в качестве обвинительного материала могут быть приняты только показания свидетельницы Гармасар, которые звучат так: *"200 рублей я дала Штерну, чтобы он лечил сына. Со Штерном разговора о службе сына в Армии не было"*.

"Я деньги дала за будущее лечение больного сына, а не

за освобождение его от призыва на переподготовку, за это я бы 200 рублей не дала. Я вообще Штерну взятку не давала," — несколько раз повторяла Гармасар в суде.

Штерн отрицает получение денег от Гармасар Антонины.

Независимо от оценки показаний Штерна и Гармасар Антонины защита утверждает, что в материалах дела нет ни фактических, ни правовых оснований для осуждения врача Штерна по ст. 168 УК ССР по вышеизложенному эпизоду.

Более того: в соответствии с "Положением о медицинском освидетельствовании в Вооруженных силах СССР" медицинский документ, выданный Гармасару эндокринологом облдиспансером вообще не мог являться основанием для освобождения его от призыва на переподготовку.

Для окончательного определения состояния здоровья освидетельствуемого следовало бы направить его на стационарное обследование в лечебное учреждение.

Вопреки этому медицинская комиссия Винницкого горвоенкомата лишь на основании акта, составленного Штерном, приняла решение о признании офицера запаса Гармасара непригодным в мирное время.

Может быть, горвоенкомат совершил упущение?! Почему он в предписываемом порядке не направил Гармасара на обследование в госпиталь, как это положено?

Документ, подписанный врачом Штерном, являлся только основанием для направления офицера Гармасара на стационарное обследование. На основании этого документа медицинская комиссия горвоенкомата не имела право принимать решение о пригодности Гармасара к военной службе.

Так утверждает защита.

Штерн — опытный врач. Он хорошо знает, что в соответствии с Положением, до принятия окончательного решения результаты амбулаторного обследования Гармасара и диагноз будут медицинской комиссией горвоенкомата проверены в условиях стационара, что Гармасар может быть освобожден от призыва только после того как подтвердится диагноз, что выданный документ является основанием для направления Гармасара в стационар и не более.

Эпизод Маковей Н. В.

В январе 1971 г. житель Бершадского района Винницкой

области Маковой Н. В., страдающий тяжелой формой сахарного диабета, по совету своей родственницы был у Штерна дома на частном приеме.

"Он посадил меня в своем кабинете около стола. На столе была бумага. Штерн осмотрел меня. Я же положил под бумагу 25 рублей", — показал в суде Маковой.

Штерн признает факт получения от Маковой 25 рублей и рассматривает это как случай частного приема в своем домашнем кабинете.

Штерн осмотрел больного, установил диагноз, рекомендовал лечение, т. е. выполнил профессиональные обязанности и получил за это гонорар.

На следующий день Штерн вновь принял Макова, *"осмотрел его в своей квартире, а затем отправил в поликлинику для производства анализов и оказания медицинской помощи",* как написано в обвинительном заключении (см. стр. 5).

Без всяких оснований автор обвинительного заключения вышеизложенные профессиональные действия Штерна рассматривает как уголовно наказуемые.

Главный врач диспансера свидетель Урбанский на суде говорил, что диспансер никому в медицинской помощи не отказывал: *"если пришел на прием тяжело больной без направления, его надо записать на прием. Диспансер отличается своей активностью, мы активно принимали"*.

Следовательно, Маковой как житель Винницкой области имел право на оказание ему медицинской помощи в областном эндокринологическом диспансере.

Направление, выданное Штерном, никаких правовых последствий для Макова не имело. Решение о госпитализации Макова принимал не Штерн, а заведующий стационаром и главный врач. В деле нет никаких намеков на то, что Штерн в этом плане на них как-то воздействовал. Данный эпизод, как и другие, из обвинения Штерна должен быть исключен.

Эпизоды Дзисяк В. Г. и Безносюк А. В.

"18 февраля 1971 г. Дзисяк Вера Григорьевна без направления районной больницы по совету своей знакомой Крулицкой А. Н. попала на прием к Штерну, который, осмотрев ее, установил диагноз заболевания и направил на обследование в поликлинику, за это Дзисяк дала ему 10 рублей", — так гласит обвинительное заключение.

Из изложенного видно, что Штерн, если он получил от Дзисяк 10 рублей, был для нее лечащим врачом. Он получил деньги за профессиональную деятельность, что является поборами, а не взяткой.

Однако считаю необходимым обратить внимание на искажение материалов дела и в этом эпизоде.

Из амбулаторной карты больной Дзисяк видно, что она до приема у Штерна была на приеме у гинеколога (т. 4, л. д. 135, об.), что к Штерну она пришла, имея амбулаторную карту. При этих условиях ей вообще никакого направления районной больницы на прием в эндокринологический диспансер не дается.

Дзисяк дала Штерну деньги за его врачебную деятельность.

"Я приезжала на прием к Штерну два или три раза. Во второй или третий раз, когда я приезжала, я положила в карман его халата 10 рублей", — показала Дзисяк в суде.

"В первый раз я денег врачу не давала. Когда я решила дать деньги, то положила их в карман халата. Врач у меня денег не просил".

Далее в обвинительном заключении, по рекомендации Дзисяк *"к Штерну на прием тоже без направления районной больницы прибыла Безносюк Анна Васильевна. Осмотрев ее, Штерн выдал ей направление на обследование и лечение в Винницкую областную больницу имени Пирогова. За это Безносюк дала ему 10 рублей"*.

Защита считает, что выдача врачом, осмотревшим и обследовавшим больного, направления на консультацию в другое медицинское учреждение — профессиональная, а не должностная деятельность. Такое направление может выдать каждый рядовой врач.

Каждый гражданин СССР, нуждающийся в медицинской помощи, имеет право обратиться именно в то лечебное учреждение, которое по характеру его заболевания наиболее приспособлено для оказания квалифицированной медицинской помощи. Отказать во врачебной помощи ни одно медицинское учреждение не имеет право.

Это право гарантировано Конституцией СССР и "Основами законодательства Союза ССР и Союзных Республик о здравоохранении". Реальное осуществление этого права обеспечивает

ся законом, а не направлением на консультацию, выданным врачом другого лечебного учреждения.

Безносюк уплатила Штерну за медицинский осмотр, за установление диагноза, т. е. за профессиональную деятельность врача. Безносюк была принята врачом Штерном без официальной записи ее на прием. Амбулаторной карты Безносюк в диспансере нет.

Желая доказать вину врача Штерна вопреки логике и фактам, обвинение в данном эпизоде пошло на искажение материалов дела, утверждая, что Безносюк уплатила Штерну 10 рублей за выдачу ей направления на обследование и лечение в Винницкую областную больницу им. Пирогова. Штерн утверждает, что такого документа он вообще не выдавал. И нет оснований подвергать сомнению его показания. Считаю, что за это Штерн не должен нести уголовной ответственности.

Эпизоды Шевчук Г. Д. и Щур М. Т.

Шевчук Галина Дмитриевна в первой половине мая 1969 г. вместе с мужем обратилась к Штерну. Врач ее принял дома, осмотрел и за медицинскую помощь, которую он оказал Шевчук, получил 25 рублей. В дальнейшем Штерн направил Шевчук на прохождения анализов и осматривал в своем кабинете в диспансере. Еще два-три раза Шевчук была у Штерна на приеме дома.

Следствие считает, что Штерн, принимая Шевчук Г. Д. у себя дома, получил от нее взятку 25 рублей за ее последующее лечение в диспансере. Как это понять? А дома ее принимал бесплатно (!).

М. Ш. Штерн утверждал, что он получил от Шевчук гонорар за профессиональную деятельность врача, которую осуществлял в своем домашнем кабинете.

В 1970 г. больная Щур Мария Тимофеевна была принята врачом Штерном в эндокринологическом диспансере. Он ее обследовал, назначил лечение, и Щур дала ему за это 10 рублей.

"Он не требовал от меня денег, я дала по своей инициативе", — показывала Щур (т. 2, л. д. 53, об.).

В суде М. Т. Щур показала:

"Я давно страдаю заболеванием щитовидной железы. Мне в Винницком диспансере делали операцию. В 1970 г., когда я пришла в диспансер, то не оказалось моей карточки. Я обратилась к Штерну. Он разрешил мне выписать новую карточку

и сам принял и осмотрел меня. Штерн денег у меня не просил, я сама дала, так как решила его отблагодарить за прием”, — показала в суде Щур.

Считаю, что если Штерн получил от Щур 10 рублей, он не может нести уголовной ответственности.

Однако, этот эпизод должен быть исключен.

Следствие считает, что при первом посещении врача в домашнем кабинете Щур дала ему взятку 10 рублей за то, что он выписал ей рецепт, а следовательно, осматривал ее Штерн бесплатно. А вот при втором посещении в его домашнем кабинете Штерну была дана взятка за направление Щур на консультацию в Винницкий мединститут. Осматривал и на этот раз доктор Штерн больную Щур бесплатно.

Несерьезность таких утверждений очевидна. Она может быть объяснена только одним — желанием приписать Штерну криминал во что бы то ни стало.

Эпизод Лавренюка, Лозинского, Громоваго

Утверждается, что больной Лавренюк “без направления четыре раза был принят подсудимым Штерном в его рабочем кабинете поликлиники”. И за каждый врачебный прием Лавренюк давал Штерну взятку по 25 рублей, а всего 100 рублей.

Желая придать профессиональной деятельности врача вид служебных действий должностного лица, следствие утверждает, что Штерн получил от Лавренюка взятки, так как принимал его без направления районной больницы.

Характерно в этом эпизоде и то, что утверждения обвинения противоречат не только показаниям Штерна, но и показаниям самого Лавренюка, который говорил в суде, что у него было направление в Винницкий эндокринологический диспансер, что это направление ему выдал врач Пик из Бершадской больницы, что Штерн его принимал хорошо. На предварительном следствии Лавренюк сказал:

“Всего я был у Штерна четыре раза. Каждый раз я давал ему 25 рублей за то, что он меня лечил, принимал своевременно.” (т. 2, л. д. 15 об.). В суде он показал следующее: *“Мне выдал официальное направление в Винницкий диспансер врач Пик. Доктор у меня ничего не просил. Я сам решил так и давал ему по 25 рублей четыре раза. Мои показания на суде правильные.”*

Далее останавлиюсь на эпизоде с Лозинским:

"20 ноября 1967 г., консультируя больного с тяжелой формой диабета инвалида 1-й группы Лозинского Григория Дмитриевича, подсудимый Штерн выдал ему заключение о его состоянии здоровья для ВТЭК, за что получил у Лозинского 10 рублей."

Штерн считает, что если он и получил 10 рублей от Лозинского, то за врачебный осмотр, за свою профессиональную, а не служебную деятельность.

Сам Лозинский рассказал, что он неоднократно проходил осмотры для ВТЭК, и на этот раз он приезжал неоднократно в диспансер, прошел все анализы и после осмотра врачом дал ему 10 рублей *"в качестве гостинца"*.

Штерн обвинен в том, что он в октябре 1973 г. без направления районной больницы принял в своем рабочем кабинете Громова Д. А. и получил от него якобы за это взятку в сумме 25 рублей.

В обвинительном заключении сказано (стр. 28), что Громовой заплатил Штерну 25 рублей за медицинский осмотр, а не за прием без направления.

Защита еще раз хочет обратить внимание на то, что даже если бы Штерн и обвинялся в том, что он принял Громова без направления и оказывал ему необходимую медицинскую помощь, то и в этом случае врач Штерн выполнял бы только свои профессиональные обязанности, так как каждый гражданин имеет право на медицинскую помощь в случае болезни, и в этой помощи ему никто не имеет права отказать, независимо от того, имеет ли он направление в лечебное учреждение.

Считаю, что по изложенным эпизодам Штерн также не может быть осужден по ст. 168 УК УССР.

Эпизоды Шевчук Л. Г. и Терегайло М. Д.

Шевчук Л. Г. в 1973 году привела к врачу Штерну своего сына. Штерн осмотрел ее сына, установил диагноз, определил курс лечения и сделал тут же в кабинете укол из комбинированных гормональных препаратов, за что Шевчук уплатила Штерну 10 рублей.

Штерн утверждает, что он получил эти 10 рублей за свою профессиональную деятельность и в возмещение стоимости гормональных препаратов, затраченных им на укол, сделанный И. И. Шевчуку.

Следствие считает, что Штерн получил деньги за то, что он

принял Шевчука без направления и это была плата не за профессиональную деятельность.

Получается, что стоимость гормональных препаратов при этих условиях следствие целиком относит за счет врача Штерна, считая, что врач Штерн ввел эти дорогостоящие гормональные препараты Шевчуку бесплатно.

Терегайло М. Д. в ноябре 1971 г. привез свою дочь на консультацию к врачу Штерну.

В обвинительном заключении указано, что Терегайло с дочерью были на приеме у Штерна. Врач осмотрел Терегайло Н. М. и предложил ей удалить железы. *"После удаления желез в Тульчинской райбольнице Терегайло с дочерью вновь пришли на прием к Штерну"* (стр. 28 обвинительного заключения)

Следовательно, по обвинительному заключению, Терегайло никаких денег врачу Штерну за направление на удаление желез не давал. Из обвинительного заключения также следует, что Терегайло после удаления желез обратился к Штерну за медицинской помощью, Терегайло в приемной узнал от больных, что врачу надо уплатить за прием. Именно поэтому он так и поступил. Обвинительное заключение считает взяткой оплату Штерну медицинской помощи, которую он оказал Терегайло Н. М.

Штерн отрицает получение денег от Терегайло.

Из вышеизложенного видно, что Штерн необоснованно обвинен в получении взяток от Шевчук Л. С. и Терегайло Л. Д.

Эпизоды Калины, Островец, Тарановой, Зеленюка и Тузюка.

Все эти больные были приняты Штерном по направлению районных больниц или райвоенкоматов.

Они страдали физическим недоразвитием, для лечения которого применяются дорогостоящие лекарства.

В тех случаях, когда подростки приезжали без родителей, Штерн после осмотра предлагал им приехать на следующий день с родителями, которые должны иметь с собой деньги на эти лекарства. Когда они приехали с родителями, Штерн осмотрел больных, назначил каждому лечение, выписал лекарства.

Свидетель Калина А. Г. суде показала:

"Мне о деньгах Штерн ничего не говорил. Я сама дала ему 15 рублей".

Свидетель Островец в суде показала: *"Я думала поблагодарить доктора и дала ему деньги"*.

В суде был допрошен только Тузюк—сын. Тузюк Л.Ф. в суде показал: *"По дороге отец мне сказал, что дал Штерну 10 рублей и добавил, что дал эти деньги для того, чтобы Штерн ко мне лучше относился"*.

Свидетель Зеленюк Виктор в суде показал: *"Я положил на стол врачу деньги в сумме 5 руб. Я уплатил ему 5 руб. за прием. Пять рублей я врачу сам решил дать. Они были у меня и я дал их врачу"*.

Зеленюк мать и сын не подтвердили в суде показания, данные на предварительном следствии, в которых они говорили, что врач Штерн якобы сам им сказал: *"Заплатите же мне"*.

На предварительном следствии свидетель Таранова показывала, что она в приемной диспансера от больных услышала, что Штерну нужно за прием заплатить. Поэтому она при втором посещении врача дала ему 25 рублей. *"Здесь же в кабинете я дала Штерну 25 рублей, он взял деньги, поблагодарил"*, — рассказывала Таранова (т. II, л. д. 110).

В судебном заседании Таранова изменила свои показания и стала утверждать, что она заплатила врачу деньги за лекарства, которые были выписаны при первом посещении, а она их нигде не могла приобрести. Я считаю, что суд учтет показания Тарановой в суде, где она имела возможность в определенной обстановке и в присутствии Штерна уточнить показания, данные следователю.

Э п и з о д С о р о ч у к а .

В феврале 1971 г. на приеме у Штерна был Сорочук Ф.Е. с сыном.

Врач осмотрел младшего Сорочука, установил диагноз и назначил курс лечения. Сорочук Ф.Е. утверждает, что Штерн предложил ему уплатить 30 рублей, что он уплатил ему 17 рублей, так как больше с собой денег не имел, а остальные 13 потом привез врачу сын, который после этого еще дважды был на приеме у врача.

Штерн утверждает, что он этого случая не помнит, но допускает возможность оплаты за уколы. Штерн полагает, что если Сорочук Ефим еще дважды приезжал к нему на прием, то он

получал уколы, состоящие из комбинированных гормональных препаратов, и врачу была оплачена стоимость вводимых при инъекциях лекарств.

Сорочук Ефим следствием не допрошен. Объяснения Штерна обвинением не опровергнуты.

Из изложенного видно, что если даже признать, что Штерн получал деньги от больных, то это были только деньги за профессиональную деятельность. Штерн не выступал при этом в качестве должностного лица и может отвечать только за побо-ры, что в уголовном порядке не наказуемо.

Я постарался подробно проанализировать фактическую сторону предъявленного обвинения доктору Штерну в плане взяток. Я также сослался на закон и многочисленные разъяснения высших судебных органов Украинской Республики, Верховного суда Союза и РСФСР.

Считаю, что предъявленное обвинение Штерну в части получения взяток не доказано, его действия не наносят характер должностных преступлений. Он был и остался врачом. Он оказывал профессиональную помощь, а не должностную.

Прошу суд в этой части — из-за отсутствия в его действиях состава преступления — оправдать доктора Штерна.

Перехожу ко второй части обвинения. Штерну предъявлено обвинение в мошенничестве по ст.143, ч.П УК УССР. Следствие усмотрело обман или злоупотребление доверием больных, обращающихся к врачу Штерну в следующих якобы имевших место действиях:

а) Штерн вместо рецептов, которые должен выдавать врач после осмотра и назначения лечения, лично сам снабжал больных препаратами, часто рекламируя их как заграничные, дефицитные, дорогостоящие, в то время как это были обычные советские препараты, и получал за них суммы денег, значительно превышающие их стоимость;

б) врач Штерн, вопреки существующему положению, сам в своем рабочем кабинете, а иногда и дома, вводил больным гормональные препараты в виде уколов, при этом не отражал ни в амбулаторных карточках, ни в журнале учета вводимых инъекций, что именно он вводит тому или иному больному;

в) чтобы расположить к себе больных и их родственников, он постоянно подчеркивал им, что лечит больных своим особым штерновским методом, хотя при допросе самого Штерна

и других врачей Винницкого эндокринологического диспансера выяснено, что такого метода лечения не существует.

В обвинительном заключении обвинение Штерна по ст.143 УК УССР звучит так: *"С целью завладения деньгами граждан, злоупотребляя их доверием, путем обмана, под видом оказания помощи в приобретении "дефицитных заграничных" лекарств, которые якобы быстро излечивают больных, Штерн М.Ш. систематически получал от больных и их родственников деньги, фактически отпуская для больных обычные лекарства, стоимость которых была значительно ниже полученных Штерном сумм"* (страница 29 обвинительного заключения).

Хочу в этой части обвинения выделить некоторые факты.

Как лечил врач-эндокринолог Штерн подростков, у которых была задержка развития?

На этот вопрос хочу ответить показаниями самого врача Штерна на суде:

"Каждый врач, имеющий большой практический стаж, модифицирует общепризнанные методы лечения, внося в них иногда определенные коррективы, которые подсказаны врачу личным клиническим опытом. Я применял для лечения задержки развития роста известные гормональные препараты, но сочетание, дозировку, очередность применения я в каждом конкретном случае определял индивидуально".

"В моей модификации я применял комбинирование гормонов. В моей модификации, дававшей прекрасные результаты, применялись все известные гормональные препараты. Я применял голландский и югославский сустанон, венг. тский хориогонин, префизон--ФРГ, 10%-ный тестенат, 5%-2,5%-! 5%-ный тестостерон-пропионат. Все искусство--в комбинации этих препаратов".

"...Записи в карточках не соответствуют тому, что было в действительности. В карточках не отражалось то, что я вводил больным. Я не хотел, чтобы работники мединститута знали о моей модификации лечения до ее опубликования".

"...Ни одному врачу не запрещено ни делать инъекции, ни помогать приобретать лекарство. Может, я делал глупость, что в интересах больных брал лекарство и отдавал другим больным".

"...Никакими положениями не запрещено врачу проводить любую манипуляцию, если это делается в интересах больного. Для того, чтобы не прерывать лечения, не пропускать срок лечения, врач вправе предлагать больному лечение препаратами, имеющимися у него".

"...Применение моей модификации требовало, чтобы лечение производил сам врач. Медсестре можно поручить проведение элементарных инъекций. Введение внутривенных инъекций относится к компетенции врача. Я лично должен был определить чувствительность данного пациента к тем или иным гормональным препаратам. Я должен был лично определить реакцию на введение гормональных препаратов".

"...Я доказал свой метод на конкретных примерах, на примере Оверчук".

"...Я лечу больного, а не болезнь. Это мой принцип".

Действительно, достигнутые Штерном результаты лечения физического недоразвития у подростков резко выделялись при сравнении с успехами в лечении этой же болезни у других врачей. Это подтверждено. Врач-эндокринолог Бронштейн сказала в суде: *"В основном у доктора Штерна были поразительные успехи в лечении"*.

В томе 4 имеются амбулаторные карты больных. В них действительно отражены поразительные результаты, достигнутые доктором Штерном в лечении гипогенитализма, задержки роста.

Находим, что до обращения к Штерну этот подросток лечился у другого врача в течение четырех месяцев и за этот период не вырос ни на один сантиметр и не поправился ни на один грамм.

За аналогичный четырехмесячный период лечения у доктора Штерна, который сам вводил уколы из комбинированных гормональных препаратов, Оверчук вырос на 15 сантиметров и поправился на 7 кг.

Не менее разительные результаты лечения, проводимого Штерном, видны на примерах Байды, Прибеги, Коваля и др.

Штерн доказал, что при использовании одних и тех же лечебных препаратов, благодаря только искусству врачевания, можно достигнуть больших успехов в лечении.

Следствие же, вопреки фактам, вопреки логике, в действиях врача Штерна видит мошенничество. По его мнению,

Штерн обманывал больных и их родственников, постоянно подчеркивая, что он лечит больных каким-то особым, ему одному известным способом.

Защита категорически возражает против этого утверждения, так как оно не соответствует действительности.

Несмотря на блестящие результаты, врач Штерн не рекламировал свои успехи в лечении, и суд должен принять во внимание новаторство доктора Штерна.

Есть ли элементы обмана или злоупотребления доверием в действиях врача Штерна?

Эпизод Оверчук.

Сказано, что Штерн получил от родителей больного Оверчук 65 рублей за то, что обещал его вылечить заграничными препаратами. В действительности же Штерн обманул семью Оверчук, так как он дал им лекарства, которые стоят 26 р.85 коп. и сделал 4 инъекции сустанона, который стоит 5 руб.80 коп. Разницу 32 руб.35 коп. Штерн присвоил мошенническим путем.

Подсудимый Штерн утверждал, что он действительно ввел подростку Оверчуку 4 укола, состоящих из комбинированных гормонов, что в амбулаторных картах больного, не желая раскрывать свою модификацию, Штерн не указал комбинацию гормонов. Каждый укол стоил тогда по государственной цене 7-9 рублей. Штерн эти лекарства сам доставал не по государственной, а по рыночной стоимости. Наконец Штерн сказал, что он не обманул семью Оверчук и в главном — он действительно вылечил их сына, вводил ему дорогостоящие заграничные препараты, тратил на них свои знания и свой труд.

Свидетель Оверчук Анна Антоновна на суде рассказала: *"Я положила 25 рублей на стол Штерна, чтобы он достал лекарства. Штерн не говорил, сколько нужно денег. Сын приезжал, и Штерн давал ему уколы"*.

"Штерн меня ни о чем не просил. Я просила, чтобы он лечил сына. Я дала Штерну еще 10 рублей, так как думала, что на те 25 рублей лекарство кончилось. Мальчик подрос, поправился. Я не знаю, какое было лекарство. У меня нет претензий к врачу Штерну".

Что является основанием для утверждения, что в данном случае наличествует мошенничество? Таких оснований нет.

Использовать в качестве достоверных доказательств амбу-

латорные карточки, содержащие неполные данные или вообще не содержащие никаких данных о вводимых гормональных препаратах, нет никаких оснований. Это нельзя принять за основу. Данный эпизод следует исключить.

Э п и з о д М а т в и е н к о .

Как утверждает следствие, со 2 марта по 4 мая 1973 г. Штерн продал гр-ке Матвиенко А.С. коробку сустанона-250, стоимостью 4 руб.35 коп. за 25 руб., хореогонин стоимостью 5 руб. 72 коп. продал за 20 руб. и выписал рецепт на сустанон, за что получил от Матвиенко 10 руб.

Всего Штерн получил от Матвиенко 55 руб., а выдал ей лекарств, по мнению следствия, на 10 руб. 07 коп., обратив в свою пользу 44 руб. 93 коп.

Штерн не отрицает самого факта передачи Матвиенко лекарств и объясняет, что он дважды доставал для Матвиенко не сустанон, а хориогонин, что хориогонин — дефицитный препарат, который в аптеках бывает редко. Что он по рыночной, а не по государственной цене приобретал это лекарство для больных, действуя в интересах больных, которым нельзя было прерывать начатый курс лечения.

На стр.9 обвинительного заключения следствие допускает предположение относительно того, как дефицитные гормональные препараты попадали к врачу Штерну: *"...повидимому, сам приобретал в аптеках."*

Следствие не выявило, где Штерн получал лекарства, отсутствующие в аптеках, и не установило цены, по которой Штерн приобретал лекарства.

Без этих важнейших исходных расчетных данных вообще нельзя говорить о наличии обмана в действиях Штерна, который утверждает, что дефицитные гормональные препараты приносили ему сами больные. Иногда, разыскивая медикаменты, больные обращались к родственникам или знакомым, проживающим в Одессе, Киеве, Москве и других городах, и получали лекарства в большем количестве, чем нужно было на курс лечения. Хранить их не имело смысла, так как срок действия лекарств ограничен, и приобретенные по рыночным ценам лекарства люди по той же цене отдавали Штерну.

Эти показания Штерна подтвердила допрошенная в период следствия свидетель Волынкина, рассказавшая, что у нее оста-

лось две коробки хориогонина. Поскольку истек срок годности, она просила Штерна продать этот препарат по 15 рублей за коробку. Штерн это сделал (5, л. д. 62).

Показания свидетеля Волынкиной оглашались в судебном заседании.

Если объяснения Штерна, подтвержденные свидетелем Волынкиной, следствие не опровергло и не доказало (что Штерн покупал лекарства по государственным ценам), то и у суда не может быть никаких оснований для принятия государственной стоимости лекарств, отпущенных Штерном в качестве исходных данных, как об этом просит прокурор, считая, что в этих действиях есть состав мошенничества.

Свидетель Матвиенко в период предварительного следствия рассказывала, что она дважды приобретала у врача Штерна хориогонин, а не сустанон, что она сама определила, сколько надо за это лекарство дать врачу (т. 1, л. д. 91).

"Мне врач ничего не говорил о деньгах. Я сама давала ему деньги. За лечение он никаких денег не брал. Штерн мне суммы денег, которые я ему давала, не называл, – показала Матвиенко также в суде. И далее:

"Штерн мне цену не называл. Я знала сколько стоит хориогонин, а сознательно давала больше денег. Штерн меня не обманывал. Сын мой был вылечен за 6 месяцев. Я целиком врачу благодарна за лечение. Претензий у меня к доктору нет".

Э п и з о д К о н д р а т ю к .

21 января 1971 г. у врача Штерна была на приеме больная Кондратюк. После осмотра врач выписал ей фепранон.

"Я фепранон искала везде, и в Москве и в других городах. Когда Штерн дал мне это лекарство, я дала ему 5 рублей. Сколько уплатить, он мне не сказал. Я сама решила уплатить 5 руб.", – говорила Кондратюк в суде.

Следствие утверждает, что фепранон стоит 52 коп., а Штерн получил от Кондратюк 5 руб. Следовательно, он обманул ее на 4 руб.48 коп.

Если Кондратюк везде искала этот препарат и не нашла его в аптеках, следовательно, и Штерн не мог купить его в аптеке.

На чем основан вывод о том, что Штерн приобрел фепранон за 52 коп.?

В материалах дела нет ответа на этот вопрос, а, следовательно-

но, и нет оснований для осуждения Штерна за мошенничество по этому эпизоду.

Э п и з о д С у ш к о .

10 декабря 1971 г. у Штерна на приеме был Сушко Петр со своим отцом Сушко Михаилом Антоновичем. Врач осмотрел Петра, установил у него задержку в развитии и выписал лекарство. Потом Штерн достал из кармана 2 флакона тиреоидина и сказал, что таблетки надо принимать 3 раза в день. Сушко М.А. дал Штерну 10 руб.

Следствие утверждает, что Штерн получил 10 руб. за тиреоидин, который стоит 30 коп., т.е. Штерн обманул Сушко на 9 руб.70 коп. Против этого возражают и Штерн, и Сушко. Штерн рассказывал, что он не продавал Сушко тиреоидин, стоимость его столь незначительна, что он с этим не считался.

10 руб. Сушко дал за прием и осмотр, т.е. за профессиональную деятельность и за уколы, которые он вводил Сушко Петру. В суде Сушко сказал:

"Штерн дал два флакона тиреоидина. Цена флакона 15 коп. Я дал Штерну 10 рублей. Штерн сказал, что лекарство стоит 30 коп. Да, я писал собственноручное заявление о том, что к Штерну претензий не имею. Я дал 10 руб. за прием. Принят был в тот же день. Сын действительно ездил принимать уколы самостоятельно. Деньги сын не платил."

Нет никаких оснований утверждать, что врач Штерн в чем-то обманул М. А. Сушко. Следствие опять не учитывает стоимости гормональных препаратов, затраченных Штерном.

Сушко в суде сказал:

"Там записано неверно. Я таких показаний следователю не давал. Штерн назвал мне сумму, и на флаконе была написана цена, а я дал ему 10 р. за прием, а не за лекарство".

В материалах дела по эпизоду Сушко имеется очень показательное, по мнению защиты, противоречие: в протоколе от 16 июня 1974 г. (т. 2, л. д. 28) говорится: *"На этикетке стоимость по преискуранту 15 коп."*, а в обвинительном заключении: *"При осмотре флакона тиреоидина, представленного гражданином Сушко М. А., цена, указанная на флаконе, оказалась стертой"*. Так как оба документа подписаны одним и тем же прокурором Кравченко, то совершенно очевидно, что стереть цену мог только он с совершенно неблагоприятными намерениями .

Э п и з о д Б е з н о с ю к а .

В декабре 1972 г. Штерн принимал юношу Василия Безносюка, который приезжал вместе с матерью Безносюк Верой Леонтьевной. Следствие утверждает: что Штерн обманул Безносюк. Он передал 3 ампулы сустанона-250 и сделал 2 укола сустанона. Безносюк дала Штерну 20 руб., а лекарства стоят 7 руб. 15 коп., т. е. Штерн обманул Безносюк на 12 руб. 75 коп.

Почему следствие утверждает, что Штерн вводил Василию Безносюку уколы сустанона? На этот вопрос не может быть ответа.

Штерн говорит, что он вводил Безносюку укол, состоящий из комбинированных гормонов, что он вводил Безносюку голландский сустанон в качестве одного из компонентов.

Сама Безносюк в суде утверждала:

"В декабре 1972 г. я ездила к Штерну. Ему я дала два раза по 10 руб. Деньги вложила ему в карман. Штерн показал мне маленькую бутылочку с голландским лекарством, сказал, что моему сыну будет делать эти уколы. Никто не говорил мне, что надо платить деньги, я сама решила уплатить. Уколы в аптеке я не покупала. В виде благодарности я дала эти деньги... Я к врачу претензий не имею, я ему благодарна".

Данный эпизод должен быть также исключен.

Э п и з о д Б о г у ц к о й .

По обвинительному заключению Штерну вменено в вину то, что он допустил мошенничество в отношении Богуцкой, продав ей сустанон (см. стр. 30 обвинит. заключения).

Штерн утверждает, что вводил Богуцкому Виктору комбинированный укол, состоящий из нескольких гормональных препаратов, что деньги он получил за лекарство и свою профессиональную деятельность.

Свидетель Богуцкая в суде показала:

"Сын один ездил к доктору два раза. Штерн делал ему укол. Никто в очереди не говорил, что Штерну надо давать деньги. Врачу деньги я дала за прием. Штерн дал лекарство для сына. Сын денег Штерну не давал".

"Я дала врачу Штерну деньги не за уколы, не за лечение, а за хорошее поведение. Врачу я благодарна за лечение".

Свидетель Богуцкая утверждает, что она давала деньги врачу за его профессиональную деятельность, а не за лекарст-

во, которое он вводил сыну. Стоимость лекарства она врачу не оплачивала. И этот эпизод подлежит исключению.

Эпизод Бескурского.

Из обвинительного заключения следует, что Штерн якобы обманул и Бескурского Н. Т. тем, что получил от него 32 руб., а дал ему одну коробку префизона, стоимостью 2 руб. 30 коп. и 10 таблеток тиреоидина, стоимостью 20 коп.

Бескурский в суде подтвердил факт покупки у Штерна лекарства, но *"какие лекарства не помню, если найду флаконы и упаковку, то передам"*.

Бескурский, как у следователя (т. 2, л. д. 79), так и в суде не называл точно, что он купил у Штерна. В суде Бескурский показал:

"Из дома Штерн вынес 10 ампул. Сказал, чтобы сыну вводили уколы через сутки. Прошло 2 недели. Я поехал к Штерну. Он сказал, что даст еще лекарства. Я дал ему 7 руб. Штерн вручил мне флакон лекарств, в котором было 10 таблеток. Названия лекарств я не помню. Второй раз получил лекарства, ампулы были меньше".

Бескурский первый раз получил одни ампулы, а второй раз другие, меньшего размера. Следовательно, он получил разные лекарства.

Из амбулаторной карты видно, что Бескурскому был выписан не только префизон и тиреоидин, но и гонадотропин (т. 4, л. д. 353).

Суд осмотрел журнал фельдшерского пункта, в котором есть запись о том, что с 14/X-71 г. Бескурскому ввели 6 инъекций префизона. Записей до 14/X в журнале нет вообще. Первые уколы были получены у Штерна 23/IX-71 г. и эти 10 ампул, которые вводились через день, к 14/X были использованы. Следовательно, установить название лекарства, полученного Бескурским у Штерна, нельзя.

Из изложенного видно, что достоверных сведений о том, какие лекарства и в каком количестве были получены Бескурским у Штерна, в материалах дела нет.

Нет сведений и о том, где и за какую цену приобрел эти лекарства врач Штерн. Поэтому и нет оснований для осуждения Штерна по данному эпизоду за мошенничество.

Эпизод Полищука.

Следствие утверждает, что в марте 1973 г. Штерн получил с

потерпевшего Полищука Дмитрия Ивановича за одну коробку инсулина, стоимостью 2 рубля, — 25 руб., т.е. на 23 руб. больше.

Полищук Д. И. показал, что после приема у врача он пошел в аптеку и получил там часть лекарств, которые ему были выписаны. "Уколов" в аптеках не было. Случайно встретил Штерна на улице и рассказал ему о том, что обошел аптеки, а "уколов" не купил. Тогда Штерн достал из портфеля и дал одну пачку "уколов", а Полищук дал Штерну 20 руб.

"Я не могу сказать, какие медикаменты я получил в аптеке"; — сказал в суде Полищук. И далее: "Сколько денег уплатить, я у врача не спрашивал, а сам дал ему эти деньги".

Свидетель Струк Иван, сын Полищука, говорит, что Штерн дал Полищуку коробку инсулина.

Штерн утверждает, что он не мог дать Полищуку инсулин и взять у него за это 20 рублей, так как инсулин совсем не дефицитный препарат и всегда бывает в аптеках, и если Полищук ходил в аптеку, то он не мог не купить инсулина.

Если имел место этот случай, то Полищуку был передан дефицитный гормональный препарат, который в тот период можно было приобрести только по его рыночной, а не номинальной стоимости. Одними уколами инсулина гипогонитализм вылечить нельзя, а Штерн Ивана Струка вылечил. И это главное, не принять этого во внимание нельзя.

Если достоверно неизвестно, какой препарат Штерн передал Полищуку и по какой цене этот препарат Штерн приобрел сам, то нет оснований обвинять Штерна по данному эпизоду в мошенничестве. Этот эпизод должен быть исключен.

Э п и з о д К о в а л ь.

Коваль Мария Даниловна с сыном Владимиром в течение 1973 г. была неоднократно на приеме у врача Штерна.

Коваль в суде рассказала:

"В аптеке я уплатила около 7 руб. Штерн рассказал, как надо принимать лекарство. Одного лекарства не было. Мы поехали к Штерну на квартиру. Там он дал нам лекарство. В благодарность за это я дала ему 3 десятка яиц. Через полтора месяца мы снова приехали к Штерну. Штерн осмотрел сына. Сын заметно подрос. Штерн сделал ему укол. В третий раз мы приехали к Штерну домой. Он сделал сыну укол, а один укол дал домой. Я дала Штерну 15 руб. и курицу".

Аналогичные показания давала Коваль и на предварительном следствии (т. 2, л. д. 103).

Штерн утверждает, что он действительно трижды принимал дома Коваль Марию с сыном. Деньги он получал не столько как возмещение стоимости гормональных препаратов, сколько за врачебную помощь, которую он оказывал у себя дома. Он Ковалья ни в чем не обманул. И эти действия, как мошенничество рассматривать нельзя.

Э п и з о д П л я с у н - С о к у р.

"24 января 1969 г., принимая и осматривая Плясуна Сергея, страдающего гипогенитализмом средней тяжести Штерн сказал его матери Плясун-Сокур о необходимости дать сыну венгерским препаратом и дал ей 4 ампулы хориогонина, за что получил 40 рублей, тогда как стоимость их всего 2 руб. 28 коп. Он присвоил таким путем 37 руб. 72 коп.,— сказано в обвинительном заключении.

В действительности все было совсем не так. Никакого хориогонина Штерн гр-ке Плясун-Сокур 24 января 1969 года не давал, а только выписал на это лекарство рецепт. У следователя Плясун-Сокур рассказывала, что она искала хориогонин везде — в Одессе, в Киеве, посылала рецепт в Москву, но нигде препарата не нашла.

Штерн сказал, что попытается достать. Каким путем он достанет, она не знает. Пришла к нему в конце 1969 г. или в начале 1970 г., т. е. почти через год после того, как начала искать этот препарат, и Штерн сказал, что за 40 рублей можно этот препарат получить, за эту сумму он и был приобретен (см. т. 5, л. д. 143).

В суде Плясун-Сокур сказала:

"Я хориогонин искала в Одессе, Киеве, Москве, но нигде не смогла это лекарство достать. После разговора с женой военнослужащего Штерн сказал, что может нас обрадовать, у нее есть хориогонин, за который этой женщине следует уплатить 40 рублей. Я понимала, что это лекарство нельзя достать в обычном порядке и поэтому заплатила 40 рублей. Доктор Штерн меня ни в чем не обманывал и я к нему претензий не имею".

Штерн утверждает, что он помог Плясун-Сокур купить венгерский хориогонин по рыночной цене и ни в чем ее не обманул. Эти показания Штерна не только не опровергнуты

обвинением, но и подтверждены Плясун-Сокур, которая себя не считает потерпевшей. И данный эпизод подлежит исключению.

Эпизод Чернецкого.

"22 октября 1971г. за тестостерон-пропионат и апилак, стоимость которых 3 руб. 83 коп., Штерн получил у Чернецкого А. И. 15 руб., т. е. на 11 руб. 17 коп. больше".

Следствие утверждает, что данный факт подтвержден показаниями потерпевшего Чернецкого и записями в амбулаторной карте больного Чернецкого.

Это утверждение не соответствует действительности!

Чернецкий никогда не называл количество и название лекарств, приобретенных им у Штерна дома (см. т. 2, л. д. 132).

В суде Чернецкий показал:

"В аптеках лекарств не было. Он пригласил меня, чтобы я зашел к нему домой. Дома он дал мне лекарство, назвав его стоимость — 15 рублей. Лекарство было в ампулах и таблетках".

Штерн утверждает, что он не обманывал Чернецкого, что он дал ему лекарств на 15 руб., которых в аптеках города не было, но назвать их сейчас он не может.

Медико-фармацевтическая экспертиза по амбулаторной карте Чернецкого определила, что Чернецкому было выписано лекарств на 18 руб. 08 коп. (т. 5, л. д. 12), что только один апилак стоит 7 руб. 23 коп.

Утверждение следствия о том, что Штерн обманул Чернецкого, бездоказательно! Суд должен исключить и этот эпизод из обвинения Штерна.

Эпизод Полищук.

Следствие утверждает, что 12 декабря 1971 г. Штерн обманым путем получил от матери Полищука Сергея — Полищук М. П. 31 руб., петуха и 20 яиц, т. к. Штерн дал ей 4 пачки апилака, одну коробку гонадотропина, одну коробку сустанона и 2 флакона инсулина на сумму 45 руб. Действительная же их стоимость 13 руб. 78 коп.

Вышеизложенное якобы подтвердили потерпевшая Полищук и свидетель Полищук С. А.

Это утверждение не соответствует действительности! Поли-

щук М. П. никогда не перечисляла лекарства, полученные ею 12/XII-71 г. Она рассказывала в суде:

"Я с врачом поехала в аптеку и он купил в аптеке лекарств на 45 руб. Я дала деньги в аптеке или возле. Я дала еще 5 руб., так как не хватило 40 руб. Все эти медикаменты мы получили"...

..."Деньги я Штерну давала в аптеке или возле аптеки, об этом подробно сейчас не помню. Не хватило денег на те лекарства, которые были выписаны".

"Медикаменты были в коробках и в пачках. После этого мы еще два раза ездили с сыном. Сыну делали уколы по указанию доктора Штерна. Три раза делали сыну в диспансере уколы. Никто с нами о деньгах не говорил".

Полищук С. А. в суде не был допрошен. На предварительном следствии (т. 2, л. д. 87-90) он показал, что Штерн им передал два флакона инсулина, 4 пачки апилака, одну коробку сустанона, два флакона тиреоидина и еще два лекарства, наименования которых не помнит.

Следовательно, перечень лекарств, якобы полученных Полищук М. П. от Штерна, следствие заимствует не из показаний Полищука М. П. и Полищука С. А.

Если обратиться к амбулаторной карте больного Полищука, можно обнаружить, что 12/XII-1971 г. врач Штерн выписал Полищуку целый комплекс лекарств, судебно-фармацевтическая экспертиза оценила эти лекарства почти в 40 рублей (т.5, л.д.15).

Штерн показал, что помимо переданных лекарств он вводил еще Полищуку гормональные препараты. Денег за это не брал.

Однако вопреки этому прокурор утверждает, что показания Штерна опровергаются показаниями Полищука М. П. и Полищука С. А. *"Три раза делали сыну в диспансере уколы"*, — говорила мать, об этом же говорится в оглашенных в судебном заседании показаниях ее сына.

Из изложенного следует, что привлечение Штерна по ст. 143 УК УССР по данному эпизоду противоречит материалам дела. И этот эпизод подлежит исключению.

Э п и з о д Н е ч и п о р у к.

В 1972 году Нечипорук Анна Филимоновна с сыном Анатолием попала на прием к Штерну и просила его лечить сына.

Нечипорук на суде рассказала, что Штерн должен был приобрести для сына лекарство, и она дала ему 30 руб. Но за лекарствами она к Штерну не пошла, так как другой врач ей не советовал лечить сына у Штерна. Больше она к врачу Штерну не ходила, денег или лекарств с него не спрашивала.

Штерн поступок Нечипорук объясняет тем, что после него Нечипорук была на приеме у профессора Зелинского — злейшего врага Штерна, и это определило ее дальнейшее отношение к врачу.

Во время допроса Нечипорука Анатолия суд обозрел его амбулаторную карточку, в которой вообще нет сведений о том, что Нечипорук была на приеме у Штерна.

Характерно, что карточка заполнена рукой профессора Зелинского. *"Мою карточку заполнял сам профессор Зелинский"*, — сказал в суде А. Нечипорук.

В деле нет никаких доказательств того, что у Штерна было намерение обмануть Нечипорук. Она за лекарствами не пришла и за деньгами не пришла.

Где же здесь можно усмотреть мошенничество? И этот эпизод должен быть исключен.

Э п и з о д К о р о л я .

13 февраля 1973 г. на приеме у доктора Штерна был Король С. Г. вместе с больным сыном Королем Николаем. По поручению Штерна Король купил в аптеке на 25 рублей лекарств и принес их Штерну. Деньги в аптеке платил Король.

Утверждается, что из принесенных Королем лекарств, Штерн вернул одну пачку сустанона — 4 руб. 35 коп., на 2 руб. инсулина, на 59 коп. гонадотропина и тиреоидина на 15 коп., т. е. всего на 6 руб. 94 коп. Остальные лекарства на 18 руб. 06 коп., приобретенные на деньги Короля, якобы, остались у Штерна.

Откуда взят перечень лекарств, которые, по мнению следствия, получены Королем от Штерна?

В показаниях Короля С. Г. и его сына на предварительном следствии и на суде таких данных нет.

Если обратиться к показаниям, данным Королем С. Г. следователю (т. 2, л. д. 14), то и там не найти названий лекарств, полученных им у Штерна, а также стоимости этих лекарств.

Свидетели Григоруk и Музыка — сотрудники фельдшерс-

кого пункта показали, что они вводили Королю Николаю инсулин и гонадотропин.

Из амбулаторной карточки Короля и заключения судебно-фармацевтической экспертизы видно, что врач Штерн 23/II-1973 г. гонадотропин Королю не выписывал. Следовательно, утверждение о том, что Штерн 23/II-73 г. дал Королю гонадотропин, противоречит документам.

Штерн отрицает этот эпизод и обращает внимание на то, что он 23/II-1973 г. выписал Королю лекарств на 48 рублей, что установлено заключением судебно-фармацевтической экспертизы (т. 5, л. д. 14).

Штерн пояснил, что Король страдал тяжелой формой гипогенитализма, а в настоящее время он здоров, что эту болезнь вылечить одним инсулином и гонадотропином нельзя, что Штерн выписал Королю большое количество апилака для длительного приема по 3 раза в день, что Королю непременно должны были вводить хориогонин и сустанон.

Король, С. Г. в суде подтвердил:

"Сын в медпункте принимал уколы, а дома употреблял таблетки. Мой сын здоров, учится сейчас на механизатора".
"...Сын три раза в день принимал таблетки".

Ссылаясь на заключение экспертизы, Штерн утверждает, что только апилака (в таблетках) Король получил на 21 руб. 70 коп. (см. т. 5, л. д. 14).

Считаю, что и в этом эпизоде нет достаточных данных для обвинения Штерна в мошенничестве.

Э п и з о д М а л и ш е в с к о г о .

В декабре 1971 г. когда на приеме у Штерна был Малишевский Анатолий с отцом, якобы *"Штерн у отца этого юноши взял 24 рубля за 2 коробки инсулина, один флакон тиреоидина и одну коробку апилака, стоимость которых 6 руб. 16 коп., присвоив таким образом 17 руб. 84 коп."*

Подтверждено это якобы показаниями потерпевшего Малишевского П. П. и свидетеля Малишевского А. П.

Ни Малишевский — сын, ни Малишевский — отец никогда не называли лекарств, полученных от врача. На др. предварительном следствии потерпевший Малишевский П. П. говорил:

"Он дал лекарства: 10 флаконов для уколов, 2 пачки таблеток в зеленой и розовой упаковках" (т. 2, л. д. 129).

В суде он же говорил: *"Штерн выписал рецепт, дал два*

флакона. Один флакон с розовыми таблетками, второй -- с зелеными. Дал ампулы для уколов. Я дал ему 19 руб. 5 руб. я дал Штерну за хороший прием".

Следовательно, Малишевский уплатил за лекарство не 24 рубля, а только 19 рублей.

Штерн не признает этот эпизод и обращает внимание суда на то, что если даже верить Малишевскому в том, что он купил лекарства на 19 руб. у Штерна, то и тогда Малишевский не был обманут. Из амбулаторной карты Малишевского (т.4, л.д.546) видно, что ему были выписаны лекарства, которые оценены судебно-фармацевтической экспертизой на 19 руб. 85 коп. (т.5, л.д.13).

Вменение Штерну ст.143 УК УССР по этому эпизоду является бездоказательным, а следовательно и незаконным.

Я закончил анализ конкретных эпизодов, по которым Штерн М. Ш. привлечен по ч. II. ст. 143 УК УССР. Теперь я могу ответить на вопрос, поставленный выше.

В действиях врача Штерна нет никакого злоупотребления доверием или обмана лиц, которым он помог приобрести медикаменты. Не доказано, что Штерн приобретал эти медикаменты в аптеках по их государственной стоимости.

Одного этого довода достаточно для утверждения, что Штерн необоснованно привлечен по ч.II, ст.143 УК УССР.

Защита считает, что помогая кому-то сбывать ненужные им в данный момент лекарства, или занимаясь частной практикой без соответствующего разрешения, врач Штерн совершал проступки, за которые он может нести административную ответственность. В уголовном порядке его действия не наказуемы.

О Гражданском иске в уголовном деле

Заявлен иск о взыскании со Штерна 333 руб. 36 коп. в пользу потерпевших. Никто из потерпевших не просил взыскивать со Штерна какие-либо деньги. Они все утверждали в суде, что врачу благодарны и никаких претензий к нему не имеют. Об этом же многие потерпевшие говорили и во время предварительного следствия (см. т. 5, л. д. 176-187).

Более того, статья 29 УПК УССР предоставляет право суду вынести решение о возмещении материального ущерба по собственной инициативе только в тех случаях, когда имущест-

венный ущерб нанесен лицу, которое вследствие беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по другим причинам не может защищать свои интересы.

В данном случае это не установлено. И я также отвожу незаконные претензии прокурора в части гражданского иска.

Я хотел бы обратить также внимание суда на трансформацию показаний свидетелей Байда и Тимофеевой. Я жалею, что не все свидетели были в суде, что зачитанные показания отсутствующих свидетелей нуждались в уточнении, т. к. большая часть свидетелей не согласилась с записями их показаний, сделанных следователем Кравченко.

Я заканчиваю свою речь. Итогом ее должны быть некоторые весомые данные, которые суд не может оставить без внимания.

1. Ни предварительное, ни судебное следствие, ни показания свидетелей — не подтвердили, что в действиях Штерна есть состав преступлений — взятки или мошенничество, т.е. нет ст. 168 и 143 УК УССР в любой части этих статей.

2. Фактические обстоятельства дела таковы, что их можно рассматривать не как криминал, уголовно-наказуемый, а только как частную профессиональную врачебную практику при наличии добровольной оплаты ее.

3. Штерн не признавал и не признает себя виновным. Его доводы аргументированы, весомы. А фон подстрекательства к даче отрицательных показаний — не просто дурно пахнет. Этот фон уголовно наказуем.

4. Я надеюсь на соответствующую реакцию суда и на действия Министерства здравоохранения УССР, которое задолго до суда, задолго до у с т а н о в л е н и я в и н ы Штерна судом, указывало на то, что Штерн занимался взяточничеством и вымогательством и предписывало сделать это предметом широкого обсуждения медицинской общественности. Это все тот же фон и все тот же запах...

Граждане судьи! Мне понятна позиция Штерна, отказавшегося признать себя виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения. Как вы могли видеть, грозное на первый взгляд обвинение оказалось юридически несостоятельным и было полностью разрушено в процессе судебного заседания.

Я убежден, что элементарная юридическая логика и фактические обстоятельства должны показать, что перед вами

стоит абсолютно невиновный человек. Ни один из эпизодов предъявленного ему обвинения не содержит уголовно-наказуемых, в соответствии с УК, деяний. Совершенно правильно выразился Штерн: "Если бы бумага могла бы гореть от стыда, то многие материалы, лежащие на вашем столе, вспыхнули бы".

Вы должны решить судьбу не только доктора Штерна, но и всей его семьи, судьбу близких ему людей, которые ждут этого приговора и надеются, что вам удастся отвести все то, что находится за пределами Уголовного Кодекса.

Я убежден, что суд, проанализировав материалы уголовного дела Штерна, признает его невиновным, ибо только оправдательный приговор будет соответствовать истине.

С у д ь я. Стороны желают воспользоваться правом реплики?

П р о к у р о р. Нет, не желаю.

А д в о к а т. В таком случае, я тоже не вижу необходимости.

С у д ь я. Объявляется перерыв до 10 утра.

27 декабря 1974 г.

С у д ь я. Судебное заседание сегодня не состоится в связи с болезнью народного заседателя Подоненко и переносится на 10 утра 30 декабря. Да (*кричит*), запишите и передайте, что в связи с болезнью народного заседателя Подоненко, судебное заседание не состоялось.

П о л и щ у к. Хорошо. Мы обязательно это передадим.

30 декабря 1974 г.

С у д ь я. Подсудимому предоставляется последнее слово.

Ш т е р н. Граждане судьи, в последнем слове подсудимый обычно пытается защитить себя. Я не защищаюсь, я обвиняю. "Я обвиняю", — так говорил великий Золя, разоблачая "дело" еврея Дрейфуса. Так говорю и я, выступая в "деле" врача-еврея Штерна. Подсудимому предоставляют последнее слово... И я стою сегодня не только перед вами, но и перед... сотнями тысяч людей, которым я оказал врачебную помощь за 30 лет своей деятельности на поприще медицины. Я убежден, граждане судьи, что в этот памятный день, кроме вашего приговора, мне вынесут свой приговор сотни тысяч моих бывших пациентов, тысячи

больных, которым я облегчил страдания. Моя совесть врача, человека, мужа, отца и советского гражданина чиста. За долгие 30 лет врачебной деятельности я никогда не обуславливал оказание медицинской помощи получением каких-либо благодарностей. Я всегда исходил из интересов успешного лечения и исцеления больных. Рассуждения о якобы аморальности некоторых моих врачебных действий я оставляю ханжам, лицемерам и квасным патриотам.

Мой адвокат произнес блестящую речь в защиту подсудимого. Аргументация его была безупречной, в ней чувствовалась железная юридическая логика доказательств и глубокое знание, которое при любых обстоятельствах вызывает не только восхищение одних, но и невольное уважение других. Речь представителя обвинения произвела на меня тяжкое впечатление. Она была немощна, бледна, в ней не было юридической аргументации, в ней не был дан элементарный анализ моего дела. Прокурор просто пересказал обвинительное заключение, будто бы не было двухнедельного заседания.

По моему глубокому убеждению...

С у д ь я (к В. Штерну) Виктор, вы записываете?

В. Ш т е р н. Я не понял?

С у д ь я. Вы записываете?

В. Ш т е р н. Что записываю?

С у д ь я. Процесс... последнее слово.

В. Ш т е р н. Я не понимаю, какое это имеет отношение к делу?

Ш т е р н. ...обвинительное заключение, составленное следователем Кравченко Виталием Климентьевичем, является совершенно одиозной, неслыханной в наше время и недопустимой антисемитской фальшивкой. Это напоминает мне знаменитые "Протоколы сионских мудрецов" – грязную фальшивку о еврейском народе, использовавшуюся подручными бесноватого Гитлера – Геббельсом и Розенбергом. Я надеюсь, что суд разберется в этом. Кроме всего, мое обвинительное заключение это не только образец фальсификации, но образец, по-моему, юридического невежества. Я невольно вспоминаю слова Карла Маркса, еврея по национальности, как-то сказавшего, что "невежество принесет еще немало бедствий человечеству". Блестящая юридическая аргументация речи моего адвоката буквально нокаутировала, по моему мнению, представителя государственного обвинения. И только лишь по этой

причине я был лишен удовольствия услышать прокурорскую реплику после речи моего адвоката. Никто не претендует, граждане судьи, на лавры Александра Македонского, но речь моего адвоката, подобно мечу великого полководца древности, одним ударом разрубила гордиев узел моего так называемого уголовного дела, убедительно показала, что нет никаких юридических оснований привлекать меня к уголовной ответственности. Представитель государственного обвинения Криворучко пытался представить одиозный судебный процесс над врачом евреем Штерном, как обычный, банальный уголовный процесс над обычным взяточником и мошенником. Однако широкая международная огласка этого процесса, против которой я возражал и которой не желал, о которой несколько раз упоминал в своих репликах председатель суда, вечно переполненный зал суда и толпы народа на улице говорят о том, что этот процесс вовсе не обычный и вряд ли он имеет что-либо общее с уголовщиной. Ахиллесовой пятой обвинения оказалось юридическое невежество, ибо исходная позиция прокурора оказалась юридически беспочвенной. Мой адвокат, ссылаясь на статьи уголовного кодекса, комментарии Верховного Суда СССР, конкретные аналогичные судебные процессы, рассмотренные Верховным Судом, доказал, что нет никаких законных оснований привлекать врача Штерна к уголовной ответственности. После глубоко впечатляющей речи адвоката от пышной прокурорской мантии остались, по моему мнению, только жалкие лохмотья. И мне на мгновение даже стало жаль прокурора, потерпевшего в суде полное, по моему мнению, фиаско, которое представитель государственного обвинения полностью заслужил. Как в знаменитой андерсеновской сказке, король оказался голым, а обвинение юридически полностью необоснованным. Если бы на моем так называемом уголовном процессе присутствовали представители медицинской общественности даже социалистических стран, то я не сомневаюсь, что они были бы возмущены этой судебной... расправой, просто потому, что о суде здесь речь не идет. Они расценили бы этот процесс, как оскорбление всей медицинской корпорации.

Я, граждане судьи, не дал вам отвода в самом начале судебного процесса, ибо этот отвод был бы совершенно бессмысленным.

По моему глубокому убеждению, на любой состав суда в Вин-

нице можно оказать давление со стороны, чтобы добиться неправового осуждения врача-еврея Штерна, но я еще не потерял надежду на справедливость суда и имел основание убедиться в том, что иногда он проявлял достаточную объективность. И я все же опасаясь, что, несмотря на официозные заявления об объективности и беспристрастности судебного разбирательства, мой процесс может стать продолжением трагикомедии следствия по моему делу, когда прокурор Кравченко при активной помощи профессора Зелинского, идейного антисемита, сфабриковал за пять месяцев следствия дело по обвинению врача-еврея Штерна во взяточничестве и мошенничестве. Думаю, что среди периферийных винницких работников есть и такие, которые проявили местную инициативу, поручив следователю Кравченко придать законную форму преследованию врача-еврея Штерна.

Я решительно протестую против гнусного обвинения во взяточничестве и мошенничестве. Это обвинение во взяточничестве и мошенничестве — только примитивный камуфляж с целью скомпрометировать и расправиться со мной. Мое дело является неприкрытой расправой за намерение моей семьи выехать из Советского Союза в порядке воссоединения семей, что не противоречит советскому законодательству и соответствует принципам и высоким идеалам Декларации прав человека, принятой ООН и подписанной всеми ее членами, в том числе и Советским Союзом. Мое уголовное дело сфабриковано по образцу гореизвестного московского "дела врачей" 1952 года, когда виднейших деятелей медицины, евреев по национальности, ложно обвинили в шпионаже и отравительстве. Забегая вперед, должен сказать, что, как и на процессе московских врачей 1952 года, в моем процессе фигурирует такой же герой-коLOSS обвинения, правда, на глиняных ногах — как врач Тимашук, это купленный свидетель обвинения Гужва. На моем процессе была произведена такая же лжеэкспертиза с помощью профессора Винницкого медицинского института Кучука, как и лжеэкспертиза на процессе 1952 года в Москве. Из уст моего учителя Николая Ароновича Шерешевского, директора НИИ эндокринологии, специалиста с мировым именем, имевшего несчастье сидеть на скамье подсудимых в 1952 году на московском процессе известных врачей, я узнал о печальном конце свидетеля обвинения на процессе московских врачей 1952 го-

да. Она погибла под колесами "случайного" автомобиля. Забегая вперед, скажу, что в сообщении о полной реабилитации всех московских врачей, без исключения, весной 1953 г. в правительственном сообщении было сказано, что судебно-медицинская экспертиза...

С у д ь я. Подсудимый Штерн, вы касаетесь вопросов, которые не имеют никакого отношения к этому делу. Пожалуйста, желательно услышать по этим вопросам ... что вы просите у суда, пожалуйста. Вы уходите в сторону. Пожалуйста.

Ш т е р н. ... судебно-медицинская... Неужели сравнение, граждане судьи, сравнение с тем, что в 1974 году была произведена фальшивая экспертиза, которая при помощи вашего объективного...

С у д ь я. Об этом есть в деле.

Ш т е р н. Я говорю...

С у д ь я. Нет, слишком.

Ш т е р н. ...о вашем объективном отношении к делу. Вы вывели из состава экспертизы самозванца Кучука. Разве не стоит провести такую аналогию? Это имеет прямое отношение к моему делу. Я, наверное, скорее всего... я рассчитывал на несколько часов, но сокращу до получаса ..я, может быть, это сделаю. Возможно, и нет особого смысла. Я прекрасно, конечно, понимаю, но вместе с тем мне кажется, что некоторые вопросы все же нужно осветить.

Граждане судьи, я убежден, что имеются лица, желающие принести врача Штерна в жертву для создания прецедента и показать, что аналогичным образом можно расправиться с любым человеком, приклеив ему подходящий, в кавычках, ярлык, как мне сейчас пытаются приклеить ярлык взяточника и мошенника. И суметь таким образом придать законную форму преследованию. Я хотел бы ошибиться в своих предположениях, что в соответствии со злым умыслом этот процесс должен послужить предостережением всем, кто пожелает использовать свое законное право на воссоединение семей и выехать в государство Израиль. Надо быть мужественным и смелым человеком, чтобы отважиться на это, зная, что тебя могут посадить в тюрьму по ложному обвинению. Я имею право себя назвать смелым и мужественным человеком. Я отношу себя к тем людям, которые предпочитают умереть стоя, чем жить на коленях и зависеть от зелинских, кравченко и им подобных. Понимая, что

широкая огласка моего процесса будет использована против Советской страны, я на протяжении шести месяцев, граждане судьи, пребывания в тюрьме, в своих многочисленных письмах во все инстанции взывал к справедливости, к гуманности, к благоразумию, к дальновидности. Я предупреждал, что широкая огласка моего процесса нежелательна, что надо остановиться, прекратить следствие и реабилитировать врача Штерна — нужного и полезного члена советского общества. Лишь в тюрьме я понял глубокий смысл знаменитого изречения: "Грехи людей мы режем на металле, а доблести их чертим на воде". Мои призывы к благоразумию и справедливости остались гласом вопиющего в пустыне, а следователь Кравченко не постеснялся спокойным голосом заявить, что меня сгноят в тюрьме, а мою семью уничтожат любимыми средствами.

За семь месяцев тюрьмы, граждане судьи, я познал всю бездну несправедливости, жестокости, садизма, изуверства, равнодушия, иезуитства. И даже после этого я согласен с великим сыном России, писателем, который так мне дорог: "Если нужно сделать выбор, кем быть, палачом или жертвой, я бы избрал только жертву и никогда не стал бы палачом". Я прекрасно понимаю, что каждый век имеет свое средневековье и поэтому я не удивляюсь, когда сталкиваюсь с самыми дикими проявлениями человеческой натуры. Я считаю мой процесс тоже анахронизмом. Как отдает средневековьем существование в наши дни таких воинствующих антисемитов и изуверов, как профессор Зелинский и следователь Кравченко. Нечего делать пугало из вопроса выезда в государство Израиль. Там живет такой же трудовой народ, как и все остальные народы. Там тоже пашут, выращивают сады, варят сталь, есть и там свой рабочий класс и его партия...

С у д ь я. Подсудимый Штерн, почему вы считаете, что наше правительство ... не разрешает выехать туда?

Ш т е р н. Вот я и говорю, что тысячи советских евреев воспользовались своим правом...

С у д ь я. Говорите по существу обвинения.

Ш т е р н. ... на воссоединение семей...

С у д ь я. Но вы же знаете, что ваши сыновья получили разрешение.

Ш т е р н. За то я сижу в тюрьме!

С у д ь я. Э... э... продолжайте.

Ш т е р н. Тысячи советских евреев воспользовались своим правом на воссоединение семей. Правом говорить, читать, писать на еврейском языке — древнейшем языке мира, языке Ветхого завета — Библии, величайшего памятника человеческой культуры.

С у д ь я. Подсудимый Штерн, нас не интересует культура... Вы в советском суде, а не в музее... Говорите, что вы просите у суда. Просите. Просите.

Ш т е р н. Я уже не знаю, что делать. Может, действительно, сказать два слова в отношении того, что я...

С у д ь я. Мы хотим услышать, что вы просите у суда, вот и все, что надо услышать нам. Что вы хотите от суда, что вы просите?

Ш т е р н. Бог с ним. Прислушаюсь к вам. Хотя откровенно говоря...

С у д ь я. Имеете право говорить, но только к тому... о том, что имеет отношение к делу.

Ш т е р н. Вы знаете, я вам скажу. Откровенно говоря, я очень сомневаюсь в праве перебивать подсудимого...

С у д ь я. Да, суд вправе, если только он касается вопросов, которые не относятся к делу.

Ш т е р н. В последнем слове все затрагиваемые мною вопросы имеют прямое отношение к делу.

С у д ь я. А вопросам... когда... по вопросам, относящимся к делу, говорите, сколько желаете. Пожалуйста.

Ш т е р н. Граждане прокуроры, т. е. судьи, как не сказать, что моя жена, глубоко верующий человек... я не с этой точки зрения... я, конечно, не могу, но она уверена, что внезапная смерть в 36 лет ассистента кафедры судебной медицины мединститута Каляды, участвовавшего в грязной фальсификации данных по эпизоду с Гармасаром...

С у д ь я. Говорите, пожалуйста, о деле.

Ш т е р н. Ну, Бог с ним, все еще до того... Ну, Бог с вами. Еще несколько слов и все кончено. Граждане судьи, я хочу обратить ваше внимание на один весьма важный для меня как для врача вопрос. Этот вопрос о моей модификации лечения больных гормональными препаратами. Не только нарушения полового развития подростков, но и половых расстройств эндокринного происхождения у взрослых. Я крайне сожалею, граждане судьи, что не успел опубликовать почти вполне

законченные наблюдения и материалы, где указана не только каждая инъекция, а даже даты этой инъекции. За 30 лет работы я научился лечить не болезнь, граждане судьи, а больного. Я научился в каждом отдельном случае заболевания подбирать наиболее оптимальный вариант комбинации гормональных препаратов. Я научился в каждом отдельном случае подбирать частоту введения гормонов. Ведь можно же в одних и тех же условиях собирать с гектара 15 центнеров хлеба и 50 центнеров. Я научился собирать при лечении гормональными препаратами не 15, а 50 центнеров. Я должен без лишней скромности сказать, что моя модификация применения гормональных препаратов давала поразительные эффекты. Слово "поразительные" было впервые сказано не мною. Я такого слова не употреблял. Оно было сказано 25 декабря в суде свидетелем Бронштейн, врачом-эндокринологом с 12-летним стажем работы, которой поручено сейчас заведовать поликлиническим отделением эндокринологического диспансера. Она признала результаты лечения "просто поразительными".

Ничего удивительного нет в том, что я лично вводил, граждане судьи, больным гормональные препараты, особенно пробные дозы комбинированного гормона, состоявшего из нескольких препаратов. Только я мог, граждане судьи, определить чувствительность к препаратам, только при личном наблюдении я мог подобрать индивидуальную дозу комбинированного гормона. К тому же гормоны, поскольку это часто масляные препараты, они нередко вызывают инфильтраты. Предупреждение инфильтратов зависело во многом от того, что я сам, врач, вводил гормональные препараты. И вот результат — вы не слышали, граждане судьи, ни единого случая об осложнении, о масляном инфильтрате. Вы помните, наверное, слезы свидетельницы — матери Байды Степана. Вы помните, наверное, последние слова свидетеля, самого Байды Степана, который сказал, что он будет помнить меня, доктора Штерна, всю свою жизнь, что это я сделал его здоровым.

Мать Байды Степана сквозь рыдания сказала, что ее сын Степан Байда был полным калекой и что полтора года доктор Штерн бескорыстно лечил его. Он ездил к доктору почти каждое воскресенье. Доктор Штерн вылечил ее сына от "калицтва" (инвалидности), она не может словами выразить свою благодарность доктору Штерну за то, что он "спас ее сына".

Мать Байды Степана, высокого, рослого, здорового молодого мужчины, счастливого, что он здоров, не досказала того, что хотела, не спросила: "За что вы посадили в тюрьму доктора Штерна? Ведь он спас наших детей. Верните ему свободу. Дайте ему и дальше спасать и лечить людей".

Смею заверить вас, граждане судьи, что я не преувеличиваю. Я достоверно знаю, что это так. Разве в материалах моего уголовного дела мало подобных высказываний о докторе Штерне? Например, в томе 3, лист дела 271 свидетель Пидласко Тихон Васильевич пишет: *"Лечение было очень успешным. Сын буквально изменился. вырос на 13 см., прекратились припадки, от которых его лечил академик Маньковский. Ничего подобного о взятках я не слышал, а благодарить – благодарил доктора Штерна за то, что он лечил нашего сына"*.

Например, в томе 3, граждане судьи, страница 19-20, свидетельница – простая крестьянка Орент Мария говорит: *"Никаких денег доктору Штерну я не давала. К тому же я считаю себя в большом долгу перед врачом, который спас моего сына"*.

Следователь Кравченко не захотел увидеть и другие примеры моей абсолютной бескорыстности. В томе 3, лист дела 258-259 допризывник Коваль Виктор говорит: *"Дедушка сказал врачу Штерну: "Может, Вам заплатить?" Врач ответил: "Никаких денег мне не надо. Лечить людей – это долг врача"*.

Смею вас заверить, граждане судьи, что если Байда Степан сейчас здоров и счастлив в свои 18 лет (вы его видели и слышали при даче показаний в суде), – это благодаря тому, что я лечил его полтора года по своей модификации: вложил всю душу в этого юношу-калеку и добился невероятного – излечения от почти неизлечимого – евнухондизма, редкий случай даже в мировой эндокринологической практике. Ибо медицина, являясь достижением многих, остается неповторимым искусством одного врача.

Я излечил за 30 лет, граждане судьи, сотни, тысячи Пидласко, Оrentов, Байд. И делал это совершенно бескорыстно, а меня Кравченко и Зелинский хотят сделать взяточником и мошенником.

Большой Громовой обратился ко мне в самый тяжкий период человеческой жизни – старости. Недаром великий ученый, лауреат Нобелевской премии Илья Ильич Мечников сказал в своих "Этюдах человеческой природы": *"Старость – это величайший дис-*

сонанс человеческой природы”. Кстати, жизнь Мечникова в царской России — яркий пример геноцида. Он был евреем, подвергался гонениям черносотенных профессоров и был вынужден покинуть свою родину — Россию и выехать во Францию, которой он принес новую славу...

С у д ь я. Просьба говорить к суду. Вы повторяетесь.

Ш т е р н. Я очень сомневаюсь в том, что многие знают: Мечников — еврей.

С у д ь я. Если вы для суда говорите, то поверьте, что суд знает.

Ш т е р н. Ну, согласен, согласен, учту это.

С у д ь я. Даже если мы не знали, то мы это узнали из ваших заявлений, которые здесь есть. Мы очень многое узнали того, что не знали.

Ш т е р н. Я учту.

С у д ь я. Вы обращаетесь к суду, а не к публике.

Ш т е р н. Я все выбрасываю. Наоборот, уж вам излишне меня обвинять. Я и так сдерживаюсь изо всех сил.

С у д ь я. Я просто говорю, что то, что вы говорите, уже есть здесь. Вы у суда просите, просите!

Ш т е р н. Я все свои тормоза включил для того, чтобы сдержаться. У гражданина Громового было большое горе: умерла жена, одному жить было трудно, решил жениться и поэтому в 70 лет обратился за помощью восстановить половую потенцию. Я весьма неохотно взялся за лечение Громового. Трудно в 70 лет возвратить молодость. Но Громовой слышал от одного односельчанина, что только доктор Штерн может совершить чудо. Как сказал сам Громовой, он помолодел лет на 25. Должен подчеркнуть, что дома Громовой получал только поддерживающие дозы гормона. Главное же лечение Громового состояло во введении мною комбинированного гормона по специальной схеме. И я сейчас покажу, что это так. Вы слышали из уст самого Громового, что он здоров и очень благодарен доктору Штерну. Но вам, граждане судьи, надо было бы слышать, как на одном из допросов следователь Кравченко интересовался, какое лечение я применил Громовому, что он стал снова мужчиной в 70 лет. Следователь Кравченко интересовался этим, наверно, в личном плане. Он тоже старый человек. Я ему сказал: "Посмотрите в карточку и перепишите для себя схему лечения". Кравченко, человек не глупый, ответил: "Нет, вы скажите, что за комбинацию

гормонов вы ему вводили, когда он приезжал к вам”. Я ему предложил: ”Когда выйду из тюрьмы, придете ко мне в порядке частной практики, тогда я вам помогу”.

Я могу привести сотни примеров исцеления мужчин среднего и даже молодого возраста от половой слабости — причины многих семейных конфликтов, разводов, драм и трагедий.

Мне сообщили граждане, судьи, печальную весть. Через пару месяцев после моего ареста умер больной, 50 лет, Тимченко Юрий Трофимович, проживавший в Виннице, по улице Красных партизан, 5-22. 20 лет я лечил этого несчастного человека, отец которого Тимченко, не знаю его инициалов, похоронен в Виннице в парке Козицкого. У него была опухоль гипофиза. Лечение рентгеновскими лучами не давало эффекта, и он должен был погибнуть еще 20 лет назад. Видный ученый профессор Альперович, невропатолог наш, направил в 1954 году Тимченко ко мне на консультацию. И я взялся лечить этого приговоренного к смерти больного гормонами. И это действительно было чудом — 20 лет Тимченко получал гормоны, ежемесячно я менял их количество, комбинацию по своей модификации, и Тимченко был практически здоров. Он женился и был счастлив. Но после моего ареста никто не смог регулировать гормональное лечение этого больного и за несколько месяцев он сгорел. Пусть смерть Юрия Тимченко будет на совести тех, кто посадил врача Штерна в тюрьму. Я хотел бы на этих примерах показать, что доктор Штерн не шарлатан, не мошенник, не взяточник. Жена Юрия Тимченко может показать, что я ничего не имел от этого человека, только открытки к праздникам со словами вечной благодарности.

Хотелось бы, граждане судьи, надеяться, что при решении судьбы доктора Штерна будет учтено, сколько счастья этот человек принес тысячам больных, сколько пользы еще может принести доктор Штерн, нужный обществу человек.

Я сожалею, что суд вызвал только огромное число свидетелей обвинения и всего лишь несколько свидетелей защиты. Если бы, граждане судьи, суд заслушал бы 112 человек свидетелей защиты, которых я просил вызвать, вы бы услышали правду о докторе Штерне, о его бескорыстии, о том, как он лечил больных.

Даже в тюрьме случился курьез: меня попросили врачи проконсультировать тяжело больного...

С у д ъ я. Это не имеет никакого отношения к делу. Но вы понимаете?

Штерн. Все, все я пропускаю. И все же хотел бы сказать о том, что не может быть случайным совпадением тот факт, что преследования нашей семьи начались именно с 10 мая 1974 года, когда из Москвы прибыло разрешение на выезд... на выдачу выездной визы моему младшему сыну Штерну Августу и моего отца запретить ему выезд. Я уже рассказывал о том, как в нашу квартиру проникли совершенно неизвестные нам люди, как мы об этом сообщили — я пропускаю это. Я не буду говорить о задержании моего сына, которое, несомненно, было возмутительным актом, хотя суд не имеет к нему прямого отношения.

Я прошу обратить внимание, граждане судьи, и думаю, что вы уже обратили внимание на то, что все заявления о моих "преступлениях" стали поступать словно по мановению чьей-то волшебной палочки одновременно с 14 по 17 мая 74 года. 29 мая я был уже арестован.

Я не буду касаться того, каким бандитским, гангстерским способом была изъята машина моего старшего сына. Вы сами убедились в этом. Я пропускаю...

Граждане судьи, я хочу обратить внимание на то, что в 1960 году у меня была примерно такая же история. Тогда профессор Колотова и группа местных антисемитов тоже пытались создать на меня такое же самое "дело". Но тогда не было выезда в Израиль и все ограничилось партийным взысканием, которое впоследствии с меня было снято.

Граждане судьи, вы почему-то упорно уходите в сторону и считаете, не вы, простите, прокурор считает, что профессор Зелинский никакого отношения к моему делу не имеет. Поскольку я убежден, что профессор Зелинский сделал все возможное, чтобы уничтожить доктора Штерна, я считаю нужным на этом остановиться. Для аналогии скажу следующее. Дубинка для слишком умных существовала на протяжении всей истории человечества. От нее погибли на костре Джордано Бруно и Ян Гус, и подвергался...

Судья. О том, что погиб Бруно, мы знаем очень хорошо...

Штерн. Хорошо...

Судья. И не меньше вас, может, знаем.

Штерн. Хорошо, согласен с этим. Но вместе с тем я хочу подчеркнуть...

Судья. Нам не нужно этого...

Штерн. ...что профессор Зелинский так хотел уничтожить

доктора Штерна, как в свое время Трофим Денисович Лысенко, 25 лет назад терзавший нашу науку...

С у д ь я. Тоже знаем эту историю...

Ш т е р н. ...уничтожил Вавилова.

С у д ь я. А если бы не знали, то мы бы уже изучили...

Ш т е р н. Так вот, профессор Зелинский, по моему глубокому убеждению, — не всякая ученая степень — степень учености, — это современный карьерист.

С у д ь я. Подсудимый Штерн, не употребляйте этих выражений.

Ш т е р н. Я же не сказал "антисемит".

С у д ь я. Карьеристом вы не имеете право также называть.

Ш т е р н. Нет, он карьерист самый настоящий. Я уже сдерживаюсь и не говорю больше. Это беспощадный и полный злобы человек. В профессоре Зелинском нет ни капли интеллигентности, настоящей образованности, нет моральной чистоплотности. Как человек и как эндокринолог, по моему глубокому убеждению, профессор Зелинский — настоящий карлик. Если бы доктор Штерн мог жить по принципу: карликам нужно низко кланяться, все было бы хорошо. Но доктор Штерн не мог согласиться с мнением человека, профессора ничего, по моему мнению, не смыслящего в практической эндокринологии, куда он пришел не из практики, граждане судьи, а из теории, потому что надо было несколько лет тому назад начать читать курс по эндокринологии.

Я уже не буду говорить о прямом столкновении с ним, когда я назвал его взяточником, ставшим миллионером за счет студентов, желавших поступить в Винницкий медицинский институт, — он долгие годы был секретарем приемной комиссии. Мне он сказал: *"Жаль, что вас, жидов, Гитлер не дорезал"*. С тех пор началась систематическая травля и компрометация со стороны Зелинского и его ассистентов, которым подвергали меня. Тут было все: слухи, сплетни, провокации. В последнее время я стал получать, как вам известно, анонимки самого грязного содержания, о которых я говорить не буду, учитывая просьбу председателя суда.

При допросе главного врача эндокринологического диспансера Урбанского вы убедились, что я с возмущением говорил об этих антисемитских анонимках. Профессор Зелинский считал нужным сидеть и отмалчиваться, хотя он тогда был секретарем

партийного бюро факультета института. Я убежден, что следствие решило воспользоваться услугами профессора Зелинского и его окружения, ибо только Зелинский мог подсказать органам следствия о случаях семилетней давности, например, с Гармасаром, четырехлетней давности — с Гужвой и с другими. Я уже не буду говорить, что он, как римский Катон, всегда говорил: "И кроме того, Штерн должен быть уничтожен".

Не буду говорить о способах подбора свидетелей. Я глубоко убежден в подлости и преступности его подготовки.

Я прошу, граждане судьи, обратить внимание на мои показания во второй день ареста во время моей очной ставки со свидетельницей Оверчук. Это мои доподлинные слова. Прошу обратить особое внимание на заявление гражданки Оверчук, что ее сын, может быть, был отравлен при лечении. Это свидетельствует о том (я говорил об этом на следствии, на очной ставке, на второй день ареста), что ее заявление кем-то инспирировано. Гражданка Оверчук тут же добавила: *"Кто-то другой платил вам деньги, чтобы вы неправильно лечили допризывников"*. Я подчеркиваю, хотя гражданка Оверчук, честная украинская крестьянка, отказалась от своего обвинения—она в суде говорила совсем иное, ей было стыдно за то, что она повторила грязные наветы. Граждане судьи, вы могли убедиться, что я не трусливый человек. Но мне стало страшно от этой первой очной ставки после ареста, когда простая крестьянка бросила мне в лицо, советскому человеку, выросшему в советское время: *"Вам поручили неправильно лечить допризывников. Вам кто-то другой платил деньги. Вы шпион"*. Неужели можно было равнодушно слушать эти немыслимые обвинения, достойные сталинских времен?

С у д ъ я. Она этого в суде не говорила. Пожалуйста, ближе к делу.

Ш т е р н. Следователь Кравченко не писал слово "шпион", которое сказала Оверчук. Однако из моей записи на очной ставке ясно видно, что меня называли шпионом и отравителем. Разве могла, граждане судьи, простая крестьянка додуматься до того, что доктор Штерн шпион? Нет, не могла додуматься до этого. Ее испугали, обработали, подготовили к оговору. И это могли делать люди только из окружения профессора Зелинского, потому что существует юридическая практика — "кому это выгодно". Пропускаю... (*пауза*). Не буду вспоминать, как мать Лисового Матвиенко то же самое с ужасом писали в прокуратуру: *"Пра-*

вильно ли лечили сына или она передоверилась врачу?" и так дальше. Выкину это. Возмутительный случай допроса Соловейчук и Тимошенко, которых вы не захотели вызывать.

Их принуждали к даче заведомо ложных показаний во время допроса в прокуратуре Ильенецкого района, им заявили, что я-врач-убийца, отравитель детей. Какое варварство! В XX веке, в цивилизованном мире блюстители закона прибегают к столь низким провокациям. Меня поддерживает надежда, когда я думаю, что простые крестьянки Соловейчук и Тимошенко отказались стать соучастниками преступления. Они отказались от того, что скрепила своей подписью трехглавая змея: Оверчук, Гужва и Гармасар.

В постановлении о моем аресте имеется всего лишь три фамилии: Оверчук, Гужва и Гармасар. Хотя это и топорная работа провинциального Шерлока Холмса—Кравченко, все же не спроста на первый план была выдвинута простая крестьянка Оверчук, прямо обвинившая врача-еврея в отравительстве и шпионаже... Мне хотели показать, какого мнения обо мне простые люди. Во втором эпизоде с Гармасаром мне хотели показать, какими страшными делами я занимаюсь. — освобождаю от армии. В случае с Гужвой мне хотели показать, как я наживаюсь. И все же, как я ни сдерживаюсь, я скажу одно: следователь писал (том 1, лист дела 52) в центральное управление сберкасс, что *"следствие предполагает наличие больших вкладов у Штерна"*. Вклады у доктора Штерна, как вы знаете, не оказалось, как не оказалось ни ценностей, ни денег. Полезно тут дать разъяснения воинствующим юдофобам всех мастей и национальностей: миф о богатстве евреев возник потому, что на протяжении всей своей истории евреи привыкли всегда расплачиваться прежде всего кровью...

С у д ь я. Подсудимый Штерн, не говорите об этом.

Штерн. Все, все. Выкину. Так... Выбрасываю... Должен пояснить вам, граждане судьи, почему такое большое количество свидетелей было представлено обвинением, в частности, следователем Кравченко. Представитель государственного обвинения уже, собственно говоря, не столь виноват, потому что он должен был идти уже вслед, в порядке спасения чести мундира. Когда оказалось, что больше нет гужв, гармасаров и оверчуков даже, решили взять тогда, если не умением, то хотя бы числом. Но вы видели, граждане судьи, что в суде все 39 свиде-

телей, за исключением Гужвы, отказались от своих обвинений, а многие из них просто благодарили доктора Штерна за лечение и так дальше.

Не буду останавливаться на всех эпизодах, никакой нужды в этом нет, потому что это сделал блестяще мой адвокат, однако скажу одно: все в наше время познается в сравнении. Не называя фамилий предыдущих процессов, я все же скажу о том, что если доктору Штерну предъявили "эпизоды", даже четыре "эпизода" по пять рублей, то в этом же самом зале происходили процессы, где каждый эпизод равнялся не менее 500, 1000, 1500 рублей.

С у д ь я. Зачем вы это говорите?

Ш т е р н. Я же фамилий не называл.

С у д ь я. Не надо этого говорить.

Ш т е р н. Граждане судьи, все познается в сравнении, а в тюрьме все известно и даже известно, кто во время процесса ест конфеты. *(Прокурор Криворучко поперхнулся и покраснел)*. Граждане судьи, антисемитизм — это философия плебеев. Следствию не удалось сыграть на этом древнем инструменте подонков и черносотенцев. И я хотел бы, граждане судьи, обратить ваше внимание на то, что меня оговаривают "свидетели" только из четырех районов области: Бершадь, Калиновка, Тывров и Липовцы. А 18 районов области, куда были посланы огромные списки с просьбой допросить моих бывших пациентов, с грозной препроводилкой Кравченко, в которой было указано все: и психология, и моя борода, которую так кое-кому хочется сбрить. Ни один человек из 18 районов, опрошенных двумя десятками следователей, не оказался в списках обвинения. Я думаю, что это совершенно не случайно, это должно было заставить авторов обвинения и прокурора Тарнавского, который утверждал "обвинение", задуматься над э т и м совершенно одиозным фактом.

Граждане судьи, я должен отметить, что очень многие материалы, собранные против доктора Штерна, были основаны на песке, на том, что следователь сам давал интерпретацию слов свидетелей. Я вам напомним случай со свидетельницей Пшик, 26 числа допрошенной в судебном заседании. Она сказала прямо: не приносила доктору Штерну курицу. Можно подумать, граждане судьи, что речь идет о быке. Она заявила, что следователь сам написал о курице, что она пойдет к этому следователю

и скажет ему, что так "не можна робити" (укр.: нельзя делать). Кстати, свидетельница Пшик благодарила меня со слезами на глазах за излечение сына, благодарила доктора Штерна за спасение жизни ее мужа.

Особенно показателен во многих отношениях допрос свидетеля Сушко. Я не буду подробно говорить, я выражал свое возмущение специально в заявлении, которое я написал суду. Однако, граждане судьи, как же так получается? Свидетель ясно говорит и десять раз твердо отвечает прокурору, что доктор Штерн назвал истинную цену лекарств — 30 копеек? *"Я ему сам дал"* якобы *"10 рублей"*. И хотя все было сделано, чтобы заставить под влиянием психологического нажима изменить эти показания, Сушко твердо стоял на своем. Спрашивается, как можно верить обвинению, написанному следователем Кравченко, если туда попадают такие прямо анекдотические эпизоды, как эпизод с Сушко, когда Штерн ясно сказал — 30 копеек. Нет, Штерн сказал: *"10 рублей стоит лекарство"*, — значит, он мошенник. Я думаю, что упорство в данном случае представителя обвинения выглядело довольно некрасиво, с той точки зрения, что прокурор же не обязан осудить обязательно обвиняемого, а только выявить истину. Я уже не буду говорить, учитывая вашу просьбу, какой конфуз получился с вопросом, кто приезжал к Сушко, оставив это на памяти судебного заседания.

На примере допроса свидетеля Сушко и многих других можно понять, почему, граждане судьи, следователь Кравченко не давал мне очных ставок со свидетелями. Ведь следователь их просто боялся, он прекрасно знал, что на очных ставках больные не будут оговаривать своего врача. И это действительно шулерство и незаконный прием. Председательствующий на суде судья Орловский дважды заявил, что это нарушение закона, что следователь Кравченко должен был провести очные ставки с моими больными.

Я еще несколько слов скажу о художествах следователя Кравченко, который не брезговал никакими средствами, чтобы показать, вот какие страшные люди эти штерны. Обо всем остальном, я надеюсь, вы догадываетесь сами. Это взяточники, мошенники и так дальше. По моему мнению, основатель ордена иезуитов Лайола может спать спокойно, у него есть достойный наследник.

Следователь чувствовал полную безнаказанность. Он считал возможным добывать слоновую кость, превратив только муху в слона. Граждане судьи, судите сами: том 3, лист дела 85, врач-окулист Тимофеева дает самые лучшие показания о докторе Штерне. Она считает доктора Штерна хорошим врачом, человеком. Она очень ясно говорит, что больные хорошо отзывались о докторе Штерне. Видимо, в ответ на вопрос следователя Кравченко она рассказала о сплетнях, распространяемых врагами Штерна из окружения профессора Зелинского: *"Говорили, что Штерн берет деньги, занимается частной практикой и не брезгует этим"*. Можно подумать, что частная практика — страшное преступление. Что же делает следователь-манипулятор Кравченко со словами свидетеля Тимофеевой. Вот как Кавченко переделывает эти слова в обвинительном заключении, страница 2: *"И как образно выразилась свидетель Тимофеева, говорили, что "Штерн берет деньги и что Штерн не брезгует ничем"*. Это же прямой, граждане судьи, подлог. Служебное преступление. Вместо слов *"занимается частной практикой"*...

С у д ь я. Об этом говорил ваш адвокат.

Ш т е р н. *"...и не брезгует ничем..."*

С у д ь я. Подсудимый Штерн, не повторяйтесь, пожалуйста.

Ш т е р н. *"...Кравченко написал: "... не брезгует ничем"*. Как видите, граждане судьи, не Штерн, а следователь Кравченко, без эпитетов, не брезгует ничем, лишь бы опозорить врача-еврея Штерна. Неужели этой сойдет Кравченко с рук? Забегая вперед, напомню, что на одном из допросов в тюрьме у меня началось кровохаркнье. Мой платок покрылся кровью. Я показывал этот платок и просил даже в письменном ходатайстве проверить, когда было кровохарканье на допросах. Я естественно обратил внимание следователя как человека на то, что я харкаю кровью. Но этот садист сказал прямо, что это не его дело и продолжал допрос, как будто ничего не произошло.

С у д ь я. Подсудимый Штерн, вы думаете над тем, что вы говорите? Садист?

Ш т е р н. Он садист, явный садист. Убежден в этом. Более того, я считаю, что он позорит советское правосудие, советскую прокуратуру. Перехожу к описанию важного факта моей трагикомедии. Речь пойдет о первой лжеэкспертизе.

Граждане судьи, я все же считаю нужным об этом сказать несколько слов. Я скоро заканчиваю. Как видите, я сокращаю речь, я почти ничего не говорю. Эта акция с экспертизой профессора Кучука должна была сделать позицию обвинения непоколебимой. Следователь Кравченко не новичок в прокуратуре и было бы совершенно наивно предполагать, что он не знал, как надо оформить участие профессора Кучука в судебно-медицинской экспертизе больного Гармасара. Кандидатура профессора Кучука была тоже не случайной. Это кандидатура профессора Зелинского. Зелинский и Кучук много лет работали на одной кафедре, это друзья, они обладают одними и теми же, по моему убеждению, идеалами. Даже больше, я уверен, что текст экспертизы составлен с участием профессора Зелинского-эндокринолога. Кучуку это, наверно, было не под силу. Кравченко знал, что если он поставит меня в известность, что бюро судебно-медицинской экспертизы по закону просит ввести в состав экспертов профессора Кучука, то я дам Кучуку яростный отвод. И вот старый прокурорский волк, у меня тут написано иначе, действует, как мелкий шулер. Он делает вид, что не знает, что член старой судебно-медицинской экспертизы Кучук — просто самозванец. Этот самозванец-профессор должен был при любых обстоятельствах обеспечить нужное обвинение заключению по делу Гармасара. Кравченко казалось, что все идет хорошо, как задумано. Даже при закрытии моего дела в присутствии адвоката Скрипника Дмитрия Пантелеевича не был выявлен этот прием жульничества. Кстати, следователь Кравченко сделал все возможное, чтобы не допустить присутствия при закрытии дела моего московского адвоката. И всем теперь ясно почему. Профессор Кучук знает латынь, пословица гласит: "Над мертвым львом и зайцы издеваются". Но, как видите, не получилось — я не мертв и над собой издеваться не дам. Правда, к сожалению, "Горе побежденному" (латынь), это я прекрасно чувствую. Я умру, но я не стану на колени перед Зелинским и Кравченко.

Вы знаете, граждане судьи, какой невежественный и малограмотный пасквиль сочинили профессор Кучук и другие — экспертизу по делу Гармасара. Я заканчиваю. Бог с ним. Выбрасываю все. Думалось так, по Каю Юлию Цезарю: "Пришел, увидел, победил" (латынь), а пришлось с экспертизой

обделаться: "Пришел, увидел, оклеветал" (латынь). Граждане судьи, еще несколько страниц — и я закончу, хотя я все комкаю и все выбрасываю. Бог с ним, по-видимому, так нужно.

С у д ь я. Хотелось бы все же услышать, что вы просите у суда?

Ш т е р н. Я скажу, что я прошу. Я не прошу. Я требую справедливости. Прошу возвратить меня к больным. Я категорически протестую против нелепых обвинений во взяточничестве и мошенничестве. Моя совесть абсолютно чиста, и я думаю, что я смогу принести еще много пользы больным людям.

Я уже не буду говорить, граждане судьи, о целом ряде невероятнейших искажений, которыми переполнено все обвинительное заключение. Я только вам напомним невероятный случай. Как мог попасть в обвинительное заключение такой случай с Байдой, где ясно сказано, что я мошенник и присвоил 70 рублей. Это неслыханно! Это говорит о том, что...

С у д ь я. Прокурор просил исключить этот эпизод.

Ш т е р н. Совершенно справедливо, но еще было бы более разумно, если бы при утверждении обвинительного заключения такие эпизоды вообще бы в него не попадали. Мне совершенно не понятно, каким способом следователь Кравченко вычисляет, что я истратил на лечение Байды 9 рублей 70 коп., таким образом присвоив себе 70 руб.24 коп. и сумел вылечить от тяжелейшего евнухондизма. Это, может, третий или четвертый случай во всей мировой практике.

Я думаю, что не должен вам напоминать, где я брал гормональные препараты. Я только должен вам сказать, граждане судьи, что, кроме свидетеля Вольнкиной, которая ясно написала, откуда у нее оказались гормональные препараты (хориогонин), следователь Кравченко внес в список еще 15 человек, имена которых он нашел у меня в столе. Он мог вызвать всех 15 человек и убедиться, что каждый из них принес, однако он сознательно не сделал этого.

Граждане судьи, можно быть частицей интернационального советского народа, но для этого вовсе не надо забывать, что ты еврей или украинец. И по этому вопросу я бы хотел сказать, что в обвинительном заключении на 10-й странице Крав-

ченко свой родной украинский язык называет презрительно местным жаргоном.

Я еврей, но я вырос на Украине, это земля родная для меня, ее люди мне близки и дороги, а язык является моим вторым родным языком. И я считаю, что это чудовищное оскорбление прекрасного народа и его языка. В желании меня опорочить Кравченко пишет: *"Штерн в разговоре с больными пользовался местным диалектом"*. Невероятно, но факт. Интересно было бы спросить следователя Кравченко, на каком же языке, на каком диалекте должен был разговаривать врач-еврей Штерн, на китайском? Японском? На языке людоедов из джунглей Центральной Африки? Какой диалект не был бы криминалом?

Из тюрьмы я писал своим родным стихи. Я... я ложился и вставал в тюрьме 7 месяцев с именем моей прекрасной жены на устах, чистую любовь к которой я пронес через всю свою жизнь. И все это я говорил не на русском языке, граждане судьи, я говорил на очень близком мне языке. И хотя здесь не место для поэзии, но все же несколько слов я скажу. Я каждое утро вставал, говорил такие слова:

Такої чистої, святої,
Такої рідної, як ти,
Такої ніжної, простої
Мені ніколи не знайти.
Таку не часто окинеш оком,
Такої тільки що марить,
А раз зустринеш ненароком,
Навіки долю озарить.

На этом же прекрасном языке, родном и близком мне, я писал своим детям:

Зломала буря дуб могучий,
Бо він скоритись не схотів,
А верболаз зостався гнучий,
Бо нахилитися зумів.
Не будь нікчемною лозою
У час лихий,
Або здолай в борбі з грозою,
Або поляж на прапор свій.

Граждане судьи, я заканчиваю. Я все же глубоко убежден, что этот процесс — не обычный процесс над взяточником и мошенником. Кое-кому хотелось, чтобы этот процесс превратился в кровавый пир. И все же я надеюсь, что вы разберетесь в доказательствах защиты и убедитесь, что перед вами стоит человек, который не совершил никакого уголовного преступления. Что он еще принесет достаточно много пользы больным. Я жду вашего справедливого приговора, который решит мою судьбу, судьбу моей семьи, он решит, вернется ли жизнь доктора Штерна в свое обычное русло или она пойдет совершенно по другому пути.

Я все же надеюсь, что Фемида советского правосудия останется с закрытыми глазами, что она не поддастся давлению со стороны и вынесет справедливый приговор, которого я ожидаю.

Судья. Суд удаляется для вынесения приговора.

31 декабря 1974 г.

Судья. Зачитывается приговор.

Именем Украинской Советской Социалистической Республики 1974 года, декабря, 31 дня. Судебная коллегия по уголовным делам Винницкого областного суда в составе:

председательствующего Орловского В.И.

народных заседателей: Лахтионова А.И.

Подоненко В.П.

при секретаре Пучковой В.Н.

с участием: прокурора Криворучко Г.С.

адвоката Аксельбанга Д.М.

рассмотрела в открытом судебном заседании в городе Виннице дело по обвинению —

Штерн Михаила Шаевича, рождения 25 декабря 1918 года, уроженца г.Жмеринка, Винницкой области, жителя г.Винницы, ул.Осипенко, 7, кв.9, еврея, с высшим медицинским образованием, женатого, исключенного из членов КПСС в связи с настоящим делом, работавшего заведующим поликлиническим отделением Винницкого областного эндокринологического диспансера, ранее не судимого, —

в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.168, ч.11 и 143, ч.11 УК УССР.

Заслушав показания подсудимого, потерпевших, свидетелей, заключение экспертов, речи государственного обвинителя и защитника подсу-

димого, последнее слово подсудимого, рассмотрев все имеющиеся в деле доказательства, судебная коллегия

Установила

Подсудимый Штерн М.Ш., являясь врачом-эндокринологом и занимая должность заведующего поликлиническим отделением Винницкого областного эндокринологического диспансера, в течение ряда последних лет занимался взяточничеством и мошенничеством.

Взятки он получал как заведующий этим отделением от больных и их родственников за выдачу разрешений больным, приехавшим из районов области без направлений местных больниц на прием и обследование в поликлинику диспансера; за оказание содействия в госпитализации таких больных в стационаре диспансера; за выдачу направлений в иные лечебные учреждения, в частности, Киевский научно-исследовательский институт эндокринологии, в Винницкий медицинский институт, в Винницкую областную больницу им.Пирогова; за выдачу заключений на ВТЭК и за другие действия, не связанные с оказанием им непосредственной медицинской помощи больным.

И да Штерн. Убийцы!

Судья. Кто это сказал?

Август Штерн. Я сказал.

И да Штерн. Я сказала. Мы все так говорим: "Убийцы!". *(Выходит из зала).*

Судья. Конкретно совершены им следующие факты взяточничества при обстоятельствах, изложенных ниже.

14 сентября 1971 года житель с.Плескова Погребищенского района Гужва С.И. вместе со своей женой Гужвой Марией Федосьевной, которой незадолго до этого в местной больнице была сделана неудачная операция по поводу удаления щитовидной железы, попросилась к Штерну в его рабочем кабинете поликлиники на прием.

Осмотрев больную Гужву М.Ф. (т.4, л.д.39—40), Штерн обещал принять меры при условии "магарыча". Восприняв эти слова Штерна как предложение дать ему денег, Гужва С.И., при котором тогда денег не было, пообещал ему в другой раз привезти денег.

По распоряжению Штерна больная Гужва стала проходить в поликлинике диспансера необходимые исследования. Сам он принял ее 15 сентября, продлив ей больничный лист на 10 дней,

а 24 сентября направил ее на стационарное лечение в диспансер (т.4, л.д.40—41).

За все это Гужва С.И. привез и в присутствии своей жены Гужвы М.Ф. вручил Штерну 50 рублей. А в течение времени, когда Гужва М.Ф. находилась на лечении в стационаре диспансера, он неоднократно приезжал к ней, заходил при этом к Штерну не только в поликлинику, но и домой. По указанному Штерном адресу привозил ему продукты — уток, лук, чеснок.

В связи с неэффективностью медикаментозного лечения Гужвы М.Ф. подсудимый Штерн 17 февраля 1972 года направил ее в Киевский научно-исследовательский институт эндокринологии для подсадки парашитовидных желез (т.4, л.д.45—46), за что снова получил от Гужвы С.И. в присутствии больной Гужвы М.Ф. 35 рублей.

В феврале 1973 года, принимая Гужву М.Ф. (т.4, л.д.51), Штерн выдал ей заключение для ВТЭК и за это получил от Гужвы С.И., тоже в присутствии его жены, 60 рублей.

Виновность подсудимого Штерна в получении по этим трем эпизодам в виде взяток денег в сумме 145 рублей доказана показаниями свидетелей Гужвы С.И., Гужвы М.Ф., которые в судебном заседании подтвердили это; показаниями свидетеля Мельник А.Г., показавшей, что Гужва С.И. одалживал у нее деньги в это время и говорил ей о том, что предназначаются они для подсудимого. вместе с Гужвой С.И. привозила в Винницу продукты для Штерна; показаниями свидетеля Михальского И.И., который тоже подтвердил факт одалживания денег Гужвой у Мельник в то время, когда жена его находилась в Виннице по поводу болезни.

Подсудимый Штерн не отрицает того, что Гужва С.И. привозил к нему домой продукты питания, а в отношении получения денег от супругов Гужва показания последних считает наветом. При этом утверждает, что Гужва С.И. — пьяница, нечистоплотен в быту, якобы когда-то похитил у него, Штерна, часы из его рабочего кабинета, но тогда же был Штерном уличен в краже, за что в порядке мести и стал давать на него ложные показания.

Утверждения эти коллегия рассматривает как ничем не обоснованные, голословные, рассчитанные на то, чтобы опорочить свидетеля Гужву С.И. и одновременно поставить под сомнение показания всех других свидетелей по данным эпизодам.

20 апреля 1972 года к подсудимому Штерну, находящемуся

в рабочем кабинете поликлиники, обратились сестры Рыбачук Станислава и Манжиевская Леонтина, которые привезли с собой мать Любецкую К.Ф., страдавшую тяжелой формой сахарного диабета. Обе сестры стали просить Штерна как заведующего поликлиническим отделением диспансера, определить мать на стационарное лечение в диспансер.

Поскольку у них не было направления из районной больницы, Штерн ответил, что не может удовлетворить их просьбу и, кроме того, добавил, что в стационаре диспансера в то время отсутствовали свободные места.

Тогда Рыбачук вынула из кармана и в присутствии Манжиевской и Любецкой положила на стол Штерна 25 рублей. После этого Штерн написал направление в регистратуру: *"Записать Любецкую на прием. Заполиклиникой Штерн"* (т.4, л.д.69). Сразу же ей в поликлинике были сделаны необходимые исследования, и она была помещена на лечение в стационар диспансера. Там она, спустя несколько дней, умерла.

О данном факте получения взятки Штерном от Рыбачук в конце апреля 1972 года стало известно главному врачу диспансера Урбанскому, который тогда же пригласил к себе Штерна для объяснения. Последний сказал Урбанскому, что это не соответствует действительности и в подтверждение своих слов пообещал достать ему расписку дочерей Любецкой о неправдивости такого обвинения. И действительно, такую расписку Штерн принес Урбанскому. Она подписана не только Рыбачук и Манжиевской, но и их мужьями. Данная расписка изъята у подсудимого Штерна дома во время обыска и находится в деле. Она была предметом судебного исследования.

Свидетели Рыбачук С.С. и Манжиевская Л.С. подтвердили изложенный факт и обстоятельства, при которых Штерн получил от них в виде взятки 25 рублей. Обе они при этом показали, что Штерн не только мог видеть, но и видел, как Рыбачук положила ему на стол эти деньги.

Обе они пояснили, что 3 мая 1972 года, после похорон матери, Любецкой, к ним в село от имени Штерна приезжала какая-то женщина, которая очень просила их написать и вручить ей расписку, в которой указать на то, что деньги Штерну они не давали. Поскольку эта женщина настойчиво добивалась от них получения такой расписки, они дали ей таковую. Написана она рукой Манжиевской, а подписана ими обеими, а также их мужья-

ми. Они же заявили суду, что уже перед началом настоящего судебного разбирательства к ним в село приезжали две женщины, которые просили их отказаться от показаний, данных в ходе предварительного следствия о получении Штерном взятки в апреле 1972 года.

Их мужья — свидетели Рыбачук П.К. и Манжиевский З.П. показали суду, что они действительно в мае 1972 года по предложению своих жен подписали упомянутую выше расписку и что затем узнали, что содержание ее не соответствует действительности. По словам жен, деньги были даны подсудимому.

Подсудимый Штерн признал, что сестры Рыбачук и Манжиевская действительно были у него на приеме 20 апреля 1972 года, привозили мать Любецкую, имели с ним разговор по поводу приема ее на стационарное лечение. Он написал ей направление в регистратуру и заявил, что не видел, как Рыбачук положила деньги на стол, не брал этих денег, допускает, что они могли быть подобраны там какой-либо сотрудницей диспансера, имевшей склонность красть.

Данное утверждение является голословным, необоснованным. Оно опровергается показаниями свидетелей Рыбачук С. С. и Манжиевской Л. С., а также действиями, предпринимаемыми подсудимым Штерном и в его интересах другими лицами с целью повлиять на указанных свидетелей, склонить их к даче ложных показаний по поводу взятки.

При оценке доказательств в этом случае судебная коллегия учитывает также изъятую у подсудимого Штерна перед началом данного судебного процесса и доставленную суду записку следующего содержания. *"К Манжиевской и Гармасар мои подъедут"*.

В связи с прохождением медицинской комиссии по направлению Винницкого горвоенкомата на прием к подсудимому Штерну 18 июня 1968 года прибыл офицер запаса Гармасар Александр Михайлович. Осмотрев его (т. 4, л. д. 86-88), Штерн без проведения необходимых в этом случае лабораторных анализов сразу поставил диагноз "тиреотоксикоз средней тяжести". В тот же день составил акт исследования здоровья последнего и передал таковой военкомату. На основании этого акта медицинской комиссией Винницкого горвоенкомата офицер Гармасар А.М. был признан негодным к службе в рядах Советской Армии в мирное время и ограниченно годным в военное время.

Подтверждено это материалами рассмотренного на судебном заседании личного дела офицера запаса Гармасара.

Спустя полтора-два месяца после этого подсудимый Штерн на своей автомашине "Волга" приехал в с. Сутиски, Тывровского р-на, где председателем сельского Совета депутатов трудящихся работает мать Гармасара — Гармасар Антонина Михайловна. При содействии местной жительницы Малеванной, ранее лечившейся у него, Штерн познакомился и встретился с Гармасаром А. М. При этом сказал ей, что с нее причитается "магарыч" за сына.

Гармасар А.М., зная от той же Малеванной, работавшей в райвоенкомате, о том, что Штерн как специалист-эндокринолог и заведующий поликлиническим отделением областного эндокринологического диспансера осматривал ее сына и при содействии Штерна сын освобожден от службы в Советской Армии, дала Штерну в качестве взятки 200 рублей денег, а также некоторое количество яблок, чеснока, два ведра пшеницы. Штерн, кроме того, попросил у нее еще и краски для ремонта его автомобиля.

Свидетель Гармасар Антонина Михайловна в своем собственноручном заявлении на имя прокурора области, поданном при допросе в ходе предварительного следствия, в том числе и на очной ставке со Штерном, подробно изложила обстоятельства, при которых Штерн получил взятку. Она, в частности, показала, что летом 1968 г. разговаривала со своей соседкой Малеванной Екатериной (она умерла в 1973 году), работавшей тогда в райвоенкомате, о том, что ее сына — Гармасара Александра, у которого неважное состояние здоровья, собираются призвать на переподготовку в Советскую Армию, а она хотела бы, чтобы осмотрел его хороший специалист. Малеванная ответила тогда ей, что знает специалиста и назвала Штерна. Через некоторое время, показывает далее Гармасар А. М., она поехала в Винницу, встретила там с сыном Александром, от которого узнала, что тот не будет призван на переподготовку в армию якобы по ходатайству администрации 18 ГПЗ, где он работает инженером. Об этом Гармасар А. М. рассказала при встрече с Малеванной после возвращения из Винницы. Но Малеванная, выслушав Гармасар, сказала ей, что сыну ее помог подсудимый Штерн и что последний и в дальнейшем при необходимости сможет оказывать ее сыну необходимую медицинскую помощь.

Впоследствии, как об этом сказано, при приезде Штерна в с. Сутиски и встрече его с Малеванной, последняя привела его к Гармасар и посоветовала ей отблагодарить его за все то, что тот сделал и может сделать для ее сына. По совету Малеванной, она, Гармасар, дала Штерну яблок, чеснока. По просьбе самого Штерна, два ведра пшеницы. Затем, услышав слова Штерна: "Это еще не все", она, посоветовавшись с Малеванной, дала ему еще и 200 рублей денег. Штерн, уезжая, просил достать для него краску, чтобы покрасить автомашину. И по этому поводу звонил ей по телефону через несколько дней после отъезда из с. Сутиски (т.1, л. д. 141-143, 158-16.). В судебном заседании она подтвердила эти свои показания и добавила, что перечисленные выше продукты и деньги даны ею Штерну с целью, чтобы он при необходимости оказал бы ее сыну медицинскую помощь, но в этом необходимости не было, и сын у Штерна не лечился

Свидетель Гармасар Александр Михайлович подтвердил, что по направлению военкомата 18 июня 1968 года был на приеме у Штерна, получил в тот же день заключение о состоянии здоровья, на основании которого комиссией военкомата признан негодным к службе в рядах Советской Армии в мирное время и ограниченно годным в военное время. Показал, что спустя два дня по направлению Штерна в поликлинике диспансера ему был произведен анализ на предмет определения основного обмена веществ, результаты которого ему неизвестны. Пояснил, что по поводу тиреотоксикоза нигде постоянно не лечился, Штерн ему никаких назначений от этого заболевания не предписывал, никаких советов для лечения не давал. О деньгах, переданных Штерну, узнал недавно, в ходе предварительного следствия по данному делу.

Свидетель Егорова Л. П. показала, что 20 июня 1968 года к ней, работавшей тогда медицинской сестрой кабинета функциональной диагностики диспансера, по направлению Штерна явился для определения основного обмена Гармасар А. М. Сделав этот анализ и установив, что основным показателем обмена у Гармасар равен + 4%, она результат этот записала своей рукой в журнал учета. На следующий день к ней подошел Штерн, взял у нее ее шариковую ручку с зелеными чернилами и своей рукой в указанном журнале исправил результат на + 44%, т. е. на число, свидетельствующее о наличии у этого человека тирео-

токсикоза средней тяжести или иных серьезных заболеваний. А результат + 4% свидетельствует, что обследуемый человек здоров. Далее Егорова показала, что, не желая иметь неприятности с военкоматом, поскольку считала Гармасара здоровым человеком, она тоже ручкой зачеркнула + 44%, т. е. цифру, поставленную Штерном, поставила + 4%.

Изложенное подтверждено осмотром упомянутого журнала и показаниями подсудимого Штерна, который признал, что своей рукой действительно сделал данное исправление, поскольку на основании личного осмотра Гармасара без каких-либо лабораторных исследований он пришел к выводу о том, что показатель обмена у последнего равен + 44%. Это и результат осмотра Гармасара давал ему, Штерну основание поставить ему диагноз "тиреотоксикоз средней тяжести".

Как видно из заключения судебно-медицинской экспертизы, которая проведена в судебном заседании на основании только клинических данных от 18 июня 1968 года без привлечения дополнительных исследований, диагноз "тиреотоксикоз средней тяжести", поставленный подсудимым Штерном, не убедителен. На основании этих клинических данных, указывается далее в заключении экспертизы, у Гармасара можно было бы заподозрить тиреотоксикоз в легкой форме. В случае установления тиреотоксикоза средней тяжести, врач должен был назначить больному, в данном случае Гармасару, специальную анти-тиреоидную терапию, однако Штерном этого не сделано. В том же заключении указано, что в данное время у Гармасара А.М. тиреотоксикоза не выявлено.

Подсудимый Штерн признал, что он спустя полтора-два месяца после осмотра Гармасара Александра в поликлинике и выдачи военкомату заключения о состоянии его здоровья действительно ездил на своей автомашине в с. Сутиски, где при содействии Малеванной был во дворе дома Гармасар Антонины, получил у нее яблоки, лук, два ведра пшеницы. Что касается денег, то получение их у Гармасар он категорически отрицает. При этом заявил в ходе предварительного следствия, что их могла взять Малеванная (ныне покойная), а в судебном заседании — что Гармасар дала их не ему, а бывшему главврачу областного эндокринологического диспансера Британову (умершему в 1970 году), который, по его утверждению, был тогда вместе с ним (т. 5, л. д. 127). Судебная коллегия эти

утверждения подсудимого считает голословными, не соответствующими действительности, поскольку они опровергаются показаниями свидетеля Гармасар Антонины Михайловны, которая в ходе предварительного и в ходе судебного следствия утвердительно заявила, что вручила 200 рублей лично Штерну и добавила на суде, что Британова или какого-либо другого мужчины с ним тогда не было.

В начале апреля 1973 года по направлению Калиновской районной больницы на консультацию в поликлинику диспансера прибыли пятнадцатилетние подростки Островец Владимир и Василий Калина. Оба они попали на прием к Штерну, который, осмотрев их и убедившись, что оба они страдают физическим недоразвитием, никакого лечения им не назначил, а сказал, чтобы они приехали к нему в другой раз — с родителями и чтобы у родителей были при себе деньги.

Следуя совету Штерна, 9 апреля того же года оба они прибыли снова к Штерну — со своими родителями. В этот раз Штерн снова осмотрел юношей, обнажив их в присутствии матерей — Островец Веры и Калины Анны. Акцентируя внимание последних на половых органах сыновей, он пообещал вылечить их. Затем выписал каждому рецепт. От матерей юношей Штерн получил по 15 рублей. Полученные по этим рецептам лекарства Островец Владимир и Калина Василий принимали дома.

Изложенное подтверждено показаниями свидетелей Островец В. Т., Островца В. П., Калины А. Г., Калины В. В. Факты приема Штерном этих юношей подтверждены записями в амбулаторных карточках (т. 4, л. д. 417, 437 об. — 438).

Подсудимый Штерн утверждает, что денег у Калины А. Г. и Островец В. П. он не брал.

В январе 1972 года по направлению Тростянецкого райвоенкомата на консультацию к Штерну прибыл Мельник Александр со своей матерью Тарановой Марией Дорофеевной. Приняв и обследовав Мельника, Штерн выписал ему рецепт, по которому затем в аптеке были получены необходимые лекарства, и их принимал Мельник по месту жительства. После этого Таранова еще два раза была у Штерна с сыном по поводу состояния его здоровья. Во время второго посещения она дала Штерну 25 рублей в виде взятки.

В ходе предварительного следствия свидетель Таранова М. Д. подробно рассказала, почему, при каких обстоятельствах

она пошла на этот шаг. Она пояснила, что в коридоре поликлиники диспансера слышала разговоры больных, ожидавших приема, что Штерну необходимо платить деньги. Показала, что при первом посещении Штерна он ей сказал: "Чтобы сын был здоров, надо раскошелиться". Она поняла это как предложение дать ему деньги, что и сделала, когда попала к нему второй раз, т. е. дала ему в руки 25 рублей (т.2, л.д. 109-111).

В судебном заседании она эти свои показания частично изменила, указав, что эти деньги даны ею Штерну и за лекарство, которое ей дал последний.

Это ее заявление опровергается не только ее же показаниями, данными на предварительном следствии, но и показаниями ее сына — свидетеля Мельника А.Ф., заявившего, что Штерн никаких лекарств им не давал, а таковые приобретались матерью в аптеке.

Подсудимый Штерн показал, что данного факта не помнит. Записи в амбулаторной карточке Мельника А. Ф. (т. 4, л. д. 501, 507-509) подтверждают то, что Штерн действительно принимал его, назначал ему лечение.

В конце 1972 года по направлению Калиновской районной больницы в поликлинику диспансера прибыл Зеленюк Виктор по поводу физического недоразвития. Здесь он был принят несколькими другими врачами, а затем попал на прием к Штерну (т. 4, л.д. 443-449).

Осмотрев Зеленюка, Штерн ему никакого лечения не назначил, предложил приехать к нему в другой раз с матерью, прихватив деньги.

Когда он прибыл к нему с матерью — Зеленюк Любовью Леонтьевной, Штерн обнажил половые органы сына в присутствии матери, показал их ей и сказал о необходимости лечить сына. Тут же выписал рецепт на лекарство, дал таковой Зеленюк Виктору, а тот дал Штерну 5 рублей денег.

Подсудимый Штерн показал, что факта этого не помнит, но если и дал ему Зеленюк 5 рублей, то это, как утверждает он, Штерн, за укол, который он ввел Зеленюку. Однако данное его утверждение опровергается показаниями Зеленюк Л. М. и Зеленюка В.И.

Обращают на себя внимание показания этих двух свидетелей, данные ими на предварительном следствии. Оба они показали, что после того как Штерн дал им рецепт и они уже собрались

уходить, Штерн сказал: "Так заплатите же мне" и лишь после этого ему были даны деньги (т. 2, л. д. 98 об., т. 5, л. д. 161 об.).

В первых числах января 1971 года житель Бершадского района Маковей Николай Васильевич, в течение ряда лет до этого страдавший тяжелой формой сахарного диабета, по совету своей родственницы Гондарук Т. И. без направления районной больницы обратился к Штерну. Он встретил его на улице, рассказал о своем заболевании и просил принять его. Штерн предложил Маковею следовать за ним на некотором расстоянии, подвел его к своему дому по ул. Осипенко и предложил с наступлением темноты зайти к нему на квартиру. Вечером Маковей зашел на квартиру к Штерну. Штерн осмотрел его в комнате и, ничего не сказав, вышел из нее. А Маковей в этот момент положил на стол под листок бумаги 25 рублей. Возвратившись в комнату и не видя под бумагой денег, Штерн велел Маковею зайти к нему утром следующего дня. В этот раз Штерн направил Маковея на обследование в поликлинику и на прием к другим врачам, принял его сам 12 января и определил на стационарное лечение (т. 4, л. д. 101, 115-119).

Изложенное подтверждено показаниями свидетеля Маковей Н. В., свидетеля Гондарук Т. И. Последняя показала, что обо всем этом ей рассказал Маковей, которого она действительно направляла к Штерну. Со слов Маковей ей известно и о даче им Штерну 25 рублей за оказание содействия в госпитализации.

На вопросы суда Маковей ответил, что Штерн его не лечил, а дал он ему 25 рублей за то, что он, Штерн, при отсутствии направления из районной больницы помог ему определиться на стационарное лечение в диспансере.

Подсудимый Штерн признал, что он при указанных выше обстоятельствах получил от Маковей 25 рублей, направил его на обследование и прием врачей в поликлинику, принял его сам лично в поликлинике и определил на стационарное лечение. Считает, что во всех этих действиях имеется случай частной практики, ненаказуемый в уголовном порядке, а не факт взятки.

Это утверждение подсудимого является необоснованным, потому что Штерн как специалист-эндокринолог лично больному Маковею никакой медицинской помощи не оказывал, а только лишь как заведующий поликлиническим отде-

лением, используя это свое служебное положение, при отсутствии направления из районной больницы у Маковей организовал прохождение обследования его в поликлинике и помещение на стационарное лечение.

18 февраля 1971 года Дзисяк Вера Григорьевна без направления районной больницы по совету своей знакомой Крулицкой А. М. попала на прием к Штерну, который, осмотрев ее, установил диагноз заболевания, направил на обследование в поликлинику (т. 4, л. д. 136-137). За это Дзисяк дала ему 10 рублей.

Спустя некоторое время после этого по рекомендации этой больной к Штерну на прием, тоже без направления районной больницы, прибыла Безносюк Анна Васильевна. Осмотрев ее, Штерн выдал ей направление на обследование и лечение в Винницкую областную больницу им. Пирогова. За это Безносюк дала ему 10 рублей.

Оба эти факта получения денег Штерном подтвердили свидетели Дзисяк В. Г., Безносюк А. В., а также свидетель Круглицкая А. М. Она, в частности, показала, что со слов Малеванной Екатерины (ее фамилия упоминается по эпизоду с Гармасар) ей известно, что Штерн берет от больных деньги. В 1971 году она ходила к Штерну с Дзисяк Верой, советовала последней дать ему деньги во время приема.

Безносюк А. В. показала, что дала Штерну 10 рублей по совету Дзисяк Веры и от последней узнала, что и она, Дзисяк, дала ему 10 рублей.

Подсудимый Штерн не отрицает фактов получения этих сумм денег у Дзисяк и Безносюк, но, как и в случае с Маковей, расценивает это как частную практику, а не взятку, с чем коллегия не может согласиться по мотивам, изложенным выше.

17 февраля 1969 года житель Тывровского района Тузюк Дмитрий Федорович по направлению Тывровского райвоенкомата прибыл в диспансер на консультацию по поводу физического недоразвития (т.4, л.д.144). Вместе с ним приехал и его отец Тузюк Ф.Н. Прождав целый день в поликлинике, они не сумели попасть на прием к Штерну и вынуждены были уехать домой и приехать на следующий день.

Поскольку и в этот раз они не надеялись попасть на прием, Тузюк Ф. Н. вошел в кабинет Штерна, дал ему 10 рублей, и тот

сразу же принял его сына, выписал рецепт на лекарство (т.4, л. д. 146-147).

Данный эпизод подтвержден показаниями свидетелей Тузюков Федора и Дмитрия. Последний, подтвердив все это, показал, что через месяц после того как он ездил к Штерну на проверку, тот просил его привезти ему курицу.

Подсудимый Штерн факт получения 10 рублей от Тузюка не признает.

19 февраля 1971 года, когда на приеме у Штерна по направлению райвоенкомата Сорочук Е.Ф. был вместе с отцом Сорочуком Фокой Ефимовичем, Штерн после выписки рецепта предложил Сорочуку Ефиму выйти из кабинета. Оставшись вдвоем с его отцом - Сорочуком Фокой, Штерн предложил дать ему, Штерну, 30 рублей.

Поскольку у Сорочука Фоки такой суммы денег тогда не было, он дал Штерну имевшиеся у него 19 рублей, а остальную сумму — 11 рублей пообещал доставить ему позже. И действительно, в другой раз через своего сына он передал Штерну 11 рублей. Всего, таким образом, у Сорочука Штерн взял 30 рублей.

Свидетель Сорочук Ф. Е. в судебном заседании подробно рассказал, подтвердил все изложенное выше. Штерн же утверждает, что последний его оговаривает и делает это по подсказке профессора Винницкого медицинского института Зелинского. Свидетель Сорочук Ф. Е., настаивая на своих показаниях, заявил суду, что о профессоре Зелинском вообще не знает ничего.

В первой половине мая 1969 года Шевчук Галина Дмитриевна, страдающая заболеванием щитовидной железы, без направления районной больницы прибыла вместе со своим мужем Шевчуком С. Г. на квартиру к Штерну с просьбой оказать помощь в лечении. В комнате Шевчук Г. Д. дала Штерну 25 рублей и стала рассказывать о своей болезни.

Осмотрев ее, Штерн направил ее в поликлинику для прохождения анализов, 13 мая принял ее в своем рабочем кабинете поликлиники (т. 4, л. д. 189-191), назначил ей лечение.

Свидетель Шевчук Г. Д. подтвердила этот факт. Не отрицает его и подсудимый Штерн, однако расценивает его как случай частной практики.

20 ноября 1967 года, консультируя больного тяжелой формой сахарного диабета инвалида 1-й группы Лозинского Гри-

гория Дмитриевича, подсудимый Штерн выдал ему заключение о его состоянии здоровья для ВТЭК (т. 4, л. д. 224-226), за что получил у Лозинского 10 руб.

Подтвержден данный факт не только показаниями свидетеля Лозинского, но и самим подсудимым. Штерн при этом утверждает, что эти деньги даны ему Лозинским за его профессиональную деятельность, а не в качестве взятки.

В феврале-марте 1972 года Лавренюк Василий Иванович, страдающий гипогенитализмом средней тяжести, без направления районной больницы четыре раза был принят подсудимым Штерном в его рабочем кабинете поликлиники (т. 4, л. д. 237-241). И каждый раз Штерн получал от него по 25 рублей денег, а всего получил 100 рублей.

Все это подтвердил свидетель Лавренюк В. И. Признает получение данной суммы денег от него и Штерн, но при этом заявляет, что Лавренюк давал ему деньги за то, что он, Штерн, вводил ему уколы. Однако это его заявление опровергается показаниями Лавренюка, заявившего суду, что Штерн никаких уколов ему не вводил, а лишь выписывал рецепты, по которым он лекарства получал в аптеках; полученные в аптеках уколы вводились ему по месту его жительства. Таким лекарством, как это видно из записи в амбулаторной карточке Лавренюка, являлся сустанон -250.

В 1970 году Щур Мария Тимофеевна, страдающая заболеванием щитовидной железы, без направления районной больницы явилась в поликлинику диспансера и зашла в кабинет Штерна. Он принял ее без направления, за что получил от нее 10 рублей.

Позже, спустя некоторое время, она еще дважды давала Штерну по 10 рублей, в том числе один раз — за выписку ей рецепта, а последний раз — за направление на консультацию в Винницкий медицинский институт. Вся же сумма взятки Штерну составила 30 рублей.

Свидетель Щур М. Т. пояснила, что первый раз Штерн взял у нее деньги в своем рабочем кабинете поликлиники, а остальные разы — у себя дома, куда она ходила к нему.

Подсудимый Штерн, признав факты получения от Щур денег в сумме 30 рублей, заявил, что считает это частной практикой, а не фактом получения взятки.

4 октября 1973 года Громовой Дмитрий Алексеевич, страдающий эндокринной импотенцией, без направления районной

больницы прибыл в рабочий кабинет Штерна, который в тот же день написал записку в регистратуру, чтобы записали его на прием (т.4, л.д.334). Затем он осматривал Громового в своем рабочем кабинете, там же получал от него деньги три раза — 25, 10 и 10 рублей, а всего 45 рублей.

В судебном заседании свидетель Громовой пояснил, что первый раз дал он Штерну деньги в сумме 25 рублей за то, что последний принял его без направления районной больницы, а два раза — по 10 рублей за то, что Штерн дал ему какое-то лекарство.

Подсудимый Штерн признал факты получения за три раза денег в сумме 45 рублей от Громового, но утверждает, что это была плата за лекарство, которое он давал Громовому.

Проанализировав доказательства по данному эпизоду, судебная коллегия находит, что в качестве взятки Штерном получено у Громового 25 рублей (а не 45 р., как это вменено в вину ему предварительным следствием).

9 марта 1973 года Шевчук Лидия Степановна со своим сыном Шевчуком Иваном без направления районной больницы зашли в рабочий кабинет Штерна. По просьбе Шевчук Л. С. Штерн написал записку в регистратуру с тем, чтобы записали на прием к нему Шевчука Ивана, а затем, когда на последнего была заведена амбулаторная карточка, принял его (т. 4, л. д. 561-565), за что получил от Шевчук Л. С. 10 рублей.

Свидетель Шевчук Л. С. показала, что дала она 10 рублей Штерну за прием ее сына без направления районной больницы и за то, что Штерн сделал сыну ее укол там же в кабинете.

Свидетель Шевчук И. И. подтвердил показания матери и показал, что после того как Штерн сделал ему укол, он, Штерн, сразу же предложил матери заплатить ему. И, когда мать дала ему 10 рублей, Штерн сказал: "Этого мало. Ты скупая".

Подсудимый Штерн признав факт получения 10 рублей денег у Шевчук Л. С., утверждает, что это плата за укол, который он ввел Шевчуку Ивану, и благодарность за его профессиональную деятельность.

12 ноября 1971 года по направлению Тульчинской районной больницы на консультацию к подсудимому Штерну прибыла Терегайло Надежда, 1957 года рождения, в сопровождении своего отца Терегайло Макара Демидовича.

Осмотрев больную и установив у нее заболевание — хрони-

ческий тонзиллит, Штерн выдал ей направление в Винницкую областную больницу на предмет удаления гланд. За выдачу этого направления отец больной – Терегайло М. Д. дал Штерну 10 рублей, при этом подчеркнул, что больше у него денег не имеется.

Штерн же, взяв деньги, сказал: "Ладно. Будете иметь деньги, тогда додадите". Терегайло пообещал это сделать, и через несколько дней привез и вручил Штерну еще 15 рублей.

Всего, таким образом, у Терегайло М.Д. за выдачу направления его дочери в областную больницу для удаления гланд Штерн в виде взятки получил 25 рублей.

Изложенное подтверждено показаниями свидетелей Терегайло М. Д. и Терегайло Н. М.

Подсудимый Штерн данный факт получения взятки отрицает, однако судебная коллегия считает его доказанным.

Всего, по приведенным выше эпизодам взяток, подсудимым Штерном получено денег в сумме 745 рублей.

Кроме того, в вину ему было вменено получение взятки в сумме 10 рублей от Лыхолат М. Д. и факт вымогательства взятки у Литовчук О. Г., однако из-за отсутствия достаточных доказательств вины подсудимого в этом данные эпизоды судебная коллегия исключает из обвинения.

Как указано выше, помимо взяточничества, подсудимый Штерн занимался и мошенничеством. Оно заключалось в том, что он как врач-эндокринолог, принимая больных эндокринными заболеваниями, вместо того, чтобы, обследовав их, установить диагноз и выписав рецепты на получение лекарств, в частности, гормональных препаратов в виде уколов (которые больными должны приобретаться в аптеках и вводиться в манипуляционных кабинетах больницы), лично сам снабжал больных такими препаратами, часто рекламировал их как заграничные, дефицитные, дорогостоящие, в то время как они являлись обычными советскими препаратами, получая за них суммы денег, значительно превышавшие их стоимость;

— вопреки существующему положению лично сам, в своем рабочем кабинете, а иногда и дома, вводил больным гормональные препараты в виде уколов, при этом не отражал ни в амбулаторных карточках больных, ни в журнале учета вводимых инъекций, имевшемся в поликлинике, что именно вводил тому или иному больному;

— чтобы расположить к себе больных и их родственников, он постоянно подчеркивал им, что лечит больных своим особым, штерновским, методом, хотя, как это установлено в судебном заседании путем допроса его самого, допросом почти всех врачей Винницкого областного эндокринологического диспансера, в том числе главного врача диспансера, такого метода лечения больных вовсе не существует.

Злоупотребляя доверием больных и их родственников, подсудимый Штерн мошенническим путем получал от них деньги.

В судебном заседании установлены следующие факты мошенничества, совершенные Штерном при обстоятельствах, изложенных ниже.

19 февраля 1973 года на приеме у него был юноша Оверчук Виктор в сопровождении своей матери Оверчук Анны Антоновны. Обследовав Виктора, Штерн сказал его матери, что вылечит его заграничными препаратами, но для этого ему нужны деньги. В этот раз Оверчук А. А. дала Штерну 25 рублей, а при вторичном посещении 10 рублей. Ее муж Оверчук И. Т., дважды приезжавший с сыном к Штерну, дал ему один раз 10, а второй раз — 20 рублей. Итого от супругов Оверчуков Штерн получил 65 рублей.

Как явствует из записей в амбулаторной карточке Оверчука Виктора (т.4, л.д.8-11) и из заключения медико-фармацевтической экспертизы (т.5, л.д.6-7), ему было выписано лекарство Штерном на сумму 31 руб.20 коп., в том числе препарат сустанон в ампулах на сумму 4 руб.35 коп.

При приемах Оверчука Виктора Штерн ввел ему 4 инъекции сустанона на сумму 5 рублей 80 копеек. Все остальные, выпи- санные Штерном лекарства, — на сумму 25 рублей 85 копеек были получены Оверчуком на руки, и он принимал их дома.

Таким образом, из полученных у Оверчуков 65 рублей Штерн обратил в свою пользу 32 рубля 35 копеек.

Изложенное подтверждено показаниями потерпевшего Оверчука И. Т., свидетелей Оверчук А. А., Оверчука В.И.

Свидетель Оверчук А. А. показала, в частности, что Штерн, пообещав вылечить ее сына, предложил дать ему денег для приобретения дефицитных заграничных лекарств, причем просил ее никому об этом не говорить.

Свидетель Оверчук В. И. показал, что подсудимый Штерн

лично ввел ему 4 укола, название которых он не знает, а инъекции инсулина и другие медикаменты им принимались дома.

Подсудимый Штерн, признав факты получения денег у Оверчуков, заявил суду, что лечил их сына своим особым методом, ввел ему 4 особых комбинированных укола (что именно входит в состав этих уколов, он назвать отказался) стоимостью 7-8 рублей каждый, а поэтому, по его утверждению из полученной им у Оверчуков суммы денег (65 рублей) ему ничего не осталось.

В период со 2 марта по 4 мая 1973 года на приеме у Штерна бывал юноша Лесовой Виталий в сопровождении своей матери Матвиенко Анны Семеновны (т. 4, л. д. 60-63).

Установив заболевание у Лесового — гипогенитализм тяжелой формы с задержкой роста и физического развития, Штерн выписал ему рецепт на лекарство, в том числе на сустанон-250. Поскольку Матвиенко А. С. в аптеках не нашла этого препарата, она снова пошла к Штерну и сказала ему об этом. Он дал ей одну коробку сустанона-250 стоимостью 4 р. 35 коп., за что получил от нее 25 рублей.

У него же Матвиенко получила препарат хориогонин стоимостью 5 рублей 72 коп., дав ему за это 20 рублей.

При третьем посещении Штерн выписал Лесовому рецепт, по которому его мать получила в аптеке сустанон-250, но и в этом случае дала Штерну 10 рублей. Всего таким образом от Матвиенко Штерн получил 55 рублей, а выдал ей лекарств на сумму 10 рублей 07 копеек. Остальную же сумму денег — 44 рубля 93 коп. обратил в свою пользу.

Подтверждено это показаниями потерпевшей Матвиенко А. С. и свидетеля Лесового В.

Подсудимый Штерн признал этот факт, но при этом утверждает, что он вправе был поступать так, поскольку делал все это в интересах больного Лесового.

Во время приема больной Кондратюк Нины Степановны 21-го января 1971 года (т. 4, л. д. 256-257) Штерн выписал ей препарат фепранон стоимостью 52 коп., который тут же вручил ей, за что получил от нее 5 рублей, т. е. на 4 руб. 48 коп. больше его стоимости.

Данный факт подтвердили потерпевшая Кондратюк и сам подсудимый.

10 декабря 1971 года при приеме больного Сушко Петра

1956 года рождения (т. 4, л. д. 305-306) Штерн выписал и вручил его отцу — Сушко Михаилу Антоновичу рецепт на несколько препаратов, в числе которых был тиреоидин. Тут же дал он Сушко два флакона тиреоидина — на сумму 30 копеек, а получил от Сушко 10 рублей. Разница между стоимостью врученных Штерном Сушко двух флаконов тиреоидина и полученной от него суммой денег составляет 9 рублей 70 копеек.

Потерпевший Сушко и сам подсудимый подтвердили этот факт.

В декабре 1972 года, принимая дважды юношу Безносюка Василия (т. 4, л. д. 604-605), подсудимый Штерн за три ампулы сустанона-250, которые он дал его матери Безносюк Вере Леонтьевне, получил 20 рублей, тогда как стоят эти ампулы 4 рубля 35 копеек. Он же лично ввел больному Безносюку Василию два таких укола. Таким образом, из полученных от Безносюк В. Л. 20 рублей Штерн обратил в свою пользу 12 рублей 75 копеек.

Это подтверждено показаниями потерпевшей Безносюк В. Л., свидетеля Безносюка В. А., а подсудимый Штерн заявил, что данного факта он не помнит.

12 июня 1973 года во время приема больного Богуцкого Виктора, 1958 года рождения, Штерн выписал ему рецепт на лекарства, в числе которых был тестостерон-пропионат (т. 4, л. д. 346, т. 5, л. д. 8). Две ампулы этого препарата Штерн дал матери больного Богуцкой А. Г., за что получил от нее 25 рублей. Эти две ампулы в виде уколов введены Богуцкому в больнице по месту его жительства.

При очередном посещении Штерн лично ввел Богуцкому такой же укол. Таким образом, стоимость всех этих трех ампул составляет 4 рубля 56 копеек, а присвоено Штерном по данному эпизоду 21 руб. 44 копейки.

Подтверждено это показаниями потерпевшей Богуцкой А. Г. и свидетеля Богуцкого В. И. Они показали, что Штерн обнажал Богуцкого Виктора в присутствии его матери, акцентировав внимание последней на недоразвитости его половых органов, тут же сказал, что может вылечить его заграничными лекарствами и, обращаясь к Богуцкой А. Г., добавил: "Не скупись. Нужно какую-то десятку потерять".

Подсудимый Штерн не отрицает факта получения денег от Богуцкой, но заявляет, что приведенных выше слов не говорил.

23 сентября 1971 года Безкурский Николай Тарасович вместе со своим сыном Владимиром, 1960 года рождения, был на приеме у Штерна (т. 4, л. д. 352-353). Осмотрев Владимира и установив наличие у него заболевания — гипогенитализма тяжелой формы, Штерн сказал его отцу, что для лечения сына необходимы заграничные лекарства и пообещал дать ему таковые. После этого Безкурский Н. Т. дал Штерну 25 рублей, а тот вручил ему одну коробку префизона стоимостью 2 рубля 30 копеек и 10 таблеток тиреоидина, за что Безкурский еще дал Штерну 7 рублей. Всего же Штерном получено от Безкурского 32 рубля, а выдано лекарств на сумму 2 рубля 50 копеек, присвоено при этом 29 рублей 50 копеек.

Все это подтвердил в суде потерпевший Безкурский Н. Т.

Что касается подсудимого Штерна, то он заявил суду, что данного факта не помнит.

В первых числах марта 1973 года Струк Иван, 1958 года рождения, с диагнозом физическое недоразвитие по направлению Калиновской районной больницы прибыл на прием к Штерну. Осмотрев его, Штерн никаких назначений ему не сделал, а предложил приехать в другой раз с кем-либо из родителей, имея при себе деньги.

Через несколько дней больной прибыл к Штерну со своим отцом — Полищуком Д. И. В этот раз Штерн выписал Струку рецепт на лекарства (т. 4, л. д. 462), которые были затем получены в аптеке. Поскольку одного из выписанных медикаментов — инсулина там не оказалось, Полищук зашел к Штерну и сказал ему об этом. Последний дал Полищуку одну коробку инсулина, за что получил от него 25 рублей, т. е. на 23 рубля больше стоимости такового.

Об этом подробно рассказали в суде потерпевший Полищук Д. И. и свидетель Струк И. Д.

Сам же подсудимый данный факт тоже не отрицает.

В течение 1973 года Коваль Мария Даниловна, как это она подтвердила в судебном заседании, со своим сыном Владимиром, 1958 года рождения, в связи с тем, что последний страдал задержкой роста и полового развития, несколько раз была на приеме у Штерна (т. 4, л. д. 465-472), причем бывали они у него не только в поликлинике, но и дома. Штерн ввел Коваль 4 укола сустанона — на сумму 5 рублей 80 копеек. Однако

получил за это от Коваль Марии 15 рублей, т. е. больше стоимости сустанона на 9 рублей 20 копеек, а также курицу и 30 яиц.

Подсудимый Штерн, признавая данный факт, считает его случаем частной практики и утверждает, что был вправе так поступить, хотя и не имел разрешения на занятие частной практикой.

24 января 1969 года, принимая и осматривая Плясуна Сергея, 1963 года рождения, страдающего гипогенитализмом средней тяжести, Штерн сказал его матери Плясун-Сокур Г. А. о необходимости лечить сына венгерским препаратом и дал ей 4 ампулы хориогонина, за что получил от нее 40 рублей денег, тогда как стоимость их всего 2 рубля 23 копейки, присвоив таким путем 37 рублей 72 коп.

Подтверждено это показаниями Плясун-Сокур Г. А.

Подсудимый Штерн признал факт этот, при этом пояснил, что сам приобрел эти 4 ампулы хориогонина, у какой-то женщины за 40 рублей, а потому такую же сумму взял и у Плясун-Сокур Г. А.

22 октября 1971 года за тестостерон-пропионат и апилак, стоимость которых 3 рубля 83 коп., для Чернецкого Николая Штерн получил у отца последнего — Чернецкого А. И. 15 рублей, т. е. на 11 рублей 17 коп. больше.

Данный факт подтвержден показаниями потерпевшего Чернецкого А. И., показаниями подсудимого Штерна, записью в амбулаторной карточке больного Чернецкого Николая о назначении ему этих лекарств (т. 4, л. д. 558-559).

12 декабря 1971 года при осмотре юноши Полищука Сергея, 1957 года рождения (т. 4, л. д. 404-405), в присутствии его матери Полищук М. П., Штерн обратил внимание на недоразвитость половых органов сына (при этом обнажив их и показав их матери), пообещал вылечить его, сделать из него настоящего мужчину. Тут же добавил, что для этого нужны деньги. Поскольку у Полищук М. П. тогда денег при себе не было, она при вторичном посещении Штерна дала ему 45 рублей, петуха и 30 штук яиц. За это Штерн дал ей 4 пачки апилака, коробку гонадотропина, 2 флакона инсулина и коробку сустанона на общую сумму 13 рублей 78 копеек. В данном случае Штерн обманным путем завладел деньгами в сумме 31 рубль 22 копейки, а также получил петуха и 20 штук яиц.

Подтверждено это показаниями потерпевшей Полищук М. П., свидетеля Полищук С. А.

Подсудимый Штерн показал, что он Полищуку Сергею вводил гормональный препарат, причем без денег, а мать больного платила деньги за лекарство не ему, а в аптеке. Но эти его показания опровергаются изложенными выше доказательствами — показаниями Полищук М. П. и Полищука С. А., которые заявили, что никаких уколов Штерн не вводил Полищуку С. А. и что деньги получал он, а не работники аптеки.

В 1972 году Нечипорук Анна Филимоновна была на приеме у Штерна со своим сыном Анатолием. Осмотрев его, Штерн сказал матери, что для лечения сына необходимы дорогостоящие дефицитные лекарства, которые имеются только у него. Нечипорук А. Ф. тут же дала ему 30 рублей денег в надежде, что он будет лечить сына этими лекарствами. Но затем, уйдя домой и узнав от людей, что Штерн занимается мошенничеством, больше к нему не ходила. Деньги эти так и остались у Штерна.

Обо всем этом подробно рассказала в суде потерпевшая Нечипорук А. Ф.

Что касается подсудимого Штерна, то он, не отрицая данного факта, заявил, что готов в любое время возратить ей эту сумму денег.

13 февраля 1973 года во время приема больного Короля Николая с диагнозом гипогенитализм тяжелой формы (т. 4, л. д. 527) Штерн выписал и вручил его отцу — Королю Савве Г. рецепт на лекарство. С этим рецептом предложил Королю сходить в аптеку, купить лекарства и принести таковые ему в кабинет. Король С.Г., следуя данному совету, купил в аптеке лекарств на сумму 25 рублей, принес их Штерну. Тот снова послал Короля в аптеку за лекарством, дав ему для этого своих 30 рублей. И Король принес ему из аптеки лекарства на эту сумму (т. 4, л. д. 14).

Штерн же выдал Королю для лечения сына пачку сустанона на 4 руб. 35 коп., инсулина на 2 рубля, гонадотропина — на 59 коп. и тиреоидина — на 15 копеек, а всего на 6 рублей 94 коп. Остальное же лекарство, приобретенное на деньги Короля, осталось у Штерна. — на сумму 18 рублей 06 копеек.

Об этом сказали на суде потерпевший Король С.Г. и свидетель Король Н. С. Свидетели Григорук А. А. и Музыка П. Ф. по-

казали, что они в медицинском пункте по месту жительства Короля Н. С. вводили ему по назначению Штерна уколы инсулина и гонадотропина.

Подсудимый Штерн отрицает все это, при этом ссылается на заключение медико-фармацевтической экспертизы (т. 5, л. д. 14), где указано, что Королю Н. С. согласно записей в его амбулаторной карточке, было выписано лекарств на сумму 48 рублей 36 копеек. Однако это его утверждение является необоснованным, поскольку оно опровергается не только показаниями Короля Н. С., Короля С. Г., но и заключением этой же экспертизы, на которое ссылается Штерн.

2 декабря 1971 года при приеме больного Малишевского Анатолия, 1957 г. рождения (т. 4, л. д. 545-546), Штерн у отца этого юноши взял 24 рубля за 2 коробки инсулина, один флакон тиреоидина и одну коробку апилака, стоимость которых 6 рублей 16 копеек, присвоив таким образом 17 рублей 84 копейки.

Подтверждено это показаниями потерпевшего Малишевского П. М., свидетеля Малишевского А. П.

Подсудимый Штерн, давая показания по данному эпизоду, заявил, что не припоминает такого. При этом он обратил внимание суда на заключение медико-фармацевтической экспертизы (т. 4, л. д. 18), в которой указано, что стоимость всех лекарств, выписанных Штерном 2 декабря 1971 года Малишевскому Анатолию, судя по записям в амбулаторной карточке последнего, составляет 19 руб. 85 коп.

Поскольку эта ссылка Штерна на заключение экспертизы опровергается показаниями Малишевских, рассказавших на суде о получении лекарств всего на 6 рублей 16 копеек, судебная коллегия считает доказанным, что Штерн обратил в свою пользу по данному эпизоду 17 рублей 84 копейки.

Итак, всего по пятнадцати эпизодам мошенничества подсудимым Штерном получено у больных и их родственников и обращено в свою пользу денег в сумме 333 рубля 36 копеек.

Кроме этих пятнадцати эпизодов, в вину подсудимому Штерну было вменено еще 4 эпизода мошенничества, связанные с получением денег за лекарства от Байдь И. Л., Денисюка С. М., Гужвы С. И. и Прибеги М. И., однако в судебном заседании не добыто... точных доказательств этому, в связи с чем судебная коллегия исключает из обвинения указанные эпизоды.

Проанализировав все доказательства, взятые в их совокупности, несмотря на то, что подсудимый Штерн как в ходе предварительного следствия, так и в судебном заседании категорически отрицал свою вину во взяточничестве и мошенничестве, судебная коллегия находит утверждения его голословными, необоснованными, а вину в совершении указанных преступлений полностью доказанной показаниями потерпевших, свидетелей, заключениями экспертиз, записями в амбулаторных карточках больных и иными доказательствами, подробно исследованными в судебном заседании.

В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый Штерн прибегал к различного рода уловкам; старался без всяких к тому оснований опорочить некоторых свидетелей; предпринимал меры к тому, чтобы склонить некоторых свидетелей к отказу в суде от данных ими показаний на предварительном следствии; выдвигал ничем не обоснованные врсии об оговоре его свидетелями, утверждал, что уголовное дело против него возбуждено незаконно.

Судебная коллегия, проверив эти его заявления и все имеющиеся в деле доказательства, считает все предпринимавшиеся им действия, жалобы и заявления, попытками избежать уголовной ответственности за совершенные преступления.

Обсудив вопросы юридической квалификации содеянного подсудимым Штерном, судебная коллегия находит, что преступные действия его правильно квалифицированы по ст. ст 168 ч. П и 143 ч. П УК УССР.

Судебная коллегия обсудила доводы защитника подсудимого в части того, что подсудимый Штерн, по его мнению, не является должностным лицом, деньги от больных и их родственников получал как врач, а не как заведующий поликлиническим отделением областного эндокринологического диспансера, а поэтому, мол, не является и не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 168 УК УССР, и считает их неубедительными и противоречащими фактическим обстоятельствам дела.

Судебная коллегия исходит из того, что подсудимый Штерн, как это видно из материалов дела, являлся заведующим поликлиническим отделением областного эндокринологического диспансера, имел в своем подчинении 10 человек медицинского персонала, в том числе 7 врачей, медицинскую сестру, меди-

цинского регистратора, выполнял организационно-распорядительные функции, т. е. являлся должностным лицом и получал от больных и их родственников взятки за действия, выполняемые им как заведующим поликлиническим отделением, а не за оказание больным непосредственно им как врачом-эндокринологом медицинской помощи.

При назначении меры уголовного наказания подсудимому Штерну судебная коллегия в соответствии со ст. 39 УК УССР, руководствуясь санкцией закона и социалистическим правосознанием, обсудила характер и степень общественной опасности совершенных им преступлений, данные о личности виновного, обстоятельства, отягчающие и смягчающие его вину.

Учено, что подсудимым Штерном совершено такое преступление как взяточничество, отнесенное законом к числу особо опасных преступлений.

Вместе с тем учитывается и то, что он ранее не судим, а поэтому коллегия считает возможным назначить ему минимальную меру наказания, предусмотренную санкцией ст. 168 ч.П УК УССР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 323-324 УПК УССР, судебная коллегия —

П Р И Г О В О Р И Л А

Признать виновным и подвергнуть наказанию Штерна Михаила Шаевича

— по ст.168, ч.П УК УССР — лишению свободы сроком на восемь (8) лет с конфискацией всего имущества, без ссылки;

— по ст.143, ч.П УК УССР — лишению свободы сроком на четыре (4) года с конфискацией всего имущества.

На основании ст.42 УК УССР по совокупности совершенных преступлений Штерну М.Ш. определить — лишение свободы сроком на восемь (8) лет с отбытием их в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, с конфискацией всего имущества, без ссылки.

Меру пресечения в отношении осужденного Штерна оставить прежнюю — содержание под стражей в тюрьме № 1 г.Винницы.

Срок отбывания наказания ему исчислять с 30 мая 1974 года.

В силу ст.470 ГК УССР взыскать с осужденного Штерна в доход государства неосновательное обогащение — 745 рублей.

С него же взыскать в пользу потерпевших:

1. Оверчук Анны Антоновны 32 руб.35 коп.
2. Матвисенко Анны Семеновны 44 руб.93 коп.
3. Кондратюк Нины Степановны 4 руб.48 коп.
4. Сушко Михаила Антоновича 9 руб.70 коп.
5. Безносюк Веры Леонтьевны 12 руб.75 коп.
6. Богущкой Анисии Григорьевны 21 руб.44 коп.
7. Безкурского Никифора Тарасовича 29 руб.50 коп.
8. Полищука Дмитрия Ивановича 23 руб.00 коп.
9. Коваль Марии Даниловны 9 руб.20 коп.
10. Плясун-Сокур Галины Андреевны 37 руб.72 коп.
11. Чернецкого Алексея Ивановича 11 руб.17 коп.
12. Полищук Марии Павловны 31 руб.22 коп.
13. Нечипорук Анны Филимоновны 30 руб.00коп.
14. Короля Саввы Герасимовича. 18 руб.06 коп.
15. Малишевского Петра Петровича 17 руб.34 коп.

Взыскать с него же в в пользу государства судебных издержек в сумме 207 руб.71 коп.

Книгу учета основного обмена Винницкого эндокринологического областного диспансера, амбулаторные журналы Слободищенского фельдшерско-акушерского пункта и Хревинского фельдшерско-акушерского пункта возвратить этим лечебным учреждениям, флаконы с таблетками тиреоидина уничтожить. Разные чистые бланки, рецепты, печатанные в пакете № 1; журнал консультаций эндокринолога 18 отделения и другие бумаги, печатанные в пакете № 3, тоже уничтожить; письма, поздравительные открытки, печатанные в пакете № 2, возвратить осужденному Штерну.

Приговор может быть обжалован в Верховный суд УССР через Винницкий областной суд в течение семи суток со дня вручения копии его осужденному.

С у д ь я. Увести подсудимого.

Ш т е р н. Этот приговор заклеит позором тех, кто сеет ненависть к евреям.

ГЛУХАЯ СТЕНА
(Вместо послесловия)

17 февраля 1975 г.

**В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА УССР**

**Копия: ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ № 14 МГКА
адвокату Д.М.Аксельбанту**

З а я в л е н и е

17 января 1975 года я был на свидании с моим отцом Штерном М.Ш., осужденным Винницким областным судом. На свидании отец мне сообщил, что протокол судебного заседания фальсифицирован, о чем он заявил письменный протест. В связи с тем, что произведена магнитофонная запись процесса, я хочу помочь моему отцу доказать его точку зрения.

Направляю Вам стенограммы показаний свидетелей на судебном заседании и прошу приобщить их к делу. Копии магнито-лент с записью процесса будут представлены по Вашему требованию.

В.Штерн

20 февраля 1975 г.

**В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА УССР**

*Адвоката Аксельбанта Д.М. —
защитника Штерна М.Ш.
На приговор Судебной Коллегии
по уголовным делам Винницкого
областного суда от 31 декабря
1974 г.*

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА (дополнительная)

О ПРОТОКОЛЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Статья 87 УПК УССР устанавливает "Протокол судебного заседания ведется секретарем во время судебного заседания".

В материалах уголовного дела по обвинению Штерна М. Ш. нет протокола судебного заседания, который вела в суде секретарь В. Н. Пучкова.

В деле имеется машинописный текст под названием "Протокол судебного заседания", изготовленный вне судебного заседания. Этот текст во многом не соответствует тому, что было сказано в суде. В Винницком областном суде мне был представлен только машинописный текст, на который и были защитой внесены замечания. В т.7, на л.д.271 имеется справка секретаря уголовной канцелярии Винницкого областного суда, в которой сообщается, что осужденный Штерн отказался знакомиться с машинописным текстом представленным ему для ознакомления протокола судебного заседания, заявив, что "ему был представлен не протокол судебного заседания, а машинописный текст, который в судебном заседании не изготовлялся секретарем В.Н.Пучковой".

Заменять протокол, который велся во время судебного заседания другим, изготовленным вне судебного заседания, суд не имеет права.

Роль председательствующего в судебном заседании, подписывающего этот протокол, сводится к тому, что он проверяет правильность содержания протокола, который велся в судебном заседании и утверждает его своей подписью (см.стр.120, Научно-практический комментарий к УПК УССР, Киев, 1974 г., то же в комментарии к УПК РСФСР, Москва, 1970, стр.330), а не изготавливает протокол, как это сделал судья Орловский.

Я привожу это обстоятельство потому в соответствии со статьей 370, пункт 8 УПК УССР, что отсутствие протокола судебного заседания рассматривается как безусловный повод к отмене приговора.

На основании вышеизложенного прошу: Приговор Судебной Коллегии по уголовным делам Винницкого областного суда от 31 декабря 1974 г., которым Штерн М.Ш. признан виновным и осужден по ст.ст.168, ч.II и 143, ч.II УК УССР, отменить и уголовное дело по обвинению Штерна М.Ш. производством прекратить.

25 марта 1975 г.

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда
УССР в составе:**

*Председательствующего – Чайковского Л.М.
членов суда – Карплюка И.К.
Ильчука А.С.
с участием прокурора – Лесного В.И.
и адвоката – Аксельбанта Д.М.*

рассмотрев в судебном заседании уголовное дело по кассационным жалобам осужденного Штерна М.Ш. и адвоката Аксельбанта Д.М. на приговор Судебной коллегии по уголовным делам Винницкого областного суда от 31 декабря 1974 года, о п р е д е л и л а :

Кассационные жалобы осужденного Штерна М.Ш. и адвоката Аксельбанта Д.М. оставить без удовлетворения, а приговор Судебной Коллегии по уголовным делам Винницкого областного суда от 31 декабря 1974 г. в отношении Штерна М.Ш. - без изменения.

2 июня 1975 г.

ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УССР

Ходатайство о помиловании

К Вам обращается жена врача Штерна Михаила Шаевича, 1918 года рождения, отдавшего 30 лет своей жизни служению больным людям.

Приговором Винницкого областного суда от 31 декабря

1974 г. он был осужден на 8 лет заключения в исправительно-трудовом лагере усиленного режима по ч. II, ст.ст. 168 и 143 УК УССР.

За долгие годы своей врачебной деятельности он спас тысячи человеческих жизней, облегчил страдания десяткам тысяч людей.

Прошу Верховный Совет УССР помиловать моего мужа, Штерна М.Ш. в связи с абсурдностью обвинения во взяточничестве и мошенничестве и наличия реальной угрозы для его жизни.

С надежной на истинный гуманизм и торжество справедливости.

И.Штерн-Хигер

28 июля 1975 г.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНСКОЙ ССР

ОТДЕЛ ПО ВОПРОСАМ ПОМИЛОВАНИЯ

252019, г.Киев-19, ул.Кирова, № 5

№ 17233/75

Гр-ке Хигер-Штерн И.А.

Сообщаем, что ходатайство о помиловании Штерна Михаила Шаевича рассмотрено и оставлено без удовлетворения.

Документы возвращаем.

Заведующий отделом

В.Голик

НЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ!

НЕ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЯМ!

НЕ К СЕКРЕТНЫМ ПОЛИЦИЯМ!

ЛЮДИ! МЫ ОБРАЩАЕМСЯ К ВАМ, К ВАШИМ СЕРДЦАМ, К ВАШЕЙ СОВЕСТИ!

НЕУЖЕЛИ МЫ ПРОШЛИ ВЕК ВАРВАРСТВА И ДОСТИГЛИ ЭРЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ЕСЛИ НАСИЛИЕ И САМЫЕ НИЗМЕННЫЕ ИНСТИНКТЫ ПРОДОЛЖАЮТ РУКОВОДИТЬ НАШИМ СУЩЕСТВОВАНИЕМ?!

ДОКТОРА МИХАИЛА ШТЕРНА, КОТОРЫЙ ПОСВЯТИЛ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ОБЛЕГЧЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ, МЕДЛЕННО УБИВАЮТ В СОВЕТСКОМ ЛАГЕРЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА.

ЧТО ЖЕ, МЫ БУДЕМ ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ И ЖДАТЬ ЕГО СМЕРТИ ЕДИНСТВЕННО ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ОН ОТКАЗАЛСЯ СОТРУДНИЧАТЬ С КГБ И ЗАПРЕТИТЬ СВОИМ СЫНОВЬЯМ ПОКИНУТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

КАЖДЫЙ ИЗ НАС, КАЖДЫЙ ИЗ ВАС В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ МОЖЕТ СТАТЬ ЖЕРТВОЙ МАНИПУЛЯЦИЙ ГОСУДАРСТВА.

МЫ НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАЕМ НАПОМИНАТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ВЛАСТИ, ЧТО ВСЕ ИХ МОГУЩЕСТВО ЛЕЖИТ В ПРЕДЕЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

ЭТО НАШ ДОЛГ, ЭТО ВАШ ДОЛГ ПРИСОЕДИНИТЬ СВОИ ГОЛОСА К ТРЕБОВАНИЯМ ОСВОБОДИТЬ ДОКТОРА МИХАИЛА ШТЕРНА!

ЛАУРЕАТЫ НОБЕЛЕВСКИХ ПРЕМИЙ:

К. ДЖ. АРОВ	А. КАСТЛЕР	Р. Р. ПОРТЕР
К. АНФИНСЕН	Сэр Б. КАЦ	Т. РЕЙХСТЕЙН
ДЖ. АКСЕЛЬБРОД	А. КОРНБЕРГ	Ж. П. САРТР
Д. БАЛТИМОР	Г. КРЭБС	А. СЕНТ-ДЖОРДЖИ
С. БЕККЕТ	Л. Н. КУПЕР	ДЖ. ТИНБЕРГЕР
Г. БЕЛЛЬ	А. КУРНАНД	П. УАЙТ
Ф. БЛОХ	В. ЛЕОНТЬЕВ	Г. УАЛЬД
О. ГАССЕЛЬ	Л. ЛЬВОВ	ДЖ. Д. УАТСОН
Г. ГЕРЗБЕРГ	С. ЛУРИА	С. УИГНЕР
Д. ГЛАЗЕР	П. Б. МЕДАВАР	М. Г. Г. УИЛКИНС
Р. ГОЛЛИ	Г. МИРДАЛЬ	Г. УРИ
Р. ГОФСТАДТЕР	ДЖ. МОНОД	П. ДЖ. ФЛОРИ
Ф. ДЖАКОБ	И. МОНТАЛЬ	О. ЧАМБЕРЛАИН
И. ДЖОНСОН	Р. С. МУЛЛИКЕН	Г. ЧЕОРЕЛЛ
К. де ДУВ	Г. НАТТА	М. ЭЙГЕН
Р. ДУЛБЕККО	М. НИРЕНБЕРГ	У. ван ЭУЛЕР
Сэр ДЖ. К. ИККЛИС	М. Ф. ПЕРЕЦ	